Зарубежная фантастика

Опасно: Динозавры!

Сборник научно-фантастических произведений

Издательство «М.И.Ф.»

Опасно: Динозавры!

Ричард Марстен, Мюррей Лейнетер, Фрэнсис Флэгг, Рэй Каммингс, Уильям Тармонд, Франк Лонг, Деннис Плиммер, Джон Чэпмен, Уолтер Кубилиус, Рэймонд Джоунс, Джон Макдональд, Чарльз Дай, Гарри Уолтон, Эандо Биндер

ОПАСНО: ДИНОЗАВРЫ!. Сборник. научно-фантастических произведений
ДИНОЗАВРЫ И ДРУГИЕ ОПАСНОСТИ ВРЕМЕНИ
РИЧАРД МАРСТЕН. ОПАСНО: ДИНОЗАВРЫ!. Научно-фантастический роман
ВРЕМЯЛАЗ
Глава 1. СТО МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД
Глава 2. СКВОЗЬ СИЛОВОЕ ПОЛЕ
Глава 3. БУНТ
Глава 4. ПОСПЕШНОЕ БЕГСТВО
Глава 5. ПЛАН СПАСЕНИЯ
Глава 6. ГИГАНТСКИЕ ЖИВОТНЫЕ
Глава 7. УГОДИВШИЕ В ЛОВУШКУ
Глава 8. ВЫНУЖДЕННЫЙ МАРШ-БРОСОК

Глава 9. ВСТРЕЧА
Глава 10. ПЕРЕПРАВА
Глава 11. ЗЛОБНЫЕ ВОДОПЛАВАЮЩИЕ
Глава 12. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ
Глава 13. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СКАЛ
Глава 14. ПОХИЩЕНИЕ
Глава 15. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
Глава 16. КОНТРЗАГОВОР
Глава 17. КОРОЛЬ ЗВЕРЕЙ
Глава 18. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ
МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР. Катапульта пятого измерения
Предисловие
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
ФРЭНСИС ФЛЭГГ. Машинный человек из ардатии
РЭЙ КАММИНГС, УИЛЬЯМ ГАРМОНД. Заброшенный в пространство
ФРАНК БЕЛНЭП ЛОНГ. Стежок во времени
ДЕННИС ПЛИММЕР. Человек, заблудившийся на тропинках времени
ДЖОН Л. ЧЭПМЕН. Время инкорпорейтед

УОЛТЕР КУБИЛИУС. Необычное дело

РЭЙМОНД Ф. ДЖОУНС. Пит может все исправить

ДЖОН Д. МАКДОНАЛД. Обруч для рыжей красотки

ЧАРЛЬЗ ДАЙ. Убийца во времени

ГАРРИ УОЛТОН. Ужас в чужих измерениях

АЭНДО БИНДЕР. Цилиндр времени

ОПАСНО: ДИНОЗАВРЫ!
Сборник научно-фантастических произведений

Зарубежная фантастика

ОПАСНО: ДИНОЗАВРЫ!

Сборник
научно-фантастических
произведений

Москва «М.И.Ф.»

ДИНОЗАВРЫ И ДРУГИЕ ОПАСНОСТИ ВРЕМЕНИ

Как и в прошлом, двадцатом, веке, тайна времени продолжает оставаться для нас загадкой. Несмотря на то, что наука постоянно развивается, время остается таинственной субстанцией. Пространство для нас понятно и ясно, хотя и тут далеко не все так просто. Но как только мы начинаем рассуждать о времени, так сразу же возникает понятие парадокса, то есть ситуации, невозможной самой по себе. Развитие квантовой физики вроде бы начинает приоткрывать завесу, в которую кутается время, но все еще только начинается.

Так обстоит дело в науке, в фантастике же это несколько иначе. С тех пор, как Герберт Уэллс дал первую концепцию времени и «изобрел» машину для путешествия по нему, возникли сотни, если не тысячи, теорий, вариантов и представлений о времени. Фантасты обживали время едва ли не более интенсивно, чем космос, совершили множество «открытий» на эту тему и придумали еще больше увлекательных сюжетов.

Под обложкой данного сборника встретились тринадцать авторов, как хорошо известных русскоязычным читателям, так и неизвестных вообще, но от этого не менее интересных. Тринадцать — число, считающееся несчастливым, но поскольку все, что касается времени, обретает (вроде бы) форму парадокса, то и для сборника это число кажется наиболее уместным. Итак, кто они, герои, не побоявшиеся бросить вызов самому Времени?

Ричард Марстен нам совсем неизвестен. И то, что это псевдоним американского фантаста Сальваторе Алберта Ломбино (Lombino, Salvatore Albert), нам тоже ничего не говорит. Может, потому, что он был не очень плодовит. Писать начал с пятидесятых годов, но написал всего лишь четыре романа и десятка два рассказов. Роман «Опасно: динозавры!», пожалуй, самый первый, в котором описано сафари во времени: динозавры, охота, опасности, двадцатиметровые хищники и все прочие прелести Юрского периода. С тех пор написано много подобных вещей. Взять хотя бы Л. Спрэга де Кампа с великолепной повестью «С ружьем на динозавров». Но все же Марстен был первым и не подкачал. Роман получился живым, увлекательным. Не обошлось в нем и без пресло-

вутых парадоксов, решенных, опять-таки, весьма оригинально и новаторски.

Мюррея Лейнстера знают все. Много его вещей было у нас переведено, но еще больше осталось пока что не переведенными. Сложно охватить все творчество писателя, жившего и творившего почти целый век. Повесть «Катапульта пятого измерения» написана о путешествии не в прошлое или будущее, а в мир иного измерения. Тема измерений неразрывно связана с темой времени. «В нашем мире много миров», — сказал однажды поэт, а физики подхватили эту мысль и к настоящему моменту даже достаточно успешно доказали ее. Существует много миров на этом же самом месте, где находимся мы, но мы их не видим, потому что они расположены в иных измерениях. Мы их не видим, потому что не способны — пока — проникать за пределы наших трех измерений, но фантасты делают это практически уже сотню лет. Вот в один из таких миров и попадают герои Лейнстера. Но одновременно тут замешаны гангстеры, предатель, гений, девушка, так что выходит достаточно сложная неразбериха, как часто бывает у Лейнстера. Но все кончается хорошо. Или… не кончается.

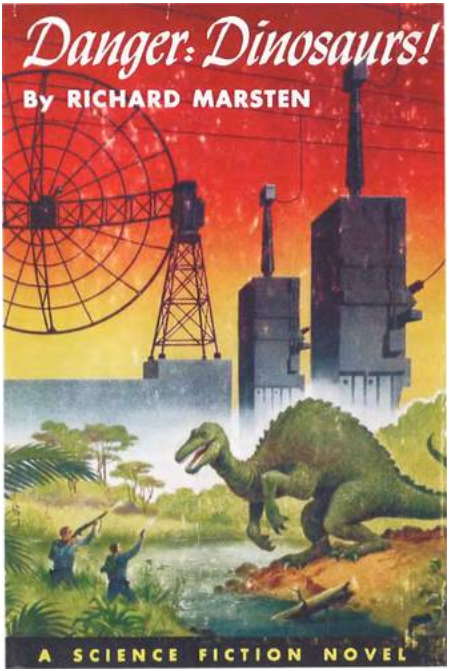
Среди других писателей нам известен Джон

Д. Макдональд («Девушка, золотые часы и все остальное», «Бал в небесах» и еще несколько переведенных ранее произведений), но у него еще осталось чем нас порадовать.

Рэймонд Ф. Джоунс должен запомниться любителям фантастики великолепной повестью «Уровень шума», переиздававшейся неоднократно. Но если кто скажет, что угроза атомной войны, ярко прозвучавшая в его рассказе «Пит может все исправить», ныне не актуальна, то он ошибается. Пока на нашей планете существуют ядерные ракеты и прочие устройства, нас будет все время преследовать призрак всеобщего уничтожения, не стоит об этом забывать. Я уж не говорю о том, что тема «постапокалипсиса» даже слишком распространена в современной фантастике. Но у Джоунса она прозвучала на шестьдесят лет раньше.

Остальные авторы были нам не знакомы, хотя среди них есть такие мастера фантастики, как Франк Белнэп Лонг и Эандо Биндер, заслуживающие отдельных томов, наряду с писателями, незаслуженно забытыми даже в самой Америке. Так давайте познакомимся с ними. И я уверен, что вы не пожалеете об этом.

А. Бурцев.


Danger: Dinosaurs!
By RICHARD MARSTEN
A SCIENCE FICTION NOVEL

РИЧАРД МАРСТЕН
ОПАСНО: ДИНОЗАВРЫ!
Научно-фантастический роман

Ширли, моей теще, с признательностью
С искренней благодарностью доктору Фредерику П. Янгу, геологу, который консультировал меня по Юрскому периоду и затем любезно проверил завершенную рукопись
Р. М.

ВРЕМЯЛАЗ

Представьте себе великое множество перепутанных трубочек, реле, катушек, кнопок, выключателей и дисков. Предположим, что человеческий разум так соединил все это между собой, что получилась машина, способная переходить в другой поток времени.

Назовем эту машину Времялазом.

Предположим, что Времялаз может перенести нас в прошлое. Он может перенести нас во

вчерашний день. А может — в прошлогоднее Рождество. Или еще дальше… чтобы заглянуть через плечо Аврааму Линкольну, читающему какую-то книгу… чтобы увидеть Вэлли Фордж, встать рядом с генералом Джорджем Вашингтоном, затрепетать вместе с Континентальной армией, наблюдая рождение страны… чтобы увидеть Колумба, оказаться на палубе деревянного судна, рассмотреть паруса «Ниньи», «Пинты» и «Санта-Марии» при ярком свете океанского полдня…

И еще дальше в прошлое…

Вернуться к Крестовым походам, к хану Кублаю, к древним египтянам…

А тогда почему бы не к самому началу? Почему не на миллион лет назад, на десять, на сто миллионов?

На Земле изобилие новой, необузданной жизни, изобилие динозавров.

Эра динозавров.

Именно в нее войдем мы на страницах нашей книги. Времялаз в наших руках, мы можем использовать его. Так давайте же вернемся к началу.

Р. М.

Глава 1
СТО МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД

Сперва он увидел дорожный знак, большой, белый, запрещающий. Знак внезапно возник из окружающей высокой травы на фоне бледно-голубого неба, точно вытянутая рука дорожного полицейского. На знаке черными буквами было написано:

«ПРОЕЗД ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ВРЕМЯЛАЗА».

Чак Спенсер посмотрел на знак и провел подрагивающими пальцами по светлым волосам, подстриженным «ежиком». Брат Оуэн попросил, чтобы он подождал возле знака, но прошло уже пятнадцать минут, а Оуэн не возвращался, и Чак стал волноваться.

Он нервно озирался, разглядывая ограду из колючей проволоки, протянутой через покрытое травой поле. Высокое небо над головой походило на голубой китайский зонтик, местами запятнанный напоминающими пучки хлопка облаками.

Умеренный бриз проводил пальцами по траве, заставляя тихонько гудеть насекомых.

Мирная сцена, пейзаж, лишенный всякой напряженности. И все же Чаку хотелось нарушить эту тишину. Ему хотелось прыгать, кричать или бегать по полю.

Он знал, что это глупо. В конце концов, Оуэн ездит к Времялазу каждые две недели. Для брата это обычное дело, вроде как чистить зубы или причесываться. Как-то так.

«Но это не обычное дело для меня», — подумал Чак.

Мысленно он кивнул, соглашаясь с собой, и повернулся, чтобы рассмотреть низкое, длинное здание, словно присевшее на корточки у горизонта. Оуэн вошел в здание, и Чак понимал, что там, вероятно, происходит последняя проверка для допуска к секретным документам дабы удостовериться, что все в порядке.

Чак сжал кулаки и сунул руки в карманы.

«Не будь глупцом», — сказал он себе.

Но не удержался и тут же обернулся через плечо. Где же все? Что их задерживает?

Прежде чем уйти, Оуэн отдал брату исчерпывающие инструкции.

— Минут через пять сюда прибудет группа охотников, — сказал он. — Они станут искать меня, Чак, и начнут волноваться, если не заста-

нут. Только передай, что ты мой брат, что я скоро вернусь. Я быстро.

Очевидно, быстро не получилось. Если точно, то его не было семнадцать минут и тридцать три секунды. И никаких сигналов тоже.

И при этом не прибыли никакие охотники.

На короткий, ужасный момент у Чака возникло чувство, что Времялаз уже заработал. Возможно, Оуэн уже махнул на сколько-то лет в прошлое, и совершенно напрасно ждать брата, которого не будет еще много месяцев.

Он собирался серьезно обдумать это, когда вдалеке послышался шум мотора. Он повернулся и поглядел на большие ворота в ограде из колючей проволоки. Пока грузовик и джип поднимались по склону холма, из кабинок по обе стороны ворот вышли двое полицейских с винтовками, похоже, автоматическими. Грузовик поднял гигантское облако пыли, в котором утонул идущий позади него джип. Когда машины подъехали к воротам, Чак услышал, как один из полицейских крикнул: «Стоять!»

Грузовик резко затормозил, его колеса заскользили на грунтовой дороге.

С того места, где он стоял, Чак увидел большого бочкообразного человека, выпрыгнувшего

из кабины грузовика. На человеке была шляпа, частично скрывавшая его румяное лицо, и белая хлопчатобумажная рубашка с расстегнутым воротом. Из коротких рукавов рубашки торчали мускулистые руки, покрытые темными волосами. У него были темно-карие глаза и нос картошкой, а также толстые губы. В крепких зубах была зажата толстая сигара.

— Где тут Времялаз? — закричал человек. Голос у него оказался хриплым и скрипучим, как будто галька в бетономешалке.

Этот голос прошелся, как наждак, по натянутым нервам Чака, заставив его слегка вздрогнуть.

Один из полицейских подошел к здоровяку.

— Вы как раз на него глядите, мистер, — сказал полицейский.

Здоровяк махнул похожей на окорок рукой на поле за забором, заросшее травой.

— Вы имеете в виду это? А где машина? Я ничего не вижу, кроме травы!

— Пульт управления находится в том здании, — ответил полицейский.

Здоровяк кивнул и вернулся к грузовику. Он уже поставил ногу на подножку, когда обернулся.

— Открывайте ворота, — сказал он. — Дайте

проехать.

Но тут заговорил второй полицейский. Он был крупнее первого и держал винтовку наготове.

— Погодите, мистер, — произнес он. — Сперва покажите ваши документы.

— Что?

— Документы. Это вам не стадион, а правительственный объект.

Здоровяк снял ногу с подножки и положил руку на бедро. На полускрытом полями шляпы лице Чак видел одну лишь широкую улыбку.

— В самом деле? — поинтересовался он.

— Видите знак? — спросил полицейский и кивнул головой на знак, под которым стоял Чак.

— Ну, вижу, — согласился здоровяк.

— Ну, так читайте и плачьте. На нем написано: только сотрудникам Времялаза. Если вы из них, предъявите мне документы. Если же нет, то поворачивайте свои драндулеты и катите домой.

Продолжая улыбаться, здоровяк придвинулся ближе к нему. Теперь Чак увидел, что улыбались у него только губы. Взгляд же был твердым и немигающим.

— Меня зовут Дирк Мастерсон, — сказал он, улыбка по-прежнему не покидала его лицо.

Полицейский посмотрел на него в ответ.

— Это еще не делает вас сотрудником. Меня так зовут Пэт Макдугал. Документы!

— Мистер Макдугал…

— Сержант Макдугал, — поправил полицейский.

— Мистер Макдугал, вероятно, вы меня не поняли. Я сказал, что меня зовут Дирк Мастерсон. Это — моя команда, и мы должны отбыть на Времлазе через тридцать минут по расписанию. Так что предлагаю вам открыть ворота…

Чак услышал, как кто-то крикнул из-за грузовика, закрывшего собою джип:

— Затруднения, мистер Мастерсон?

Мастерсон даже не повернул головы.

— Никаких проблем, Брок, — крикнул он, а Макдугалу бросил:

— Открывай ворота, коп!

От силы его пристального взгляда сержант немного дрогнул.

— Откуда мне знать, что вы не темпо?

— Что?

— Темпоманьяк.

Мастерсон расхохотался, откидывая назад голову.

— Какая чушь, — сказал он, отсмеявшись. — Немедленно откройте ворота.

— Ворота останутся закрытыми, пока я не увижу ваши документы, — уперся Макдугал. — Можете представить, что я — святой Петр.

Мастерсон сжал кулаки, мускулы на руках вздулись.

— Артур! — крикнул он.

Чак заметил движение за ветровым стеклом грузовика. Высокий негр спрыгнул на землю, выбив из нее пятками пыль.

— Да, мистер Мастерсон? — спросил он.

Он был еще крупнее Мастерсона, с широченными плечами и узкой талией. На нем была белая футболка, оттеняющая цвет кожи. На голове с коротко подстриженными волосами была кепка. Лицо с классическими чертами казалось высеченным из черного мрамора. Чак наблюдал, как негр целеустремленно направился к Мастерсону.

— Дай этому идиоту, что он хочет, — проворчал Мастерсон.

— Да, сэр, — кивнул Артур, полез в задний карман и достал пачку бумаг, которые вручил Макдугалу. — Я полагаю, вы требуете их, — сказал он, и на темном лице ослепительно вспыхнули белые зубы.

— Если у вас были документы, почему вы сразу не показали их? — спросил Макдугал, взял до-

кументы и стал их просматривать, пока Артур ждал. — Все в порядке, — наконец, произнес сержант. — Вернитесь в грузовик, я открою ворота.

— Я сообщу о вас, куда следует, — тихо прорычал Мастерсон.

Артур усмехнулся, забирая документы.

— Он лишь выполнял свою работу, мистер Мастер…

— Тебя не спрашивают! — рявкнул Мастерсон.

Усмешка исчезла с лица Артура. В глазах на мгновение вспыхнуло какое-то выражение, но тут же они вновь стали непроницаемыми.

— Да, сэр, — сказал он.

— Иди в грузовик, — скомандовал Мастерсон, повернулся к охране и повторил: — Я сообщу, куда следует.

Макдугал пожал плечами.

— Это ваше дело, мистер. Моя работа состоит в том, чтобы не давать темпо проникать в прошлое. И, насколько я знаю, еще ни один темпо туда не проник. — Он снова пожал плечами. — Сообщайте, куда хотите.

— И сообщу. Сообщу! Надо же, принять меня за темпоманьяка! Из всех оскорблений…

Он повернулся на каблуках и пошел к грузовику, поднимая за собой клубы пыли. Артур уже

садился за руль.

Чак услышал, как из джипа крикнули:

— Все в порядке, мистер Мастерсон?

— Уже едем, — ответил Мастерсон, высовываясь из окна.

Макдугал вернулся в кабинку охраны и нажал выключатель. Что-то тихонько загудело, и ворота заскользили назад.

Грузовик ожил, двигатель его взревел, разбивая окружающую тишину. Джип добавил свой голосок к общему шуму. Раздался скрежет, когда Артур включил первую передачу. Грузовик с джипом проехали через ворота, и они скользнули за ними на место.

Чак шагнул от знака и махнул рукой. И продолжал махать, пока грузовик не остановился буквально в трех футах от Чака. Мастерсон высунул голову в окошко.

— В чем дело? — раздраженно спросил он. — Еще один «Страж Ворот»?

— Чак Спенсер, — представился Чак. — Мой брат — Оуэн Спенсер, проводник экспедиции.

— Ну, и где же сам Оуэн? — потребовал Мастерсон. — Мы и так потеряли дьявольскую кучу времени с этим дебилом в воротах.

Взгляд Чака на мгновение дрогнул, его гла-

за встретились с глазами Артура за ветровым стеклом.

— Он только делал свою работу, — сказал Чак. — Темпо более многочисленны, чем вы думаете.

Мастерсон пожал плечами и перекатил в зубах сигару.

— Где твой брат?

— Будет здесь через пару минут. Он попросил меня проследить, чтобы вы поставили машины поближе друг к другу. Мы скоро отбудем.

— Ты хочешь сказать, джип нужно поставить возле грузовика?

— Ну, да. Наверное.

Мастерсон выпрыгнул из кабины и закричал:

— Подъезжай сюда, Брок.

Джип объехал грузовик по широкой дуге и встал рядом с ним. В нем было двое мужчин и молодая девушка на переднем сидении.

Водитель затянул ручной тормоз и вышел из джипа.

— Что там были за проблемы? — спросил он Мастерсона.

— Маленький человек с большой пушкой, — усмехнулся Мастерсон, — потребовавший у нас документы. — Он помахал в воздухе своей ручищей. — Ты же знаешь, Брок, как может достать

мелкий чиновник.

Его собеседник кивнул. Он был высоким, худым, в черных слаксах, гачи которых были заправлены в высокие черные ботинки. Рубашка его была серой, а горло и лицо поразительно белыми, оттененными более темной одеждой. Длинная нижняя челюсть, длинный нос и блестящие черные глаза, которые нервно ощупывали Мастерсона, довершали картину. Брови его казались черными ранами на лбу. Он чем-то напомнил Чаку стервятника.

— Ну, — спросил он, — где наш проводник?

Чак вышел вперед и протянул ему руку.

— Меня зовут Чак Спенсер. Нас поведет мой брат Оуэн.

Худой взял руку Чака, вяло пожал и тут же отпустил.

— Я Брок Гардель, помощник мистера Мастерсона.

Чак кивнул и хотел что-то сказать, но Мастерсон его перебил:

— Ну, и где задержался твой брат, сынок?

— Не знаю. Я думаю, он…

— Ну, ему бы лучше поторопиться. — Мастерсон взглянул на часы и сжал губы. Потом посмотрел на здание у горизонта. — Это не он там?

От здания в их сторону двигалась какая-то фигура.

— Это Оуэн, — радостно подтвердил Чак.

Оуэн махнул рукой, и Чак замахал в ответ, глядя, как брат направляется к ним широкими шагами. Он был заметно выше Чака, рост его шесть футов два дюйма против пяти с половиной у Чака. Волосы такие же светлые, но гораздо длиннее, и спадали на лоб непослушными вихрами, пока он быстро шел к ним по высокой траве.

— Эй! — позвал он, когда подошел достаточно близко.

— Что задержало вас? — поинтересовался Мастерсон.

— Обычная проверка, — вздохнул Оуэн. — Вечная головная боль.

Он провел рукой по волосам Чака.

— Со всеми познакомился? — спросил он.

Чак быстро взглянул на девушку и человека, которые все еще оставались в джипе, и ответил:

— Почти.

— Вот и отлично, — кивнул Оуэн.

Он взглянул вслед за Чаком на джип и только сейчас заметил девушку.

— Ваша племянница идет с нами? — спросил он Мастерсона.

— Конечно, — ответил Мастерсон. — Я думал, вы поняли это с самого начала. — Он слегка нахмурился. — У вас ведь нет никаких возражений, не так ли? У меня оформлены документы и на нее.

— Никаких возражений, — улыбнулся Оуэн, — кроме… Ну, в общем, место, куда мы направляемся, спокойным не назовешь, я был там и…

— Дениз — сильная девушка, — сказал Мастерсон. — Она прекрасно держится в таких ситуациях.

— Хорошо, раз вы так говорите.

Мастерсон взглянул на Чака.

— Не думал, что с нами отправится ваш брат, — заметил он.

— Я добился разрешения правительства на него, — усмехнулся Оуэн. — По документам он мой ассистент. — Оуэн заметил выражение лица Мастерсона и поспешно добавил: — Я уверен, что Чак будет полезен на охоте. Это его первая поездка, но он знает доисторических животных не хуже, чем обитателей фермы.

— Правда? — удивленно поднял брови Гардель.

— Я знаю некоторых, — пробормотал Чак.

— Некоторых? — рассмеялся Оуэн. — Да он может назвать любое животное, которое когда-либо

ходило по земле. — Он помолчал, затем сказал: — И он мог бы нарисовать большинство из них.

— Ну, Оуэн, это не совсем так… — пробормотал Чак.

— Когда мы отбываем? — перебил его Мастерсон.

Оуэн взглянул на часы.

— Приблизительно через четырнадцать минут. Позовите сюда всех, мне нужно объяснить вам несколько правил.

— Собери всех, Брок, — велел Мастерсон.

Гардель махнул человеку в джипе.

— Пит, иди сюда. Дениз, вы тоже, — кивнул он девушке. — Пит — наш повар, — объяснил он Оуэну.

У Чака появилась хорошая возможность рассмотреть повара и племянницу Мастерсона, пока они шли к ним от джипа. Вместе они составляли поразительный контраст друг с другом.

Череп Пита венчала пламенная корона огненно-рыжих волос. Он был тучным коротышкой и ковылял рядом с Дениз, словно ее любимая утка. Его зеленые глаза искрились, а лицо было усыпано тысячами веснушек, словно кто-то разбросал их по коже в полном беспорядке.

У Дениз были блестящие светлые волосы,

щедро отражающие солнечные лучи. В противоположность Питу она была высокой и стройной, волосы были достаточно коротко острижены, так что открывали шею, а глаза были карими. Она счастливо улыбалась, чувствуя себя в их тесном кругу вполне комфортабельно.

— Я расскажу вам несколько простых правил и объясню, зачем они нужны, — без предисловий начал Оуэн. — Обсуждению они не подлежат. Это правительственные постановления, имеющие силу закона, и я наделен полномочиями взять под арест любого, кто нарушит их во время поездки. Это понятно?

Помолчав, он откашлялся и продолжил:

— Во-первых, когда мы попадем в прошлое, никто не должен стрелять ни из чего, кроме фото — и кинокамер. Причина проста: если бы охотникам разрешили палить во все подряд, то к нашему времени исчезли бы многие виды животных, предков которых мы бы перебили. Запомните: настоящее держится на прошлом. Любое изменение в прошлом обязательно затронет настоящее. Поэтому никакой стрельбы. Только кинокамеры. — Он улыбнулся и добавил: — Я уверен, что вы привезете домой много отличных фильмов.

— Продолжайте, — сказал Мастерсон. — Валяй-

те дальше.

— Во-вторых, никто не должен на три фута подходить к силовому полю.

— К чему? — спросил Гардель.

— Энергетическая защита, окружающая область величиной с квадратную милю. Невидимая стена, которая не пустит зверей к нам, а нас — наружу. Я не хочу рисковать коротким замыканием, поэтому никто не подойдет к ней ближе трех футов. Это второе правило.

— Это напоминает школу для трудных подростков, — криво усмехнулся Мастерсон. — Подумать только, я заплатил деньги — и, надо заметить, немалые деньги, — чтобы вернуться в свое прошлое.

— Сожалею, — улыбнулся Оуэн, — но правилам будут подчиняться все.

— Хорошо, и каков ваш следующий указ? — спросил Мастерсон.

— Очень просто: во время поездки я приказываю, и все повинуются. Это — все.

— Этого и так достаточно, — сказал Мастерсон с нехорошей улыбочкой на губах.

— Всем понятно? — спросил Оуэн.

Хор голосов выдохнул: «Да».

— Прекрасно! — Оуэн взглянул на часы. — Пора

садиться в машины и готовиться к переброске, — сказал он. — Весь процесс происходит автоматически. Но нужно немного подвинуть машины.

— Куда? — спросил Артур.

— Видите впереди белые блоки? Подайте вперед, пока передние колеса не коснутся их.

Артур тронул грузовик, Оуэн вскочил на его подножку, махнул рукой и крикнул:

— Ставьте джип рядом.

Грузовик остановился, коснувшись передними колесами белого блока. Гардель сел в джип и поставил его рядом с грузовиком.

Оуэн снова посмотрел на часы.

— Осталось около четырех минут. Видите четыре красных блока на земле? — Он показал на четыре больших бревна, полузарытых в землю и образующих большой квадрат. — Если бы встанем внутри во время переброски, то все будет прекрасно. — Он замолчал и опять взглянул на часы. — Есть какие-либо вопросы?

— Вопросов море, — сказал Мастерсон. — Как все это работает?

Оуэн коротко рассмеялся и ответил:

— Все это спрашивают. Но, правда, я не знаю.

— Не знаете?

— Не поймите меня превратно. Я, конечно, немного знаком с основными принципами перемещения во времени, но я не знаю, что заставляет тикать этот громадный механизм. И я не думаю, что хоть кто-то знает все подробности.

— Ну, и каковы тогда принципы? — спросил Мастерсон.

— Ну, мы должны изобразить время как… — Оуэн почесал затылок. — Нужно подумать, как бы получше все это вам объяснить. — Он думал несколько секунд, затем продолжил: — Ну, можно представить время как запись фонографа. Пластинка с бороздками в воске. Пластинка вращается. Вы ставите иголку на самую дальнюю от центра бороздку, и постепенно она прокладывает себе путь к центру. Картина понятна?

— Да, — с сомнением в голосе согласился Гардель.

— Хорошо. Поехали дальше. Представьте себе, что самая далекая от центра бороздка — прошлое, а самая близкая — настоящее. Когда мы проигрываем пластинку, то игла путешествует из прошлого в настоящее.

Оуэн снова взглянул на часы.

— Нужно поторопиться. Скоро мы отправляемся.

— Я все равно не понял, — отмахнулся Мастерсон.

— Все очень просто. Большинство из нас ошибочно считает, что прошлое давно исчезло. Но если мы сравниваем время с пластинкой, то можем увидеть, что прошлое так и осталось там, сосуществуя с настоящим. Например, когда мы проигрываем пластинку и первые такты песни прозвучали, а игла ушла дальше, но они вовсе не умерли и не исчезли. Они так и остались на пластинке. И все, что нам нужно сделать, — это переместить иголку в первую бороздку, и мы услышим начало песни снова и снова.

— Вы пытаетесь нам сказать, что прошлое существует прямо сейчас, как и настоящее? — поинтересовался Гардель.

— Верно. Все, что делает Времялаз, это перемещает иглу. Другими словами, он обманывает пластинку, перемещая иглу от центра в более далекие бороздки, которые и являются прошлым.

— Но как?

— Толкая ее по пластинке, — ответил Оуэн. — Когда играет фонограф, резкий толчок может заставить иголку скользнуть по пластинке. Здесь тот же принцип. Мы получим серию резких ударов, настолько быстрых, что даже не ощутим их.

И каждый удар отбросит нас в прошлое, как игла, перескочившая по пластинке через несколько бороздок. И с каждым ударом мы окажемся все дальше и дальше в прошлом.

Оуэн снова посмотрел на часы.

— Начинаем через десять секунд. Боюсь, здесь я должен прерваться. — Лицо Оуэна стало серьезным, и он не спускал глаз с секундной стрелки часов на запястье.

— Девять секунд, — сказал он. — Стойте неподвижно.

Чак почувствовал, как что-то сжало его горло. До сих пор он сдерживал эмоции, но сейчас они были готовы выплеснуться наружу. Сейчас они полетят назад, в прошлое, к началу времен!

— Восемь секунд!

Его сердце забилось еще быстрее. Он прикусил нижнюю губу. Его взгляд упал на высокую траву, и он подумал о том, во что же она сейчас превратится…

— Шесть, пять…

— И кто управляет всем этим? — спросил Мастерсон.

— Диспетчерская, — ответил Чак и удивился, что еще может говорить.

— Три, два…

— С нами Бог, — тихонько прошептал Артур.
— Один…

Глава 2
СКВОЗЬ СИЛОВОЕ ПОЛЕ

Чак сперва решил, что это колотится сердце. Казалось, разом исчезли все звуки — пение кузнечиков, далекая пульсация воздуха от двигателей пролетающего самолета, гудок идущего вдалеке поезда — всего, всего мгновенно не стало. Затем так же резко звук вернулся, но не сразу, а короткими волнами, стихающими и нарастающими. И эти удары сопровождались слабыми вспышками света.

Чак стоял неподвижно, не смея шелохнуться, едва осмеливаясь дышать. Звуковые удары били ему в уши. Ничего вокруг отмеченного бревнами квадрата не стало видно, кроме мерцающего света. Чак понял, что это и были «толчки», о которых только что сказал им Оуэн. И каждый «толчок» уносил их все дальше в прошлое. Множество красок искрились вокруг — зеленых, красных, темно-синих. Несколько раз Чаку казалось, что он различает в окружающем мерцании какие-то движущиеся фигуры. Цвета кружились вокруг и

плясали: белый, черный, черный, оранжевый, все быстрее и быстрее по мере того, как они летели в прошлое.

Честно говоря, Чак был несколько разочарован. Он ожидал чего-то более зрелищного, более драматичного. Гигантскую машину с громадными дисками, рычагами и переключателями, с суетящимися возле нее учеными в белых халатах; то и дело вспыхивающие молнии, легкое покалывание электричества, и, конечно же, громадный экран, на котором проходили бы картины прошлого. Он думал увидеть крестовые походы, Колумба, пересекающего на легких суденышках океан, или войну за Независимость. А потом громадные диски перестали бы вращаться, гул машины затих. Он, Чак, нажал бы нужную кнопку, открывающую широкие двери машины, и все вышли бы в прошлое…

Но вместо этого были лишь буйные краски и беспорядочные звуки, бьющие в уши.

И даже это закончилось.

Звуки исчезли, цвета испарились. Чак несколько раз моргнул и огляделся. Исчезла ухоженная, хотя и высокая, трава Времялаза. Исчезли белые блоки. Четыре красных блока, полузакопанные в землю, тоже исчезли. И не было больше на

горизонте приземистого здания управления Времялазом.

Земля с более пышной растительностью стала чужой даже на первый взгляд.

— Ну вот, — тихонько сказал Оуэн. — Теперь мы в Юрском периоде Мезозойской эры, примерно на сто миллионов лет назад в прошлом.

Все казались ошеломленными. Осматривались и ничего не говорили. Первым нарушил молчание Гардель.

— Что такое Юрский период? — спросил он. — И Мезо… Мезо… — что?

— Мезозойский. Это геологические периоды. Мезозойский означает «промежуточная жизнь». Геологи так называли эту Эру, потому что в ней появилось очень много различных форм жизни.

— А Юрский?

— Один из периодов Мезозойской эры, — улыбнулся Оуэн, — получил свое название от гор Юры между Францией и Швейцарией, где были открыто и хорошо изучено много скал этого периода.

— Оуэн щелкнул пальцами. — Нужно сразу же включить силовое поле. Это не просто так называют эрой динозавров.

Оуэн сбросил с плеч лямки и поставил на землю увесистую упаковку. Отвернув сверху пару

винтов, он снял крышку и открыл панель с многочисленными циферблатами. Там были также две кнопки. Оуэн нажал одну из них и стал медленно подкручивать какой-то диск.

— Теперь энергия окружает нас, — пояснил он, — как зонтик. Как только он очистит первый метр… — Он глянул вперед и добавил: — Вот именно, там.

Он щелкнул другим диском и стал поворачивать его, на этот раз быстрее.

— Теперь силовая стена движется по земле и отгонит любое животное, которое встретит на своем пути. И она будет расширяться до тех пор, пока не превратится в круг радиусом в одну милю. Так что у нас будет много места, где можно ходить безопасно.

— Как невидимый, перевернутый круглый аквариум, — уточнил Артур.

— Да, вот именно так, — сказал Оуэн, глядя на циферблаты. — Или как навес из чистой энергии.

— А откуда вы знаете, что в защищенном пространстве не будет никаких животных? — спросил Мастерсон.

— Я опустил силовое поле вплотную к земле, — принялся объяснять Оуэн, наблюдая за

приборами. — Электрические разряды по мере расширения поля отгонят все живое. Можете быть уверены, что эта площадка будет очищена. — Не отрывая взгляд от приборов, он нажал на панели вторую кнопку. — Все готово. Теперь можно расходиться.

Внезапно все, казалось, осознали, где находятся, и глядели вокруг, потеряв дар речи; их глаза жаждали подробностей.

Они были у начала времен. Мир был юн и свеж, и дикая местность, состоявшая из странных деревьев и скал, казалась такой же чуждой, как самая далекая планета.

Чак сглотнул, его взгляд блуждал. Землю повсюду покрывали папоротники, от которых, как дым, поднимались плотные слои тумана. Земля под ногами шла под уклон, грунт состоял из темносерого сланца с крупнозернистым известняком и песчаником. Вдалеке, среди высокой растительности что-то двигалось. Чак видел неясные силуэты животных, бродивших по краю силового поля. Дрожь предчувствия пробежала у него по позвоночнику.

Из земли торчали гигантские хвощи, внешне напоминающие пальмы с короткими стволами и пучками длинных листьев. Кроме того, Чак с

удивлением увидел сосны и другие вечнозеленые растения. Местами, как взрывы красок на монотонно-зеленом холсте, росли кусты, усыпанные крупными цветами. Это были, как вспомнил Чак, прадеды покрытосеменных растений, которые в настоящее время составляют девять десятых всех наземных растений.

Воздух был насыщен какими-то миазмами, бьющими в ноздри с почти физической силой, заставляя их сжиматься от отвращения. Влажность висела в воздухе с той тяжестью, что предшествует летней грозе. Тем не менее, ярко светило солнце, пробиваясь тяжелыми золотистыми лучами к земле сквозь плотный покров растительности.

Веерообразные листья вечнозеленых растений были развернуты к солнцу. Чак узнал среди них гинкго и адиантум с мясистыми фруктами и съедобными орехами.

Глаза его воспринимали все это, а сам он был преисполнен смешанным чувством удивления и страха. Тем не менее, он знал, что перед ним всего лишь пустая сцена. Актеры все еще прятались за кулисами, ожидая нужного момента для появления. Их смутные тени он и видел на границе силового поля — тяжелые, неповоротли-

вые фигуры, характерные для Юрского периода. Динозавры.

Он снова посмотрел на стену растительности и попытался себе представить стегозавра, жующего листву, или зауропода, расхаживающего среди деревьев. Но ничего не получалось. Эти существа все еще были для него чем-то воображаемым, просто теорией, которую ученые вывели из древних костей. Он знал все названия, перед глазами у него были картинки с изображением любого из них, но все равно это оставалось неживым, книжным. Подсознательно его разум проводил строгую границу между воображением и действительностью. Кости, книги, теория — все это части действительности. А вот сами гигантские динозавры все еще оставались нереальными, каковыми и останутся, пока он не увидит их живыми.

Так или иначе, Чак с нетерпением ждал этого. Он лелеял фантазии о чудовищах, тайно вынашивал их в своей голове, так же, как тайком приносил в школу жаб, когда ему было двенадцать. У него было предчувствие, что все теории ошибаются, что чудовища наяву могут оказаться крошечными ящерками вместо гигантских исполинов. Он не хотел, чтобы рушились его мечты,

поэтому не стремился проверять теорию.

— И что здесь настолько ужасного? — спросил Мастерсон, нарушая тишину. — То же самое может быть в Африке или в любых других нехоженых местах.

— Может быть, — тихо сказал Оуэн. — Но это не Африка. Это Америка, мистер Мастерсон. Америка за много лет до появления самого первого человека.

— Вот их я хотел бы увидеть, — загорелся Пит, сверкая зелеными глазами. — Настоящих пещерных людей.

— В Юрском периоде еще не было людей, — возразил ему Оуэн. — Как мы теперь точно знаем, первые люди появились в кайнозое, примерно через девяносто девять миллионов лет спустя с этого времени.

— Кайнозой? А это что? — спросил Гардель.

— Кайнозой означает «Современная жизнь». Это наше время. Вы должны помнить, что Человеку всего один миллион лет. А сейчас мы не в современности. Должно еще пройти очень много веков, прежде чем на Земле появится Человек.

— Значит, мы должны были отправиться в кайнозой, — заявил Мастерсон. — Мне тоже хотелось бы увидеть пещерных людей.

— Путешествия в любые времена, населенные Человеком, запрещены законом, — процитировал Оуэн.

— Но это просто позор, — сказал Артур, тряхнув массивной головой. — Древние люди очень интересны.

— Пожалуйста, заткнись, Артур, — рявкнул Мастерсон.

В глазах Артура опять сверкнула вспышка гнева. Казалось, он собирался что-то ответить, но отвернулся. Чак обернулся к Мастерсону, пытаясь понять, чем вызвана его нападка на негра. Но в глазах Мастерсона плескалось безмятежное спокойствие. Он уже забыл, что только что сказал.

— Это наша дичь? — Он махнул рукой в направлении смутных теней.

— Да, — слегка оживился Оуэн. Чак понял, что брат тоже услышал, как Мастерсон разговаривает с Артуром, и ему это тоже не понравилось.

— Прекрасно, — воодушевился Мастерсон. — Мы вроде бы на охоте, так что давайте начнем охотиться. Мне это стоило кучу денег.

— Которые пойдут на благие дела, мистер Мастерсон, — заметил Оуэн.

— Вот как? На что же именно?

— Фонды, состоящие из заработанного на част-

ных охотничьих экспедициях, позволяют нам финансировать научные экспедиции. Мы уже узнали очень много о прошлом.

— Хорошо, — прервал его Мастерсон. — Давайте хотя бы поглядим на тех животных.

Он пошел к джипу и сел за руль.

— Прежде чем мы сойдем с этого места, — сказал Оуэн, — нужно его отметить. Вы привезли краску, как я просил?

— Конечно, — кивнул Мастерсон, поворачивая ключ зажигания. — Она в грузовике.

Оуэн подошел к грузовику, откинул задний борт и стал рыться.

— Справа у задней двери, — быстро сказал Мастерсон. — Не надо там все разбрасывать.

— Я уже нашел, — ответил Оуэн, отходя от грузовика с банкой белой краски и кистью. Вскрыв банку, он обмакнул кисть в краску и стал рисовать на земле большой белый квадрат. — Отметим наше место, — произнес он и посмотрел на часы. — Мы здесь уже минут десять, значит, прибыли примерно в два пополудни. Ровно через неделю мы должны быть на этом пятне. И тогда нас вернут в настоящее.

— В настоящее? — переспросил Гардель.

— Ну, на самом-то деле мы отправимся в бу-

дущее. Я имел в виду наше время, в котором мы живем.

— Поехали, — махнул Мастерсон. — Давайте прокатимся. Можете следовать за мной в грузовике. Мне не терпится увидеть все своими глазами.

Джип прыгнул вперед, как вырвавшийся на свободу жеребец. Мастерсон сидел за рулем, сдвинув шляпу на затылок. Джип наехал на камень и подпрыгнул высоко в воздух, потом упал на передние колеса и чуть не перевернулся. Усмехнувшись, Мастерсон резко крутанул руль, чтобы не налететь на пень, и снова нажал на газ.

Чак заметил, как Оуэн поднял брови, а в его глазах появилось беспокойство.

— В чем дело, Оуэн? — спросил он.

— Не нравится мне, как он ездит. Здесь дикие земли, Чак. И мне не нужны никакие несчастные случаи. — Он замолчал, повернулся и пошел к грузовику. — Нужно поехать за ним.

Он запрыгнул в кабину грузовика, Чак сел рядом.

— Мы скоро вернемся, — крикнул Оуэн остальным. — Пожалуйста, не стесняйтесь, можете ходить, где хотите.

Он повернул стартер, заработал двигатель, заскрежетала коробка передач. Грузовик тронулся,

направляясь за маленьким джипом впереди.

— Он гонит, как сумасшедший, — удивился Чак.

— Я не могу его догнать, — сказал Оуэн. — Куда он собирается…

— Силовое поле! — закричал Чак. — Представь, что он…

— Держись…

Оуэн не договорил. Его руки сильнее вцепились в баранку, нога утопила педаль газа до предела. Чак увидел, как листва на деревьях превратилась в сплошное зеленое пятно, широкие листья пальм хлопали по ветровому стеклу, когда грузовик продирался сквозь них. Он качался и подпрыгивал на камнях и пеньках, то и дело попадал в глубокие выбоины, из которых его выносила скорость и широкие колеса. Джип прыгал впереди, как лодка в бурном море. Мастерсон цеплялся за руль, словно это был спасательный пояс.

— Покричи ему, — с тревогой в голосе попросил Оуэн. — Скажи, что он несется прямо на силовое поле.

Чак выбрался из кабины на подножку, цепляясь за открытую дверцу и уворачиваясь от листьев, свисающих с огромных деревьев почти до земли.

— Мистер Мастерсон! — закричал он.

Его голос, пробившись сквозь рев двигателя грузовика, полетел между деревьями и отразился эхом от скал.

— Мистер Мастерсон! Силовое поле! Вы едете прямо на него!

— Ради Бога, останови его, Чак! — прокричал Оуэн.

— Мистер Мастерсон! — изо всех сил проревел Чак, держась за дверцу, пока грузовик скакал по земле. — Остановитесь! Силовое поле!

Мастерсон повернул к нему голову и, казалось, услышал. Он вскочил, как человек, которого ткнули в зад булавкой, и внезапно выпрыгнул из джипа, ударился ногами о землю, упал и несколько раз перевернулся.

Опустевший джип продолжал лететь вперед, подскакивая на неровностях почвы.

— Чак, — выдохнул Оуэн, — сейчас джип врежется в силовое поле.

Джип понесся по плоской скале, выступающей из земли, как трамплин для прыжков, на мгновение, казалось, замер на ее краю и полетел вниз.

— Держись, Чак! — закричал Оуэн.

Послышался треск разрядов, на пару мгновений джип окутался ореолом искр, прошел юзом несколько футов по земле, пока его волокла инер-

ция, и замер в гуще папоротников.

— Он все-таки сделал это, — с трудом проговорил Оуэн.

— Что, Оуэн?

— Ты видел искры? Джип все-таки врезался в наше силовое поле, и металл закоротил его. Здоровенное короткое замыкание!

— Ч-что нам делать? — заикаясь, спросил Чак.

— Не знаю, сперва подберем этого идиота с куриными мозгами. Из всех глупых выходок…

Оуэн не договорил. Лицо его стало темно-багровым от ярости. Он сжал губы и подъехал туда, где Мастерсон сидел на земле, положив локти на колени.

Оуэн остановил возле него грузовик и высунулся из окна.

— Помните правила, которые я перечислил, прежде чем мы отправились в прошлое? — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

— Помню, — коротко ответил Мастерсон.

— Я сказал, что всем запрещено на три фута приближаться к силовому полю. Вы помните это?

— Я… Мне жаль, — сказал Мастерсон, опуская голову. — Я хотел выйти из джипа до столкнове-

ния и… Я…

Оуэн открыл дверцу и вылез из грузовика.

— Во-первых, зачем вы гнали, как сумасшедший? — спросил он.

— Я только… Я хотел увидеть животных поближе, только и всего. Я хотел получше разглядеть их.

Оуэн покивал.

— Хотите, открою вам тайну, мистер Мастерсон?

Мастерсон с надеждой поднял голову.

— Какую, Оуэн?

— Вы хотели посмотреть на животных поближе? Как вы думаете, будет достаточно близко, если вы посмотрите на них из их пасти? Или из брюха?

— Не понимаю. Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что вы устроили короткое замыкание в силовом поле. Вы эффективно уничтожили единственную защиту, стоявшую между нами и теми животными. Вы понимаете это, мистер Мастерсон? Теперь вы поняли, что я хотел вам сказать?

— Вы имеете в виду…

— Я имею в виду, что теперь нет ничего между нами и гигантскими динозаврами, которые в

Юрский период бродят повсюду, вот что я имею в виду. Нет ничего, мистер Мастерсон. — Оуэн отвернулся от него. — Садитесь в грузовик, — резко сказал он. — Нужно вернуться к остальным, пока мы еще в состоянии сделать это.

Они забрались в грузовик-угрюмый Оуэн и Мастерсон, выглядевший достаточно спокойно после того, что натворил. Не говоря ни слова. Оуэн тронул машину.

— А что с джипом? — побеспокоился Чак.

Оуэн глубоко вздохнул и затормозил.

— Вероятно, он все еще на ходу. Займись им. Ладно, Чак?

Чак кивнул, выпрыгнул из грузовика и пошел к джипу. Он не озирался на ходу, несмотря на то, что силового поля больше не было. Сев на водительское место, он завел двигатель.

— Все в порядке! — крикнул он Оуэну.

Оуэн повел грузовик сперва по дуге, огибая скальное обнажение, затем направил автомобиль к их группе, расположившейся вдалеке.

Следуя на джипе за грузовиком, Чак поглядывал вокруг. Он подумал о динозаврах этого периода, которых видел на картинках, и по спине пробежали мурашки.

Подсознательно он стал сильнее жать на ак-

селератор.

Глава 3
БУНТ

Все окружили Оуэна, слушая, что он скажет. Мастерсон сидел в кабине грузовика, и на его лице было вовсе не выражение чувства вины. Дениз сидела, свесив ноги из задней дверцы, и слушала Оуэна, прикусив нижнюю губку. Гардель прислонился к буферу джипа, наклонив свое длинное туловище вперед под странным углом. Артур присел на корточки, вертя в руках лист папоротника. Пит слушал с интересом, его зеленые глаза выглядели задумчивыми.

— Генератор теперь бесполезен, — подытожил Оуэн. Чак молча кивнул, стоя возле брата и глядя на лица окружающих. — Силового поля больше нет, а новое создать невозможно.

— Это не очень хорошо, — сказал Пит и тряхнул головой. Его рыжие волосы ярко сияли на солнце, во взгляде читалось волнение.

— Это означает, что больше ничто не отгораживает нас от животных, — продолжал Оуэн, сжимая и разжимая кулаки. — Если бы был какой-нибудь способ немедленно вернуться в наше

время, я бы ни секунды не колебался. К сожалению, нам предстоит ждать автоматического возвращения ровно через неделю.

Артур глубоко вздохнул.

— Это долгий срок. Если принимать во внимание всех тех животных.

— Вы все ведете себя, как сборище перепуганных детишек, — внезапно вмешался Мастерсон. — О чем нам волноваться? Насколько я помню, у этих динозавров мозги размером с горошину. Разумеется, мы можем легко перехитрить этих глупцов и продержаться хоть неделю, хоть две.

— Может быть, вы в состоянии их перехитрить, — согласился Оуэн, — но думаете, что можете их опередить?

— Что? Я вас не понимаю.

— Я видел этих глупцов в действии, мистер Мастерсон. Некоторые действительно слишком тяжелые и медлительные. Но есть и другие, скорость которых поразила бы вас. Надеюсь, вам никогда не придется бежать наперегонки, например, с аллозавром.

— С кем?

— Аллозавр, — сказал Чак, мгновенно вспомнив это животное на картинке, — один из самых

жестоких хищников Юрского периода, предшественник самого большого плотоядного животного, когда-либо бродившего по земле, тираннозавра рекса. К счастью, тираннозавры еще не появились в этот геологический период.

— Аллозавр меня не пугает, — скривился Мастерсон, взмахнув рукой. — Я охотился на слонов и носорогов.

Оуэн усмехнулся.

— Думаю, вы обнаружите, что аллозавр немного отличается от любого из тех животных.

— Мы напрасно тратим время на болтовню, — нахмурился Мастерсон. — Хорошо, из-за меня произошло короткое замыкание силового поля. Ну и что?

— Мне кажется, вы не понимаете серьезности нашего положения, мистер Мастерсон. Эти животные…

— Эти животные — всего лишь животные! — с нажимом подчеркнул Мастерсон. — Они большие, только и всего.

— А чем больше они оказываются, тем громче падают, — вставил Гардель.

— Точно! Не понимаю, из чего тут делают проблему.

— Да вообще никаких проблем, — жестко от-

резал Оуэн. — Помните: я отдаю приказы, и все повинуются? И, как я понимаю, охотничья часть экспедиции закончилась в ту минуту, когда произошло короткое замыкание силового поля.

— Что вы сказали?

— То, что слышали, мистер Мастерсон! Начиная с этой минуты, никто не должен отходить от машин. Ясно?

— Это чепуха! — взревел Мастерсон. — Я заплатил кучу денег за привилегию…

— Это не имеет никакого отношения к нынешнему положению, — огрызнулся Оуэн.

Мастерсон высунулся из грузовика, лицо его покраснело от гнева.

— Нет, имеет, — зарычал он. — Я заплатил за охотничью экспедицию, и, клянусь Юпитером, у меня будет охотничья экспедиция!

Он выскочил из грузовика и стал огибать его, на ходу отшвырнув широкий лист папоротника.

— Куда вы идете? — спросил Оуэн.

— Я хочу вам кое-что показать, — понизил голос Мастерсон.

Он отодвинул Дениз, сидящую в открытом проеме задней дверцы, и стал рыться внутри. Через несколько минут он нашел то, что искал.

— Что вы хотите показать мне? — снова спро-

сил Оуэн. — Если…

— Вот это! — прервал его Мастерсон.

Он отошел от грузовика, крепко сжимая в лапищах мощную винтовку, снабженную оптическим прицелом.

Оуэн взглянул на нее и поднял взгляд, встретившись глазами с Мастерсоном.

— И что это такое? — полюбопытствовал он.

— А на что похоже?

— Это вы мне скажите.

— Буду счастлив удовлетворить ваше любопытство. Это винтовка, дружище, охотничья винтовка. Я заплатил много денег за эту экспедицию. Я даже выкроил время для отпуска, чтобы поехать сюда, а это стоило мне еще немало денег. Я приехал сюда, чтобы охотиться, но был готов подчиниться вашему приказу «только с кинокамерами». но это было до того, как разрушилось силовое поле. А теперь, я думаю, мы нуждаемся в защите помощнее кинокамер. Хорошо, что я, как вы уже заметили, прибыл сюда подготовленный к любым случайностям.

— Уберите оружие, — тихо сказал Оуэн. — Никто в этой поездке не должен охотиться, и меньше всего с оружием.

— Вот тут вы не правы, — ответил Мастер-

сон. — Гардель, возьмите из грузовика вторую винтовку.

Не говоря ни слова, Гардель обогнул грузовик. Дениз смотрела, как он роется в вещах. Глаза ее расширились от испуга. Чак поглядел сперва на винтовки, потом в лицо Мастерсона. Оно было лишено всякого выражения.

— Давайте посмотрим на это правильно, — сказал Мастерсон, и на его лице появилась улыбочка. — Я заплатил за охотничью экспедицию. Если я не получу того, за что заплатил, значит, меня обманули. А человек имеет право защищать свои инвестиции. Правильно?

— Нет, неправильно! Вы здесь по разрешению правительства. А законы запрещают использование…

— О, прекратите, ради Бога! — огрызнулся Мастерсон. — Мы должны здесь охотиться — и мы будем охотиться. И охотиться мы будем единственным правильным способом, то есть с оружием. Я собираюсь подарить некоторые трофеи парочке музеев, дружище. И эти экземпляры могут занять место окаменелостей, которые выставляются там сейчас.

— Вы забываете, мистер Мастерсон, — Оуэн повысил голос, чтобы перекричать его, — что это

только создаст вам проблемы. Когда мы вернемся, я сообщу об этом властям.

— Мы подумаем об этом, когда настанет время, — вмешался Гардель.

— Да, — кивнул Мастерсон. — Брок прав. Будем решать задачи по мере их появления. И сейчас наша первая задача — небольшая охота на динозавров.

Артур внезапно поднялся, качая головой.

— Мне это не нравится, — произнес он своим низким голосом.

— Мне это не нравится вот ни на столько.

Мастерсон раздраженно вздохнул.

— А мне казалось, древние времена вызвали отклик в твоем сердце, — сказал он. — Хочу напомнить, кто тебе платит зарплату, Артур.

Артур открыл было рот, словно хотел что-то возразить, затем передумал.

Одержав небольшую победу, Мастерсон продолжал:

— Артур, ты повезешь Оуэна с братом в джипе. Дениз, Пит, и мы с Броком будем в грузовике.

— Никто никуда не едет, — твердо отрезал Оуэн.

— А ты не выглядишь немного смешным? — спросил Мастерсон. — Как ты можешь стоять и

спорить с человеком, у которого в руках оружие. Это ружье, Оуэн, может проделать шестидюймовое отверстие в слоне.

— Тогда мне повезло, что я не слон, — с неприятной усмешкой сказал Оуэн.

— Я всегда считал, что когда идет стрельба, человек прячет башку, — продолжал Мастерсон. — Мне вовсе не хочется этого делать.

Оуэн громко рассмеялся. Чак чуть было не присоединился к нему, но тут же осознал серьезность ситуации.

— Перестаньте вести себя, как гангстер из боевика, — настаивал Оуэн. — Это не соответствует вашему положению.

— Нет, Оуэн, я не гангстер, — с улыбочкой процедил Мастерсон. — Я охотник. А охотник стреляет, чтобы убивать. — Большим пальцем он снял защелку с предохранителя винтовки. — Ну что, мы начинаем?

Чак недоверчиво уставился на Мастерсона.

— Я думаю, он станет стрелять Оуэн.

— Абсолютно верно, Оуэн, — оскалился Мастерсон. — Я не собираюсь сидеть здесь и ждать, пока меня найдут умные динозавры. У меня есть оружие и боеприпасы, и я собираюсь на небольшую охоту. А теперь оба садитесь в джип.

Чак заколебался, обернувшись к брату в ожидании его решения.

— Ладно, — пожал плечами Оуэн. — У нас нет выбора. Мы повинуемся. Но только до тех пор, пока я могу следить за вами. Вы все еще находитесь под моей ответственностью, мистер Мастерсон.

— Спасибо. Ценю ваше беспокойство.

Оуэн повернулся к Мастерсону спиной и пошел к джипу. Артур уже сидел за рулем с бесстрастным лицом, глядя вперед на далекие движущиеся размытые силуэты.

— Дениз, — приказал Мастерсон, — Ты поедешь в кабине со мной и Броком. А ты, Пит, перебирайся назад. Рассаживаемся.

Он помог племяннице сесть в кабину Гардель завел двигатель, когда Мастерсон сел следом за ней.

Артур в джипе повернул ключ зажигания, бормоча:

— Мне это совсем не нравится…

Грузовик продирался сквозь папоротники и кусты, скользя колесами на влажных камнях. Сидя в джипе, Чак поглядел вперед через ветровое стекло, затем повернулся к Оуэну.

— Что будем делать?

— А что мы можем сделать? У них оружие.

— Как ты думаешь, он бы действительно стал стрелять в нас?

— Не знаю, Чак. Такое происходит со мной впервые. Мастерсон ведет себя, как сумасшедший. Если мы не будем осторожны, он перебьет здесь нас всех.

Артур ничего не говорил, крепко сжимая руль и не отводя глаз от земли перед колесами.

Они медленно продвигались вперед, словно дети, делающие первые шаги. Грузовик приминал к земле растительность, джип позади пробуксовывал в ее толстом, влажном слое, покрывавшем землю. Кусты расступались неохотно, словно специально не давая им проехать. Они цеплялись за буфер, били в металлические бока грузовика, пытались корнями поймать в ловушку колеса. В воздух поднялась туча испуганных насекомых, прятавшихся в пышной растительности. Чак с удивлением узнавал кузнечиков, тараканов, жуков, мух, пчел, бабочек и даже молей. Казалось невероятным, что современные насекомые уже жили так давно. Словно служа доказательством его мыслям, по ветровому стеклу прополз большой муравей.

По мере того как джип раздвигал гигантские листья, с них лилась скопившаяся там влага. А

над землей среди растений висел, словно слой тяжелого газа, белесый туман.

В воздухе царила тишина — глубокая тишина, пугающая своей завершенностью. Казалось, все живое попряталось в свои раковины, с испугом поглядывая оттуда наружу. И появилось чувство страха, чувство, будто сзади за ними кто-то следит, чувство столь же ужасное, как звук шагов за спиной в пустынном ночном переулке. Тишину нарушало лишь хриплое рычание грузовика да тонкое хныканье джипа. Эти звуки были совершенно неуместны в окружающей девственной природе. Механический грохот двигателя казался здесь почти что кощунством.

И это великолепие окружающего мира наполнило Чака странными, волнующими эмоциями. Все вокруг, казалось, росло без цели и плана. Земля справедливо кричала об окружающем беспорядке. И все же, достаточно странно, но все вокруг, казалось, давало ощущение высшей гармонии. Это озадачивало и смущало Чака.

Он продолжал смотреть на то, как грузовик с трудом продирается вперед, а за стеклом задней дверцы качалась, как маятник, рыжая голова Пита.

Потом взгляд Чака внезапно ушел в сторону,

так как его подсознательно привлекло какое-то движение. Он посмотрел мимо грузовика, моргнул несколько раз и посмотрел туда снова.

— Оуэн!

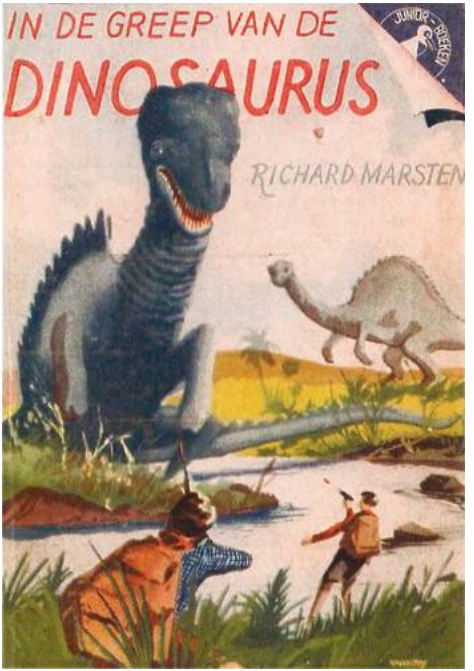
— Что?

— Гляди! Смотри мимо грузовика. Вон на ту рощицу вечнозеленых!

— Что это, Чак?

Оуэн встал на ноги и стал смотреть поверх ветрового стекла, глаза его стали серьезными.

— Это стегозавры! — ответил Чак. — И он едет прямо на них, Оуэн. Прямо на стадо стегозавров!



Глава 4
ПОСПЕШНОЕ БЕГСТВО

В тот же самый момент Мастерсон высунулся из кабины грузовика с сияющей улыбкой на

широком лице.

— Смотрите! — заорал он. — Вот вам и динозавры!

Стегозавры пока что выглядели всего лишь как большие серые пятна на ярко-зеленом фоне. Чак глядел на них, прищурившись. Автомобили ехали прямо к пасущемуся стаду.

— Вернитесь! — пронзительно закричал Оуэн. — Эти животные могут быть опасными, Мастерсон!

Мастерсон только расхохотался в ответ.

— Мастерсон! — еще раз крикнул Оуэн.

Но Мастерсон не ответил. Грузовик продолжал ехать дальше, и Чак почувствовал, что больше не может сидеть, ничего не делая. Не спуская глаз со стада, он стал слегка раскачиваться, сжимая и разжимая кулаки и прикусив нижнюю губу. Они уже подъехали слишком близко, чтобы чувствовать себя комфортно.

— Мастерсон! — закричал Оуэн.

Мастерсон высунул голову из грузовика.

— Чего вам, Спенсер?

— Вы не знаете, что творите. Это опасные…

— Опасные? — усмехнулся Мастерсон. — Они едят траву, Спенсер. Это всего лишь большие коровы.

— Да, они едят траву, — закричал Оуэн, — но даже травоядные могут удариться в паническое бегство. Мастерсон, вы не можете…

Он замолчал, потому что голова Мастерсона исчезла в грузовике. Оуэн отвернулся, на его лице появилось усталое выражение.

— Мы не можем остановить его, Чак, — сказал он. — Это бесполезно.

— Но может быть… Может, все будет в порядке. В конце концов, они действительно едят траву.

— Ты так думаешь? — вздохнул Оуэн. — Посмотри на них. — Он постучал пальцем по ветровому стеклу.

Стегозавры действительно были громадными. Они казались огромными серыми валунами. Чак уставился на этих гротескных тварей. Они напоминали творения, вышедшие из-под руки сумасшедшего. Головы, заканчивающиеся чем-то похожим на клюв, были опущены до самой земли, а челюсти мерно жевали растения. Передняя часть туловища покоилась на слишком коротких ногах, поэтому казалось, что животное припало от бешенства к земле. Спина же дугой вздымалась вверх, и два ряда костяных пластин, как низкие горные цепи, бежали по ней от затылка и вплоть до хвоста. Хвост был длинный,

мощный, и заканчивался несколькими острыми шипами. Чак оценил длину стегозавров где-то между пятнадцатью и восемнадцатью футами. Животные наклонялись вперед, как клоуны, начавшие вставать на руки. Их задние ноги были в два раза длиннее передних, поэтому казалось, что они вот-вот ткнутся мордами в землю. Они шли тяжело, проламываясь сквозь заросли и поедая по пути все подряд.

Чак знал, что их мозг, судя по размерам черепной коробки, всего лишь две с половиной унции весом. Он также знал, что их общая масса была больше, чем у любого слона, при этом мозг слона весит фунтов восемь, а то и все одиннадцать. Выходит, он в семьдесят раз больше, чем у стегозавра. Стало быть, разум стегозавра равен разуму котенка трех недель от роду.

Чак уставился на сильный хвост с шипами на конце. Такой хвост представлял собой смертоносное оружие. В эпоху динозавров, когда плотоядные хищники были вооружены режущими зубами и рвущими когтями и расплодились в неимоверном количестве, единственным оружием стегозавра были бронированные пластины на спине и шипы на хвосте. Чак вздрогнул, подумав о том, как они действуют, и только теперь понял,

как непозволительно близко они подъехали.

— Оуэн! Бога ради, он же едет прямо им в пасть!

Оуэн собирался ответить, когда грузовик впереди остановился, завизжав шинами по скользкой растительности. Мастерсон выпрыгнул из него с винтовкой в одной руке. Он пошел к джипу, сдвинув шляпу на затылок. Его темные вьющиеся волосы упали на лоб.

— Эй, Спенсер! — крикнул он.

Оуэн вышел из джипа, не спуская глаз с пасущегося менее чем в ста ярдах стада.

— Что нужно? — спросил он.

— Эти животные… Как вы их называете?

— Стегозавры, Мастерсон, — сказал Оуэн. — Они опасны. Они могут использовать хвосты как…

— Повтори их название.

— Стегозавры.

— Это что-то означает?

— Да. Это значит «ящерица под крышей».

— Скажите-ка! — удивился Мастерсон. — Умно. И глядя на пластины на его спине, я могу понять, откуда пошло такое название. К тому же, эта ящерица с копытами, да?

Оуэн разглядывал свои ногти.

— Послушайте, мистер Мастерсон, давайте-ка

заворачивать отсюда. С этими детишками не стоит играть, поверьте мне.

— Я и не собираюсь играть с ними, — резко ответил Мастерсон.

— Ящерица под крышей, — повторил он, очевидно, очарованный этим названием. На его лице появилась улыбка, обнажившая крупные белые зубы. — Хотели бы вы такую ящерицу для ваших музеев?

— Спасибо, у нас они уже есть, — сказал Оуэн. — Есть хороший скелет в музее Йельского университета. И еще есть…

— Скелет, — повторил Мастерсон, по-прежнему улыбаясь. — Я имею в виду настоящее животное. Трофей. Плоть и кости, Спенсер. Такое у вас есть?

— Нет. Это противозаконно, Мастерсон, и вы это знаете.

Улыбка сошла с лица Мастерсона, губы его плотно сомкнулись.

— Законы для того и создаются, чтобы их нарушать, — сказал он.

— Именно здесь мы не сходимся во взглядах, — ответил Оуэн.

— Вот так и начинается противоборство, — возразил Мастерсон.

Чак видел, как сжались кулаки Оуэна, и поду-

мал, что сейчас брат врежет этому наглецу. Но вместо этого Оуэн спокойно подчеркнул:

— Похоже, вам трудно выполнять законы, когда вы вдали от них, Мастерсон. Тем не менее, я предупреждаю, что наказание за то, что вы собираетесь сделать, чрезвычайно серьезно. На вашем месте, я повернул бы грузовик и вернулся к месту нашего прибытия.

— Он прав, мистер Мастерсон, — сказал сидевший в джипе Артур.

Мастерсон медленно повернулся, глаза его стали холодными.

— Мне кажется, — медленно проговорил он, — тебе лучше держать свое мнение при себе, Артур. — И он вновь обратился к Оуэну. — Я собираюсь пристрелить одну из этих ваших «ящериц под крышей», Спенсер. Попаду прямо между глаз.

— Вы думаете, что сможете это сделать? — спросил Оуэн.

Мастерсон захихикал, и Чак с изумлением посмотрел на этого человека, эмоции которого могли колебаться от бурлящей ненависти до веселья в течение десяти секунд.

— Это оружие остановит слона на бегу, Спенсер, — похвастался он, потрясая винтовкой.

— Но это не слоны, — ответил Оуэн. — У стегозавра броня прочнее, чем у тяжелого танка.

Мастерсон очаровательно улыбнулся.

— В свое время я останавливал и танки, Спенсер. Наблюдайте за мной.

Он повернулся и широкими шагами направился к грузовику.

— Он сумасшедший! — выдохнул Чак. — Совершенно не в своем уме!

Грузовик тронулся и, покачиваясь, поехал к большой поляне, на краю которой паслись стегозавры. Одно из животных взглянуло на грузовик, щелкнуло хвостом по стволу большой пальмы, но тут же опустило голову и вгрызлось в низкорослый кустарник.

Грузовик уже был на расстоянии пятидесяти футов от стада, Артур осторожно вел джип позади него. Однако стегозавры не уделили им никакого внимания. Их изогнутые зубчатые спины выступали из зарослей, точно ожившие каменные стены. Они продолжали спокойно есть.

Грузовик остановился. Мастерсон вылез из кабины и встал возле густой растительности, начинающейся в десяти футах от грузовика. Чак услышал зловещий щелчок, когда Мастерсон взвел затвор, потом еще один, когда он снял

предохранитель. После этого Мастерсон опустился на одно колено и поднял винтовку.

— Он все-таки собирается стрелять, — прошептал Оуэн и, будто только сейчас поняв, что происходит, выскочил из джипа и побежал к нему, крича: — Мастерсон! Не стреляйте! Не…

Выстрел прорезал дневную тишину, эхом отразился от деревьев и скал, разнося весть о смертельной опасности всем, кто услышит его и поймет.

Чак Почувствовал, как ногти впились ему в ладони. Он не сводил взгляда со стегозавров. Одно из животных подняло голову и тупо осмотрелось. Оуэн уже почти подбежал к Мастерсону.

— Дважды идиот! — заорал он.

Мастерсон не ответил. Он быстро выстрелил и на этот раз поразил свою цель.

Ужасный рев расколол воздух. Он больно отозвался в печенках. Это был рев чистой, животной боли. И он мгновенно заглох, как крики сумасшедшего в обитой войлоком камере. Чак увидел, как один из стегозавров поднял голову и взметнул в воздух хвост, точно гигантский кнут.

— Я попал! — завопил Мастерсон. — Попал!

— Быстрее в грузовик, дубина! — крикнул Оуэн.

Гардель высунулся из кабины, не отрываясь от оптического прицела своей винтовки. Пит покинул задний отсек грузовика и сел за руль. Он вздрагивал, втянув голову в плечи, поскольку оружие Гарделя добавило грома к винтовке Мастерсона.

Уже все стегозавры оторвались от еды. Их маленькие головки поднялись, тела тяжело разворачивались навстречу граду выстрелов. С земли взметнулись каскады грязи и листьев. Еще один динозавр взревел от боли, а Гардель торжествующе закричал из кабины грузовика.

А затем началось…

Сперва это выглядело не страшно. Все динозавры словно решили разом покинуть свои места. Они медленно, невозмутимо поворачивались, точно комики в скетче. Головки их были опущены, смехотворно короткие ноги крушили папоротники. Они двигались, словно диковинная футбольная команда, выстраивающаяся цепью, или толпа пьяных дровосеков, идущих вниз с горки. И они передвигались не просто так, в их крошечных мозгах появилась цель. Что-то обеспокоило их. Они должны защититься от этого.

Мастерсон восхищенно завопил, когда животные двинулись из кустарника на поляну. Оуэн

схватил его за руку, но Мастерсон сердито отпихнул его и быстро перезарядил винтовку.

Стегозавры двигались обманчиво медлительно. Казалось, они едва шевелятся, но с каждым шагом динозавры преодолевали значительное расстояние. Существа двигались через папоротники с гигантской безжалостной силой, их пятипалые ноги твердо ударялись о землю, позади мотались гигантские хвосты. Они образовали стену, сметавшую все на своем пути: высокие пальмы, камни, выпирающие из земли. От их поступи дрожала земля. От рева закладывало уши. Производимый ими шум походил на грохот тысяч молотов, колотящих по наковальням, на треск миллион шаров для боулинга, опрокидывающих десять миллионов кеглей.

Теперь звуки выстрелов мощной винтовки Мастерсона затерялись в стуке копыт гигантских динозавров.

Неожиданно оказалось, что в Мастерсоне проснулось чувство самосохранения. Он вскочил на ноги и побежал к грузовику. Гардель продолжал палить из кабины. Оуэн поспешил к джипу, поскольку стегозавры уже ворвались на поляну, дико ревя. Слепой гнев гнал их вперед.

— Заводи-ка нашу малютку, — велел Чак Арту-

ру. В его голосе слышалась тревога. Он облизнул враз пересохшие губы, когда стегозавры с грохотом помчались по тому месту, где только что были Мастерсон с Оуэном.

Двигатель джипа захныкал, когда Артур повернул ключ стартера. Оуэн запрыгнул в джип.

— Нужно убираться отсюда, — задыхаясь, произнес он. — Быстрее!

Стегозавры остановились, подняв головы, и стали нюхать воздух в поисках врага. Артур снова повернул ключ. Двигатель джипа начал визгливо жаловаться из-под капота.

— В чем дело? — спросил Оуэн.

Он смотрел, как стегозавры вновь опустили головы.

— Я… что-то не в порядке. Она… она… — Артур сглотнул и взглянул на стадо динозавров.

— Что она? — закричал Чак.

— Она не заводится, — пробормотал Артур. — С ней что-то не в порядке. — Он беспомощно взглянул на Чака, а когда снова заговорил, то в голосе его уже была настоящая паника. — Она не заводится!

Глава 5
ПЛАН СПАСЕНИЯ

— Отлично… — Оуэн провел рукой по лицу, и с тревогой посмотрел через ветровое стекло. Грузовик уже уезжал с поляны, а стегозавры осматривали ее тусклыми, невыразительными глазами, ища нового врага.

У Артура тряслись руки, но он все же вышел из машины и поднял крышку капота. Глянув через плечо на гигантских животных, он наклонился к двигателю.

Чак мгновенно оказался рядом с ним. Он столько раз разбирал свою колымагу, что знал двигатель внутреннего сгорания не хуже, чем свое имя. Правда, ему не приходилось ремонтировать джипы, и за спиной у него не было стада разъяренных динозавров, наблюдавших за его работой.

— Ну, и в чем тут дело? — спросил Артур. Голос у него все еще был встревоженный, но паники в нем уже не было.

— Я думаю, контакты намокли. Мы ведь ехали через влажный кустарник. Нужна сухая тряпка.

Артур ни секунды не колебался. Стянув с себя через голову футболку, он протянул ее Чаку.

— Давай побыстрее, — сказал он.

Чак взглянул на динозавров. Они снова начали движение, но пока что медленно. Их неуклюжая походка, несмотря на исходившую от животных угрозу, казалась забавной. Однако, они шли по направлению к джипу.

Чак взял у Артура футболку и стал протирать контакты свечей зажигания.

— Вернись за руль, — велел он Артуру. — Попробуй теперь завести. У нас слишком мало времени.

Артур обежал джип и прыгнул на водительское сиденье, затем повернул ключ зажигания.

Никакого результата.

— Стоп! — крикнул Чак, и снова протер свечи, а также гнезда, в которых они крепились. — Давай еще раз!

Артур снова стал мучить стартер. Слабый кашель, бормотание, высокий визг, но двигатель так и не заводился.

Стегозавры набирали скорость. Земля задрожала, когда они понеслись к джипу, из-под их копыт летели комья земли и вырванный папоротник.

Чак обежал джип, оставив открытым капот, и

принялся за свечи с другой стороны. Артур снова попробовал стартер. Его звук затерялся в громе шагов приближающихся динозавров. Снова робкий кашель, бормотание и… Чак увидел, как завертелся ремень охлаждения двигателя. Он прыгнул на буфер, оставив капот все еще открытым, и закричал:

— Попробуй от них оторваться!

Артур повел джип по широкой кривой, поскольку стегозавры уже отрезали им прямой путь. Джип понесся вперед, как выпущенная из пистолета пуля, чуть было не задел ствол пальмы и не сбросил Чака с буфера.

Стегозавры неслись на них в облаке грязи, папоротников и листьев, а они мчались наперерез их движению. Джип подскакивал, когда от тяжелых шагов вздрагивала земля. Мимо летел водоворот серо-зеленых и коричневых шкур. Внезапно стегозавры отстали, и джип полетел по поляне, как напуганный кролик, а Чак изо всех сил цеплялся за буфер.

Потом Артур остановил джип. Чак мгновенно соскочил на землю и запрыгнул в машину. Джип помчался дальше. Позади них стегозавры вертели головами в поисках врагов. Грузовик остановился на краю поляны, и Чак увидел высовывавшихся

из задней дверцы Мастерсона и Гарделя, которые снова принялись палить в животных, стреляя поверх джипа.

Когда джип подъехал ближе, грузовик стал перемещаться по краю поляны, а охотники не переставали стрелять.

Большие коричневые руки Артура твердо лежали на рулевом колесе, когда он вел джип за грузовиком по краю поляны. Шум от стегозавров становился все слабее, и Чак знал, что скоро они будут далеко впереди неуклюжих животных.

Затем Артур повернулся к нему.

— Иногда жизнь становится такой поганой, — тихо произнес он, — что жить слишком трудно. Иногда. Но все-таки здорово оставаться живым. — В его темно-карих глазах и серьезном выражении лица скрывалась искренняя благодарность.

Чак ничего не ответил. Он вспомнил, как Артур решительно выпрыгнул из машины и бросился открывать капот. Он также вспомнил, как стегозавры вертели головами в поисках врагов, и тело его пронизала сильная дрожь.

— Все кончено, — спокойно сказал Оуэн. — Пока все кончено, так или иначе.

Чак оглянулся через плечо. Там, далеко за стадом стегозавров, он увидел две высокие

белые скалы, ясно различимые на фоне неба. Скалы походили на два завитка ванильного крема, шлепнувшегося на зеленую тарелку. Они казались величественными, безмятежными, обрамленными нежно-голубыми небесами. Чак смотрел на них, пытаясь запомнить каждую деталь. Он знал, что место встречи было возле этих скал, и не хотел потерять их.

Стегозавры уже остановились и решительно принялись снова щипать листву. Было похоже, что их маленькие мозги могут решать только одну проблему за раз. Сейчас их единственной проблемой был голод. Они выглядели таким смирными, когда стояли с опущенными головами и обрывали листья с кустарника.

«Они же реальные, — только теперь подумал Чак. — Они существуют на самом деле».

До этого момента они были для него воображаемыми существами. А теперь вдруг стали такими же реальными, как кошки и собаки, такими же реальными, как все, что знал Чак. Ожили картинки в книжках. Слово «стегозавр» никогда уже больше не будет просто словом. Каждый раз, услышав его, он будет вспоминать несущееся стадо, грохот копыт и первый ужасный рев, когда пуля Мастерсона попала в цель.

А были и другие животные, бродящие по берегам озер, питающиеся в заводях и разрывающие на куски своих меньших собратьев. Повсюду вокруг них лежал мир динозавров, и был лишь вопрос времени, когда они встретятся с ними.

«Где же?» — подумал он.

«И когда?»

Из зарослей в любой момент мог вырваться аллозавр, раскрыв полную гигантских зубов пасть, протягивая к ним огромные кривые когти.

А сколько еще динозавров смотрело на них из своих примитивных убежищ, провожая взглядом два медленно едущих автомобиля?

Эта мысль была пугающей, и Чак внезапно пожалел, что не сидит дома, в своей комнате, наедине с книгами, в которых описан Юрский период.

Неделя… Если все будет хорошо, то через неделю они будут дома. Если все будет хорошо… Но если Мастерсон станет настаивать на своих глупых планах, если он будет палить в каждого встречного динозавра… Чаку не хотелось и думать об этом.

Заросли кончились. Впереди лежали большие прогалины, где землю покрывали сплошные известняки и сланцы. Скалы усеивали резкие

папоротники, но их было мало, и они росли далеко друг от друга. Ехать стало легче. Грузовик набирал скорость, его шины легко катились по камням. Артур сохранял дистанцию футов в пятьдесят позади грузовика. В течение долгого времени он ничего не говорил, не спуская глаз с задней дверцы грузовика, где сидели Мастерсон и Гардель. Оба мужчины оживленно переговаривались, указывая на животных, на короткое время появлявшихся вдалеке.

Грузовик поехал по широкой дуге, и впереди показалось большое синее озеро, ярко блестевшее в солнечном свете. Грузовик остановился, Мастерсон вылез из него и направился к джипу. Артур подогнал джип поближе к грузовику.

— Там вышла настоящая заварушка, точно, Спенсер? — улыбнулся Мастерсон.

Оуэн ничего не ответил.

— В чем дело, Спенсер? Вас что-то рассердило?

— Вы чуть не убили всех нас, — не выдержал Чак.

— Но ведь мы все еще живы, не так ли?

— Это не ваша заслуга, — вспылил Оуэн.

— Перестаньте, — бодро сказал Мастерсон. — Давайте забудем об этом. Вон там нас ждет настоящая забава.

— Ну уж, конечно, — вставил Оуэн.

— Там нас ждет множество развлечений, — Мастерсон махнул рукой в сторону озера. — Как насчет того, чтобы разбить здесь лагерь, Спенсер?

— Вы действительно спрашиваете у меня совета или просто информируете, что намерены расположиться там лагерем?

— Перестаньте, Спенсер, — повторил Мастерсон. — Нет никакой нужды быть неприветливым. Я действительно прошу вашего совета.

— Мой совет остается прежним: разверните грузовик и вернитесь к месту прибытия. Когда мы доберемся туда, мой следующий совет будет состоять в том, чтобы никто не отходил от машин всю следующую неделю. Вот вам мой совет.

— Он не очень хорош, — сухо ответил Мастерсон. — Простите за надоедливость. — Он повернулся на пятках и закричал: — Брок, начинай разгрузку. Мы разобьем здесь лагерь на ночь!

Они смотрели, как Пит вылез из кабины. Вместе с Гарделем они начали разгружать палатки, кухонные принадлежности, коробки с продуктами. Гардель работал быстро, как темная тень, мелькающая на солнце.

— Я должен пойти помочь, — сказал Артур.

Он как раз стал вставать с водительского места, когда Мастерсон развернулся и снова направился к джипу. Остановившись рядом, он посмотрел на Артура.

— Послушай, Артур, — мягко начал он.

— Да, мистер Мастерсон?

Чак почувствовал, как в теле Артура напрягся каждый мускул. Он бросил странный взгляд на лицо Мастерсона, на его губах появилась напряженная улыбка, сопровождаемая блеском карих глаз.

— Как насчет того, чтобы отправиться к грузовику? — спросил Мастерсон. — Там не помешают рабочие руки.

— Я только что собирался…

— Забудь о том, что ты там собирался, — неприятным голосом отрезал Мастерсон. — Топай к грузовику.

— Конечно, сэр, — вяло кивнул Артур, вылез из джипа и пошел к грузовику.

Перепачканную футболку он накинул на плечи, и пока шел, мускулы играли под ней на его спине и широких плечах.

Мастерсон поглядел ему вслед, затем обернулся к Оуэну и Чаку. На его лице играла нехорошая улыбочка.

— В этом не было никакой нужды, — покачал головой Оуэн.

— Я плачу людям за работу, — ответил Мастерсон, — и ожидаю, что они будут работать.

— Мы во многом не согласны с вами, мистер Мастерсон, — вмешался Чак.

— Не поймите меня неправильно, — пожал плечами Мастерсон. — Артур — хороший работник. Один из лучших, что были у меня. Но…

— Конечно, — сказал Оуэн.

Мастерсон уставился на него, затем перевел взгляд на Чака. И не увидел в их лицах никакого дружелюбия. Чак заметил, как хмурый взгляд Мастерсона стал озадаченным, и сообразил, что здоровяк просто не может их понять.

Мастерсон снова пожал плечами и слегка тряхнул головой.

— Ладно, — усмехнулся он, — надеюсь, скоро вы перестанете на меня дуться. Здесь есть гораздо более приятные вещи.

Он повернулся и, ничего больше не сказав, вернулся к грузовику.

Пит уже развел огонь, на котором стоял котелок для кофе.

— Нам нужно выбираться отсюда, — сказал Оуэн.

Чак кивнул, все еще думая о Мастерсоне и задаваясь вопросом, что происходит в мозгах этого человека.

— Если мы вернемся на место прибытия, то, может быть, сумеем переслать сообщение в наше время.

— А разве им еще не известно, что произошло, Оуэн?

Оуэн покачал головой.

— Откуда? Времялаз полностью автоматизирован. Нас не выдернут отсюда до конца недели. Так что они никак не могут узнать, что натворил Мастерсон.

— Но… — Чак сделал паузу, внезапно поняв, что они зачем-то перешептываются. — Но раз мы не сможем вернуться до срока, то как ты собираешься связаться с властями?

— Я думаю, что по Юрскому периоду бродит достаточно много спонсируемых правительством ученых, — пояснил Оуэн. — Возможно, некоторые из них перемещаются именно в это время. Если мы поймаем их на месте возврата, то можем послать с ними сообщение, чтобы нас забрали отсюда.

Чак с сомнением покачал головой.

— Что-то слишком напоминает рулетку. В кон-

це концов, ты же не знаешь наверняка, что у кого-то именно сейчас истекает срок пребывания здесь.

— Я понимаю. Но это единственный шанс.

— Да, — устало согласился Чак. — Это шанс.

— Возможно, мы сумеем уйти, когда стемнеет, — сказал Оуэн.

— Мастерсон, конечно, не ожидает, что мы сбежим.

Чак оглянулся.

— Лишь упомянешь черта…

К джипу подошел Мастерсон, остановился и положил руки на пояс.

— Если вы оба не на диете, то у Пита скоро будет готов ужин.

— Спасибо, — поблагодарил Оуэн.

— Знаете, Спенсер, я обдумал ваши слова. Вероятно, вы правы. Здесь опасно.

— Значит, вы возвращаетесь? — спросил Оуэн с искрами надежды в глазах.

— Ну, нет. Но мы с Гарделем решили посменно охранять лагерь всю ночь. — Он сделал паузу и улыбнулся. — Только чтобы удостовериться, что никто не проникнет в лагерь. Понимаете?

Лицо Оуэна вытянулось.

— Конечно, понимаю.

— И разумеется, — продолжал Мастерсон, — мы также не хотим, чтобы кто-то покинул лагерь.

— Да, — сухо ответил Оуэн.

Он обменялся взглядами с Чаком, и в его глазах была горечь поражения.

— Приглашаю вас к обеду, когда будете готовы, — любезно сказал Мастерсон. — Так или иначе, прежде чем стемнеет, я хотел бы видеть вас у костра. — Он помолчал, улыбка на его лице стала шире. — Я бы не хотел, чтобы какие-нибудь твари напали на вас.

Глава 6
ГИГАНТСКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Солнце, свирепый огненный шар, уже чуть высунуло из-за горизонта свои красные пальцы. И звезды сбежали от него, утащив за собой черное небо. Луна исчезла, как воспоминание о полузабытом портрете любимой, а в небе возникли великолепные замки — оранжевые, желтые, красные. Все живое просыпалось, земля оживала. Листья покрылись крупными бусинами росы. Отовсюду начали раздаваться звуки дневной живности. Туман поднялся, навис над растениями, как серый саван, и растаял под лучами

вылезающего на небо оранжевого шара.

В пещерах и на берегу озера животные разминали мускулы, продирали глаза и шли приветствовать новый день.

Тихонько потрескивали сучья в костре, вкусно пахло кофе. Земля повлажнела от росы, но в спальном мешке было тепло и удобно. Запах кофе достиг ноздрей Чака, который цеплялся за остатки сна. Он пошевелился, несколько раз мигнул и перевернулся на другой бок.

Его ушей достигло шипение жарящегося бекона, сопровождаемое острым ароматом мяса. Чак открыл глаза, и на мгновение ему показалось, что он лежит в своей комнате, а на кухне готовит завтрак мама, и в доме, наполненном запахами утренней сдобы, тепло и безопасно.

Чак закрыл глаза и думал о доме, позволив мечте заполнить ум и тело.

Повар — всюду повар,
Ну, а повар — это я!
Раз, два, три, четыре, пять,
К завтраку пора вставать!

Пение было громким, немелодичным, но преисполненным энтузиазма. Не открывая глаз, Чак слушал его, пытаясь притворяться, что это радио-

приемник на кухонном шкафу. Шевелиться не хотелось. Он уже вспомнил, где находится, но не желал разрушать мечты о доме.

Готовил я для моряков,
Для королей и стариков,
Для нищих и миллионеров,
И для зеленых сосунков.

Ведь повар — всюду повар,
А повар — это я.
Раз, два, три, четыре, пять,
К завтраку пора вставать!

Чак понял, что это Пит поет на утреннем холодке, готовя завтрак. И от звуков его голоса — а петь он совершено не умел, — странным образом исчезали на время все проблемы, и большие, и мелкие. Чак дернул застежку-молнию своего спального мешка и поднялся на локтях. Послушал Пита, и на его лице вспыхнула улыбка.

Готовил я супы в горшках,
Кастрюлях и сковородах,
На кухне или на биваке,
И даже в старой, ветхой шляпе.

А потому, что повар — всюду повар,
А повар — это я.
Раз, два, три, четыре, пять,
К завтраку пора вставать!

Чак вылез из спального мешка, и Пит, увидев его, замолчал.

— Пожалуйста, не останавливайтесь из-за меня, — быстро сказал Чак.

Пит хихикнул, отводя в сторону свои зеленые глаза. Одной рукой он пригладил ярко-рыжие волосы и сказал:

— Все равно куплеты закончились.

Чак подошел и протянул руки к огню.

— И сколько же там куплетов?

— Не уверен, что это кому-либо известно, — ответил Пит. — Сам я знаю штук тридцать.

— В самом деле?

— Да, это такая специальная поварская песня. Но я готовлю достаточно быстро. А есть повара, которые могли приготовить изысканные блюда для целого банкета, при этом ни разу не спев любой куплет дважды.

Чак покачал головой, оценивая такой подвиг, и оглядел лагерь.

— А мы что, остались вдвоем?

— Нет, — сказал Пит. — Мистер Мастерсон только что уехал с Артуром. Сказал, что хочет осмотреть местность. Брок сидит за грузовиком с винтовкой на коленях. — Пит хихикнул и покачал головой. — Понятия не имею, во что он собирается стрелять.

— А мой брат? — спросил Чак.

— А, да, совсем забыл. Мистер Мастерсон разбудил его и попросил поехать с ними.

— Понятно.

Чак задумался над этим. Мастерсон, разумеется, прихватил в это путешествие все свое охотничье снаряжение. И Чак подумал, действительно ли с силовым полем произошел несчастный случай. Человек, собирающийся делать только фотоснимки и фильмы, не станет прихватывать с собой «на всякий случай» целый склад оружия. Тут Чак услышал позади звук шагов и обернулся.

К костру подходила Дениз, обхватив себя руками и ежась от утренней прохлады.

— Доброе утро, — сказал Чак.

— Доброе утро, — ответила она, протянула руки к огню и сказала: — Юрский период действительно более холодный, или это так кажется?

— На самом деле, — сказал Чак, — здесь даже немного теплее, чем в наше время. Просто ночами

повышается влажность из-за обилия растительности. Но сейчас солнце немного подсушит, и станет гораздо жарче.

Дениз вздрогнула.

— Тогда пора бы ему приниматься за работу.

— А как насчет яичницы с беконом? — спросил Пит. — И кружки дымящегося кофе? Это поможет согреться.

— Моему дяде не нравится, когда я пью кофе, — извинилась Дениз, взглянула на лагерь и спросила: — А где остальные?

— Исследуют окружающую местность, — пояснил Чак.

— Так рано? — Дениз покачала головой, удивленно раскрыв глаза. — Надеюсь, теперь дядя будет держаться от животных как можно дальше. Иногда я вообще не понимаю его. — Она замолчала и повернулась к Чаку. — Как вчерашняя стрельба по тем… кажется, стегозаврам? У него должно быть больше здравого смысла.

— Ваш дядя все еще думает, что находится на африканском сафари, — улыбаясь, подмигнул Чак.

Дениз улыбнулась в ответ теплой улыбкой, осветившей ее лицо.

— Разве это не глупо? Взрослый мужчина ре-

шил поиграть в Тарзана.

— Не стоит, чтобы он услышал ваши слова, мисс, — заметил Пит.

Дениз пожала плечами.

— Ладно, налейте мне все же кофе, — вздохнула она.

Пит подал яичницу с беконом, разлил кофе по большим белым кружкам. Они с аппетитом поели, попили кофе, не тратя времени на разговоры. Пит глядел на обоих с явным удовольствием, и на его лице была написана поварская гордость.

— Восхитительно, Пит, — сказала, наконец, Дениз.

— Спасибо, мисс, — просиял Пит.

— Все просто превосходно, — добавил Чак.

Улыбка Пита стала еще шире, он выглядел так, словно готов был снова затянуть свою песню. И когда он принялся за посуду, улыбка все еще оставалась у него на лице.

Чак встал на ноги и потянулся. После завтрака он почувствовал себя сытым и ленивым. Он обернулся к грузовику как раз в тот момент, чтобы увидеть, как Гардель вылезает из задней дверцы. Быстро, словно черная змея, он скользнул на землю и подошел к костру.

— Тут раздают кофе? — спросил он.

— Где ваша кружка, Брок? — принялся искать ее Пит.

— Я могу воспользоваться любой.

Пит взял только что вымытую кружку и наполнил ее для Гарделя. Протягивая ему кружку, он спросил:

— Вы собираетесь убить какого-нибудь динозавра на ужин? — В его глазах мерцали смешинки, когда он смотрел в лицо Гарделю.

— Ночь прошла спокойно, — сказал Гардель, пропуская остроту Пита мимо ушей, и принялся помаленьку отхлебывать кофе.

— Куда мы отправимся отсюда? — спросил Пит.

Гардель отнял чашку от губ.

— На охоту, — коротко ответил он.

— На кого?

Гардель секунду колебался.

— На животных. На кого же еще охотятся?

— Было бы умнее поискать вместо этого хорошую пещеру, — сказала Дениз. — Разве дядя еще не понял, что эти животные опасны?

Гардель нахмурил свои черные брови.

— Но это и делает охоту интересней, — ответил он. — Никто же не охотится на домашних животных, Дениз.

— По закону, — вставил Чак, — никто также не имеет права охотиться на динозавров.

Гардель улыбнулся тонкими губами.

— Ты похож на своего брата, сынок.

— Мой брат хорошо знает этот период, — сказал Чак. — Мне кажется, он объяснил, почему запрещена настоящая охота, и…

Гардель коротко рассмеялся.

— Он действительно считает, что мы поверим, будто убийство нескольких динозавров изменит всю будущую историю человечества?

— Но такая вероятность существует. Сколько животных нужно убить, чтобы на Земле никогда не появился какой-нибудь вид?

— Я бы не стал волноваться из-за этого, — настаивал Гардель.

— Мы не собираемся убить больше, чем нужно. — Ему показалось это забавным, и он рассмеялся. — Вы знаете, — добавил он, — это как охотничий сезон. И вчера мы отметили его открытие.

— Надеюсь, за нами больше никто не погонится, — сказал Пит.

— Вчерашние животные выглядели очень уж сильными.

— Но они же нас не тронули, не так ли? — само-

довольно спросил Гардель.

— Возможно, они были не слишком голодны, — пожал плечами Пит.

Гардель рассмеялся уже без энтузиазма, затем взглянул на часы.

— Интересно, что задержало мистера Мастерсона?

Это прозвучало, как театральная реплика, за которой следует выход на сцену. Как только он это сказал, затрещали кусты, возвещая о возвращении исследователей. Первым на плоский сланец ступил Мастерсон, оставив на нем грязные отпечатки своих ярких ботинок.

— Прекрасно, — сказал он, подходя к костру. — Я вижу, все уже проснулись. Как поспала, Дениз?

— Хорошо, — ответила Дениз.

— Впереди нас ждет большой день, — бодро продолжал Мастерсон.

Он широко улыбался, словно эта небольшая вылазка была его крупным успехом. Чак посмотрел на брата. Лицо Оуэна было лишено всякого выражения.

— Вокруг простирается интересная, нехоженая страна, — продолжал Мастерсон. — Не так ли, Спенсер?

— Прекрасная страна, — безжизненным голо-

сом проговорил Оуэн.

Он стоял, безвольно опустив руки. Артур тихонько похлопал его по плечу.

— Я хочу как можно быстрее собраться, — сказал Мастерсон и взглянул на Гарделя. — Из того, что мы увидели, Брок, нам следует проехать мимо озера, примерно с милю отсюда. Как тебе такой план?

— Все как скажете, мистер Мастерсон.

— Отлично! Давайте тогда собираться. Пит, Артур, начинайте собирать вещи. — Он потер руки. — У нас впереди большой день. Очень интересный день.

Солнце уже поднялось высоко и глядело с неба горячим, немигающим глазом на движущиеся грузовик с джипом. День был теплый, словно весенний полдень дома, с густыми запахами нагретой земли и цветущих растений. Автомобили покинули плоские скалы и вновь стали продираться сквозь густые заросли. Как облака пыли, вились вокруг насекомые. Расступались гигантские папоротники, чьи широкие кожистые листья, впоследствии спрессованные под тяжестью времен, образуют в будущем угольные

слои[1]. Автомобили двигались медленно, брали, можно сказать, с боем каждый пройденный фут. Чак сидел в джипе и глядел вокруг. Впереди расстилались низкие, пологие зеленые холмы, и местность напоминала море под умеренным бризом. Далеко впереди Чак видел зубчатые пики высокой горной цепи. Холмистая равнина была усеяна, словно блестящими зеркалами на зелени, бесчисленными озерами. Возле них носились какие-то существа, но это было слишком далеко, чтобы их можно было разглядеть. Чак благодарил Бога за то, что со времени вчерашней стычки со стегозаврами они не встретили ни одно крупное животное.

Затем внезапно появился птерозавр.

Сперва возникла тень, накрывшая грузовик и устремившаяся от него к джипу.

Чак быстро поднял взгляд и, обшарив небо, увидел силуэт с громадными, просвечивающими на солнце крыльями.

Но он исчез так же быстро, как появился.

Грузовик остановился, и Мастерсон бегом примчался к джипу, держа в руках винтовку.

— Что это было, Спенсер? Вы видели? Птица

[1] Примечания: 1

Здесь автор ошибается. Уголь образовался в каменноугольном периоде, который был почти за 200 миллионов лет до Юрского *(прим, пер.)*

какая-то! — На его лице было написано волнение, глаза продолжали обшаривать небо.

— Это был птерозавр, — пояснил Оуэн. — Летающий динозавр.

— Ну, брат, это нечто! — восхитился Мастерсон.

— Вероятно, это рамфоринх, — уточнил Чак. — По крайней мере, похож на него.

Глаза Мастерсона загорелись, он быстро ткнул пальцем в небо.

— Он возвращается. Я собираюсь его добыть!

— Я бы этого не советовал, — сухо сказал Оуэн.

— С меня хватит ваших советов, — ответил Мастерсон.

Птерозавр планировал к джипу, спускаясь все ниже и ниже. Он был похож на громадную летучую мышь со странной головой. Короткое крепкое туловище, довольно длинная шея и короткий хвост. В размахе крыльев он был не менее четыре футов. И пока он летел прямо на джип, Мастерсон приготовил винтовку к стрельбе.

Чак уже мог разглядеть это существо во всех подробностях.

Его передние конечности заканчивались острыми когтями. Один палец на каждой лапе был чрезвычайно удлинен и поддерживал мембрану,

которая протянулась, как сеть, до задних конечностей.

Голова существа была длинная, плоская, костистая, и заканчивалась мощным клювом. А когда птерозавр открыл пасть, Чак увидел, что она полна белых острых зубов. Потом челюсти резко захлопнулись, тень существа упала на джип и исчезла, когда оно полетело дальше.

И тут раздался громкий выстрел винтовки Мастерсона, нарушивший неподвижную утреннюю тишину. Существо вновь разинуло челюсти, высокий хриплый крик разлетелся в воздухе, от него прошли по спине мурашки, как от крика баньши. Крылья отчаянно забили по воздуху, пока Мастерсон неустанно нажимал на курок, посылая выстрел за выстрелом. Чак стоял, беспомощно сжимая кулаки. Птерозавру все же удалось набрать высоту, и он поднимался все выше и выше, улетая от джипа.

— Ну, парни! — отдуваясь, выдохнул Мастерсон. — Это самая странная птица, какую я когда-либо видел!

— Это одно из самых странных летающих существ, которые когда-либо существовали, — сказал Чак. — Только это не птица.

— Но она похожа на птицу! — продолжал на-

стаивать Мастерсон.

— Мы еще можем встретить здесь птиц, — не стал настаивать Оуэн. — Фактически первые птицы появились именно в Юрском периоде. Только я не думаю, что вы посчитаете их птицами.

— Ладно, — с сомнением в голосе произнес Мастерсон. — Не важно, кто это, но мне нужен этот трофей. — Он повернулся и пошел к грузовику. — Эй, Брок! — закричал он. — Ты это видел?

К полудню собрался дождь.

Еще часов с десяти утра с горизонта стали надвигаться облака, закрывая небо и бросая на землю густые тени. А в полдень из них ударили молнии, яростно освещая электрическим светом пальмы и папоротники. Людей оглушил гром, а потом хлынул дождь.

Ливень был так силен, что ломал папоротники и срывал с пальм листья. По земле понеслись бурлящие потоки воды, унося землю и вывернутые с корнями растения. Вода в озерах стала подниматься на глазах, затопляя землю и превращая всю округу в грязное болото. Все сидели в фургоне грузовика, слушая вой ветра и глядя на сплошную стену дождя.

Затем ливень прекратился так же внезапно, как и начался. Облака утащили к горизонту свои

изодранные серые одежды, солнце снова ярко засверкало на небе. Земля пахнула чистыми, свежими запахами. Заблестели растения, усыпанные, словно драгоценностями, мириадами крупных капель.

Гигантские животные подняли головы, понюхали воздух, проследили взглядом за солнцем и пошли впитывать его живительное тепло.

Гроза закончилась.

Мастерсон раздраженно смотрел на грязь.

— Полное безобразие, — проворчал он. — Совершенно безобразное безобразие!

— У всех нас поднимется настроение, когда мы что-нибудь поедим, — миролюбиво сказал Пит.

Он быстренько установил переносной каменный очаг, разжег в нем газеты, а затем, когда пламя окрепло, накормил его древесным углем из мешка.

Оуэн отошел на несколько ярдов от группы, окружившей очаг, но тут же вернулся со взволнованным лицом.

— Я думаю, нам лучше найти другое место, — предложил он.

— Но почему? — спросил Гардель, садясь на корточки у огня.

— Мы возле небольшого озерка, в котором рез-

вится зауропод. И мне это не нравится.

— Что такое, черт побери, зауропод? — не понял Гардель. — Какая-то рыба?

— Рыба? — Оуэн был явно удивлен. — Наверное, я должен немного рассказать о существах, обитающих здесь.

— Наверное, так было бы лучше, — кивнул Мастерсон.

— Начнем с того, что словом «динозавры» называется огромный класс рептилий, большинство представителей которого гигантских размеров[2]. В пределах этого класса есть дальнейшие группировки, объединяющие различные разновидности динозавров. Зауроподы — крупнейшие из всех мезозойских рептилий.

— Ничего не понял, — скривился Гардель.

— Но это же просто, — продолжал Оуэн. — Методы классификации везде одинаковы. Возьмем, к примеру лошадь. Мы можем просто сказать, что это млекопитающее. Затем может уточнить, что она — лошадь. Затем можем сказать еще более точно — это шотландский пони или аравийский скакун. Теперь вам понятно?

---

[2] Примечания: 2

2 В настоящее время динозавры выделены из класса в надотряд — более обширный отдел. Также они не считаются более рептилиями и отделены от них. *(прим. пер.)*

— Думаю, я все понял, — сказал Мастерсон.

— Точно так же мы можем определить любого динозавра. Например, стегозавры, с которыми мы столкнулись, представляют собой род Стегозаурус. Но в этом роде есть и другие виды стегозавров, которых мы еще не видели — и, надеюсь, никогда не увидим.

— Оказывается, все это просто, — кивнул Гардель. — Значит, птерозавр — летающая рептилия.

— И есть разные подразделы птерозавров, — добавил Оуэн. — Тот, которого мы встретили сегодня, называется рамфоринхом.

Глаза Пита широко распахнулись.

— Ух, ты! — поразился он.

— А там — зауропод, — продолжал Оуэн, махнув рукой в сторону озера. — Он, вроде бы, из группы бронтозавров, хотя на таком расстоянии я не могу точно определить. И независимо от того, кто они такие, они намного крупнее стегозавров, с которыми мы встретились вчера. Так что я думаю, нам лучше убраться от них подальше.

— И как они далеко? — спросил Мастерсон.

— На краю озера. Приблизительно ярдах в ста отсюда.

— Ну, так они нас не потревожат, — спокойно

сказал Мастерсон.

— Я был бы склонен согласиться с вами, — ответил Оуэн, — если бы не знал вашего воинственного нрава. Зауроподы — травоядные, так что вряд ли они заинтересуются нами, как пищей.

— Я тоже ими не интересуюсь, — заверил Оуэна Мастерсон. — Не волнуйтесь о них.

— Кто-то упоминал о еде? — спросила Дениз, пытаясь сменить тему, начавшую принимать угрожающий характер.

— Обед будет готов через несколько минут, — объявил Пит.

Стоя у очага, он помешивал в большом котле горячий суп. Потом зачерпнул поварешкой и стал дуть на ее содержимое, когда на них снова упала бесшумная тень.

Мастерсон тут же вскочил на ноги, нетерпеливо обшаривая глазами небо.

— Еще один! — заорал он. — Еще один птерозавр! — Лицо его покраснело от возбуждения, когда он ринулся к грузовику. — Где моя винтовка?

— Вы только что сказали, что не собираетесь открывать здесь стрельбу, — с отчаянием бросил ему вслед Оуэн.

— Ничего подобного я не говорил! — заорал

в ответ Мастерсон. Он уже схватил винтовку и загонял в магазин патроны.

— Зауроподы… — начал было Чак.

Но Мастерсон уже прижал приклад к плечу и стал целиться в птерозавра. Выстрел отозвался громким, многократным эхом.

— На этот раз ты будешь мой, — бормотал Мастерсон. Он обернулся вокруг, поскольку птерозавр уже пролетел над ними.

— Мастерсон, — пытался настоять Оуэн, — зауроподы! Ваш огонь привлечет…

— Заткнись, Спенсер! — огрызнулся Мастерсон и снова нажал спусковой крючок. Эхо долго не смолкало, но прежде, чем оно все же умерло, его сменили другие звуки.

Новые звуки были низкими и редкими, как удары там-тама. И они явно становились все громче, пока не превратились в раскаты грома.

Оуэн бросил взгляд в сторону озера, и когда повернул голову, в его голосе звучал смертельный холод.

— Они идут сюда, Мастерсон, — отчеканил он. — И на этот раз твой пугач не поможет.

Глава 7
УГОДИВШИЕ В ЛОВУШКУ

Чак проследил глазами за взглядом брата и увидел зауроподов, тяжелыми шагами идущих от озера. Оуэн оказался прав: это были бронтозавры — самые громадные из динозавров. Чак слышал топот их копыт, от которых тряслась земля, и подумал, что они правильно получили свое название: бронтозавры — «громовые ящеры».

Они и были громовыми ящерами, гигантскими громовыми ящерами, с грохотом идущими вперед неуклюжей походкой. Громовые ящеры, которых невозможно остановить. Громовые ящеры, способные раздавить джип в лепешку, разнести грузовик в щепки, даже не заметив их.

Это вам не стегозавры! Стегозавры по сравнению с ними, несмотря на свои бронированные спины и вооруженные шипами хвосты, напоминали мирных овечек. А это были настоящие динозавры, Те динозавры, ужасный образ которых возникал всякий раз, когда звучало это слово. Они неуклюже шли от озера, и с охапок водорослей, торчавших у них из пастей, лились

потоки воды.

Земля тряслась. Сердце Чака замерло от дикого, безудержного страха.

Зауроподы скорее походили на ожившие острова. От кончиков маленьких головок до концов длиннющих хвостов было не менее шестидесяти пяти футов. Спины у них были горбатыми, словно древние горы с закругленными вершинами. Они были унылой зеленой расцветки, цвета окислившейся меди. Но двигались они для своих размеров очень быстро. Насколько знал Чак, весом они были около тридцати восьми тонн каждый! Тридцать восемь тонн сильнейших мускулов и крепчайших костей! Тридцать восемь тонн тупой ярости, искавшей теперь выхода!

Шеи у них были нелепо длинными — по двадцать футов от морды до начала похожей на гору спины. И таким же длинным был хвост, так что, если бы не головка на переднем конце, то было бы не отличить их зад от переда.

Но Чак видел, чем они были повернуты к ним в настоящий момент.

Разумеется, они неслись прямо на замерший лагерь людей. А на другом конце тянулся хвост, удар которого мог бы снести даже Эмпайр Стейт Билдинг!

Чак видел картинки с бронтозаврами в книгах, и они не производили на него особого впечатления. Они были всего лишь картинками, а все данные об этих животных были всего лишь числами. Эти существа были больше шестидесяти пяти футов в длину. А что такое шестьдесят пять футов? Просто число. Его можно сравнить с другими числами. Например, это длиннее железнодорожного локомотива. Или еще лучше — размером с бассейн. А еще лучше — с дом.

А с чем сравнить тридцать восемь тонн? Чак знал, из чего они состоят. В тонне две тысячи фунтов, а сам Чак весит сто шестьдесят фунтов. Получается, что Чак весит 160 фунтов, а каждое из существ, идущих сейчас к лагерю, по меньшей мере 76 000 фунтов. Это очень, очень много говядины, причем говядины сильно рассерженной. Они могут смести все на своем пути и собираются сделать это.

Страх уступил место потребности в незамедлительных действиях. И люди побежали. Они могли бы помчаться прямо на грохочущее стадо, если бы Оуэн не закричал:

— Сюда! К скалам!

Скалы высились, точно крепость, в нескольких сотнях футов от лагеря. Не слишком высокие, но

длинные, словно тысячи крепостных стен, приставленных друг к другу. Их подножие заросло мхами и папоротниками, и они представляли собой защиту, за которой можно было укрыться от смертоносных, топчущих все на своем пути конечностей бронтозавров.

Они бежали. Впереди — Оуэн, следом за ним — Пит, затем — Дениз, и за нею — Чак с Артуром. И только Мастерсон бросился в противоположном направлении. В его глазах застыл страх, и Чак понял, что охотник не ожидал ничего подобного. Одно дело было палить в стегозавра или выглядевшего таким хрупким птерозавра. Но бронтозавр был горой, внезапно обретшей ноги. Никто в здравом уме не станет стоять и стрелять в движущуюся гору.

Все неслись по равнине в полном беспорядке, как распушенный хвост воздушного змея, запинались, спотыкались, стремясь поскорее добраться до скал. Позади Чак услышал взвизгивание стартера, а когда повернул голову, то увидел, что Мастерсон завел джип и огибает грузовик, направляясь в сторону, противоположную скалам.

Слово «трус» первым пришло ему в голову, но Чак тут же забыл об этом, когда увидел бронтозавров. Они не обращали внимания на джип, а

разворачивались, следуя за бежавшими к скалам.

— Оуэн! — закричал Чак.

Оуэн остановился. Мимо него пронесся Пит, затем — Артур, тащивший за руку Дениз. Почти мгновенно Оуэн понял, что произойдет дальше. Даже скалы оказались бы плохой защитой, если бы стадо решило растоптать людей.

Чак направился к грузовику, обернулся и увидел, что Оуэн последовал за ним. Он добежал до грузовика, забрался в кабину и стал заводить двигатель. Оуэн сел рядом с ним. Разговаривать было некогда.

— Твой план? — спросил Оуэн.

— Отвлечь их. Обогнуть и попытаться увлечь за собой, — хрипло сказал Чак.

Грузовик рванул с места и направился к бронтозаврам.

— Правее, — указал Оуэн, вылез на подножку и перебрался в фургон. Почти сразу же он вернулся, держа винтовку.

Грузовик мчался вперед, подпрыгивая на неровностях почвы, направляясь по прямой между охваченным яростью стадом и скалистым барьером. Чаку некогда было глядеть по сторонам, но он надеялся, что все рассчитал правильно.

Гигантские динозавры продолжали наступать. Теперь у них появилась новая цель — грязно-коричневый грузовик, ползущий по земле и напоминающий мелкую ящерицу. А бронтозавры хорошо знали, как избавляться от других надоедливых рептилий. Очень просто: их надо растоптать. И топтать до тех пор, пока они не перестанут шевелиться. Юрский период был временем жестокого естественного отбора — сильные против слабых. Бронтозавры, испытав на себе ужасные зубы плотоядных хищников, научились искать убежище в прибрежных водах, когда на горизонте появляется аллозавр со своими когтями и гигантскими челюстями. Но бронтозавры могли отбиваться, лишь используя громадную тяжесть своих тел. Эта штука, которая быстро ползла по земле, довольно необычно жужжала. И ее нужно было раздавить. Все очень просто.

Но из грузовика это не выглядело таким простым. Сидя за рулем, Чак видел лишь плотную стену зарослей, грохот шагов бронтозавров, высоко поднятые шеи, взмахивающие хвосты. Он подумал, как легко они могли сокрушить грузовик, и у него сперло дыхание. Он обогнул стадо по широкому кругу и вновь оказался перед ним.

— Они не хотят гнаться за нами! — закричал Чак.

Оуэн усмехнулся и высунулся из кабины с винтовкой в одной руке.

— Куда ж они денутся? — пробормотал он.

Чак что есть сил вжимал в пол педаль акселератора. Теперь грузовик и стадо мчались навстречу друг другу, словно давно не видевшиеся родственники, спешащие поздороваться. Винтовка Оуэна дважды рявкнула, помолчала и заговорила вновь. Чак резко повернул руль и вел грузовик теперь под углом к стаду, нацелившись на самого крайнего бронтозавра. Оуэн стоял на подножке, держась одной рукой через открытое стекло дверцы за петлю внутри кабины. Другой рукой он держал на весу винтовку и продолжал стрелять, гильзы летели у него через плечо.

— Они поворачивают! — закричал Чак.

Он снова закрутил руль, уводя стадо вправо. И бронтозавры, спотыкаясь и налетая друг на друга, развернулись на сто восемьдесят градусов и погнались за коричневой штукой, продолжавшей лаять на них. Теперь они все совершили полный разворот и удалялись от скал.

Оуэн держал винтовку на весу. Он не старался прицелиться, и Чак понял, что брат на самом деле

не хочет нанести им никакого ущерба. Вместо этого он использовал в качестве оружия звук, и это оказалось эффективным. Бронтозавры теперь окончательно взбесились. Они уже забыли, почему покинули озеро. Единственной их целью стало уничтожить источник надоедливых хлопков.

Ладони Чака вспотели на баранке, он чувствовал, что рубашка на спине мокрая, а пот заливает лицо. Сердце больно билось о ребра, угрожая заглушить грохот бронтозавров, бежавших за грузовиком. Его ногу на педали акселератора свела судорога, и он не смог бы убрать ее, даже если бы захотел. А когда во рту он почувствовал вкус крови, то понял, что прокусил нижнюю губу.

— Прекрасно! — гаркнул Оуэн, перекрывая царивший вокруг шум. — Мы заставили их гнаться за нами!

— Я думаю, теперь мы можем оторваться от них и вернуться… — начал было Чак.

Его прервал крик, ножом взрезавший небо. Ужас и беспомощность слышались в этом крике.

— Что…

Чак посмотрел через ветровое стекло по сторонам. Там, где шагали по земле бронтозавры, висели плотные облака пыли.

Снова раздался крик, от которого у Чака мураш-

ки побежали по спине.

— Оуэн, что это…

Оуэн широко открыл глаза.

— Вот так штука! Это же Мастерсон!

И тут Чак увидел его. Мастерсон сидел за рулем джипа, глядя через плечо на надвигающееся стадо. Глаза были вытаращены, на лице написан дикий ужас. Джип по самые ступицы колес увяз в грязной луже, оказавшейся на пути.

Динозавры были еще на расстоянии двухсот ярдов, но двигались довольно-таки быстро, а Мастерсон сидел, точно мертвый, так что мгновенно тут ничего нельзя было сделать.

Чак не стал тратить время на размышления. По всем правилам, Мастерсон сам виноват в том, что произошло. Если бы он не выстрелил в птерозавра, то не привлек бы бронтозавров, и теперь на него бы не мчалось разъяренное стадо. И не сидел бы он теперь в джипе, глядя, как смерть несется на него. И в этом была бы какая-то справедливость, если бы Мастерсон…

Нет!

Чак резко повернул руль, направив грузовик к нему. «Мастерсон, конечно, заслужил возмездия», — подумал Чак. Но в данном случае это было бы неправильно. Мастерсон все же человек.

И что бы он ни натворил, он был человеком — во власти зверей, жаждущих его гибели. И этого нельзя было допустить. Нечто, разлитое во всем окружающем диком мире, требовало от Чака каких-то действий. И Чак без колебаний ответил на это требование. Здесь, у начала времен, за миллионы и миллионы лет до того, как на Земле появился человек, Чак ощутил ту связь, которая сплотит все Человечество против остального животного мира. Чак понял, что нужно делать, и стал действовать без колебаний, ведя грузовик на головокружительной скорости, чтобы добраться до Мастерсона прежде, чем это сделают динозавры.

Подъехав к джипу, он остановился у кромки жидкой грязи. Мастерсон, не отрываясь, глядел на животных, лицо его было белее мела. Они уже были в ста метрах отсюда, и копыта гремели, подобно раскатам грома.

— Сюда, Мастерсон! — закричал Чак. — Скорее сюда!

Мастерсон не шевельнулся. Он так и сидел в джипе, впившись руками в рулевое колесо и повернув голову, чтобы через плечо смотреть на приближение бронтозавров.

— Мастерсон! — заорал Оуэн. — Да быстрее же!

Мастерсон с трудом сглотнул, но не шевельнулся.

— Мастерсон! — в голосе Чака уже слышалась паника. С каждой секундой динозавры были все ближе. Если они…

— Я иду к нему, — внезапно сказал Оуэн, оставил винтовку в кабине, выпрыгнул из грузовика, упал на колени в грязь, вскочил и подбежал к джипу. Мастерсон сидел в оцепенении, пот струился по лбу, костяшки вцепившихся в руль пальцев побелели.

— Да приди же в себя! — проорал Оуэн.

Звуки шагов бронтозавров заглушали его голос. Казалось, вокруг ничего не осталось, кроме грома их копыт.

Оуэн дал Мастерсону пощечину. Звука удара не было слышно в реве животных, но Чак увидел, как дернулась назад голова Мастерсона.

— Очнись! — кричал Оуэн. — Ради Бога, приди в себя, Мастерсон…

Чак был теперь перепуган. Страх холодным слизняком ворочался в нем, хватал за сердце, дергал мускулы на спине, лез ледяными пальцами в голову.

— Оуэн… Оуэн…

Он не знал, что хочет сказать. Этот крик вы-

рывался у него изо рта и утонул в окружающем шуме.

— Оуэн…

Он видел, как брат схватил Мастерсона за руку и стал отрывать один за другим его пальцы от руля. Чак смотрел на это, чувствуя, как грузовик все сильнее подпрыгивает, по мере того, как животные становились все ближе, ближе…

Два… три… пять… Одна рука оказалась свободна.

— Мастерсон! — проревел Оуэн, тяжело дыша. Намокшая на спине от пота рубаха потемнела. — Очнись, ты, грязный…

Внезапно двигатель грузовика заглох.

Паника охватила Чака, когда он повернул стартер. Это был дурной сон, худший кошмар из всех виденных им. Казалось, все смешалось в кучу вместе с ужасным шумом. Это было так, словно сумасшедший стал дирижировать симфоническим оркестром в полном составе.

Над всем преобладал грохот приближавшихся динозавров, а сквозь него едва продирался визг стартера, которого продолжал терзать Чак. А краем глаза он видел Оуэна, отрывавшего от руля закостеневшие пальцы Мастерсона.

Шесть… семь… восемь…

Чак не отпускал стартер, слушал его визг, но не заметил, как чихнул и заработал двигатель. И понял это, лишь когда стартер угрюмо заскрежетал. Чак мгновенно переместил ногу на акселератор, задаваясь праздным вопросом, почему заглох двигатель.

— Готов! — закричал Оуэн.

Чак взглянул через плечо на стадо, потом посмотрел на брата. Оуэн оттаскивал Мастерсона от джипа. Мастерсон представлял собой трясущееся от страха желе. Страх плескался в его глазах, страх хриплым дыханием вырывался изо рта.

Оуэн затащил его в кабину грузовика и взял винтовку.

— Погнали! — закричал он.

— Залезай, — с тревогой бросил в ответ Чак. Времени не осталось. Он почти слышал дыхание зверей. И тут раздался выстрел.

— Погнали! — закричал Оуэн. — Я запрыгну! Вперед! Вперед!

Чак тронул грузовик с места, чуть нажав акселератор. Он хотел удостовериться, что Оуэн сумеет запрыгнуть, поэтому не стал набирать скорость. Позади опять раздались выстрелы. Чак медленно повел грузовик по дуге, огибая стадо.

И внезапно он понял, что задумал брат.

Оуэн и не собирался запрыгивать на борт. Он стрелял, отвлекая на себя бронтозавров, чтобы грузовик смог беспрепятственно уйти.

Чак резко затормозил, так что Мастерсон качнулся вперед, как пьяный, чуть не разбив голову о ветровое стекло. Потом Чак переключил скорость и бросил грузовик вперед, а сам высунул из окна голову и поглядел назад. И увидел он то, от чего захотелось умереть.

Животные неслись вперед, а Оуэн стоял у них на пути — крошечная былинка по сравнению с несущимися на него чудовищами. Винтовка стреляла безо всякого толку. Потом бронтозавры нахлынули на него и сбили с ног. На мгновение среди их зеленых копыт показалась его белокурая голова, но тут же исчезла.

В глазах Чака все помутилось, слезы хлынули градом. Живот скрутило, а сердце пронзила игла боли. Но громадные животные и не подумали остановиться, поэтому медлить было нельзя. Нужно было немедленно уводить грузовик из опасной зоны. Чак развернулся и погнал вперед, оставляя бронтозавров позади. Он с трудом мог видеть что-либо из-за слез, катившихся по щекам.

«Оуэн, — стонал внутри Чак. — Оуэн, Оуэн,

Оуэн...»

Потом, оторвавшись от стада, Чак вернулся к скалистой стене и остановил грузовик. Наступила тишина. Чак сидел за рулем с сухими глазами. У него больше не было никаких эмоций, лишь пустота и горечь одиночества, наполнявшие его ноющей болью.

Артур первый подошел к нему.

— Мы все видели, — странным голосом сказал он. — Мы все видели.

Чак молча кивнул.

Гардель открыл дверцу кабины с другой стороны и тряс Мастерсона.

— У вас все в порядке, мистер Мастерсон? Мистер Мастерсон, вы в порядке?..

Мастерсон помотал головой и глубоко вздохнул, начиная выходить из оцепенения.

— Они... они... — запинаясь, пробормотал он.

— Мы все видели отсюда, — успокаивающе сказал Гардель.

— Должно быть, это было ужасно.

— Они бросились на меня, — прошептал Мастерсон. — Все разом. Словно... словно настал конец света.

— Вам не следовало стрелять в птерозавра, — внезапно вступился Пит. Голос его был твердым,

как гранит.

— Чт… что? — Мастерсон обратил взгляд на своего повара.

— Вы вызвали паническое бегство бронтозавров. Вы убили Оуэна!

— Оуэна? — переспросил Мастерсон. — Я?.. Я ничего не…

— Что за глупая болтовня? — вмешался Гардель.

— Вы убили Оуэна точно так же, как если бы зарезали ножом, — продолжал Пит.

Он стоял возле грузовика. Его зеленые глаза сверкали гневом.

— Ничего такого я не делал, — твердо произнес Мастерсон. — Я понятия не имел, что животные бросятся бежать.

— Оуэн предупреждал вас, — вставил Артур.

— Я не просил, чтобы Спенсер корчил из себя героя…

— Как вы можете так говорить? — внезапно закричала Дениз. — Вы, напыщенный индюк, как вы можете быть вечно убежденным в своей правоте? Вы что, не видите, что натворили? Не будь вас…

— Я прощаю тебя, поскольку уважаю твоих родителей, — нахмурился Мастерсон.

На его лице появилось угрюмое выражение, толстые губы упрямо выпятились.

— Вы — убийца, — отчетливо произнес Артур.

— Я не собираюсь выслушивать всякое от паршивого…

— Достаточно! — отрезал Пит.

С озадаченным видом Мастерсон повернулся к Чаку, и голос его стал вдруг мягким.

— Чак, — потупился он — Вы же так не думаете, верно? Вы же не думаете, будто я убил вашего брата?

Чаку потребовалось время, чтобы ответить. Он вспомнил Оуэна, вспомнил старшего брата, которого любил и уважал. Он вспомнил то время, что они провели вместе, как они выступали против хулиганов-соседей, как делили игрушки и вместе участвовали в играх, вспомнил их ночные разговоры в спальне, когда все остальные в доме уже спали…

Наконец, он заговорил, и его голос был чуть громче шепота:

— Я не хочу разговаривать с вами, мистер Мастерсон.

— Ну, Чак, будем же благоразумны. После того…

— Я сказал, — повысил голос Чак, — что не

хочу говорить с вами. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем.

— Послушайте…

— Заткнись! — в истерике закричал Чак. — Заткнись! Оставь меня в покое, ясно?

Он почувствовал, как Артур положил ему руку на плечи, увидел, как Мастерсон пожал плечами и вылез из кабины грузовика. Услышал шепот Гарделя:

— Не расстраивайтесь, Дирк. Это была не ваша ошибка.

Чак крепко закрыл глаза, чтобы не расплакаться.

Потом он вылез из кабины и обогнул грузовик. Не глядя на Мастерсона, он взял из фургона лопату и положил ее на плечо.

Он пошел один, чтобы похоронить брата.

Глава 8
ВЫНУЖДЕННЫЙ МАРШ-БРОСОК

Чуть позже в тот день Чак понял, почему заглох грузовик. И понял, почему Мастерсон не мог вытащить джип из грязи. В обоих автомобилях кончилось горючее. Предназначенные для коротких экскурсий на площадке радиусом в милю,

окруженной силовым полем, оба автомобиля проделали длинный путь и теперь стояли с пустыми баками.

Они сделали это открытие, когда уже были готовы вернуться к месту прибытия.

— Вы наверняка захотите, чтобы теперь мы вернулись, — сказал Артур Чаку и посмотрел на Мастерсона. — Не думаю, что сейчас будут какие-либо возражения.

Чак просто кивнул. Любые упоминания о брате были еще слишком болезненны для него. Он с большим усилием удерживался от слез, но никак не мог сдерживать боль в сердце.

Они с Артуром пошли к джипу и попытались завести его. Чак снял капот и проверил двигатель, в то время как Артур открыл бензобак, и тут же вернулся с палкой в руках. Палка была сухой.

— Вот и ответ, — показал он. — Ни капли горючего.

Они вернулись к грузовику и проверили его бензобак. С тем же результатом.

— Придется идти пешком, — сказал Чак.

— Что? — вскочил Гардель. — Всю обратную дорогу…

— Чак сказал, что нужно идти, — вставил Пит. В руках у него была мелкая сковорода, веснушки

на лице слились в красные пятна.

— Это безумие, — сопротивлялся Гардель. — Только потому, что…

Он замолчал, перехватив холодный, угрожающий взгляд Чака, пожал плечами и глубоко вздохнул.

— Нам понадобятся припасы, — ни к кому не обращаясь, произнес Чак и пошел к задней дверце грузовика, внезапно поняв то, что ранее ускользало от его внимания. Теперь он возглавлял группу!

В первую секунду эта мысль ошеломила его. Он почти был готов сказать: «Послушайте, друзья, произошла ошибка. Я не…».

Потом он подумал об Оуэне и понял, почему все стали считать его лидером. Сперва лидером был Оуэн, а теперь Оуэна не стало, так что естественно было поставить на это место брата Оуэна. Эта мысль напугала его, потому что никогда прежде он не бывал в такой ситуации. И он напугался еще больше, когда понял, что понятия не имеет, где место их прибытия и одновременно их будущего возвращения. Он тяжело вздохнул и залез в фургон грузовика, искренне жалея, что рядом нет Оуэна, чтобы подсказать ему, что нужно делать.

— Артур! — крикнул он. — Пит! Нужно собрать

все необходимое. Распределим вещи между всеми. Я сейчас буду подавать оборудование и продукты, а вы принимайте.

И он стал работать, чтобы не думать об Оуэне или о том, что их ждет впереди. Он передавал наружу Артуру с Питом все то, что им понадобится, и постепенно продвигался вглубь фургона, прокладывая путь через груды консервов. Снаружи Пит с Артуром паковали продукты в пакеты и подсчитывали, сколько им понадобится на долгое время. Сортируя в грузовике продукты, Чак разобрал груду посуды и вдруг увидел коробки с горнодобывающим оборудованием. Он озадачено смотрел на него. Что, спрашивается, оно делало в грузовике? Порывшись в нем, он нашел коробку динамита, и удивление уступило место шоку. Он почесал затылок. Зачем? Зачем все это…

— Эй, Чак, — позвал Артур. — Еще вещи будут?

Чак пришел в себя.

— Секунду, — сказал он, перестав думать о динамите, и начал совать в протянутые руки Артура картонные коробки. Вскоре грузовик опустел почти наполовину. Конечно, они оставляли много припасов, но собрали все, что были в силах унести, и уже ничего не могли к этому добавить.

Чак спрыгнул на землю и взвалил тяжелый

рюкзак на плечо для пробы. Потом сбросил его на землю, помог Мастерсону продеть руки в лямки, затем помог Гарделю, вспомнил кое о чем еще и снова полез в фургон.

— Артур! — позвал он.

— Да?

— Держи!

Он протянул Артуру винтовку.

— Зачем мне это?

— Здесь много опасных животных, — Чак многозначительно посмотрел на Мастерсона и вручил Артуру вторую винтовку. — Передай ее Питу.

— Понятно, — кивнул Артур, забирая винтовки.

— А что насчет нас? — спросил Гардель.

Глаза Чака остались холодными и безразличными.

— Мне кажется, вы оба достаточно поохотились.

— Послушай, парень, — выступил вперед Мастерсон.

Артур добродушно усмехнулся, сверкнув белыми зубами.

— Ваша лицензия заблокирована, — улыбнулся он, взведя затвор.

Металлический щелчок раздался, как предупреждение.

Мастерсон презрительно глядел на винтовку в его руках.

— По-моему, ты все еще работаешь на меня, — произнес он зловещим, низким голосом.

— Я уволился, мистер Мастерсон, — ответил Артур. — Я уже уволился.

— Ах, ты, неблагодарный…

— Но я ведь больше не работаю на вас, — повторил Артур, смерив его взглядом.

Чак укрепил на поясе кобуру с кольтом сорок пятого калибра и взял еще одну винтовку.

— По-моему, пора идти, — сказал он, спрыгивая на землю между Артуром и Мастерсоном. — Нам потребуется много времени на возвращение к месту отправки.

Он смотрел, как Пит повесил винтовку через плечо, встретился с угрюмыми взглядами Мастерсона и Гарделя.

— Что-то мой дядя не очень-то счастлив, Чак, — проходя мимо, заметила Дениз.

Чак ничего не ответил и занял место впереди отряда, указав направление, которое, как он надеялся, было правильным.

Дениз нагнала его и тронула за рукав.

— Чак, вы, в самом деле, ненавидите меня? Только потому, что он — мой дядя?

Чак покачал головой.

— Извините, Дениз, — смутился он. — Нет, у меня нет к вам ненависти. Вы правы. Но я… Меня не очень заботит, счастлив ли ваш дядя.

— Тогда я могу идти рядом с вами?

— Конечно. — Он быстро взглянул на нее. — Несомненно, Дениз.

Идти было нелегко. Теперь они передвигались пешком, и приходилось бороться за каждый шаг. Их путь проходил по диким местам, и эти места упрямо мешали продвижению. Они рвали одежду и царапали кожу, устраивали на их пути скальные обнажения или, напротив, непроходимые заросли. Впереди шел Пит, прорубая топориком для разделки мяса путь среди гигантских листьев и виноградных лоз. Насекомые наслаждались жарой. Они парили в горячем воздухе целыми облаками и нещадно кусали все открытые части тела. Солнце на небе палило, словно открытая топка.

Рюкзак становился все тяжелее. Когда Чак собирал его возле грузовика, он показался очень легким. Но его вес увеличивался с каждой пройденной милей. Ремни жали в подмышках, грозя

нарушить кровообращение. Рюкзак неуклюже висел на спине, словно мешок с камнями, от него ломило мускулы спины и плеч, а ноги наливались свинцом.

И постоянно оставалась опасность нападения животных. Чак избегал любой юрской фауны, помня о том, что уже произошло, и не желая повторения этого ни в каком виде. Местность, по которой они шли, казалось, изобиловала рептилиями всех видов. Чак узнавал большинство из них, но не останавливался, чтобы рассмотреть поподробнее. Он знал, что многие — безопасные травоядные, но заметил и несколько хищников. Повстречалась и парочка орнитолестесов. Чак поглядел на этих плотоядных шести футов в высоту, шагавших на задних лапах и прижимавших более короткие передние к груди. У них были удлиненные, почти собачьи морды и хвосты, составляющие не менее половины длины. Но Чак знал, что у них также есть острые зубы, и не стремился к встрече с хищниками. Продираясь сквозь рощицу пальм, он взял курс правее, чтобы избежать этой парочки мародеров.

Вокруг водились в изобилии и более крупные динозавры. В одном из таких Чак немедленно признал диплодока. Тот брел в одиночестве — к

счастью, достаточно далеко, — и земля содрогалась под его шагами. Длиной он был от морды до кончика хвоста не менее восьмидесяти пяти футов, но казался не таким тяжелым, как бронтозавр, несмотря на то, что последний был короче. Просто вес диплодока сосредоточен посередине, между очень тонким хвостом и длиннющей шей. Его туловище было компактным, коротким и очень напоминало слоновье, особенно благодаря унылой серой окраске. А так как позвоночник последних десяти футов хвоста уже не уменьшался в размерах, он показался Чаку похожим на ремень.

Чак представил себе щелчок такого хвоста и еще раз уклонился от курса, стремясь избежать любых возможных столкновений.

Очевидно, Артур заметил эти манипуляции Чака, потому что подошел к нему и подбодрил:

— Я вас понимаю.

Чак повернул к нему голову, отрываясь от своих мыслей.

— А? Что? Извините, Артур, я не расслышал.

— Я заметил, что вы издалека обходите крупных животных. Мне кажется, это хорошая идея.

Чак рассеянно кивнул.

— Там встречаются очень опасные. Мы обхо-

дили хищников, которые разорвали бы нас в клочки.

— Ну, меня-то никто не сожрет. Моя шкура слишком старая и жесткая.

Чак улыбнулся его словам, чувствуя, как впервые со времени гибели Оуэна между ними устанавливаются товарищеские взаимоотношения.

— Ну, не думаю, что она слишком жесткая для динозавров, — поддел Чак.

— Она оказалась жесткой даже для Мастерсона, — громко рассмеялся Артур. — Кстати, о Мастерсоне, — продолжал он. — Странная штука, но с тех пор, как я заявил ему об увольнении, я чувствую себя свободным, как никогда прежде. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Ну, не совсем…

— Такие парни, как я, могут устроиться только на определенные виды работ, — пояснил Артур, и глаза его стали серьезными, а лицо — задумчивым. — Я никого не обвиняю, понимаете? Я знаю, что ситуация может иногда выходить из-под контроля, что виды работ, на которые я могу претендовать, физически наиболее трудные.

Чак кивнул, внимательно слушая и одновременно не переставая обшаривать взглядом окрестности.

— Но это не меняет того, что таких, как я, ждут лишь места лифтеров, швейцаров, водителей или, как в моем случае с Мастерсоном, своего рода личных камердинеров. — Артур помолчал, пытаясь получше сформулировать мысли. — Это новая форма рабства, Чак. Вы соглашаетесь с тем, что являетесь людьми второго сорта, привыкаете к своему хомуту и забываете, что такое настоящая свобода. Мастерсон платил хорошую зарплату, но при этом он покупал мою душу. — Он повернулся к Чаку и робко улыбнулся. — А вот теперь я вернул себе душу, Чак. И чувствую себя превосходно.

— Давным-давно жил человек по имени Стивен Винсент Беннет… — начал Чак.

— Знаю. «Дьявол и Дэниэль Уэбстер», — кивнул Артур. — Читал я этот рассказ когда-то в молодости. Он о человеке, который продал душу дьяволу. И, как я помню, он даже вернул свою душу.

— Да, — кивнул Чак. — Вернул.

Они замолчали, идя бок о бок по нетронутым, девственным зарослям, распустившимся вокруг пышной зеленью. Они ничего не сказали и позже, когда Чак остановил отряд на ранний ужин.

Когда все поели и сидели вокруг костра, который разжег Пит, Чак попытался прочесть

выражения лиц окружающих, попытался понять, что кроется под этими масками. Он знал, что это очень важно. Впереди у них долгое путешествие. И он должен знать, на кого мог в нем положиться, а кому не стоило доверять. Его взгляд переходил с одного лица на другое, а в уме производились некоторые вычисления.

Мастерсон: Непонятно. Чак ничего не мог прочесть на его лице, вообще ничего. Глаза сощурены, линия рта невыразительна. Чак лишь знал, что этот человек убил Оуэна, и поэтому автоматически не мог доверять ему. Чаку хотелось думать, что он просто не ведает, что творит, но чувствовалось, что за всеми его поступками что-то кроется. Но что именно, Чак понятия не имел. Лицо Мастерсона не давало ему ключа к разгадке.

Дениз: Она сидит у костра с чашкой теплого бульона. Свет костра пляшет в ее волосах, бросая вокруг короткие отблески. Но карие глаза отчасти потеряли блеск, а от крыльев носа к губам протянулись усталые морщинки. Чак чувствовал, что Дениз отталкивало поведение ее дяди. Но все-таки Мастерсон был ее дядей, и Чак задавался вопросом, как далеко зайдет ее родственная преданность в критической ситуации. Он знал

наверняка, что тяжелый поход оставил на ней свои отпечатки. Ее шаги уже не были бодрыми, а плечи чуть заметно ссутулились. Нужно тщательнее наблюдать за девушкой, а то жизнь на природе может для нее плохо кончиться.

Артур: Сидит на корточках у огня — крупный, сильный человек с шоколадной кожей. На его лице было выражение мирной удовлетворенности, когда он потягивал свой кофе. Артуру явно можно доверять. Да, Чак доверил бы ему свою жизнь.

Пит: Чак чувствовал, что может доверять и ему, но не был в этом совершенно уверен. Главное занятие повара — кулинария, а пока Чак не узнает, какова доля участия в этом Мастерсона, он не поймет, где лежат реальные интересы Пита. Он уже начал жалеть, что вооружил веселого повара, и тревожно задавался вопросом, как бы отнять у него винтовку, не оскорбив при этом человека.

Гардель: Пожалуй, он еще более опасен, чем Мастерсон. Во времена гангстеров Гардель работал бы наемным убийцей, убивающим за деньги. Таким было впечатление Чака. В глазах этого худого, долговязого человека крылась хитрость, и хитрость же пряталась в складках его губ и выдающейся нижней челюсти. Гардель станет беспрекословно повиноваться любому приказу

Мастерсона. А что взбредет Мастерсону в голову в следующую минуту, не может предугадать никто.

Чак суммировал свои впечатления. В одном человеке он был уверен безусловно, еще в двоих — ограниченно, и двум последним вообще не доверял. Это выходило не слишком хорошо.

Закончив свои размышления, Чак прислушался к разговорам у костра.

— А я говорю, — настаивал Пит, — что у Человека не было бы никаких шансов, если бы он появился на Земле в эпоху этих рептилий. Они сожрали бы всех людей за неделю, и человеческому роду пришел бы конец.

— Этого теперь не узнать наверняка, — возразил Артур. — Большие рептилии вымерли прежде, чем появился Человек. Верно ведь, Чак?

— Да, — сказал Чак, — задолго до появления Человека.

— Ну, это я привел лишь в качестве аргумента, — не унимался Пит.

— Здесь слишком много «если», — продолжал Артур. — Человек, возможно, выжил бы, невзирая на рептилий.

— Я сильно в этом сомневаюсь, — внезапно произнес Мастерсон.

— Почему?

— Древние были очень примитивными. Пещерные люди были еще слишком близки к обезьяне. А вы можете представить себе обезьян, дерущихся с одним из этих монстров?

— У обезьян нет разума Человека, — заметил Артур.

— Нет разума современного человека, — поправил его Мастерсон. — А пещерный человек тоже не был умен.

— Однако он стал пользоваться огнем, — возразил Артур. — Он научился делать инструменты, одомашнивать животных, украшать свои пещеры и…

— Да не хочу я спорить с тобой, — сплюнул Мастерсон, отмахиваясь от него. — Ты, черт побери, сам не знаешь, о чем говоришь.

Артур вскочил, его глаза запылали гневом.

— Мастерсон… — начал было он, но тут Пит завопил:

— Пещерный человек!

В первую секунду Чак подумал, что Пит принял сторону Мастерсона и попросту обозвал Артура. Но достаточно было взгляда, брошенного на повара, чтобы Чак понял, что ошибся. Пит вскочил на ноги, глаза его широко раскрылись, лицо на фоне

россыпей веснушек совершенно побелело. Он протянул руку и дрожащим указательным пальцем показывал куда-то в сторону высоких скал.

— Пещерный человек, — взволнованно повторил он. — Я видел его. Я его видел. Вон там! На скалах! — Он схватил винтовку и передернул затвор.

Чак тут же вскочил на ноги, дотронулся до руки Пита и почувствовал, что повар весь дрожит.

— Успокойтесь, — сказал Чак. — Вам просто померещилось из-за всех этих разговоров. В Юрском периоде нет и не может быть никаких пещерных людей.

— Но одного я видел, — настаивал Пит. — Косматый человек с бородой и… и волосатыми ногами. Вон на тех скалах!

— Это невозможно, — мягко произнес Чак.

— Не так уж и невозможно, — вмешался Гардель. — Здесь же временами появляются ученые. Возможно, один из них и есть этот «пещерный человек».

— За мной! — махнул Чак Питу и побежал к скалам. Повар последовал за ним.

— Поосторожнее там! — крикнул Артур.

Чак кивнул на бегу, чувствуя, как сердце снова бьется о ребра.

Он выхватил кольт из кобуры на поясе и крепко сжал рукоятку из орехового дерева.

Глава 9
ВСТРЕЧА

Он ни на мгновение не подумал, что Пит увидел настоящего пещерного человека. Чак слишком уважал науку, чтобы предположить, будто ее теории могут быть настолько неточными. Однако он не сомневался, что повар действительно видел человека. У Пита было хорошее зрение, и на таком расстоянии он мог бы отличить человека от динозавра не хуже кого-либо другого. Но все же Чак был не слишком доволен открытием Пита.

— Он пошел туда, — показал Пит, тяжело дыша возле Чака. — Видите его следы?

Чак кивнул, продираясь через листву, его ладонь вспотела на рукоятке кольта.

Темпоманьяк.

Это слово засело в голове, и Чак никак не мог выкинуть его оттуда. Темпоманьяки были опасными людьми. Это были шизофреники в пограничном состоянии. Вместо того чтобы впасть в полное безумие, они выбрали другой путь. Когда требования общества становились слишком

тяжелыми для них, они покидали общество, ища убежища в ненаселенном прошлом. Темпомания считалась серьезным уголовным преступлением, и преступник не мог прикинуться невменяемым, потому что существовали тесты, которые сразу же раскрыли бы его обман. Правительство вынуждено быть строгим с такими преступниками. Ведь такими мародерами в прошлых эпохах могло быть исковеркано все сбалансированное настоящее.

Темпоманьяк, которого преследуют, был похож на загнанное в угол дикое животное. И если человек, которого увидел Пит, был действительно темпоманьяком… Чак содрогнулся при мысли об этом.

— Вон он! — заорал Пит.

Чак резко обернулся и на этот раз тоже увидел человека. Тот был достаточно стройным, с косматыми каштановыми волосами и ниспадающей бородой. Когда он на мгновение обернулся, его глаза засверкали на искаженном страхом бледном лице.

— Стоять! — крикнул Чак.

Человек развернулся и побежал, перепрыгивая через камни, как перепуганное лесное животное. Вцепляясь пальцами в камни, он чуть ли не на

четвереньках стал карабкаться по скале. Крутая стена обнажения была усеяна небольшими, похожими на туннели пещерами. Человек умело добрался до одной из них и скрылся в темном отверстии.

— Он спрятался в пещере, — сказал Пит.

В руках он крепко держал винтовку, губы его были крепко сжаты.

— Я думаю, это темпоманьяк, — отрывисто бросил Чак.

Пит выглядел разочарованным.

— Не пещерный человек?

— Нет. В Юрском периоде не может быть пещерных людей, Пит.

— Темпоманьяк, да? Звучит не слишком хорошо.

— Фактически, это очень плохо.

— И что мы будем делать?

— Попытаемся схватить его.

— Зачем?

Чак удивленно повернулся к Питу.

— Что значит «зачем»?

— Почему бы просто не оставить его в покое?

— Он — преступник, — отчеканил Чак. — Если мы оставим его здесь, то превратимся в сообщников.

Пит на мгновение задумался.

— Я не рассматривал это с такой точки зрения, — сказал он.

— Значит, вы со мной?

— Я с вами. Каковы наши следующие действия?

— Давайте подойдем поближе к пещере.

Вдвоем они ползли на животах, почти как рептилии, пока не оказались на расстоянии нескольких футов от входа в пещеру. Там они распластались на камнях.

— И что теперь? — прошептал Пит.

Вместо ответа Чак достал кольт и выстрелил в воздух. Эхо от выстрела запрыгало по окружающим скалам, пока, наконец, не замерло в отдалении.

— Мы знаем, что вы там, — закричал Чак.

Никакого ответа. Без всяких колебаний Чак выстрелил еще раз и подождал, пока смолкнет эхо.

— Выходите! — закричал он.

Снова тишина, потом послышался голос-усталый, отчаянный крик:

— Убирайтесь! Убирайтесь!

— Выходите, или мы продолжим стрельбу! — погрозил в ответ Чак.

— Убирайтесь! — повторил голос.

— Вы слышите? — рявкнул Чак еще громче. — Считаю до трех.

Он подождал ответа, но в пещере молчали.

— Раз!

Голос Чака, отразившись от скал, казалось, заполнил все пещеры, усеивающие, как черные оспины, лицо обнажения.

— Два!

Снова эхо, а потом долгая тишина.

Чак уже приготовился крикнуть снова, когда послышался тот же голос:

— Пожалуйста, уходите! Пожалуйста!

— Три! — закончил считать Чак.

Помолчав, он дождался ответа:

— Ну, хорошо, мы выходим.

Чак с Питом подползли еще ближе к черному зеву пещеры.

— Мы будет стрелять? — спросил Пит.

Чак покусал нижнюю губу.

— Не знаю. Не думаю, что он решится на обман. Я предполагаю…

Он заметил движение у входа в пещеру, мгновенно закрыл рот и поднял кольт. Человек, которого они преследовали, появился из пещеры, держа руки на затылке и зажмурившись от солнечного света.

— Не стреляйте, — повторял он. — Не стреляйте.

Чак наблюдал, пока незнакомец прошел пару шагов, а затем в черном устье входа возникло еще какое-то движение.

— Стоять! — крикнул Чак.

Человек замер.

— Кто еще находится в пещере?

— Мой коллега, — ответил незнакомец.

— Только он один?

— Да, он один.

— Скажите, чтобы он тоже поднял руки.

Незнакомец повернулся к пещере.

— Выходите, Пьер, — послушно произнес он. — С поднятыми руками. Они вооружены.

Пит шевельнул винтовкой, прицелившись в первого, в то время как Чак не сводил глаз от входа в пещеру. На дневной свет вышел невысокий человек, солнечные лучи отражались от толстых стекол его массивных очков. Он был лысый, с широким плоским носом и тонкими губами. В отличие от гладкой, как шар, головы, его лицо и подбородок закрывала темная борода, выглядевшая довольно зловеще. Он прошел вперед, отчаянно моргая, увидел Чака и не удержался от возгласа:

— Вы же всего лишь мальчик!

В его голосе звучал слабый акцент, и некоторое время Чак не мог определить, какой именно, пока не вспомнил, что первый незнакомец назвал его Пьером. Значит, акцент французский. Первый по-прежнему стоял с руками на затылке, и у Чака была хорошая возможность рассмотреть его более тщательно.

Он был широк в плечах, с выпуклой грудью, коренастый, с густой, пушистой бородой, и чем-то напоминал продавца обуви. Каштановые волосы, карие глаза и слегка изогнутый нос, спускающийся к чувственному рту с оттопыренной нижней губой, довершали картину.

Второй «пещерный человек» подошел к нему и сказал:

— Это всего лишь мальчик, Джон. Мальчик с оружием.

— Зато я не мальчик, — подал голос Пит.

Первый незнакомец посмотрел на Пита и расправил плечи.

— Ну, теперь, когда вы нас поймали, что вы собираетесь с нами делать?

Речь у него была культурная, с властными нотками в голосе. Чак глядел на него, пытаясь представить ситуацию, которая заставила этого

мужчину искать убежища в прошлом.

— Пока что не знаю, — сказал Чак. — Для начала мы вас заберем.

— Куда заберете? — не понял второй.

— Разумеется, для выдачи властям.

— Каким властям?

— Государству, — уточнил Чак, стискивая кольт.

Более крупный незнакомец рассмеялся.

— Пожалуйста, — попросил он, — не перенапрягайте нашу доверчивость.

— Не понимаю, — растерялся Чак, начиная нервничать. Что-то явно не так.

— Зачем это темпоманьяки станут сдавать нас властям? — с улыбкой спросил незнакомец.

— Что?

— Мы знаем, что вы — темпо, — сказал коротышка в очках. — Хватит уже притворяться.

— Как вам это нравится? — спросил Пит, всем лицом выражая негодование. — Это они называют нас «темпо»!

— Мы находимся в официальном путешествии в прошлое, — твердым голосом произнес Чак. — Вы пойдете с нами в…

Крупный незнакомец опустил руки и шагнул в Чаку, а на его лице появилась сияющая улыбка.

— Стойте на месте! — закричал Пит.

— Но это же замечательно! — закричал низенький в очках. — Джон, вы понимаете, что это значит? Эти люди…

— Стоять, стоять! — приказал Пит.

— О чем это вы? — спросил Чак.

Человек в очках вышел вперед, тоже опуская руки.

— Позвольте представиться. Я — доктор Пьер Думар, геолог. Это, — он указал на своего товарища, — доктор Джон Перри, палеонтолог.

— Что?

— Все так, — закивал коренастый. — Просто мы думали, что это вы — темпо.

— А мы думали, что темпо — вы, — сказал Чак, до которого стал доходить весь комизм ситуации.

— Будьте осторожны, — сказал Пит. — Может, это такая уловка.

— Нет, нет, — покачал головой доктор Думар. — Держите. Здесь мои документы. Он полез в задний карман изодранных брюк, достал кожаный бумажник и, пока рылся в его отделениях, обратился к товарищу: — Джон, покажите мальчику свои бумаги.

Доктор Перри полез в свой карман, и Пит на

всякий случай поднял винтовку. Доктор Думар достал пластиковую карточку, и Чак внимательно ее рассмотрел. Печать правительства США, а ниже — печать Отдела Хроноперелетов. Все было верно.

— Все в порядке, Пит, — расслабился он. — Опустите винтовку.

Он убрал кольт в кобуру и протянул доктору Перри руку. Палеонтолог крепко пожал ее.

— Мы так рады встретить вас! — заулыбался он. — Мы заблудились почти полгода назад.

Доктор Думар убрал бумажник в карман брюк, его бледно-голубые глаза сияли за массивными линзами очков.

— Мы ищем место отправки, — пояснил он. — Видите ли, нам предоставили разрешение изучать этот период. Наш грант истек шесть месяцев назад, и мы должны были вернуться к месту высадки, чтобы отправиться обратно в настоящее. — Он беспомощно пожал плечами. — Но мы не смогли найти его! Мы тысячу раз прошли по этим краям, но никак не можем найти место отправления.

— Тогда вы напрасно радуетесь, — нахмурился Чак. — Мы тоже не знаем, где оно.

— Что? — поднял брови доктор Перри.

— У нас произошел ряд несчастных случаев, — сказал Чак, и воспоминание об Оуэне вдруг так ярко всплыло в памяти, что у него перехватило горло и заныло в груди.

— Мы ищем точку отправки, — быстро вмешался Пит. — Можете к нам присоединиться.

Доктор Думар кивнул.

— Четверым будет легче…

— Нас еще больше, — поведал Пит. — Еще четверо остались в лагере.

— Тем лучше, — кивнул доктор Перри. — С численностью отряда увеличиваются наши возможности. Места здесь опасные.

— Да, — подтвердил доктор Думар. — Мы живем на подножном корме последние четыре месяца. Ищем пищу. Это не так уж приятно.

— Пойдемте, — позвал Чак. — Нам пора присоединиться к остальным. И Пит приготовит вам что-нибудь перекусить. Он — наш повар.

Доктор Перри улыбнулся, его зубы блеснули в зарослях бороды.

— Превосходно! Рад это слышать, приятель, — обрадовался он.

Они пошли к лагерю, и Чака вновь стала грызть тревога. Они были вынуждены взять с собой ограниченное количество продуктов, а теперь

появились два лишних рта.

Он глубоко вздохнул и подумал: а что будет, если они вообще никогда не вернутся в свое время и навсегда останутся здесь, среди динозавров?

Глава 10
ПЕРЕПРАВА

Когда они вернулись, в лагере было тихо. Мастерсон и Гардель сидели рядком на низком камне и о чем-то перешептывались, склонив головы. При виде Чака они замолчали. Артур и Дениз устроились на корточках у костра. Чак уставился на длинные ноги девушки, обтянутые синими джинсами.

Когда Артур увидел Чака, то вскочил на ноги и поднял винтовку, уставившись на двух незнакомцев.

— Спокойно, Артур, — поднял руку Чак. — Это друзья. — Он подвел обоих докторов наук к костру и сказал: — Хочу вам представить доктора Думара и доктора Перри. А это члены нашего отряда. Тот, что с винтовкой — Артур.

— Рад познакомиться, — произнес Артур, протянул руку, и оба доктора по очереди пожали ее. — Я уже был готов пойти искать вас, — по-

вернулся Артур к Чаку. — Все эти разговоры о пещерных людях…

— Доктора наук ушли далеко от пещерных людей, — улыбнулся Чак. — Доктор Думар — геолог, а доктор Перри — палеонтолог. Они тут были в научной экспедиции и не смогли отыскать место отправки, когда пришло время возвращаться.

К костру подошел Мастерсон и протянул руку доктору Дума-РУ-

— Позвольте представиться, — начал он. — Дирк Мастерсон. Я финансировал эту небольшую экспедицию.

— О! — замялся доктор Думар и почему-то хмуро уставился Мастерсону на лысину возле макушки, затем его взгляд спустился ниже, к густым черным бровям. Потом он покачал головой и сказал: — Простите. Я, должно быть, ошибся.

— В чем именно? — спросил Мастерсон.

— Нет, ни в чем. Простите меня.

— Вы заинтересовали меня, — ухмыльнулся Мастерсон.

Его зубы блеснули в легкой усмешке, а из голоса исчезли властные нотки, и он стал мягким, но настойчивым.

— Ну, хорошо, — сдался доктор Думар. — У меня было впечатление, что частные экспедиции

во времени могут быть лишь на ограниченных участках, окруженных силовым полем. Наверное, я ошибался.

Улыбка, мерцавшая на лице Мастерсона, казалось, готова была совсем угаснуть, но тут вдруг вспыхнула с новой силой.

— У нас случилась авария, — пожал он плечами. — Наш джип врезался в силовое поле и закоротил его.

— Понятно, — кивнул доктор Думар. — Но вы же должны были оставаться на месте…

— А это мой помощник Брок Гардель, — быстро переключился Мастерсон.

Доктор Думар улыбнулся.

— Как дела?

Брок обменялся рукопожатием с геологом и повернулся к доктору Перри.

— Должно быть, у вас были трудные времена. Сколько времени вы тут блуждали?

— Примерно шесть месяцев, — ответил доктор Перри. Его карие глаза изучали Гарделя, словно новую форму жизни, которую нужно немедленно исследовать.

— И как же вы попали сюда? — спросил Гардель.

— Разумеется, были доставлены Времялазом, —

улыбнулся доктор Перри.

На мгновение на лице Гарделя возникло удивление.

— А, да! — закивал он. — Да! Конечно! Я хотел сказать…

— Брок только хотел спросить, не вы ли те два пропавших ученых, о которых в последнее время столько писали газеты? — пояснил Мастерсон.

Доктор Перри пожал плечами.

— Мы не видели газет с тех пор, как оставили настоящее восемь месяцев назад. И что там говорилось?

— Что-то о том, что в прошлую экспедицию вы обнаружили богатые урановые залежи…

Глаза доктора Перри на мгновение встретились со взглядом доктора Думара. Потом он медленно кивнул.

— Да, все верно. Насколько я знаю, это ни для кого не секрет. В прошлом году, во время нашего пребывания в Юрском периоде, мы с доктором Думаром наткнулись на фантастически богатое урановое месторождение. Мы доложили об этом правительству, и нас отправили обратно, чтобы получше исследовать этот район. Этим мы и занимались, когда заблудились.

— Понятно, — опять ухмыльнулся Мастер-

сон. — Значит, правительство решило здесь развернуть небольшое производство.

— Наверное, так, — согласился доктор Перри. — Думаю, это тоже не секрет. Нам требуется много урана. У ядерной энергетики впереди блестящие перспективы. И мы сможем помочь ей, если разыщем уран в необходимых количествах.

— И где же эти громадные залежи? — поинтересовался Мастерсон.

— А вот это, боюсь, является тайной, — улыбнулся доктор Перри.

— В самом деле? — удивился Мастерсон, театрально подняв брови.

— Мой коллега не собирается походить на шпиона из мелодрамы, — прервал его доктор Думар. — Но местоположение залежей — действительно тайна. Во всяком случае, до тех пор, пока правительство не решит, что с ними делать.

Мастерсон благодарно кивнул.

— Выходит, вы нанесли их на карту?

— Разумеется.

— Хорошо, — продолжал Мастерсон. — Это удачно, что мы наткнулись на вас. А то вы могли бы остаться здесь навсегда со всей вашей ценной информацией.

— Да, — согласился доктор Думар. — Я думаю, нам повезло повстречать вас. Мы жили за счет земли, поедая мелких рептилий и…

— Скажите, — прервал его Пит, — а как насчет горячего супа и бутербродов?

— Это просто превосходно, — облизнулся доктор Думар, кивая своей лысой головой.

— Фактически, — добавил доктор Перри, — это лучшее предложение, какое я услышал за последние шесть месяцев.

Мастерсон улыбнулся, тут же входя в роль гостеприимного хозяина.

— Кушайте все, что вам понравится, — предложил он, — после чего мы доставим вас к месту отправки. Так что не стоит волноваться.

— Мне бы не хотелось быть ушатом воды, — вступил Чак, — но я надеюсь, вы не забыли, что мы тоже не знаем, где это место. Давайте быстренько поедим, и нужно отправляться. Поиски могут занять больше времени, чем мы рассчитываем.

— Разумное предложение, — одобрил доктор Перри. — Ну-ка, Пьер, давайте отведаем этого супчика.

Оба доктора устроились у костра, и к ним присоединился Мастерсон, все еще играя роль хозяина,

ведя непринужденную беседу и посмеиваясь. Чак в это время думал о внезапной перемене в своем настроении и потому не обратил внимания на этого человека, который вел себя, как полный безумец. Похоже, он совершенно забыл о несчастном случае, во время которого погиб Оуэн, как забыл и то, что косвенной причиной несчастья является он сам. Но Чак не забыл. Снова и снова он думал об этом и задавался вопросом, почему случившееся вообще назвали несчастным случаем. Чак отдавал себе отчет, что это не так. Это была преднамеренная жертва. Оуэн отвлек динозавров, чтобы спасти своего брата и Мастерсона. Но если бы Мастерсон не погнал джип в сторону, противоположную той, куда бежали все остальные, если бы он не прилип к рулевому колесу, до судорог испугавшись бронтозавров… Чак покачал головой. Не было никакого смысла думать об этом. Мастерсон поехал не туда, его было почти невозможно оторвать от баранки джипа — и Оуэн теперь мертв. На какое-то мгновение Чак в отчаянии пожалел, что у него нет портативного Времялаза, который позволил бы ему вернуться на несколько часов назад, к тем ужасным событиям. Если бы он знал заранее… Чак подумал, а что было бы, если бы он оставил

Мастерсона умирать? Или он стал бы действовать точно так же и все равно помчался спасать Мастерсона? Что сделал бы Чак, зная, что жизнь Оуэна под угрозой?

Если бы кто-то пришел к вам и сказал: «Сегодня утром, по пути в школу, вы увидите, как грузовик сбивает человека. Если вы спасете его, то кому-то очень дорогому для вас причинят серьезную боль. А если вы позволите незнакомцу умереть, то вы и близкий вам человек останетесь невредимыми», что бы вы тогда сделали? Вероятно, оставили бы человека умирать. Или все равно стали бы его спасать, надеясь, что сумеете впоследствии все изменить и спасти также и того, кого вы любите…

Будущее!

Чак побледнел.

Будущее. А что там, в будущем? Разумом Чак не мог этого осознать, но уже не мог остановиться и не думать о последствиях гибели Оуэна.

Чак попытался избавиться от этих мыслей, но они упорно заполняли голову следующими, от которых его пробрала дрожь.

Оуэн умер за 100 миллионов лет до того, как родился!

Это означало, что в действительности Оуэна

вообще никогда не существовало. Это означало, что в настоящем должны были произойти катастрофические изменения. Чак только начал думать о самом маленьком из таких изменений, как они полетели в него градом пуль.

Его комната. В его комнате будет только одна кровать. Кровати Оуэна там не окажется, потому что Оуэна никогда не существовало. Исчезнут книги Оуэна, его вымпелы из колледжа, его кружка студенческого братства, его стол и его фотографии.

Зубная щетка Оуэна не будет лежать на полке в ванной. Старый велосипед Оуэна не будет храниться в подвале. У матери и отца Чака будет только один сын — сам Чак.

Все эти мысли беспорядочно крутились у Чака в голове. Это означает, что все бумаги Оуэна, его школьные тетради, его документы — все перестало существовать в тот момент, когда Оуэн погиб. Это означает, что отец с матерью, друзья Оуэна, все люди, которые хоть как-то общались с ним, неизбежно изменятся — в хорошую или плохую сторону.

Но ведь Оуэн существовал. Чак вырос со своим братом, он был… был…

Чак помотал головой, не в силах упорядочить

свои мысли.

— О чем задумались, Чак? — спросил кто-то у него за спиной.

Чак резко повернулся.

— Мой… мой брат… — пробормотал он.

Артур стоял, озадаченно глядя на него.

— Я и не знал, что у вас есть брат, — сказал он. — А что с ним?

Шок ударил Чака с силой кузнечного молота. Он открыл рот, пытаясь говорить связно:

— Но… Оуэн… мой брат Оуэн… Вы же знаете его… Оуэн! — Он схватил Артура за руки и уставился ему в лицо. — Вы знаете его! — закричал он.

Лицо Артура становилось все более озадаченным.

— Оуэн? — Артур беспомощно покачал головой. — Нет, простите, Чак, но я никогда его не встречал.

Чак стиснул Артуру руку.

— Не разыгрывайте меня, — глухо выдавил он. — Пожалуйста, не надо так шутить, Артур.

Глаза Артура затуманились.

— Знаете, я и не стал бы вас разыгрывать, Чак, — тихонько сказал он.

Чак резко повернулся и бросился к костру.

— Пит! — позвал он. — Пит!

Повар подошел к нему с удивленными зелеными глазами.

— Чак, что случилось?

— Мне… Мне нужно поговорить с вами. Конфиденциально.

Выражение лица Пита заколебалось между улыбкой и хмурым взглядом.

— Да. Пожалуйста.

Он оставил костер, и они отошли на несколько футов от Мастерсона и обоих докторов.

— Я хочу спросить вас кое-что… о моем брате, — начал Чак.

— О вашем брате?

— Об Оуэне. О моем брате Оуэне.

— А почему вы уверены, Чак, что я смогу вам помочь? — пожал плечами Пит. — Не понимаю, как…

— Но вы знаете его?

— Кого?

— Моего брата Оуэна.

— Нет, — ответил Пит, — не знаю. Но если вы думаете, что я чем-то могу помочь, то я рад.

— Пит! — закричал Чак. — Вы же видели, как его убили бронтозавры! Вы назвали Мастерсона убийцей! Вы…

На лице Пита появилось беспокойство.

— Чак, вы… С вами все в порядке?

— Пит, пожалуйста, скажите мне правду. Скажите, что вы видели. Расскажите, что было, когда за нами гнались бронтозавры.

— Пожалуйста, — сказал Пит и пригладил рукой ярко-рыжие волосы. — Вы повели нас к скалам и увидели, что эти животные направились за нами.

— Я повел вас к скалам?! Я?!

— Ну, да. А когда вы увидели этих животных, то сели в грузовик и отвлекли их. И в то время вы натолкнулись на Мастерсона в джипе, подъехали к нему и как раз вовремя вытащили его из машины. А потом вернулись и сказали, чтобы мы располагались лагерем. Вы были сердиты, не хотели разговаривать с Мастерсоном, а потом пошли осмотреть джип.

— Я пошел с лопатой, — перебил Чак, откашлявшись, потому что ему сжимало горло. — Я пошел похоронить…

— Да нет же, Чак. Не было у вас никакой лопаты.

— Пит, это правда? Вы ведь не разыгрываете меня?

— Нет, Чак, я не разыгрываю вас. А почему вы

подумали, что я…

Чак не стал слушать его дальше и вернулся к Артуру.

— Почему вы ушли от Мастерсона? — спросил он.

Артур пожал плечами.

— Ну, тут много чего было. Но когда я увидел, насколько он был близок к убийству вас обоих в джипе, я решил, что с меня достаточно.

— А Оуэн… Оуэн… — Чак покачал головой и, спотыкаясь, пошел к костру, где Мастерсон сидел с новоприбывшими.

— Мистер Мастерсон, — обратился он, — когда вы нанимали гида для этой экспедиции…

— Послушайте, Спенсер, — оборвал его Мастерсон, — надеюсь, вы не собираетесь снова обсуждать этот несчастный случай с джипом. В конце концов, мы живы и здоровы.

— Когда вы нанимали гида, — спокойно и медленно проговорил Чак, — то кого именно?

— Что? Я вас не понимаю.

— Кого вы наняли? Кто был вашим гидом?

— Разумеется, вы. — Брови Мастерсона нахмурились, взгляд стал озадаченным. — Что с вами, Спенсер?

— Ничего. Я… Я…

— Мне не хотелось брать такого молодого гида, но они сказали, что вам хорошо известна местность и… Вы уверены, что все в порядке?

Чак отошел от костра. Это уже произошло. Оуэн был вычеркнут, устранен, словно никогда не существовал. Чак теперь понял, почему все согласились с его лидерством. Их сознание уже приспособилось к факту, что Оуэна никогда не существовало. И, насколько они знали, Чак был их гидом с самого начала. Поэтому логично, что он и должен отвести их обратно к месту отбытия. И даже их воспоминания уже изменились. Инцидент с джипом был всего лишь опасной случайностью. Но никто не погиб, потому что не было никакого Оуэна.

Оуэн не просто исчез. ***Он никогда и не существовал.***

И все вокруг приспособилось к его отсутствию. Время избавилось от парадокса.

Чак опять покачал головой. Но если все… Он не понимал. Он ничего не понимал. Почему все забыли, что был человек по имени Оуэн, а он по-прежнему помнил? Произошло ли это просто потому, что он был ближе всех к Оуэну, что Оуэн оказал наиболее сильное влияние на его развитие? А со временем он забудет об Оуэне,

как и все остальные? И станет продолжать жить, словно у него никогда не было брата? Его ум, тело и память изменятся? И то же самое произойдет с родителями? И когда он посетит их в свободное время, они даже не вспомнят об Оуэне? Оуэн будет полностью стерт из-за того, что 100 миллионов лет назад принес себя в жертву, чтобы спасти остальных?

Нет!

Чак не хотел забывать Оуэна. Оуэн существовал. Оуэн был его братом. Чак цеплялся за эти факты, как будто цеплялся за свое здравомыслие. Он помотал головой. Похоже, уже начали появляться вещи, которых он не мог вспомнить о своем мертвом брате. Велосипед Оуэна был красный или зеленый? Уж его-то Чак должен был помнить. Велосипед стоял в подвале за лестницей, и Чак проходил мимо него каждый день. Он ведь красный, не так ли? Или… нет, нет, не зеленый! Чак снова замотал головой. Он ни в чем уже не был уверен.

Ему хотелось заплакать. Глаза застилали слезы, и он боролся, чтобы сдержать их. Он попытался вспомнить, как называлось студенческое братство Оуэна. Это какие-то греческие буквы. Альфа-Бета-Тау? Почему он не может вспомнить?

Фарфоровая чашка стояла на столе Оуэна, сколько Чак себя помнил, и это название было на ней написано. Эпсилон-Дельта-Мю? Он нахмурил брови. Нет, не так. Но как же оно называлось? Как?

Он уже начал забывать. Чак прикусил губу и почувствовал слабый соленый привкус во рту. Он не хотел забывать. Он не хотел…

— Ну-с, молодой человек, — прервал его мысли доктор Перри, — мы закончили обед и готовы выступить в путь, как только вы скажете.

Чак взглянул на палеонтолога.

— Что? А, да, конечно. Я…

— Если не возражаете, мы бы хотели вернуться в пещеру, чтобы забрать наши вещи и кое-какие инструменты.

— Нисколько, — сказал Чак.

— Мы вернемся через несколько минут.

«Несколько минут, — подумал Чак. — Бронтозаврам потребовалось лишь несколько минут, чтобы втоптать Оуэна в землю».

И за несколько минут была уничтожена целая жизнь.

Они шли, пока не стемнело, затем спали всю ночь. Утром поднялись рано, наскоро позавтракали и пошли дальше, стремясь поскорее отыскать место отправки.

Местность стала совершенно незнакомой. Чак не помнил ее. Они словно очутились в дебрях Африки без компаса, карты и проводника. Чак упорно думал над этой задачей. Он знал, что можно блуждать вечно, снова и снова проходя теми же местами и даже не подозревая об этом. Все выглядело одинаковым: деревья, скалы, животные — всё.

И, кроме острой необходимости отыскать место отправки, Чака мучила еще одна проблема.

Он забывал все больше деталей из жизни Оуэна. Он задал себе вопрос, какой колледж посещал Оуэн, и полчаса пытался вспомнить, потом бросил это занятие. Тогда он попытался вспомнить, какая у Оуэна была машина. Он знал, что машина была, но вот какой марки? Он видел ее ежедневно с тех пор, как она появилась у Оуэна. Он помогал брату мыть и полировать ее, учился на ней вождению. Он перебрал названия всех автомобилей, какие только знал, и в отчаянии бросил думать и об этом.

Казалось невероятным, что Оуэн погиб только вчера днем. И казалось еще более невероятным, что они пробыли в Юрском периоде всего лишь три дня. Чаку казалось, будто прошло три года.

Но прошедшие три дня означали, что у них

осталось только четыре дня на поиски места отправки. Этого было слишком мало. Четырех дней едва хватило бы лишь на то, чтобы перечислить название всех обитателей Юрского периода, но для поисков их было недостаточно.

И Чак стал думать: а что будет, если они вообще не найдут это место?

Незадолго до обеда он не выдержал и поговорил об этом с Дениз.

— Это напоминает один из тех лабиринтов, в которых заставляют бегать лабораторных крыс, — сказал он. — Место отправки — кусочек сыра в конце лабиринта. Но в лабиринте полно тупиков и ложных ответвлений. — Он покачал головой. — Интересно, сколько крыс на деле доходит до сыра?

— А как вы думаете, что будет, если мы не найдем это место?

— Не знаю, Дениз. Не знаю. Я не узнаю эти места, они все слишком одинаковы.

Дениз вздохнула и смахнула упавшую на лоб прядку светлых волос.

— Вы вообще знаете, что ищете?

— Да, знаю. Пару гигантских белых скал, устремленных в небо. И когда мы найдем их, я буду знать, где находится место отправления. Но до

тех пор нам нужно только идти и надеяться, что мы идем в нужном направлении.

— Две белые скалы, — пробормотала Дениз.

— И слава Богу, что они белые! — с жаром добавил Чак. — Представляете, как бы мы их искали, если бы они были зелеными?

Дениз рассмеялась, но это был невеселый смех.

В полдень Чак увидел озеро.

— Артур! — позвал он.

— Да, Чак? — спросил, подбежав к нему, Артур.

— Посмотрите на озеро. Оно выглядит каким-то знакомым.

— Разве? — Артур пристально поглядел на искрящуюся поверхность далекого озера. — Похоже на все остальные озера, которые мы встречали, — ответил он.

— Подойдем к нему поближе. Может, тогда станет ясно.

Они пошли к озеру, пробиваясь через густые заросли кустов, скрывающих их с головой. Это был трудный путь. Приходилось бороться за каждый шаг. Нельзя было расслабиться ни на мгновенье. Вся природа, казалось, боролась с нарушителями, стремясь помешать их вторжению. К озеру они подошли лишь на исходе дня, и как только нашли место для лагеря, Пит тут же принялся

готовить ужин.

— Мне кажется, мы на верном пути, — предположил Чак. — Я думаю, это то самое озеро, где мы расположились лагерем после стычки со стегозаврами.

— А я думаю, вы не правы, Спенсер, — возразил Мастерсон.

— Почему?

— Потому что я думаю, что с тех пор, как мы встретили уважаемых профессоров, мы идем не в том направлении. Именно поэтому.

— Но это же не причина. Вы просто сказали: «Я думаю, что вы не правы, потому что я думаю, что вы не правы». Но почему вы так думаете?

— Назовите это интуицией, — прищурился Мастерсон. — Или просто умением ориентироваться. Однако я знаю, что мы идем не в том направлении. Я думаю, нам следует вернуться к тому месту, где мы нашли наших новых спутников, и оттуда двинуться в другом направлении.

Чак вздохнул и провел пальцами по своим коротким волосам.

— Не знаю. Может быть, вы и правы.

Внезапно он понял, что говорит с Мастерсоном обычным тоном. Острой болью вернулась память об Оуэне, и Чак почувствовал себя виноватым, по-

тому что забыл его. Он отвернулся от Мастерсона, спустился к воде и стал смотреть на противоположный берег озера.

Вот так оно и будет? Он станет забывать об Оуэне все чаще, а потом вообще не вспомнит о нем. И, в конечном счете, он забудет, что Оуэн погиб из-за Мастерсона? Но как он может это забыть?

Как он может забыть столь очевидный факт, как то, что на противоположном берегу озера стоят две белые скалы? Или человеческая память действительно способна включаться и выключаться извне?..

Две белые скалы!

Он внезапно шагнул вперед и чуть было не угодил в озеро. Широко раскрыв глаза, он удивленно уставился вперед.

— Скалы! — закричал он во весь голос. — Две скалы! Вон там!

Он повернулся и бросился к лагерю.

— Скалы! На другой стороне озера! Это те самые скалы!

— Вы действительно уверены? — спросил Артур.

— Да, я уверен, — ответил Чак. — Я уверен! — Он хлопнул Артура по спине. — Мы доберемся до места, Артур. Мы в самом деле туда доберемся.

— Чудесно! — восторженно взвизгнула Дениз.

— И как мы поступим? — спросил Пит. — Давайте поужинаем и ляжем пораньше спать, а поутру отправимся в путь.

Чак посмотрел на скалы, потом на окружающую местность. Он вспомнил, сколько им понадобилось времени, чтобы обогнуть озеро. Если снова начать прорубаться по берегу, то можно и не успеть добраться до места.

— Простая геометрия, — внезапно сказал он.

Гардель хмуро взглянул на него.

— Что?

— Геометрия. Какое самое короткое расстояние между двумя точками (а в нашем случае самое быстрое?) Прямая линия!

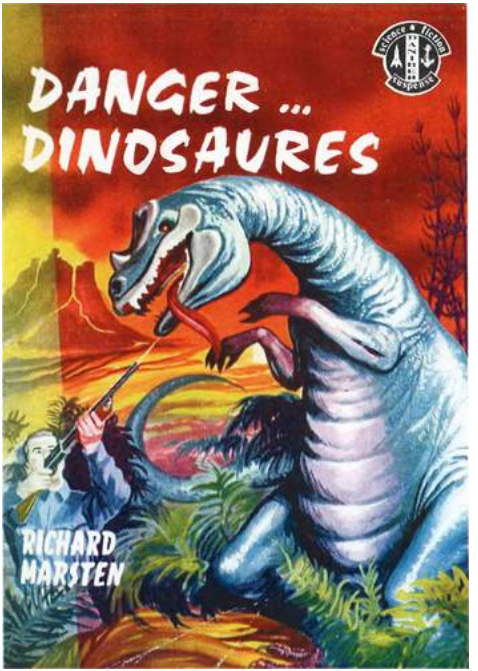
Доктор Думар посмотрел на озеро.

— Вы хотите пересечь его? — спросил он.

— Правильно! Давайте поужинаем и начнем строить плот. Как только закончим, то отправимся в самое первое в Юрском периоде плавание на плоту.

— Это может сработать, — сказал Артур.

— Только это и может сработать. — Чак посмотрел на две белые вершины и пробормотал так, что его никто не услышал: — Только бы это сработало…



Глава 11
ЗЛОБНЫЕ ВОДОПЛАВАЮЩИЕ

Они не отплыли следующим утром. Чак был разочарован, но скрыл свое разочарование и весь

сконцентрировался на постройке плота. Он надеялся, что они сумеют закончить его накануне после ужина, но не учел два важных момента. Во-первых, плот должен быть достаточно большим, чтобы удержать восьмерых, и, во-вторых, их единственным инструментом был довольно тупой топор.

Но теперь они работали нетерпеливо, понимая, как важна каждая минута. Но к середине утра дело было не сделано даже наполовину. Чак уже начал сомневаться, было ли умно на самом деле выбрать водный путь, а не сухопутный. Он видел, как помрачнели лица людей, поскольку давно уже наступил день. Даже Пит, занятый приготовлением выглядевших на удивление современно омаров и крабов, не казался счастливым.

Сначала они рубили толстые пальмы. Работа шла медленно и тяжело. Топорик был того типа, который брали с собой бойскауты. Чак предпочел бы, чтобы у них имелся настоящий тяжелый топор дровосека, или чтобы их топорик был хотя бы острым.

Работали посменно. Топор переходил от одного к другому, по дюжине раз каждые полчаса: от Чака к Артуру, потом к доктору Перри, потом к доктору Думару, и так далее, снова и снова по

кругу. Пит добавил к обычному рациону моллюсков и десятиногих раков, найденных в озере. Дениз не работала, потому что Чак отклонил ее предложение помахать топором. Поход начал сказываться на ней, и Чак видел, что девушка до крайности утомлена.

Мастерсон и Гардель отказались участвовать в том, что назвали «дурацким предприятием». Чак не пытался их заставить. Он был слишком занят и не хотел терять на это время.

К полудню они решили, что срубленных бревен хватит, и начали связывать их.

Плот должен быть не только большим, но и достаточно прочным, чтобы на нем можно было проплыть по длинному озеру. Чак также учитывал вероятность встретить в воде динозавров, хотя и не видел с берега ни одного. Поэтому плот должен быть достаточно крепким, чтобы выдержать удар хвостом или лобовое столкновение с любым крупным животным. Кроме того, ему придется противостоять ударам волн.

Работа получилась не из легких.

Они использовали все имеющиеся у них веревки, потом в ход пошли виноградные лозы, которые они сплетали в канаты.

К трем часам дня, не останавливаясь на обед,

они выполнили половину работы. Пит поставил охлаждаться вареных омаров и присоединился к работающим. Дениз трудилась над лозами, скручивая из них канаты. Только Мастерсон с Гарделем упорно утверждали, что группа неправильно выбрала направление, и потому отказались участвовать в том, что называли «затеей Чака».

В шесть тридцать все пошли ужинать. К тому времени путешественники измотались, а день подошел к концу. Чак уже не надеялся закончить строительство плота до сумерек. Он только хотел, чтобы они построили его не позже завтрашнего полудня. После ужина они продолжили работу и трудились почти до полуночи при свете огромного костра.

На утро пятого дня они спустили свое судно на воду. День был умеренно теплый, Чаку хотелось скинуть одежду и обувь и поваляться на берегу под теплым солнышком. В озере отражалось безукоризненно синее небо, раскрытое наверху гигантским пляжным зонтиком. Папоротники слегка трепетали под нежным бризом. Это был день, предназначенный для того, чтобы просто помечтать. День, когда хотелось посидеть с удочкой на берегу, и чтобы в зубах была травинка.

День походил на начало весны и давал Чаку ощущение, что их проблемы будут наполовину решены, как только они пересекут озеро.

Чак глядел, как берег удаляется от плота, и испытывал странную радость, радость, заставлявшую его сердце биться сильнее.

Плот оставлял за собой след на воде, слегка морщиня напоминающую зеркало гладь озера. Когда он отошел подальше от берега, мужчины опустили в воду весла. Плот двинулся вперед, глотая расстояние, как голодная черепаха.

Но когда они добрались до середины, их подхватило течение.

— Нас кружит! — заорал Мастерсон. — Я же говорил, что это просто глупое…

Плот сперва накренился на правый борт, затем, подхваченный сильным потоком, стал кружиться сначала медленно, а потом все быстрее. Это походило на сумасшедшую карусель. Чак упал на живот, цепляясь пальцами за щели между бревнами.

— Ложитесь! — закричал он.

Он увидел, как оба ученых упали на колени. Мастерсон с Гарделем уже распластались на палубе, крепко держась, поскольку плот все набирал скорость. Артур несколько секунд колебался,

затем упал рядом с Питом, который намотал на кулак веревку, свисавшую с края плота.

— Дениз! Ползите сюда! — закричал Чак.

Он видел, как девушка опустилась на колени, вслепую шаря руками перед собой. Потом она упала ничком. Чак изо всех сил попытался приподняться и встать на колени, хотя его уже тошнило из-за вращения. Внезапно плот встряхнуло, он выскочил из водоворота и был подхвачен потоком, повлекшим его вперед по прямой. Затем путешественников поймал другой поток, отклонивший движение плота в сторону, точно бильярдный шар.

Чак пополз к Дениз, которая по-прежнему стояла на коленях и начала скатываться к краю плота.

— Дениз! — крикнул он.

Водяные потоки играли плотом, как мячом, бросая из стороны в сторону, точно большую круглую подушку. Потом плот резко накренился, и Дениз покатилась к краю. Мелькнули ее длинные ноги, какую-то секунду руки пытались уцепиться за край плота.

Затем она оказалась в воде. Ее белокурая головка исчезла под водой, потом вынырнула, как желтый поплавок, и тут же девушку отнесло в

сторону. Через десяток секунд она была уже футах в тридцати от плота, и расстояние с каждый секундой все увеличивалось. Чак перекатился по плоту, задержался у края, чтобы скинуть обувь, и нырнул в воду.

Вода была холодной. Она накрыла его с головой, как ледяная могила. Чак почувствовал, как что-то хватает его за ноги, и увидел перед глазами круговерть водоворота. Он взмахнул руками и выбрался на поверхность. Вынырнув из воды, он широко раскрыл рот, делая большой вдох. Далеко впереди, как золотистое пятнышко солнечного света на воде, он увидел светлую головку Дениз.

Чак тут же с силой поплыл вперед против течения. Руки заболели от напряженной борьбы с водой, тело онемело от охватившего его ледяного холода, но он продолжал плыть. Он слышал позади невнятные голоса, но они сливались в общий гул. И плот, и люди остались в прошлом. Единственной реальностью осталась вода, с которой приходилось бороться.

Дениз не издавала ни звука. Работая руками, она держалась на поверхности озера, ее губы дрожали от холода. Чак стиснул зубы, когда увидел, что голова девушки исчезла под водой. Он поплыл еще быстрее, соломенные волосы

появились на поверхности и через несколько мгновений опять погрузились в воду. Чаку оставалось совсем немного, но силы были на исходе.

Ему хотелось сдаться. При любом движении нестерпимо болел каждый мускул, пронзительно кричал каждый нерв, моля о пощаде. Голова Дениз показалась над водой в третий раз. Девушка открыла рот, Чак увидел ее глаза, полные страха.

Затем она снова погрузилась в воду.

Чак тут же нырнул, сине-зеленая завеса сомкнулась над ним. Вода была прозрачной, и Чак увидел, как девушка медленно опускается вниз, ее короткие волосы колыхались, как водоросли. Чак почувствовал, как вода давит на барабанные перепонки, когда он погружался все глубже в погоне за девушкой. Протянув застывшую руку, он ощутил ее волосы и, резко захватив их в кулак, устремился вверх, по-лягушачьи работая ногами.

Солнце бросало бледно-золотистые отблески на поверхность воды, точно на металлическую крышку прохладного гроба. Чак стремился к этой поверхности, стараясь не думать о тянущей его вниз Дениз, о боли в легких и безумно колотящемся сердце.

Вода почему-то стала темнеть, совсем посинела, потом стала почти черной. Чак испугался, что

теряет сознание. Его легкие готовы были разорваться. В них больше не осталось воздуха, а озеро дрогнуло и начало меркнуть у него в глазах. Но он по-прежнему стремился вверх — к свету, к жизни, и, наконец, его голова пробила поверхностный слой и оказалась над водой. Чак вытащил на поверхность Дениз, заглянул ей в лицо и слегка успокоился. Он глотал сладкий, чистый, свежий воздух, наполнявший грудь, и несколько секунд отдыхал, затем вспомнил о плоте.

— Чак!

Голос не сразу, с трудом дошел до него.

— Чак!

Голос принадлежал Артуру. Добрый старый Артур! Добрый старый приятель был на плоту, пытаясь ему помочь, возможно, поджидая его с одеялом.

Но второй голос принадлежал не Артуру.

Быстрые, оглушительные, зловеще раскатывающиеся звуки, преисполненные силы и власти.

Это был голос мощной винтовки.

Чаку потребовалось немало времени, чтобы понять, что происходит. Почему они стреляют в него?

Снова раздался выстрел, и футах в трех позади Чака взлетел фонтанчик воды.

— Чак! Сзади! — это кричал доктор Перри. — Ихтиозавр!

Ихтиозавр? Мозг Чака выдернул это слово из памяти, прокрутил его в ней. Ихтиозавр. Ихтиозавр? Прошу прощения, сэр, но мы с вами где-то встречались? Имя знакомое, но облик ускользает от меня. Ихтиозавр, ихтиозавр… Его память листала страницы книги, и слово медленно обретало плоть.

Винтовка стреляла снова и снова, но Чак не оглядывался. Он продолжал тащить за собой Дениз, одновременно пытаясь вспомнить, что такое ихтиозавр и почему доктор Перри так взволнован, кроме того, он задавался вопросом, во что же они стреляют.

Ихтиозавр большой? Да, конечно, большой.

Выстрелы зазвучали ближе, поскольку Чак приближался к плоту.

Огромное сильное тело, 25–30 футов в длину, с четырьмя плавниками плавает по воде с помощью изгибов туловища и хвоста. Рыба? Нет, не рыба. Это динозавр, который приспособился к жизни в воде. Динозавр со спинным плавником, как у акулы, и сильным хвостом с двумя вертикальными лепестками. Особое внимание стоит обратить на голову. Ее длина три фута; вытянутая

морда и целых двести острых зубов, в тонких, похожих на клюв челюстях.

Это и есть ихтиозавр quadricissus.

С челюстями, способными раскрываться очень широко, и зубами, предназначенными рвать мясо.

Ихтиозавр — ***плотоядное*** животное.

Плотоядный ***хищник!***

— Чак, сзади!

И снова рев винтовки.

Чак повернул голову и увидел через плечо похожие на рапиры челюсти и вспыхивающие в солнечных лучах белые зубы. Внезапный страх окутал его тело липким холодом. Он с трудом вздохнул и услышал, как винтовка выстрелила опять. Ихтиозавр выпрыгнул из воды, показывая темно-серые бока и влажно мерцающий, белесый живот, выглядевший холодным и твердым.

И вдруг на этом животе расцвел яркий цветок.

Раздался выстрел, и волшебный красный цветок распустился на белоснежной плоти.

«Все в порядке», — подумал Чак. Ихтиозавр убит, и единственное, что теперь ему нужно сделать, это дотащить Дениз до плота, а затем можно расслабиться на теплой палубе, под горячим солнцем…

— Отличный выстрел! — закричал кто-то. — Давай еще!

«Еще? — подумал Чак. — Зачем?»

Опять загремели винтовки, на этот раз все одновременно. Справа от плота вода взметнулась в воздух и каскадом вылилась сверху прямо на темную голову Артура.

Чак смотрел на Артура и заметил топор, зажатый в его руке.

— Я иду! — крикнул Артур. — Держись, Чак!

Чак глубоко вздохнул и обернулся. И увидел позади огромный, режущий воду, спинной плавник ихтиозавра, яростный бросок челюстей, вырывающих кусок из тела мертвого сотоварища, и потоки крови, быстро распространяющиеся по темной воде.

Чак подтащил к себе Дениз и стал загребать одной свободной рукой.

Сзади послышался плеск воды. Это рептилия нагоняла его.

Глава 12
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Чаком овладело странное чувство, будто происходящее не имеет к нему никакого отношения.

Словно ихтиозавр, плывущий позади, не был угрозой для его жизни. Словно Артур, неуклюже плывущий с зажатым в руке топором, не имел к нему никакого отношения.

Чак хотел только добраться до плота и продолжал плыть вперед. Дениз мертвой тяжестью висела на его руке. Потом Артур миновал его, позади раздался скрежет зубов, заглушенный громом в ушах.

Затем перед глазами внезапно закачался деревянный край плота. Чак протянул свободную руку и ощутил грубую поверхность бревна. Чья-то сильная рука схватила его за запястье, но он слабо покачал головой, показав, чтобы они сперва втащили на плот Дениз.

Когда рука неожиданно освободилась от веса девушки, Чак почувствовал себя таким легким, словно мог тут же взмыть в небо. И он взмыл в небо, когда сильные руки сдавили его подмышками. На предплечьях этих рук он увидел рыжие волосы и понял, что его спасителем был Пит. Затем его осторожно положили на палубу.

— Искусственное ды… — Чак жадно вдохнул. — Дениз. Искусственное дыхание…

Перед лицом маячили ботинки и чьи-то босые ноги. А дальше, в воде, он увидел, как коричневая

фигура подняла руку, готовясь отразить удар мечеподобных челюстей. Коричневые пальцы сомкнулись на них, а вторая рука нанесли сильный удар топором по конической голове громадной рептилии. Топор взмывал вверх снова, и снова. Артур не отпускал при этом челюстей. Вокруг бурлила вода, взметаемая отчаянно бьющейся рептилией. При каждом взмахе топора лилась кровь.

«Его же убьют, — подумал Чак. — Артур сейчас умрет…» Чернота нахлынула на него столь же внезапно, как судный день, и чак погрузился в долгожданное забытье.

— Он приходит в себя, — послышался чей-то голос.

Чак не открывал плотно зажмуренных глаз, ощущая вокруг оранжевый жар.

Голос отступил и провалился в длинный черный туннель. В нем появилось тусклое пятнышко света и стало расти, пока не заполнило сознания Чака целиком, без остатка.

На лице он чувствовал тепло, и это было приятно. Так приятно, что не хотелось, чтобы это проходило. Глаз он не открывал, потому что погрузился в мечты и не хотел, чтобы эти грёзы закончились.

Потом его веки задрожали.

Он почувствовал, как пальцы сжались и разжались сами по себе, потом моргнул, открыл глаза и тут же снова закрыл их.

— Чак? — позвал чей-то голос.

Он хотел ответить, но не мог обрести дар речи. Он пытался что-то сказать, но распухший язык едва ворочался в пересохшем горле, и все, что он мог произнести, было неразборчивое: «угггххххх».

— Чак? — повторил голос.

Теперь он прозвучал немного яснее и намного ближе.

— Да, — сказал Чак и удивился, что, в конце концов, что-то смог произнести.

— Чак, это Пит. Ты в порядке?

— Да. Все хорошо.

Чак открыл глаза, и в них ударил солнечный свет. Он быстро зажмурился, удивленный тем, что в ноздри проникли сочные запахи растительности.

Через какое-то время он вновь осторожно открыл глаза и увидел, что лежит на земле, а кругом растут папоротники.

— Дениз? — спросил он, пытаясь подняться на локте.

— С ней все в порядке, — сказал Пит. — Потре-

бовалось искусственное дыхание, но теперь с ней все в порядке.

Чак боялся задать следующий вопрос, но все же пришлось.

— Артур… Он… как?..

И услышал в ответ громкий смех, эхом отозвавшийся в ушах, а потом низкий голос Артура:

— Ну, Чак, потребуется нечто большее, чем жалкая рыбешка, чтобы прикончить меня.

Чак не стал говорить Артуру, что ихтиозавр — рептилия, а не рыба. Вместо этого он сжал ему руку и улыбнулся.

— Спасибо, Артур, — поблагодарил он. — Спасибо. А… остальные?..

— Целехоньки. Это только я наслаждался купанием.

— Как я понимаю, мы переплыли озеро, — Чак сел и осмотрелся. И увидел вдалеке две белые скалы, устремленные в небо.

— Да, мы переплыли озеро, — подтвердил Пит. — Как только мы избавились от ихтио-как-там-дальше, то остальное было легко.

Чак снова взглянул на белые скалы.

— Вот наша цель, — показал он и сделал паузу. — Как вы думаете, мы доберемся туда вовремя?

— А почему бы и нет? — спросил Артур. — Переправой через озеро мы выиграли два дня. За это время можно много успеть пройти…

— Доберемся, — прервал его Пит. — Но сперва я приготовлю вам горячий обед.

— А может, нам пора идти…

— Не раньше, чем вы с Дениз поедите, — твердо сказал Пит.

Чак заметил, что у повара винтовка все еще за спиной, и подумал, почему он прежде сомневался в лояльности Пита. Он сел, подтянул колени к груди и стал смотреть, как Пит разводит костер. Рядом Мастерсон оживленно беседовал с учеными. Гардель стоял один поодаль, равнодушно дымя сигаретой. Тут же Чак заметил Дениз, спокойно лежавшую на одеяле посреди лагеря. Он встал и покачнулся, обнаружив, что его ноги не так сильны, как прежде, потом направился к девушке.

— Привет, — спросил он. — И как вам утреннее купание?

— Просто восхитительно, — ответила Дениз. — Купание, как ничто другое, пробуждает аппетит.

— Да, мой брат всегда так говорил… — Чак резко замолчал, не зная, как закончить предложение. Кроме того, он не мог вспомнить, что обычно

говорил Оуэн. Что-то о купании, конечно, но что именно? Что?

— Чак, вы хорошо себя чувствуете?

Он улыбнулся Дениз.

— Да-да, все в порядке. Я слышал, что вас вернули от самого входа в Рай?

— Наверное, виновата вода, которой я нахлебалась, — засмеялась Дениз. — Видите ли, по утрам я предпочитаю апельсиновый сок.

— Конечно, — кивнул Чак. — Я полностью разделяю ваше мнение.

Они оба громко рассмеялись и тут же замолчали, услышав, как хрипловатый, немелодичный голос громко затянул:

Мне бронтозавры на рагу,
А эти ихтио — в уху
Вполне годятся в лучшем виде,
Пожаловаться не могу.

— О, нет! — простонал Чак. — Он уже сочиняет собственные куплеты.

Ведь повар в Юрском — тот же повар,
А повар — это я.
Раз, два, три, четыре, пять,
Пора обедать начинать.

И Чак подхватил последнюю строчку:

— Пора обедать начинать.

После того как Чак с Дениз поели, все собрались и двинулись к белым скалам. Доктор Думар бежал впереди, как нетерпеливый коккер-спаниель, собирая, где только можно, камешки и держа геологический молоток в одной руке, а собранное по пути — в другой.

Доктор Перри, наоборот, держался возле Чака, рассказывая о различной флоре и фауне Юрского периода. А потом шелест крыльев над головами объявил о том, что у них гость, и Чак задрал голову, ожидая увидеть птерозавра. Но он был удивлен, когда вместо него увидел самое неуклюжее существо, какое когда-либо встречал.

У этого животного были отличительные признаки птицы: клюв, оперенные крылья и способность летать. Но на этом сходство кончалось, потому что у него также имелся длинный хвост, а из клюва торчали острые зубы рептилии.

— А это, друг мой, — указал доктор Перри, — одна из первых птиц. Зовут ее археоптерикс из рода macrura.

Чак покачал головой.

— Не очень-то она походит на птицу. Скорее уж

выглядит, как… белка-летяга, что ли?

— Нет, — сказал доктор Перри. — Большинство зоологов согласно, что археоптерикс является первой птицей. У него птичьи ноги и череп, оперенные крылья и хвост, хотя зубы, как у рептилии. Он, конечно, еще далек от современных птиц, но все же он птица.

Чак снова посмотрел на летающее существо.

— Но его хвост…

— Фактически, — не дал ему договорить доктор Перри, — хвост, вероятно, самая интересная его особенность. У современных птиц хвост рудиментарен, заканчивается у самого копчика и снабжен длинными перьями, улучшающими их полетные характеристики. Но взгляните на этот экземпляр. — Он указал пальцем на археоптерикса, как раз совершающего неуклюжий, колеблющийся полет.

— Его хвост состоит из многих позвонков; если быть точным, у него двадцать один сустав.

— И что это значит? — поинтересовался Чак.

— Существенно в этом то, что хвост археоптерикса отличается от хвостов современных птиц точно так же, как плавники самых древних рыб отличаются от плавников современных.

— А как переводится слово «археоптерикс»? —

спросил Чак.

— Это означает «исконно крылатое существо».

— А macrura?

— Просто «длиннохвостые».

— Длиннохвостое, исконно крылатое существо, — повторил Чак.

— Выходит, таково его полное имя. Но проще говорить «археоптерикс».

— Да, верно, — улыбнулся доктор Перри, помолчал и продолжил: — Некоторые зоологи считают, что признаки рептилий в нем доминируют, и нужно называть эту птичку все же еще рептилией, а не птицей. Но все же одно бесспорно.

— И что именно?

— Птицы произошли от рептилий.

— Гм…

— Но не обязательно от птерозавров или других летающих ящеров.

— Понятно, — кивнул Чак.

— Вы должны простить мне столь длинное пояснение, — вновь улыбнулся доктор Перри. — Меня иногда заносит, и я забываю, что не читаю лекцию перед аудиторией.

— Я, в общем-то, не возражаю, — честно признался Чак.

— Вы слишком терпимы. Вероятно, вам и так

все это известно, ведь вы же гид.

— А? Что?

— Ну, да. Вы же гид экспедиции, не так ли?

— Мой брат… — начал было Чак, но тут же замолчал.

Не было смысла даже пытаться все объяснить. Какой смысл рассказывать ему, что экспедицию вел Ной, пока не погиб, когда за ними гнались бронтозавры. Ной уже ничего не значил ни для кого, кроме Чака. Ной…

Чака внезапно словно огрели дубиной. Ной?

— Что-то не так? — спросил доктор Перри.

— Нет-нет, ничего, — покачал головой Чак. — Все в порядке.

И все же… Ной? Что-то было не так в этом имени. Ну, да, конечно. Его звали не Ной! Его звали… звали…

Грудь Чака стиснула внезапная паника.

Как звали его брата?

Не Ной, конечно. Что-то похожее, но не Ной. Что-то вроде Аарона… Оррина… Нет-нет, не то. Но что именно? Боль, словно от удара плетью, прошла по его телу — боль от усилий, с которыми он пытался заставить себя вспомнить…

— Вы действительно уверены, что с вами все в порядке? — настаивал доктор Перри. — То время,

что вы провели в воде…

— Все хорошо, — резко сказал Чак, прикусил язык и повторил: — Простите, доктор Перри, я только… я…

— Вероятно, вы сейчас чувствуете слабость, но со временем…

— Оуэн! — вдруг выкрикнул Чак, испытывая нахлынувшее на него громадное облегчение. — Оуэн!

Доктор Перри с удивлением уставился на него.

— Не понимаю, — растерялся он.

— Не важно, доктор Перри, — ответил Чак. — Но громадное вам спасибо. Ваши слова напомнили мне кое о чем, что я уже… что я почти… — Он замолчал, не в силах произнести слово «забыл».

Но он не забыл. Он все еще помнил. Оуэн не сохранился в памяти никого из тех, кто его знал, но Чак его никогда не забудет. «Никогда, — поклялся он самому себе. — Никогда!»

Он плотно сжал губы и уставился на далекие белые скалы.

Местность, по которой они шли, стала совсем труднопроходимой.

Две скалы маячили впереди, как обещанный приз, и, казалось, вообще не приближались. Они стояли на горизонте, как два монарха, презри-

тельно взирающих на свои владения, — король с королевой, гордые, холодные, неприступные.

А растения были охраняющей их покой армией. Они бросались на захватчиков, вырастали перед ними стеной и с поразительным упорством удерживали свои рубежи. Монархи же усеяли путь ловушками: глубокими ямами, заполненными жидкой грязью, острыми камнями, широкими расселинами, и достаточно было одной ошибки, чтобы запросто сломать ноги.

Люди вели битву с природой. Впереди шел Артур, держа в сильной руке топор и срубая им противника. За ним Пит с топориком для разделки мяса обрубал мешающие идти ветки. Остальные следовали позади — усталые, готовые вот-вот рухнуть на землю.

В довершение ко всему постоянно ныл Мастерсон. Он бесконечно повторял, что они идут не в ту сторону. Чак старался пропускать его стенания мимо ушей, доверяя больше своей памяти, нежели предположениям Мастерсона.

Чак вовсе не был уверен, что они придут на место отправки вовремя. Он даже не был уверен, что они вообще доберутся туда.

Пару раз Артуру пришлось стрелять и убить двух мелких хищников, осмелившихся напасть

на их маленький отряд. Хищники были некрупными, но даже их не сразу остановили пули, покрытые стальной оболочкой.

А Чак подумал об аллозавре. Интересно, каков был бы итог, натолкнись они на этого страшного хищника? Он скрестил пальцы, благодаря судьбу, что им не встретился ни один из этих гигантов. Но может ли удача длиться вечно? И чем им тогда помогут винтовки? Он подумал о громадном чудовище с острыми, как бритва, зубами и когтями, и по спине пробежала дрожь.

Небо позади двойной скалы стало ярко-красным, потому что солнце уже спряталось за горизонт, а из красного постепенно становилось оранжевым и еще более темным — фиолетовым. Затем небо поспешно скрыли сумерки, и наступила ночь, укрыв землю черным, как смоль, плащом. Белые скалы смутно маячили в темноте, на небе появились резкие, точно выклеванные белым клювом из черного бархата, звезды.

Чак нехотя остановил отряд на ночлег, хотя знал, что завтра уже наступит шестой день. Время летело стремительно. Он хотел было обсудить с остальными возможность продолжать движение всю ночь, но один взгляд на Дениз сообщил ему, что необходимо остановиться для сна и отдыха.

Пит быстро сварганил вкуснейший ужин, и люди стали готовиться ко сну. Никого не пришлось уговаривать. Все быстренько завернулись в одеяла и мгновенно уснули.

Чак встал на дежурство первым, сказав Артуру, что разбудит его через два часа.

Потом он сидел у костра, слушая такое знакомое потрескивание веток. Лес вокруг бормотал, вздыхал и шипел, наполняя воздух непривычными звуками. А Чак вспомнил об осеннем лесе в своем родном времени, о деревьях, покрытых красной и желтой листвой, о том, как воздух напоен запахами приближающейся зимы. Он думал о Хэллоуине, сочных красных яблоках и хрустящем картофеле. Он думал о брате, курившем трубку во время их длительных походов по лесам, когда под ногами хрустели сухие листья, а природа одевалась в красивый осенний наряд. Он думал о свинине, жарившейся на гриле, о капавшем на огонь жире. И о том, как язычки пламени подпрыгивают всякий раз, когда на них попадает капля жира, и как разносятся вокруг в холодном прозрачном воздухе аппетитные мясные ароматы. Чак почти чувствовал, как жесткий твидовый воротник трет сзади шею, но одновременно дает тепло, и как пахнет зимняя одежда, которую

вынимают из шкафа после летнего сезона. И все это были сладко-горькие осенние воспоминания — память о смерти лета и о чугунных небесах, предвещавших приближающуюся зиму. Потом Чак подумал о доме, и его охватила все-подавляющая ностальгия. Знакомые места и вещи. Знакомые лица. Дом. Его родное время.

Чак настолько углубился в мысли, что когда земля под ним яростно затряслась, он не сразу понял, что происходит.

Глава 13
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СКАЛ

Сперва Чак подумал, что заснул и видит сон. Потом взглянул вперед и даже подпрыгнул, а сердце мгновенно заколотилось где-то у горла. В трех шагах от него земля широко разверзлась, как ухмыляющаяся пасть.

Чак сделал шаг, но тут земля ударила по ногам, и он упал на колени. С трудом снова поднявшись, он стоял, шатаясь, на краю распахнувшейся перед ним пропасти. Затем, не глядя, что там внизу, перепрыгнул через расселину и приземлился на четвереньки на другой ее стороне.

— Подъем! — закричал он, сорвал с плеча вин-

товку, передернул затвор и выпалил в воздух.

Теперь он понял, что происходит. Он знал это чересчур хорошо.

Чак снова поднялся на ноги, но тут же был сбит очередным толчком. Земля судорожно корчилась, содрогаясь.

— Проснитесь! — со всей мочи проревел он, и услышал голос Артура:

— Что происхо…

Мастерсон тоже проснулся, и Чак услышал его отчаянный вопль:

— Вот такие пироги! Землетрясение!

К нему присоединились голоса других членов отряда — хриплые голоса еще не пришедших в себя после сна людей. Было темно, а темнота всегда производит беспорядок и страх. Но сейчас в этом была повинна не одна лишь темнота. Любой человек, едва проснувшись и увидев, что земля под ногами трясется и вздымается волнами, был бы растерян и напуган. Добавьте к этому, что люди находились в совершено чужом мире, и в результате получите неизбежный хаос.

Чак ринулся вперед, по подпрыгивающей под ногами земле.

— Чак! — услышал он крик доктора Перри.

Узнав в темноте его голос, Чак попытался опре-

делить местонахождение палеонтолога.

— Сюда, Чак! Я здесь!

В спешке Чак налетел на доктора и чуть не сбил его с ног. Доктор Перри схватил парня за плечо и затараторил:

— Это смещение пластов, Чак, весьма нередкое в эти времена. Вы уже сталкивались с подобным?

— Нет, сэр! Я… — Он не закончил фразу, потому что в этот момент земля больно ударила его в подошвы, едва не сбив с ног.

Откуда ни возьмись, возле него оказался доктор Думар. Голос француза прозвучал непривычно тихо, с мягким акцентом:

— Нужно выбираться отсюда, Чак. Такие смещения очень-очень плохи. Земля начнет изгибаться, трескаться, раскрываться. Если это небольшой местный очаг, то нужно попытаться убежать подальше от него.

— Хорошо, — согласился Чак и сглотнул огромный комок в горле. — Все здесь! Ну-ка тихо!

Все замолчали, и одновременно наступило странное затишье. На мгновение Чак даже подумал, что землетрясение закончилось. Человеческие голоса казались в тишине странно громкими.

— Здесь Артур.

— Пит тут.

— Мастерсон.

— Гардель.

— Доктор Перри.

— Доктор Думар.

Чак ждал. Тишина плотно объяла землю. Зловещая тишина, несущая ужас и гибель.

— Где Дениз? — спросил Чак.

В ответ — тишина.

Голос Чака повысился, едва не срываясь.

— Где Дениз?!

— Она спала рядом… — Пит не успел закончить.

Люди внезапно повалились, как кегли в боулинге. Чак почувствовал, что взлетает в воздух, точно надутый ветром парус, и крепко стиснул в одной руке винтовку, а второй стал невольно размахивать, пытаясь за что-нибудь зацепиться. Потом он упал, больно ударившись, и земля тут же подбросила его снова.

Чаку хотелось бежать.

Первая его реакция была слепой, неблагоразумной, порождением ужаса. Управляемый ею разум вопил: «Беги! Беги! Беги!»

Чак видел, как люди шатались, точно пьяные,

словно марионетки, пытаясь удержаться на ногах, когда огромный кусок ландшафта позади них внезапно поехал куда-то в сторону, потом стал подниматься, как скоростной лифт, с оглушительным скрипом, когда скала терлась о скалу.

— Дениз! — завопил Чак! — Где вы?!

Чак увидел, как на вершине, растущей на глазах скалы, уже вымахавшей в высоту футов на десять, появился Пит и без колебаний прыгнул вниз, в густые заросли папоротника. Чак хотел было побежать к нему, но тут земля позади Пита начала сворачиваться, точно газета. Чак увидел, как скала стала скручиваться, подобно резиновой дубинке, как полетели в воздух вырванные с корнями пальмы. Чак потерял Пита из виду, потом увидел, как Мастерсон бросился в густые заросли и исчез в них, а на то место, где он только что стоял, рухнуло большое дерево. И тут же разверзлась земля, поглощая упавшее дерево и место, где за несколько секунд до этого находился Мастерсон.

И возник новый шум, который быстро нарастал, заглушая скрипы скалы, стук падающих камней, треск ломающихся растений и вздохи земли. Это ревели, вопили, стонали животные!

Чаку захотелось заткнуть пальцами уши. Ему захотелось плакать. Захотелось умереть. Но он

продолжал бежать и вопить: «Дениз! Дениз!»

Его ноги все чаще отрывались от земли, и он несколько метров пролетел по воздуху. А мимо неслись динозавры с ужасными зубами, с глазами, расширенными в слепой панике, с воплями и визгом.

— Сюда, Чак! — услышал он знакомый голос.

Чак узнал Артура и повернулся к нему. Он даже мельком увидел Артура, но тут же его заслонила большая рептилия, несущаяся на задних ногах, смешно прижав передние лапки к груди, и напоминавшая кролика, жующего капустный лист. Челюсти ее все время открывались и закрывались, точно жевали воздух. А когда существо убежало, Артура уже не было видно.

Животных теперь становилось все больше. Казалось, они выходят из самых недр земли. Они покрывали всю землю, ползли, летели, бежали на двух лапах или топали на четырех. Они бежали парами, по одиночке или многочисленными стадами. Их глотала земля, засыпали рушившиеся скалы. Но они все шли, шли и шли.

Они кричали, ревели, пищали, шипели или бежали беззвучно. Но все они были напуганы, ужас придавал им скорости и совершенно лишил разума.

— Чак! — снова послышался голос Артура.

Чак инстинктивно ринулся к нему и почувствовал, как сильная рука хватает его за запястье и рывком втаскивает за большую пальму, а позади него с низким ворчанием земля разевает пасть.

— Спасибо, — пробормотал Чак.

— Не стоит, — ответил Артур. — Всего лишь легкая разминка. Подумаешь, какой-то там ползень…

— Тихо! — крикнул Артур.

Мимо них, буквально в двух футах, пролетел, тараня папоротники и сшибая пальмы, гремя костяным воротником, крупный стегозавр.

Артур глубоко вздохнул. Чак тоже.

— Где остальные? — спросил Чак.

— Не знаю. Я думаю, нам лучше переждать, пока все не успокоится. Как ты думаешь, где лучше…

Его слова заглушил грохот, и Артур с Чаком ринулись бежать. Они уже начинали немного ориентироваться в звуках и распознавать близкую опасность. Едва они отбежали в сторону, как земля на том месте, где они только что находились, закрутилась волчком и выпятилась странно изогнутым, высоким горбом.

— Смотрите! — сказал Чак.

Это был Пит. Он перепрыгнул трещину в земле, уклонился от летящего перепуганного птерозавра и быстро подбежал к ним. Одежда у него была разорвана в клочья, а в руках он тащил что-то похожее на ворох тряпья. Когда он побежал ближе, ворох в его руках стал приобретать форму.

— Дениз! — воскликнул Чак. — Это же Дениз!

Пит несся наперегонки со зверями, огибая падающие деревья и вырастающие прямо из земли скалы.

— Эй! — кричал он на бегу. — Эй!

— Сюда, Пит! — крикнул Артур.

И через несколько минут он присоединился к ним. Лицо Пита было покрыто потом, дыхание было частым и неровным.

— Она крепко заснула, — сказал он. — И первый же толчок лишил ее сознания. Я нашел ее уже такой. — Он устало покачал головой. — Ну, скажу я вам, это было нечто, не так ли?

— Нужно уходить отсюда, — сказал Чак.

Он смотрел на бледное лицо Дениз, освещенное луной, и тревога светилась в его глазах.

— Я думаю, все уже кончилось, — произнес вдруг Артур.

— А? Что?

— Послушайте, — прошептал Артур.

Все затихли, прислушиваясь к стоявшему вокруг шуму, и вскоре поняли, что его производят только улепетывающие со всех ног рептилии. Земля же умолкла и успокоилась.

Вскоре и эти звуки замерли в отдалении. Кругом стало тихо, как на городских улицах после внезапной летней бури.

Потом они нашли доктора Думара, сидящего на плоском камне и мотающего головой. Он крепко сжимал голову руками. Когда они подошли, то увидели, что по его щекам бегут слезы.

— Все мои образцы, — прошептал он. — Все, все пропало. И мои инструменты…

Доктор продолжал качать головой, и Чак его не винил. Он знал, что в поисках этих образцов доктор прошел через такое, что сломало бы менее сильного человека. В каком-то смысле сейчас Чак был благодарен тому, что Дениз без сознания. Он посмотрел на нее, по-прежнему лежавшую на руках у Пита.

— Доктор, — сказал Чак, — послушайте, вы сможете привести Дениз в чувство? А мы пойдем поищем остальных.

Доктор Думар кивнул, вздохнул и поднялся на ноги, а Пит положил девушку на камень, где тот только что сидел. Чак улыбнулся, видя, как

доктор занялся Дениз, и переглянулся с Артуром.

— Вы думаете, он пришел в себя? — спросил Артур, имея в виду ученого.

— У него теперь есть чем заняться, — ответил Чак. — Это отвлечет его от собственных невзгод.

Они медленно шли в темноте. Луна освещала совершенно новый пейзаж, бросая бледные лучи света на исковерканные деревья и торчащие острые скалы. Чак знал, что в прошлом подобные подвижки земной коры были делом достаточно заурядным, и подумал, как же Человечество смогло их пережить, но после решил, что в эпоху появления Человека таких землетрясений просто не было… Тут Чак усмехнулся в темноте. Кроме того, они же сумели выжить, разве не так? Да, было трудно и страшно, часть из них потеряла друг друга, но все же они прошли через это.

Кстати, а что там с остальными?

С доктором Перри, с Гарделем и Мастерсоном?

Чак очень хотел, чтобы доктор Перри отыскался. Что касается Мастерсона с Гарделем, они не очень-то волновали его.

— Забавно, — произнес он вслух.

— Что именно? — спросил Артур.

— Я… я не знаю, — замялся Чак.

Артур промолчал, лицо его стало озадачен-

ным.

— Я имею в виду, — сказал Чак, — что не знаю, почему… почему я…

— Почему вы — что?

— Почему мне так не нравятся Мастерсон и Гардель. Я только… только чувствую, что так и должно быть. Я имею в виду, не считая споров с ними и их выкрутасов, что-то должно лежать глубже. Реальная причина для неприязни. Но я почему-то не знаю, что это за причина. И это…

— Не трудно их не полюбить, — торжественно произнес Артур.

— Разумеется, они дали вам для этого предостаточно причин.

— Да, — кивнул Чак, все еще пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль.

— С самого начала, — продолжал Артур, — Мастерсон жаловался на то, что ему дали всего лишь младшего гида. Затем эта выходка с силовым полем, а затем — с бронтозаврами. Чак, у вас действительно вышла с ним уйма хлопот.

— Да, все это так, — медленно произнес Чак. — Я — младший гид.

— Ну, да, конечно.

— Профессиональный младший гид. А в восемнадцатый день рождения, после того как я

вернусь из десятой экспедиции, я стану… — Он помотал головой.

— В чем дело, Чак?

— Ни в чем. Только у меня такое ощущение, что я впервые узнал это о себе. Как будто я… родился заново. — Он грустно усмехнулся. — Я знаю, это выглядит глупо.

— А в скольких экспедициях вы участвовали до сих пор? — спросил Артур.

— Кажется… — Чак помолчал, пытаясь сосредоточиться. — Кажется, в пяти… Да, это моя пятая экспедиция. — Он провел рукой по лбу.

— Странно, мне все время кажется, что это не мои воспоминания. Сначала я чуть было не ответил, что это моя первая экспедиция, хотя я при этом помнил, что эта — пятая.

— Возможно, на вас так подействовало землетрясение, — предположил Артур.

— Да, может быть, — кивнул Чак.

Они пошли дальше, Чак все еще задумчиво хмурил брови. Потом опять покачал головой.

— Простите, Артур, но я чувствую себя так, словно все время забываю что-то важное. Словно кусок моего сознания оторвали и запихнули куда-то в темный угол. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Немного.

— Это такое неприятное чувство, — передернул плечами Чак.

— Как будто я…

— Чак, это вы? — раздался знакомый голос.

— Доктор Перри!

Чак с Артуром поспешили на голос. На лице Чака появилась широкая улыбка, когда палеонтолог вышел из тени.»

— У вас все в порядке, доктор Перри?

— Все просто прекрасно, — ответил тот. — А как там Пьер? Я имею в виду, доктор Думар. Он…

— С ним тоже все хорошо. Мы оставили его с Питом и Дениз.

— Просто замечательно, — с видимым облегчением сказал доктор Перри. — Это означает, что весь отряд в сборе. У меня там в папоротниках Мастерсон и Гардель.

Чак почувствовал мгновенный укол разочарования, попытался точно определить его причину, но не сумел.

— О! — только и вымолвил он.

— Я схожу за ними, — сказал доктор Перри.

— Да, конечно, — хмуро кивнул в темноте Чак.

Конечно.

Когда они все вернулись к геологу и Питу, Дениз

уже могла сидеть. Ее лицо было бледным, усталые морщинки протянулись от крыльев носа к уголкам бескровных губ, но она слабо улыбалась.

Они нашли пещеру, просто глубокую нишу в утесе, чудом не затронутом катаклизмом, и забились внутрь, как животные, ища приюта на ночь. Пит развел костер, бормоча о потере всех продуктов.

— Я хочу чашку кофе, — сказал Мастерсон.

— Кофе нет, — твердо ответил Пит. — Ничего больше нет. Все пропало.

— Я сказал, что хочу кофе.

Пит раздраженно вздохнул.

— Вероятно, вы меня не поняли, мистер Мастерсон. Все наши продукты потеряны. Нет…

— Я знаю, что они потеряны, — огрызнулся Мастерсон. — Вот вам еще одна причина, почему мы должны вернуться к грузовику.

— Что? — спросил Артур, не веря своим ушам.

— Думаю, я выразился ясно, и не вижу причины, почему должен вам всем повторять.

— Но с какой стати мы должны возвращаться к грузовику? — спросила Дениз.

Лицо Мастерсона побагровело.

— К настоящему моменту всем вам должно быть уже очевидно, что наш юный гид понятия

не имеет, где мы находимся.

— Это ложь! — выкрикнул Чак.

— Ложь или нет, но что-то мы еще не нашли место отправки. Очевидно, что была допущена ошибка. Я предлагаю вернуться туда, где мы нашли доктора Перри и доктора Думара.

— Но зачем? — спросил Чак.

— Потому что я уверен, что место отправки где-то там рядом. Как только мы доберемся туда, то сможем найти грузовик и запастись продуктами, необходимыми для остальной части…

— Это просто смешно! — сказал Артур. — Сейчас мы ближе к месту отправки, чем когда-либо.

Мастерсон встал на ноги и двинулся на Артура.

— Послушай, ты…

— Нет, это вы послушайте! — оборвал его Чак. — Я сыт по горло вашими скороспелыми мнениями о том, куда мы должны или куда не должны идти. Может, вы и оплатили эту прогулку, но вы по-прежнему гость правительства и не распоряжаетесь здесь, а за экспедицию официально отвечаю я.

— Знаешь, Спенсер, — прорычал Мастерсон, — когда мне потребуется совет от щенка…

— Это не совет, — отрезал Чак. — Это приказ. Вы

и так глубоко погрязли во всем этом, Мастерсон. Я не забыл, что именно вы разрушили силовое поле. Это преступление, и вы заплатите за него, когда мы вернемся в наше время.

— Если вернемся, — сплюнул Мастерсон.

— Вернемся. Я уже бывал здесь и знаю, что место отправки находится возле двух больших белых скал. Утром мы пойдем к ним. И будет нам сопутствовать удача или нет, но к месту отправки мы попадем вовремя.

— Я не настолько уверен в…

— Мне кажется, мы достаточно обсудили все это, — оборвал его Чак, сам удивляясь своему властному тону. — Я устал и думаю, что остальные тоже.

— Нам предстоит рано подняться, — мягко напомнил доктор Перри.

— Тогда давайте ложиться, — сказал Пит. — Я хочу добраться до белых скал.

Утро шестого дня выдалось ясное. Они вышли из пещеры к теплому солнечному свету и сияющей растительности. Все вокруг было влажным от росы, мир выглядел новым, ярким и умытым. Замечательное утро.

За исключением одного.

Две белые скалы исчезли с горизонта.

Глава 14
ПОХИЩЕНИЕ

— Куда делись скалы? — спросил Чак, мгновенно повернувшись к остальным.

— Да, сэр, они исчезли, — упавшим голосом подтвердил доктор Перри. — Я опасался чего-то в этом роде. Вчерашнее землетрясение так изменило топографию, что Бог знает, где теперь эти скалы.

У Чака резко упало настроение.

— Что же теперь делать? — спросил он и испугался, что в его голосе прозвучали слезы.

Доктор Перри обнял Чака за плечо.

— Мы найдем путь, Чак, — дружески улыбнулся он. — Безвыходных положений не бывает.

Чак помотал головой.

— Я в этом больше не уверен. Одно за другим. Словно что-то старается удержать нас здесь и не дать вернуться в наше время.

— Всегда есть выход, — повторил доктор Перри. — Запомните это, Чак. Вы очень молоды, чтобы нести на себе такую ответственность, но я уверен, что правительство в вас не ошиблось. Мы

все еще живы, здоровы и…

— Без еды, без карты и без понятия, куда идти к месту переноса, — добавил Чак. — Вероятно, правительство все же ошиблось.

— Я сомневаюсь насчет этого, — сказал доктор Перри. — Я знаю, как тщательно они отбирают людей на такие должности.

Чак не ответил. Он уставился на линию горизонта, отчаянно желая, чтобы скалы появились там волшебным образом.

— Разве не так, — продолжал доктор Перри. — Вы же прошли спецкурсы?

— Что?

— Ведь были спецкурсы…

— А! Да, да, конечно. Вместо средней школы. Я имею в виду, в качестве дополнения к школе. — Чак внезапно смутился. А в самом деле, проходил ли он курсы? Ну, да, конечно! — Они заняли два последних года учебы в школе, — сказал он. — А теперь я прохожу производственную практику в качестве младшего гида. В первых трех экспедициях я участвовал под наблюдением старшего гида. Потом стал работать самостоятельно. Чтобы стать старшим гидом, мне нужно пройти десять экспедиций. Но видите ли, доктор Перри…

— Да?

— Раньше не было никаких проблем. Я имею в виду, в первых четырех экспедициях мне нужно было лишь установить силовое поле, а затем рассказывать о разных животных, которые бродили за ним. Не думаю, чтобы тут ожидались какие-либо проблемы. Когда все идет хорошо, экспедиция столь же безопасна, как поездка в Диснейленд.

— Разумеется.

— Вот поэтому я и смущен. Я чувствую себя так, словно всех подвожу. Я чувствую себя, как… как ребенок. Ребенок, который заблудился и не может попасть домой.

— Ну, вы же еще и есть ребенок, Чак, — утешительно улыбнулся доктор Перри. — Но когда требуется, вы ведете себя как настоящий мужчина.

— Все это здорово, но мы можем застрять тут навсегда.

— Нет, я так не думаю.

— Но что нам сейчас делать? Скал-то нет.

— А что бы вы предложили?

Чак беспомощно развел руками.

— Не знаю. Честно, не знаю. До землетрясения скалы были там.

— Он указал на далекий горизонт. — Я думал, все будет просто. Но теперь, когда их не стало, я

не знаю…

— Где, вы говорите, были скалы?

Чак указал снова.

— Мне кажется, там. Но как я могу теперь точно сказать?

— Но вы думаете, они стояли именно там?

— Так мне кажется. — Чак мотнул головой. — О, нет, я не уверен.

— А в какую сторону вы бы направились, если бы у вас был выбор?

Чак показал в том же направлении.

— Туда.

— Тогда давайте рискнем.

— Что?

— Давайте последуем за вашими инстинктами и пойдем туда, — махнул рукой доктор перри.

— Но я же могу ошибаться. В конце концов, я и сам не уверен…

— Это шанс, которым мы должны воспользоваться.

— Но я не могу так рисковать. Это же означает, что мы можем и не вернуться домой.

— Мы уж точно не вернемся, если не рискнем, — твердо произнес доктор Перри.

— Да, но…

— Ну, давайте, поставим этот вопрос на голо-

сование.

— Я не знаю…

— Пойдем. — Доктор Перри взял Чака за руку и подвел к остальным. — У нашего гида проблема, — начал он. — Ориентира, которым являлись скалы, больше не существует, поэтому нет никакого реального способа определить, где находится место отправки.

— Я так и говорил, — сказал Мастерсон.

— Да он не знал этого с самого начала, — подхватил Гардель.

— Как бы там ни было, — продолжал доктор Перри, поглаживая бороду, — но ему кажется, что он знает, где стояли скалы.

— Шансы на это малы, — ухмыльнулся Гардель.

— У него что, есть хрустальный шар для гаданий? — саркастически спросил Мастерсон.

— Ну-ка, сбавь тон! — закричал Пит.

Лицо Мастерсона стало угрюмым, толстые губы плотно сжались. Сидящий рядом доктор Думар поглядел на него сквозь очки, пытаясь понять этого здоровяка.

— Да, — сказал он, — я думаю, надо позволить моему коллеге высказаться до конца.

Он кивнул и жестом попросил доктора Перри

продолжать.

— Опираясь лишь на свои чувства, Чак решил, что не может пойти на риск без нашего согласия. Я предложил вынести этот вопрос на голосование.

Артур стукнул кулаком по раскрытой ладони другой руки.

— Отличная идея! Так давайте начнем!

Улыбка, зародившаяся в уголках глаз доктора Перри, проложила себе путь к вспыхнувшей в глубине его бороды усмешке.

— К сожалению, у нас нет ни карандашей, ни бумаги. Поэтому, боюсь, мы вынуждены провести открытое голосование.

— Хорошо, давайте же начнем, — сказал доктор Думар, в упор глядя на Мастерсона.

Мастерсон почесал нос и уставился в землю.

— Я первым выскажу свое мнение, — начал доктор Перри. — Я голосую за то, чтобы разрешить Чаку вести нас туда, куда он посчитает нужным. — Доктор Перри сделал паузу. — Иу, теперь ты, Пьер?

— Положительно, — согласился доктор Думар.

— Да, прежде чем мы продолжим, — заметил доктор Перри. — Мне кажется, решение мы должны принять простым большинством голосов. Есть какие-нибудь возражения? — Он сделал

паузу, ожидая согласия, затем спросил: — Артур?

— Положительно, — прищурился Артур. — Я пойду за Чаком куда угодно.

Чак улыбнулся Артуру, чувствуя, как внутри зародилось теплое чувство.

— Дениз?

— Положительно.

— Пит?

— Положительно.

— Мистер Мастерсон?

— Отрицательно, — решительно мотнул головой Мастерсон.

— Гардель?

— Отрицательно.

Доктор Перри поднял брови, затем провел ладонью по чуть изогнутому носу.

— Думаю, подсчитывать тут нечего?

Доктор Думар усмехнулся и встал на ноги.

— Пора идти, — сказал он. — Чак, вы пойдете впереди?

Отряд двинулся в путь.

Теперь стало еще труднее, потому что на горизонте больше не было никаких указателей, на которые можно положиться. Чак прокладывал путь, полагаясь на свое умение ориентироваться, в котором вовсе не был уверен. Спустя какое-то

время он все же выбрал на далеком горизонте ориентир — нечетко видимый закругленный холм, покрытый вечнозелеными растениями. Чак не выпускал его из поля зрения, заменив им две белые скалы, которые прежде ясно выделялись на фоне неба.

Неясный холм превратился в символ. Он означал дом и безопасность.

Это если Чак был прав.

Но если он не прав, то этот холм никакой не символ, а просто холм, ничем не отличающийся от любого другого холма Юрского периода. Но Чак пылко надеялся, что окажется прав. Он не может ошибиться, это уже не только его личное желание. Он получил вотум доверия от всего их маленького отряда. Люди сказали ему: «Веди нас, Чак. Мы зависим от тебя, вытащи нас отсюда. Мы верим в тебя и выполним любой твой приказ». Чак хмуро покачал головой, пробиваясь через густой подлесок. Ему бы хотелось разделить их уверенность, но он не мог избавиться от мысли, что может вообще никогда не привести их к месту отправки. У него перед глазами промелькнула пугающая картинка, что они могут продолжать безнадежно блуждать в зарослях до тех пор, пока не станут жертвами джунглей или добычей

животных.

Все эти мысли были невеселыми.

Природа точно прилагала усилия, чтобы соответствовать настроению Чака. Яркий рассвет с чистым синим небом постепенно превратился в серый, тоскливый день. Пронизывающая до костей сырость ползла по земле белесым туманом, окутывающим растения.

Чак шел первым. Его штаны уже намокли до самого пояса. Мокрые листья, ставшие скользкими и упругими, с преднамеренным коварством норовили хлопнуть по лицу. Растения хватали и рвали одежду колючими коготками. Они выливали на него холодную воду, длинными корнями пытались подставить подножку.

Но Чак не останавливался.

Они продолжали идти к далекому холму, на который стремительно наползал туман.

И вскоре Чак перестал его видеть.

К этому времени Чак уже чувствовал, как его тело словно налилось свинцом. Иногда ему казалось, что он глядит со стороны на себя, отчаянно сражающегося с дикими зарослями, там, где еще не ступала нога человека. Остальные тащились за ним, как хвост за бумажным змеем.

Никто не жаловался. Даже Мастерсон молчал,

пока они продолжали свой медленный, тяжелый поход через заросли.

Туман становился все более густым, кружился над ними, словно метель. Им пришлось взяться за руки, чтобы не растерять друг друга. Туман стоял вокруг, словно стена, ослепляя их, проникая внутрь и замораживая, казалось, самую душу.

Уже ничего не было видно — лишь чугунное небо над головой и летящий туман, накрывший их, как сырое одеяло. Люди спотыкались о камни, на каждом шагу пробовали землю ногой, чтобы не попасть в трещину или не скатиться с обрыва.

Наконец, Чак остановился. Он поставил ногу на камень, руку положил на колено и устало сказал:

— Дальше идти бесполезно. Все против нас.

Доктор Перри кивнул и пригладил бороду.

— И что теперь, Чак? Куда мы пойдем?

— Не знаю, — устало вздохнул Чак. — Мы не можем двигаться дальше, пока нас окружает туман. По крайней мере, до тех пор, пока я снова не увижу холм.

— Что за холм? — спросил Артур.

— Ну… — Чак провел рукой по глазам. — Извините, я был занят своими мыслями и не сказал

вам… — Он замолчал и провел рукой по лицу, словно смывая с него усталость. — В качестве ориентира я использовал вместо скал холм на горизонте. А теперь из-за тумана я не вижу его.

Голос доктора Думара был мягок, когда он заговорил, глядя на Чака сквозь очки:

— И что вы планируете делать дальше?

— Я хочу пройти вперед один.

— Что?! — заорал Мастерсон. — Ты планируешь бросить нас здесь?

— Только пока не отыщу какую-нибудь возвышенность, — ответил ему Чак. — Такую, с которой снова смогу увидеть холм. Это единственный шанс.

— Я пойду с вами, — сказал Артур.

— Нет. Я пойду один.

— Я пойду с вами, — повторил Артур.

— Я тоже хотел бы пойти, — вступился доктор Перри.

— Но я…

— Что, Чак?

— Я не хочу никого подвергать опасности… Я имею в виду, я считаю, что должен пойти один.

— Мы с вами, — твердо сказал Артур.

Чак быстро оценил ситуацию. Возможно, так будет лучше. Три головы лучше, чем одна.

— Хорошо, — согласился он, но тут ему в голову пришла новая мысль. Если с ним пойдут Артур и доктор Перри, то останутся только Пит, Дениз и доктор Думар против Мастерсона и Гарделя. Пит был славным и сильным, но Дениз — всего лишь девушка, а низенький доктор Думар уж точно не боец.

— Я бы хотел, Гардель, чтобы вы тоже пошли с нами, — внезапно обратился Чак.

Гардель нахмурил черные брови.

— Зачем?

— Мне нравится ваша компания.

— Не надо умничать, а то…

Чак словно невзначай положил руку на рукоятку кольта.

— Я бы хотел, чтобы вы пошли впереди, Гардель, — очень тихо приказал он.

На мгновение показалось, что Гардель набросится на Чака. Ярость лилась из него, как живое электричество. Но он взглянул на Мастерсона и словно проглотил весь свой гнев.

— Ладно, — прошипел он. — Несмотря на то, что вы мне сказали.

— Тогда идемте, — позвал Артур.

Дениз подошла к Чаку и взглянула ему в лицо.

— Будьте осторожны, Чак, — сказала она.

— Постараюсь, — пробормотал он в ответ.

И они ушли.

Уже через час Чак начал жалеть, что затеял эту разведку. Они поднимались на каждую встреченную скалу, отчаянно цепляясь пальцами за холодный камень. И каждый раз результат был один и тот же. Туман был слишком густым, и они не видели ничего дальше трех футов.

Наконец, Чак сдался.

— Пора возвращаться, — сказал он, — а то остальные начнут волноваться.

— Не такой уж ты умный, да, малыш? — рассмеялся Гардель.

— Послушайте, — начал Чак.

— Ты не нашел свой ориентир, не знаешь, куда нам идти. Ты просто все испортил.

Артур немедленно оказался возле Гарделя.

— Закройте рот, — сказал он.

Гардель повернулся к нему, его губы изгибались в усмешке.

— Что? — спросил он. — Ты это мне?

Чак заметил, что Гардель перенимает манеры Мастерсона.

— Да, это я вам, Гардель. И вы это прекрасно знаете.

Гардель посмотрел на винтовку за спиной

Артура.

— Ну, да, конечно. Все вооруженные мужчины считают себя крутыми.

Артур без колебаний снял винтовку и вручил ее доктору Перри. Гардель усмехнулся с чувством превосходства.

— Вот так-то лучше, — осклабился он.

Артур не стал ждать. Его большой коричневый кулак метнулся к челюсти Гарделя. Тот отшатнулся назад, уходя от удара, потом выпрямился и попытался ударить Артура в горло.

Но Артур нанес ему два удара: первый короткий в живот, от которого Гардель сложился пополам, а затем — апперкот в челюсть, от чего Гардель выпрямился и остекленевшими глазами уставился на Артура. Тогда Артур нанес ему заключительный удар — снова в челюсть. Гардель откинул руки назад, точно птица, собирающаяся взлететь, крылья, и упал на спину, вытянувшийся, как доска.

Артур стоял над ним, тяжело дыша.

— Простите, Чак. Не стоило мне этого делать.

— Он получил по заслугам, — ответил Чак и вздохнул. — Пожалуй, теперь пора возвращаться.

Артур нагнулся, одним движением поднял Гар-

деля и забросил себе на плечо. И они отправились обратно туда, где оставили остальных.

— У вас хорошо поставлен удар, — подмигнул доктор Перри.

— Да, спасибо, — ответил Артур.

Доктор Перри хихикнул.

— Вы неплохо провели бой, дружище. Даже очень неплохо.

Артур засмеялся, и даже Чак изобразил на лице улыбку, хотя не мог понять, что могло показаться забавным в их положении.

Гардель пришел в себя, когда они уже почти вернулись. Артур немедленно поставил его на ноги, и остаток пути Гардель провел в молчании, идя на три шага впереди остальных.

— Скоро должны дойти, — сказал Чак.

— Ничего не вижу, — отозвался Артур.

— Туман слишком густой, — проворчал доктор Перри. — Мы споткнемся о них прежде, чем сможем увидеть.

И тут же именно так и вышло.

Они наткнулись на Пита, лежавшего, скорчившись, на земле. Он был без сознания, его винтовка исчезла.

И никаких следов остальных.

Глава 15
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Минут десять они приводили Пита в сознание, растирали запястья, хлопали по лицу. Чак даже пытался найти в скудных запасах повара нюхательную соль, но безрезультатно. Наконец, веки Пита слегка дрогнули.

— Пит, — позвал Чак.

Пит заморгал и открыл глаза, в которых светился вопрос.

— Где… где я? — пробормотал Пит классическую фразу.

— Все в порядке, Пит, — сказал Чак.

Пит сел и покрутил головой из стороны в сторону.

— А где Мастерсон?

— Он ушел, Пит, — покачал головой Артур. — И с ним Дениз и доктор Думар.

Пит издал тихий стон и стал раскачиваться, сжимая руками голову.

— Что тут произошло? — спросил доктор Перри.

Гардель стоял в сторонке с хитрой ухмылкой

на тонком лице.

— Я точно не помню, — выдавил Пит.

— Но все-таки постарайтесь, — попросил доктор Перри.

— Ну, это произошло не больше двадцати минут назад. До этого Мастерсон вел себя тихо. Когда вы ушли, мы сидели без дела, обсуждая наше положение. Мастерсон был не слишком доволен ситуацией, но не ворчал, как обычно. Он даже подчеркнул, что вы способный гид, Чак.

— Мастерсон так сказал?

— Да. Это его слова.

— Но вы должны были тогда же почуять неладное.

— Ну, я подумал, что это забавно, но решил, что он изменил свое мнение. Похоже, я ошибся.

— И что было дальше? — поинтересовался доктор Перри.

— Как я уже сказал, мы просто сидели. Винтовка лежала на земле рядом со мной, а я разговаривал с доктором Думаром. Он рассказывал мне о Франции, и я узнал, что Пьер по-французски — то же самое, что и Пит. Мне показалось это забавным, и я засмеялся. И тут моя винтовка внезапно оказалась у Мастерсона.

— Ого! — поднял брови Артур.

— Он направил ее на меня, велел отвернуться и поднять руки. Когда я это выполнил, он приказал Дениз и доктору Думару идти с ним. Доктор Думар попробовал возражать, но Мастерсон ткнул в него стволом, и тот повиновался. Я хотел обернуться, когда почувствовал удар по голове. — Пит осторожно ощупал голову. — Наверное, он ударил меня прикладом. И следующее, что я увидел, это вы, Чак, глядящий на меня сверху вниз.

— Когда именно это случилось?

Пит взглянул на часы.

— Как я уже заметил, с тех пор прошло не больше двадцати минут.

Чак встал на ноги.

— Нужно идти, — бросил он. — Они не могли далеко уйти в таком тумане.

Гардель гаденько улыбнулся.

— Я остаюсь здесь, — заявил он.

Чак обернулся к нему, холодная ярость свела его лицо.

— Слушайте, Гардель, я достаточно натерпелся от вас и вашего гнилого босса. Если вы не поднимете через три секунды, то мы свяжем вас и оставим аллозавру.

— Вы блефуете, — хорохорился Гардель. — Вы просто блефуете. Я не сойду с этого места, и вы не

сможете заставить меня…

— Нет, — сказал Чак. — Практически, мы поможем вам оставаться на месте. Свяжите его, Артур.

Артур двигался на удивление быстро для столь крупного человека. Он мгновенно связал Гарделю руки за спиной.

— Пит, сделайте какие-нибудь колышки. Мы разденем Гарделя и привяжем к ним его же одеждой. Я думаю, аллозавр сумеет оценить приготовленный для него обед.

— Вы блефуете, — повторил Гардель, но на сей раз в его голосе уже не было уверенности.

— Конечно, блефую.

— Мы даже не видели никаких аллозавров, — упирался Гардель.

— Возможно, таких зверей вообще нет. Может, ученые придумали их.

— Такие животные существуют, — мрачно заявил доктор Перри.

— За последние шесть месяцев я видел их неоднократно. — Он покачал головой. — Это не самые приятные создания, Гардель. Не думаю, что вы переживете встречу с ними.

— А может, и переживет, док, — засмеялся Чак. — Гардель тоже не самое приятное живот-

ное.

Лицо Гарделя стало бледнее обычного.

— Вы… вы же не привяжете меня к колышкам на самом деле…

— Конечно же, нет, — любезно согласился Чак. — А вот и Пит.

Пит бросил с полдюжины крепких палок к ногам Чака.

— Такие подойдут? — спросил он.

— Подойдут. Разденьте его, Артур. Мы и так уже зря потратили кучу времени.

— Нет! — закричал Гардель. — Не надо! Я пойду… Я пойду с вами!

Чак вытолкнул его вперед.

— Запомните это хорошенько, Гардель. Я вас не разыгрывал. Было бы глупо напрасно тратить время на пререкания. Можете быть уверены, что я собирался оставить вас здесь. Запомните это.

Гардель ничего не ответил.

Чак почувствовал на плече руку Артура.

— Полегче, — кивнул Артур. — Не теряй самообладания.

— Все в порядке, — ответил Чак. — Пора идти.

Они нашли следы — три пары следов. Самые маленькие принадлежали Дениз, следующие по величине — доктору Думару. Самые тяжелые

следы оставлял Мастерсон.

Они шли по следам, как охотники на крупную дичь. Один раз нашли место, где группа сделала короткий привал. Здесь следы Мастерсона были еще глубже, и кругом лежал пепел от сигар, словно Мастерсон довольно долго стоял на одном месте.

— Идемте дальше, — сказал Чак.

Следы были отчетливо видны, исчезая только тогда, когда беглецы пересекали выходы каменных пород. Туман понемногу стал подниматься, и идти стало легче. Чак был благодарен за это. Мастерсону приходилось справляться с туманом и двумя заложниками, которые шли не по своей воле. Но теперь, когда туман стал исчезать, у Чака появилась надежда догнать их. Но что потом?..

Он не знал. Чак не представлял, что произойдет, потому что не мог представить, что еще взбредет в голову Мастерсону. Он лишь пришел к заключению, что этот человек совершено безумен. На какие еще грязные трюки он способен? И что надеется получить?

Зачем он взял с собой Дениз и доктора Думара? Почему оставил Пита? Чак чувствовал бы себя увереннее, если бы понял его намерения. Конечно, забрать с собой Пита было опаснее, он бы

представлял для Мастерсона постоянную угрозу. Но с другой стороны, если бы он захватил Пита с собой, возвратившись, разведчики бы не поняли, что произошло, и наверняка решили, что просто заблудились.

Это выглядело лучшим планом. И все же Мастерсон оставил Пита.

Чак полагал, что на это у него были серьезные основания. Было понятно, почему он забрал с собой племянницу. В конце концов, даже такому негодяю, как Мастерсон, небезразличны родственные узы.

Но зачем ему доктор Думар?

Чак подозревал, что это ключ ко всему. Если бы он понял, зачем Мастерсон взял с собой геолога, то смог бы догадаться, почему Мастерсон вообще решил сбежать.

— Гардель, — окликнул Чак, — подождите-ка.

Гардель остановился и ждал, пока Чак подойдет к нему.

— Что еще, супермальчик? — процедил он сквозь зубы.

— Не умничайте, Гардель, — сказал Чак.

— Крутой парень, — прошипел Гардель. — Настоящий крутой парень.

— Конечно, — саркастически ответил Чак. —

Жую гвозди и зубами ловлю пули.

— А ты еще и комик.

— Почему твой босс сбежал? — внезапно спросил Чак.

— Потому что… — Гардель захлопнул рот и вновь улыбнулся хитрой улыбочкой. — Откуда мне знать, почему он сбежал? — поправился он. — Ты думаешь, я телепат?

— Наверное, ему ужасно захотелось поохотиться на динозавров, — прищурился Чак.

— Да, вот именно. Захотелось немного поохотиться.

— Зачем ему тогда понадобился доктор Думар? — резко задал вопрос Чак.

— Возможно, коротышка — тоже хороший охотник. А может быть, Дирку понадобился проводник. Может, он…

— Проводник, — медленно повторил Чак.

Гардель поглядел на него и тут же отвернулся.

— Или, возможно, он взял с собой доктора в качестве заложника. Кто знает? — Он улыбнулся своей коварной улыбочкой и добавил: — По крайней мере, теперь у него есть заложник, и это круто.

— Согласен, это круто, — сказал Чак. — Власти тоже подумают, что это круто. И Мастерсон смо-

жет убедиться, что тюрьма несколько отличается от той, какой он ее себе представлял.

Гардель рассмеялся.

— Вы сперва до него доберитесь, — хмыкнул он.

— Доберемся, Гардель. Мы до него доберемся.

Но вскоре после этого они потеряли следы. Следы кончились, когда землю стал покрывать сланец. И сланец тянулся, насколько хватало глаз, накрывая поверхность земли монотонной серостью, на которой ничего не росло. Вдалеке эта пустошь расходилась широким полукругом, упираясь в заросли, и Мастерсон мог нырнуть в них где угодно по всему периметру. Чтобы обойти его весь, им понадобится по меньшей мере полчаса. А за это время Мастерсон уйдет далеко.

— Это не очень хорошо, — заметил доктор Перри.

Пит кивнул рыжей головой.

— Это еще мягко сказано, доктор.

Гардель ничего не сказал, просто улыбнулся.

— Придется разойтись, — предложил Чак. — Пит и доктор Перри, вы отправляйтесь на другую сторону пустоши, а там пойдете по краю в поисках следов. Мы с Артуром начнем с этого конца. Кто найдет следы, позовет других. — Он помол-

чал и пристально посмотрел на Гарделя. — Вы, Гардель, можете идти со мной и Артуром.

— Конечно, — кивнул Гардель. — Почему бы и нет?

Чак смотрел, как Пит с доктором Перри идут по сланцу к противоположному краю пустоши.

— Нелегко будет найти следы, — обратился Чак к Артуру.

— Может быть, легче, чем вы думаете.

— Это как?

— Я десять лет работал на Мастерсона и не раз бывал с ним в охотничьих экспедициях, где научился читать следы. Я могу ходить по следу, как заправский индейский разведчик.

— Рад это слышать, — обрадовался Чак, когда они начали прочесывать свою сторону, немного забираясь в заросли, где можно было обнаружить следы.

— Это именно то, чем я действительно наслаждался, — продолжал Артур. — Охота. Еще до того, как я стал работать на Мастерсона, я любил дома поохотиться в лесах. И в этом деле я хорош.

— В самом деле?

Артур кивнул, углубившись в воспоминания.

— По правде говоря, одновременно с появлением Мастерсона меня пригласили в готовящуюся

экспедицию в Африку. Работа у Мастерсона показалась лучше, и я выбрал ее. — Он покачал головой. — Дружище, я совершил ошибку.

— Иу, откуда вам было знать?

Они продолжали идти по кромке сланца, кропотливо изучая каждый дюйм земли.

— Конечно, — согласился Артур, — но я часто задаюсь вопросом, что было бы со мной, если бы тогда не появился Мастерсон. Человек, собиравшийся нанять меня для похода в Африку, был замечательным стариком. Когда он умер, то оставил немало денег одному из мальчиков, которых нанял обслуживать экспедицию. Я читал в то время в газетах об этом великом старике.

— А как его звали? — спросил Чак.

— Дж. Д. Дэниэльс. Вы слышали о нем?

Чак резко остановился.

— Да, он был мультимиллионером, Артур. Да, я точно скажу, что вы совершили ошибку.

Артур согласно кивнул.

— Но ведь в то время я никак не мог этого знать. И тем не менее, иногда мне хочется, чтобы Мастерсон вообще не существовал или чтобы я никогда не повстречал его.

— А ведь ты бы все еще валялся в грязи, если бы не Дирк, — издевательски усмехнулся Гардель.

— Гардель, — предупреждающе произнес Чак, — разве вы не извлекли урок из прошлого раза, когда плохо отозвались об Артуре?

— Мне плевать на него, — отмахнулся Артур. — Мне его немножко жалко, только и всего.

Но, несмотря на это, Артур замолчал, глубоко задумавшись. Чаку самому захотелось ударить Гарделя по лицу, на котором было выражение злорадства… Они продолжали идти по дуге по кромке сланца возле пышных зарослей, и Чак уже стал задаваться вопросом, не взлетел ли Мастерсон в воздух.

Но тут Артур завопил:

— Эй!

— Что?

— Сигара, — показал Артур, опустился на колени и осторожно поднял тлеющий коричневый окурок сигары. — Еще теплая. Чак, ее выкинули совсем недавно.

— А может, он сделал это нарочно, чтобы сбить нас со следа?

— Может быть, — согласился Артур и стал раздвигать папоротники, чуть ли не тыкаясь носом в землю. — Да нет! Нет, Чак, вот он, след! Они пошли сюда.

Чак больше не ждал. Сложив руки рупором, он

закричал:

— Пит! Доктор Перри! Мы нашли след!

И услышал, как далеко, с другого конца пустоши, Пит прокричал:

— Оставьте там метку, Чак! И идите! Не ждите нас!

Голос эхом прокатился по земле из редеющего тумана, как голос призрака. Чак быстро сбросил рубашку и прижал ее кусками сланца.

— Я оставляю свою рубашку! — прокричал он. — Рубашку, Пит!

— Хорошо-о, — донеслось в ответ. — Мы найдем! Идите!

Они покинули пустошь и вошли в густые заросли. Чак нетерпеливо рвался вперед, стремясь побыстрее догнать Мастерсона и его пленников. Он игнорировал растения, царапавшие голую грудь. И по мере того, как они шли по следам, волнение в его душе все росло. Заросли редели, все чаще попадались торчащие из земли скалы. Туман еще цеплялся за их подножия, но они выступали из него. Чак увидел впереди высокий утес прямо у них на пути, напоминавший гигантскую плоскую надгробную плиту. Когда они подошли к утесу, Чак увидел выступ футах в пятидесяти от земли. Подножие утеса было

усыпано громадными валунами, лежавшими на земле, словно стены лабиринта.

— И что вы думаете? — спросил Артур.

— Не знаю, — ответил Чак. — Возможно, он обошел валуны и утес.

— Возможно… Местность здесь очень неровная.

— Да. А что думаете вы?

— Я думаю, он скрывается в тех валунах у основания утеса.

— Давайте надеяться, что нет.

— Да, будет трудновато выковырять его оттуда, особенно принимая во внимание, что у него в заложниках Дениз и доктор Думар.

Чак обернулся через плечо, надеясь, что Пит и доктор Перри уже нашли его рубашку.

— Скоро прибудет помощь, — сказал он. — Это облегчит нашу задачу.

— Вы когда-нибудь пытались достать суслика из норы? — поинтересовался Артур.

— Нет.

— Трудное это дело. Почти невозможное.

— Ну, — улыбнулся Чак, — Мастерсон не суслик.

— Да, — хихикнул Артур. — Он больше похож на крысу.

Чак улыбнулся и коснулся его сильной руки.

— Давайте подойдем поближе. Только пригнемся.

Они согнули колени и пошли чуть ли не вприсядку, но не прошли и трех футов, как услышали крик:

— Ни дюймом дальше, или я застрелю девушку!

И, словно в доказательство, откуда-то из-за валунов раздался выстрел. Пуля просвистела в воздухе и выбила фонтанчик каменных осколков и пыли дюймах в шести от носа Чака. Чак сглотнул и перекатился влево, за низкий плоский камень. Винтовка снова выстрелила, и Чак услышал тот же свист, но уже значительно тише, а пуля ударила в землю гораздо дальше, чем первая. Из-за валунов послышался резкий, визгливый смех. Чак вздрогнул, услышав его. Артур лежал рядом, за камнем. И Гардель был тут же, улыбаясь с превосходством.

— Ну что, сделал он тебя, не так ли, супермальчик?

— Заткнитесь, Гардель.

Гардель засмеялся.

— Задайте им жару, Дирк! — закричал он.

— Это ты, Брок? — крикнул из-за валунов

Мастерсон.

— Продолжайте в том же духе, — отозвался Гардель.

— Валяй сюда! — крикнул Мастерсон.

Но прежде чем Гардель успел шевельнуться, кольт оказался в руке Чака.

— Вперед, если вам нужна лишняя дырка в голове, — сказал Чак. — А нет, так ложитесь на живот и вытяните руки вперед.

Он шевельнул кольтом под носом у Гарделя, и тот взглянул на Чака с уважением. Это был понятный ему язык, — язык оружия и насилия. Эти элементы были составной частью его характера.

— Я у них под прицелом, — заорал Гардель. — Пацан вооружен!

— Чак! Чак Спенсер! — голос Мастерсона звучал холодно и в нем слышалась серьезная угроза. — Ты меня слышишь?

— Слышу, Мастерсон!

— Запоминай все с первого раза, потому что я не собираюсь повторять. Кто с тобой?

— Не ваше дело!

— Кто с тобой? — вновь прокричал Мастерсон.

Чак собирался ответить, когда услышал позади голос Пита:

— Чак, где вы?

— Пригнись, Пит! — предупредил Чак. — Мастерсон здесь, за камнями. И он стреляет!

— Понял, — ответил Пит.

Чак положил ствол кольта на валун, готовый к стрельбе. Артур тоже сбросил с плеча винтовку и, положив ее на камень, нацелился на россыпь валунов впереди и ждал, когда там появится Мастерсон. Позади послышался стук камней, когда Пит и доктор Перри прокладывали себе путь под защиту скалы.

Мастерсон закричал:

— Я вас вижу!

И следующим выстрелом он чуть не попал Питу в ногу. Пит отдернул ее и пополз под защиту скалы, доктор Перри следовал за ним. Артур открыл огонь, пулями убеждая Мастерсона прекратить стрельбу.

Когда Пит с доктором добрались до скалы, Чак наскоро объяснил им ситуацию. Артур прекратил стрельбу, но не сводил глаз с валунов.

— Похоже, положение безвыходное, — подытожил доктор Перри.

— Да, — согласился Чак, — Да, если к нему не вернется здравый смысл.

— Чак Спенсер! — вновь закричал Мастерсон. Крик многократно отразился от валунов, затруд-

няя определение его местоположения.

— Я здесь, Мастерсон!

— Пошлите ко мне Гарделя. Прямо сейчас.

— Он никуда не пойдет! — завопил в ответ Чак.

Гардель попытался было подняться, но Артур положил руку ему на плечо, и Брок вновь припал к земле.

— Пошлите или я застрелю Дениз! — вопил Мастерсон.

Глаза доктора Перри расширились.

— Да ведь этот человек совершенно безумен!

— Или пытается нас надуть, — сказал Пит. — Не станет он стрелять в собственную племянницу.

— Ну, уж кто его знает, — пробормотал Гардель.

— Гардель останется с нами! — закричал Чак.

— Я не шучу, — зарычал Мастерсон. — Я не дурачу тебя, Спенсер. Я застрелю ее, если вы немедленно не пришлете мне Гарделя.

— Не верьте… — раздался вдруг приглушенный крик Дениз и резко смолк, словно чья-то рука зажала ей рот.

Глава 16
КОНТРЗАГОВОР

— Вы блефуете! — закричал Чак. — Мы не позволим себя обманывать.

Доктор Перри тревожно взглянул на него.

— Чак, вы уверены, что он…

Наступила смертельная тишина. Казалось, она нависла над землей, как занесенный с неба кулак. Туман уже почти исчез, но небо все еще оставалось свинцово-серым. Чак смотрел, как маленькая рептилия ползет по нейтральной полосе между скалой и россыпью валунов. «Мы в Юрском периоде, — думал он. — В Юрском периоде. В Юрском…».

Тишина все тянулась. Сердце Чака билось где-то у самого горла.

— Отдайте его, — прошептал доктор Перри. — Отдайте Гарделя, или он застрелит девушку.

— А что помешает ее застрелить, когда он получит Гарделя? — спросил Чак.

— Этот человек — маньяк, разве вы не видите? Нельзя его злить.

— Я думаю, доктор, вы не правы, — возразил

Чак. — Он не просто маньяк. У него что-то есть на уме. И если мы отдадим Гарделя, то сыграем ему на руку.

— Ты играешь с чьей-то весьма симпатичной жизнью, — пробормотал Гардель. — Возможно, Дениз просто не понимает своего положения…

Снова наступила тишина, Чак, до боли напрягая слух, ждал металлического щелчка затвора.

— Ладно, Спенсер, — выкрикнул, наконец, Мастерсон. — Я пойду с тобой на сделку. Я отдам тебе Дениз целой и невредимой.

— Хорошо, — согласился Чак. — Посылайте ее.

— Я сказал, «сделку», а не «подарок». Я обменяю Дениз на Гарделя и доктора Перри.

— Что?

— Ты меня слышал. Отдай мне Гарделя и доктора Перри, и девушка твоя.

— Соглашайся, Чак, соглашайся, — быстро зашептал доктор Перри.

— Нет! — отрезал Чак.

Что-то начало складываться в его голове. Снова и снова он думал о том, почему Мастерсон забрал с собой доктора Думара и оставил Пита. Доктор Думар был ему нужен, а Пит — нет. Теперь же он потребовал доктора Перри. Зачем?

Чак вспомнил о горнодобывающем оборудова-

нии, которое увидел в грузовике, когда рылся в вещах. И внезапно ему стало все ясно.

Уран!

Конечно! Вся эта экспедиция в прошлое была затеяна для того, чтобы Мастерсон смог добраться до месторождения урана. Вероятно, он прочитал о нем в газетах и решил отправиться в Юрский период, чтобы найти ученых и залежи руды. Это объясняет присутствие оборудования в грузовике. Это объясняет, почему Мастерсон уничтожил силовое поле. Вот уж действительно — охотник! Только охотится он за ураном, и единственными людьми, которые могли привести его к нему, были доктор Думар и доктор Перри.

Теперь Чак понял, почему Мастерсон постоянно хотел вернуться на то место, где они нашли обоих ученых. Вероятно, он предполагал, что месторождение где-нибудь неподалеку оттуда, а возвращение домой было последним, чего он желал. По крайней мере, пока он не наложил лапу на уран.

Это навело Чака на другой вопрос. А как Мастерсон собирался выйти сухим из воды? Ну, нашел бы он ученых, а потом с их помощью — и месторождение. И что потом? Если он оставит ученых в живых, то все его планы потерпят крах. Он что,

планирует убить их?

— Что молчишь, Спенсер? — закричал Мастерсон. — Дениз — за Гарделя и доктора Перри.

Но Чак вернулся к более насущной проблеме.

— Доктор Перри, — с тревогой спросил он, — у кого из вас карта месторождения урана?

— Почему… почему…

— Я знаю, что это совершенно секретно, но это очень важно. Она у доктора Думара?

— Нет.

— Значит, у вас?

— Тоже нет.

Глаза Чака недоверчиво распахнулись.

— Хорошо… Тогда у кого?

— У природы, Чак.

— Не понимаю.

— Она была у Пьера в спальном мешке в ночь землетрясения. И в этом катаклизме…

— Он оставил ее в мешке!

— На деле это не так плохо, как звучит. Мы помним местоположение. Мы же провели там много времени, Чак. Поэтому, вероятно, смогли бы нарисовать карту по памяти — если землетрясение не изменило ландшафт.

— Ну, так что скажешь, Спенсер? — заорал Мастерсон.

— Я скажу: «НЕТ!» — проревел в ответ Чак. — Мне не нравится эта сделка, Мастерсон. Она дурно пахнет.

Поспешно, понизив голос, Чак рассказал доктору Перри, Питу и Артуру о своих догадках. Во время рассказа он наблюдал за их лицами и увидел, что доктор Перри кивнул.

— Я задавался вопросом, почему он был настолько дружелюбен к нам, когда мы примкнули к вашему отряду, — сказал доктор Перри. — Мне следовало догадаться, что он что-то затевает.

— Мы должны остановить его, — решил Чак. — Нужно отнять у него винтовку. Если он захватит и вас с доктором Думаром, то выбьет из вас местоположение урановых залежей. А когда он сделает то, что вы…

— Угу, — промычал доктор Перри.

Взгляд Чака блуждал по утесу и остановился на выступе в пятидесяти футах над землей.

— Вот именно, — громко произнес Чак.

— Что? Что? — спросил Артур.

— Выступ. — Чак кивнул в его сторону, так как не хотел, чтобы Мастерсон заметил, что он на что-то указывает рукой. — Если я сумею добраться вон до того выступа так, чтобы Мастерсон этого не заметил, что мы окружим его.

— И как вы собираетесь туда залезть? — спросил Пит.

— Не знаю. Я обойду вокруг. Может, другая сторона не такая крутая. Так или иначе, я должен подниматься там, иначе Мастерсон увидит меня.

— Вы не сможете это сделать, — предостерег Артур. — Подъем слишком крутой.

— И все же придется попытаться.

— А почему бы не мне? — спросил Артур.

— Потому что я — гид этой экспедиции, — спокойно ответил Чак.

— До сих пор все, что я делал, приносило нам неприятности. Возможно, теперь я сумею вытащить некоторых из нас из беды.

Взгляд Артура встретился со взглядом доктора Перри, и палеонтолог едва заметно кивнул. Чак заметил это и улыбнулся.

— Поверьте мне, я не собираюсь становиться героем или мучеником. Я только чувствую… чувствую себя так, словно я… не выполнил свою работу. Вы понимаете, что я имею в виду? Как будто я подвел всех.

Довольно долго доктор Перри молчал, затем произнес:

— У каждого человека есть своя гора, на которую он должен взобраться, Чак. Выполняйте

свою работу.

— Спасибо, — ответил Чак. — Тогда вот мой план…

Земля была неровная, покрытая острыми камнями, которые больно царапали руки, грудь и колени. Чак изо всех сил вжимался в землю, когда выполз из-под защиты скалы. Позади раздались винтовочные выстрелы — это Артур начал заградительную стрельбу. Чак не оборачивался. Держа голову низко, прижимаясь к земле, он медленно полз к россыпи валунов и утесу за ними. Потом выстрелы прекратились, началась вторая часть его отвлекающего плана.

— Мастерсон!

— Да, кто говорит?

— Это доктор Перри.

— Что у вас на уме, доктор Перри?

— Я поговорил с мальчиком, Спенсером.

— И к чему тогда эта стрельба, доктор Перри?

— Стрельба была идеей мальчишки. Я отговорил его. Теперь он думает над моим предложением.

— Каким именно?

— Я решил принять ваши условия. Мы с Гарделем придем к вам, если вы отдадите взамен Дениз.

Теперь Чак двигался гораздо быстрее. Земля все еще была усеяна острыми, как бритва, камнями, но теперь он был вне поля зрения Мастерсона и мог обходиться без особых предосторожностей. Чак стал на ноги и побежал по широкой дуге между валунами, приближаясь к утесу. Он услышал слова доктора Перри и улыбнулся. Пират. Добрый старый американский пират. Пират в эпоху динозавров. Эта мысль развлекла его, но Чак не забывал о задаче, предстоящей ему в недалеком будущем.

— Сначала я пошлю к вам Гарделя, — продолжал доктор Перри.

— Продолжайте.

— Когда Гардель доберется до вас, Мастерсон, вы пошлете нам Дениз. А потом к вам приду я.

— Довольно умно, доктор Перри, но мне это не нравится.

— Почему же?

— А что помешает вам, получив Дениз, не выполнить остальную часть этого плана?

— Такое даже не пришло мне в голову.

— А я бы не стал держать на это пари, доктор Перри. Вы что, за дурака меня держите?

— Даю вам честное слово. Как только Дениз будет здесь, я пойду к вам.

— Сожалею, но мне не нравится такая договоренность.

— Разве вы не доверяете мне, Мастерсон?

— Я не доверяю никому, доктор.

— Ну, и каково тогда ваше встречное предложение?

Подножие утеса окружало кольцо валунов. Чак остановился, чтобы отдышаться, и внимательно осмотрел их. Затем начал подъем. Забраться на валуны было не слишком трудно, и Чак быстро справился с этой задачей. Теперь перед ним лежал сам утес. На высоте пятидесяти футов у него был выступ, с которого можно было прицельно стрелять в Мастерсона, если этого потребует ситуация. Но Чак надеялся обойтись без кровопролития. Кольт оттягивал ремень, когда Чак начал подъем на утес.

— Эй, Мастерсон?

— Что?

— Я жду ваших предложений.

— Я думаю.

— Почему бы вам не послать сперва Дениз? Когда она будет здесь, мыс Гарделем можем отправиться к вам.

— Вы считаете меня идиотом?

— Почему? Идея кажется мне вполне разумной,

Мастерсон.

— Вам, возможно. Но вас там четверо мужчин, а Гардель один. Откуда я знаю, что вы отпустите его, когда девушка будет в вашем лагере?

— Мы так не сделаем, Мастерсон.

— А откуда мне знать, что вы так не сделаете?

— Но у вас же будет мое честное слово.

— А откуда мне знать, доктор, что Гардель не лежит сейчас связанный, с заткнутым ртом? Откуда мне знать, что это не уловка, чтобы вернуть вам девушку?

— Это было бы глупо, Мастерсон. У вас же есть еще доктор Думар. Так что у вас все равно останется один заложник.

— Позвольте мне увидеть Гарделя. Пусть он выйдет из-за скалы!

Чак был уже почти на выступе. Сердце его упало, когда он услышал требование Мастерсона. На это он не рассчитывал. Он даже не подумал о такой возможности, придумывая свой план. Продолжая подъем, Чак добрался до кустиков, росших прямо из скалы, и схватил их пальцами. Десять футов. Еще десять футов. Еще семь футов… Чак видел внизу скалу, за которой прятались Артур с Питом. Доктор Перри рывком поднял Гарделя и потащил на открытое место. Винтовка

Артура была нацелена Гарделю в спину. Еще пять футов…

— Вот он, Мастерсон.

— Привет, Брок!

— П-привет, Дирк.

— И что ты думаешь, Брок? Можно мне доверять им? Как вам их план?

— Я… Я не знаю, Дирк.

— Что-то ты странный какой-то. В чем дело? Что-то не так, Брок?

Поставить ногу на выступ. Подтянуть вторую. Рукой нащупать вверху за что ухватиться… Чак поднялся на выступ. Далеко внизу, за большим валуном он увидел Мастерсона. Его винтовка была направлена в сторону доктора Перри и Гарделя. Медленно, осторожно Чак достал кольт, проверил обойму и устроился поудобнее. Снова взглянув вниз, он увидел Дениз и доктора Думара справа от Мастерсона. А затем с другой стороны утеса раздался странный звук, словно шелест падающих камешков. Чак повернул было голову, чтобы определить местонахождение этого звука, когда Гардель вдруг вырвался из рук доктора Перри. Он рванулся вперед, хрипло заорав:

— Дирк! Мальчишка там! С пушкой!

Глава 17
КОРОЛЬ ЗВЕРЕЙ

Все произошло слишком неожиданно. С выступа Чак видел всю сцену, развернувшуюся под ним. У него даже возникло смутное ощущение, будто он сидит на балконе театра и смотрит разыгрывающийся на большой сцене спектакль. Крик Гарделя послужил сигналом, после чего все и завертелось. Гардель заорал и, освободившись от доктора Перри, рванулся вперед, к валунам. Но Гардель даже не взмахнул рукой, не сделал ничего, чтобы указать на Чака, поэтому Мастерсон не знал, где его искать.

И Мастерсон отреагировал так, как, наверное, отреагировал бы любой человек в его положении. Ситуация была напряженной, и палец Мастерсона, конечно же, лежал на спусковом крючке. Когда Гардель заорал, Мастерсон непроизвольно нажал на курок.

Он не целился, а стал стрелять вслепую.

Гардель закричал и отлетел назад, хватаясь за грудь, на которой расцвели фонтанчики крови.

— Брок! — закричал Мастерсон, прекратив

стрельбу.

Дымок от винтовки собрался над его головой и растворился в чистом воздухе.

— Брок! — снова позвал Мастерсон.

Гардель упал на колени, его пальцы были испачканы кровью, хлещущей из пробитой груди.

Он задергался и пополз на коленях, оставляя позади кровавый след.

— Дирк… Дирк…

Его голос был хрипом человека, умирающего за сто миллионов лет до появления первых людей, голосом человека, умирающего в чужое время в чужих краях. В этом голосе слышались испуг и жалость к себе. Он не мог понять, почему Мастерсон стрелял в него, и, хуже того, не мог понять, почему он должен сейчас умереть.

Он упал лицом вниз и перевернулся на спину, раскинув руки.

Теперь Гардель уже не выглядел удивленным.

— Брок! Я не хотел… Брок! — раздались отчаянные крики. Теперь Мастерсон понял, что остался совсем один. Он был один против природы, против своих собратьев и против своей совести, если она вообще у него была.

Чак лег на живот и закричал:

— Мастерсон, теперь все кончено!

Мастерсон завертелся на месте, поднял винтовку и выстрелил наугад.

Лежа на выступе, прижимаясь к нему лицом и грудью, Чак снова услышал странный звук. Звук… копыт. А потом его заглушил ужасный, душераздирающий, нечеловеческий вопль.

Мастерсон тоже услышал его и развернулся к валунам слева от него.

А затем оно появилось.

Сначала были лишь валуны, серое небо и чужая земля.

А затем как-то сразу возник ОН, высоко поднявшись на задних ногах и закрывая собой небо. Снова раздался жуткий крик, и Чак примерз к своему выступу, не в силах пошевелиться, полностью парализованный.

Аллозавр!

Он появился в самой кульминации, словно звезда эстрады. Самый жестокий, самый смертоносный хищник. Он стоял, горделиво выпрямившись во весь рост, тринадцать футов в высоту. Его длина от разинутых челюстей до кончика хвоста составляла все тридцать четыре фута.

Он вновь проревел что-то небу, земле и маленькому человечку, скорчившемуся за валуном с винтовкой в руках.

Аллозавр был зеленым, — унылого зеленого цвета, цвета старого пенса. У него были холодные, неподвижные глаза, рот был полон трехдюймовых зубов. Когда челюсти захлопнулись, зубы неистово заскрежетали. Затем челюсти снова открылись, обнажая красную глотку двадцати семи дюймов в глубину. Прижимая короткие передние лапы к груди, аллозавр широко шагнул вперед.

— Нет! Нет! — завопил Мастерсон.

Когти на задних лапах хищника впивались в каменистую почву, с челюстей закапала слюна и из глотки снова вырвался жуткий рев. Когти и челюсти были созданы, чтобы кусать и рвать. Они были предназначены бороться с мощной костяной броней современников аллозавра. Он был королем Юрского периода, одним из самых жестоких хищников, когда-либо живших на Земле.

Вступив в россыпь валунов, он закрыл собой Мастерсона. От его крика стыла кровь и бешено билось сердце. Невозможно было не испытывать страх. Что-то такое было в этом чудовище — не только его размеры, не только осознание того, как он опасен. Было что-то еще, от чего возникал безудержный страх. Страх, который понуждал Чака бежать, но одновременно парализовал тело и разум. Страх, от которого выступил пот. Страх,

как живое существо внутри, вопил: «Спасайся! Беги!». Такого страха Чак никогда еще не испытывал.

И Чак понимал, что Мастерсон чувствует такой же страх.

— Нет! — заорал Мастерсон и вскинул винтовку.

Чудовище разинуло челюсти, дряблая кожа на горле вдруг напряглась. Мастерсон палил, пока не опустел магазин, затем трясущимися пальцами стал его перезаряжать. Доктор Думар и Дениз были довольно далеко от Мастерсона и теперь пробирались между валунами в сторону Артура и остальных.

Пули Мастерсона вообще привели к обратному результату. Они только вызвали у хищника еще большую ярость. Чак понял, что Мастерсон, стреляя в свирепого динозавра, понятия не имел, куда нужно целиться. Пуля между глаз, возможно, и сумела бы его остановить, но глаза аллозавра были по бокам головы, а голова была слишком высоко, чтобы Мастерсон мог хорошенько прицелиться.

Но она была ниже того места, где прятался Чак.

Со своего выступа Чак мог бы сделать прицельный выстрел в аллозавра.

Чак отдышался, откашлялся, проглатывая комок в горле. А что, если выстрел привлечет животное к нему? Аллозавр был уже ближе, гораздо ближе. Он разинул челюсти и скоро уже смог бы достать Мастерсона.

Медленно, преодолевая страх, заставлявший руку дрожать, Чак поднял кольт.

«Оуэн», — внезапно пронеслось в голове.

Чак тщательно прицелился.

«Оуэн».

Память шептала ему это слово, мягко, словно умеренный бриз. «Оуэн, — проплывало в голове. — Оуэн».

Палец Чака задержался на спусковом крючке. Он нахмурил брови, пытаясь вспомнить, что связано с этим именем, которое возникало всякий раз, когда он глядел на Мастерсона.

Затем внутренний голос замолчал, имя исчезло из памяти, ум прояснился. Осталась только громадная фигура на фоне серого неба. Аллозавр сделал выпад, и Чак стал стрелять. Он видел, как между глазами чудовища возникают фонтанчики крови, видел, как его ужасные челюсти сжались на теле Мастерсона.

Мастерсон издал страшный вопль, от которого желудок Чака скрутила судорога. Но он продол-

жал стрелять, пока не выпустил все семь пуль. Затем бросил кольт, сбросил с плеч винтовку и продолжил стрельбу по гигантской окровавленной голове. Челюсти хищника распахнулись, обнажив зубы, темно-красные от крови Мастерсона. Мастерсон полетел на землю, а аллозавр выпрямился, пошатнувшись на задних лапах. Передние безвольно свисали с его боков.

Внезапно чудовище рухнуло, как гигантское дерево, и от удара содрогнулась земля. Поднялось большое облако пыли, покрывшее зверя, как саван, и он остался лежать в целом море собственной крови, неподвижный, с остекленевшими пустыми глазами.

Аллозавр был мертв.

Чак взглянул вниз, где среди валунов лежал Мастерсон. Единственный взгляд сказал ему все, что он хотел знать.

Мастерсон тоже был мертв.

Глава 18
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Чак долго сидел на уступе, глядя вниз на Дениз, которую качал на руках доктор Думар. Девушка тихонько плакала. Потом он взглянул на останки

Мастерсона — мертвого человека с разрушенными мечтами. Потом его взгляд переместился на аллозавра, из головы которого все еще текла кровь. Между валунов к нему уже направлялись рептилии-падальщики, почуявшие хорошую поживу.

Потом Чак посмотрел на далекий горизонт. Небо было ясным. Солнце клонилось к закату, омывая землю золотистыми лучами. Взгляд Чака скользнул по лабиринту валунов, по обширной проплешине скального обнажения, по окаймлявшим его кустам и дальше, по густой непроходимой растительности…

Глаза Чака открылись сами собой, какое-то время он боролся с дикой усмешкой, которая непроизвольно появилась на его лице. Крик рвался из горла. Чаку хотелось дико хохотать и истерично вопить, но он только стоял, дрожа, как осенний лист на ветру.

Далеко впереди, похожий отсюда на почтовую марку, лежал на земле белый квадрат, намалеванный краской, чтобы обозначить точное место перехода.

— Эй! — закричал, наконец, Чак. — Эй! Мы нашли его!

И он замахал руками, глядя на Артура, доктора

Перри и Пита.

— Что? — крикнул в ответ Артур. — О чем ты, Чак?

— Место отправления! Вон там! Теперь мы вернемся домой!..

Его наручные часы говорили, что остался всего лишь один час.

Вчера они шли вплоть до самых сумерек, но на ночь все же пришлось остановиться, потому что они боялись потерять в темноте направление. Утром седьмого дня они снова возобновили поход, и вот теперь оставался ровно час.

Чак снова взглянул на часы. Один час. Если они не дойдут до места отправления к двум часам…

Чак упорно вел отряд вперед.

Он старался не думать о сроках, а вместо этого попытался сформулировать отчет, который должен сделать по возвращении. Это казалось весьма простым и не таким уж важным. Некто по имени Мастерсон оплатил экспедицию. Но теперь Мастерсон мертв.

Чак сообразил, что он уже мало что помнит о человеке, хотя и знает, что должен помнить, потому что о чем-то надо будет написать в отчете. Было несколько странно, что ему так трудно запомнить о гибели Мастерсона и Гарделя. И

еще Чак чувствовал, что не очень давно он уже сталкивался с подобной проблемой — хотя понятия не имел, по какому поводу. Он понимал, что Мастерсон и Гардель умерли задолго до того, как родились, поэтому в поток времени были внесены изменения, и они оба должны постепенно кануть в небытие. Он также понимал, что с течением времени совершенно забудет об их существовании. Он знал это с полной уверенностью, но не мог понять, откуда у него это знание. Но он воспринимал это спокойно, как факт. Весь его опыт подсказывал, что он уже сталкивался с такой ситуацией — или очень похожей — не слишком давно. Он не мог вспомнить, что это была за ситуация, но, тем не менее, знал, что Мастерсон и его худой помощник постепенно уйдут в забвение, что обстоятельства, связанные с этой парочкой, изменятся или будут вообще заменены на другие.

Идея эта была странной, но знакомой. А то, что Чак не мог объяснить, откуда ему это знакомо, его не волновало.

Но он задавался вопросом, как именно поток времени приспособится к отсутствию Мастерсона. Ведь куча изменений должна произойти в прошлом, еще задолго до того, как Чак повстречал

этого человека. Будут стерты все следы Мастерсона и Гарделя, все их контакты с другими людьми, все влияние, которое они — вольно или невольно — оказали на окружающих.

Это был элементарный закон. Ничто не может одновременно быть и не быть. Мастерсон или существовал, или нет. Но если бы он умер в Юрском периоде, то не мог бы существовать в современности. А если он не существовал в современности, значит, кто-то другой финансировал экспедицию и нанял Чака.

Но Чак не знал, кем этот другой может быть.

Его догнал Пит и покачал головой.

— Чак, у меня проблема.

Чак взглянул на часы. Было тринадцать часов десять минут. Время заканчивалось, буквально утекало между пальцами, как песок. Ровно в четырнадцать часов механизмы Времялаза начнут процедуру возвращения. Если они будут в белом квадрате, то вернутся домой. Если же нет, то Времялаз сработает вхолостую.

— Что именно, Пит? — спросил Чак.

— Я все время чувствую, что у нас кого-то не хватает. Я понимаю, это странно звучит, потому что все мы здесь, но что-то тревожит меня. Словно что-то мне говорит: «Тот, кого нет», или нечто

в этом роде. Вы понимаете, что я имею в виду? Я все время пытаюсь что-то вспомнить, но никак не могу. Похоже, будто что-то исчезает у меня из памяти, а я не могу это остановить.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, Пит.

Это уже происходит. Мастерсон совершено ускользал из памяти Пита. И всякий раз, когда Чак сам думал о мертвеце, он едва ли мог вспомнить, во что тот был одет, что курил — трубку, сигареты или сигары? А какой у него был голос. Он смутно ощущал, что этот человек доставил много неприятностей, но мог вспомнить лишь последний инцидент с аллозавром. И даже от этого остались всего лишь невнятные впечатления: Мастерсон в челюстях гигантского хищника, Чак, стреляющий в голову зверю, бьющая струями кровь, смерть…

— Я предполагаю, что волноваться не о чем, — без всякого воодушевления продолжал Пит. — Но тем не менее, это странное чувство — как будто я теряю частички своего разума.

— Вы в полном рассудке, Пит, — сказал Чак. — Я бы на вашем месте поскорее забыл обо всем этом.

— Похоже, я и так обо всем забуду, — немного натянуто рассмеялся Пит, — хочу этого или нет.

И чертовски странное во всем этом то, что я не помню что, будто что-то забываю.

Тринадцать пятнадцать.

Тринадцать двадцать…

Время стало живым существом, оно скользило по циферблату часов Чака, как рептилия Юрского периода. И оно несло смерть. У него не было никаких пристрастий к Чаку или любому другому члену группы. Оно летело стремительно, вслепую, не обращая внимания на то, что людям приходится идти наперегонки с ним. И выдерживать такой темп людям было нелегко. Время нависло над их головами, точно нож смертоносной гильотины, и становилось все труднее справляться с ощущением надвигающейся гибели.

Они шли теперь без остановок.

Они шли, несмотря на то, что дыхание хрипло вырывалось их легких. Их одежда была пропитана потом, лица изможднены, а в запавших глазах мерцало сомнение.

Чак коротко переговорил с каждым. Он не предлагал поддержку, не пытался сохранить в них бодрость духа. Он просто хотел, чтобы они продолжали идти, потому что если они остановятся, будет нелегко заставить их двигаться дальше. Из

этих разговоров Чак понял, что Мастерсон уже почти полностью стерт у людей из памяти. Но он еще не знал, как поток времени приспособится к отсутствию Мастерсона. Если не Мастерсон финансировал экспедицию, то тогда кто? Какой-то другой богач? Но кто именно?

Чак понятия не имел, а вскоре Мастерсон стал лишь очень далеким воспоминанием.

В час тридцать он уже вообще не помнил о Мастерсоне.

Тринадцать тридцать.

Времени оставалось очень мало. Собственно, его вообще не было. Чак стал волноваться всерьез. Беспокойство подобно туче насекомых металось у него в голове, грызло его разум, не давая покоя и отдыха.

Белый квадрат. Где белый квадрат?

Тринадцать тридцать пять.

Где же это место, черт побери?

Тринадцать сорок.

Где место отправления? Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…

Тринадцать сорок пять.

Сначала они увидели стегозавров. Двух стегозавров. Динозавры торчали посреди большой поляны, словно присев на корточки. Их выгнутые

спины, украшенные костяными гребнями, выступали, как горные цепи, вооруженные шипами хвосты опасно извивались сзади.

Чак уже был готов обойти их стороной. Это было безопаснее всего, не считая потери времени. Чак взглянул на часы. Тринадцать пятьдесят.

Что-то внутри кричало об опасности. Чак знал, что у них уже была стычка со стегозаврами. Он не помнил всех подробностей этого инцидента, но знал, что стегозавры опасны.

Он собирался обойти их подальше, когда увидел, где именно те сидели на корточках. Одна из зверюг подняла голову, но Чак смотрел не на нее. Он смотрел на огузок этого существа, точнее, на то, что частично покрывал этот огузок.

Толстую белую линию.

Осознание явилось для Чака шоком.

Покрытые броней динозавры сидели как раз на том месте, которое для отправления домой должны занять они!

— Чак, Бога ради…

— Вижу, — закричал Чак и посмотрел на часы.

Тринадцать пятьдесят три.

— Они прямо на белом квадрате, — выдохнул Пит. — Что нам делать?

— Не знаю… — Чак проглотил комок в горле. —

Я… Я не знаю.

Мы не можем зайти в квадрат, пока они находятся на нем.

— Что-то нужно делать, — сказал доктор Думар. — У нас ведь осталось шесть минут, не так ли?

— Да. Шесть минут.

— Я застрелю их, — предложил Артур. — Я достаточно поохотился в своей жизни, чтобы завалить обоих без особых проблем.

Чак покачал головой.

— Опыт охоты на енотов не поможет вам справиться с этими монстрами.

— Охота на енотов? — удивился Артур. — Чак, я охотился в Африке. Я убивал носорогов, так что не вижу здесь большой разницы.

— Носорогов? В Африке? Но вы же…

— Сколько времени? — перебил его доктор Перри.

— Час пятьдесят пять.

— Позвольте мне застрелить их, — настаивал Артур.

— Нет. Мы не можем убить их в квадрате, потому что тогда они попадут в наше время, а там нас за это…

— Да забудьте вы о законе! — закричал Пит с

покрасневшим от гнева лицом. — Мы же иначе не сможем вернуться домой. И что тогда?

— Дайте сначала попробовать мне, — сказал Чак. — Если это не сработает, тогда можете их убить. Если сумеете.

— А что вы хотите?

— Попытаюсь выманить их из квадрата. Как только они уберутся оттуда — все сразу бегом туда. Понятно? Артур, в этом я полагаюсь на вас. А я вернусь и…

— Но предположим…

— У нас нет времени! — закричал Чак. — Все. Я начинаю. Все бегом, как только они освободят квадрат.

— Чак… — начала было Дениз, но он уже побежал через поляну прямо к гигантским, покрытым броней животным. На бегу он взглянул на часы — тринадцать пятьдесят семь.

— Ого-го! — закричал Чак. — Эге-гей!..

Он дико махал руками. Стегозавры подняли головы и тупо уставились на него. Без колебаний Чак выхватил кольт и трижды выстрелил.

Динозавры вскочили на ноги.

— С дороги! — ревел Чак. — С дороги, вы, идиоты! Быстрее, не то получите у меня!

Стегозавры зашевелились, но все еще были

внутри квадрата. Чак начал снова стрелять. Пять выстрелов. Две пули ушли в «молоко». Три раза он попал. Было тринадцать пятьдесят восемь.

— Шевелитесь! Шевелитесь!

И стегозавры зашевелились. Они побежали прямо на него-тупая, безжалостная сила, с грохотом несущаяся по земле. Чак побежал, уводя их подальше от белого квадрата. Через плечо он увидел, что весь отряд уже внутри квадрата, а Артур стоит с винтовкой наизготовку.

Приведенные в бешенство стегозавры неслись за ним, взметая в воздух комья земли, стремясь догнать и растоптать его.

Потом прозвучал винтовочный выстрел. Чак услышал рев позади. Повернув голову, он увидел, как один из динозавров медленно валится на бок.

Другой по-прежнему несся вперед.

И тут Чак запнулся и полетел на землю.

Пару раз он перевернулся, но тут же поднялся на колени. Преследователь был совсем близко. В отчаянии Чак поднял кольт и пару раз нажал на спусковой крючок, но выстрелов не последовало. Курок сухо щелкнул два раза. Не было времени перезаряжать оружие. Молитва сама собой стала слетать с его губ.

И тут раздался второй выстрел Артура.

Он попал стегозавру как раз туда, где кончалась голова и начиналась шея. Стегозавр рухнул наземь, его морда вспахала землю в паре шагов от Чака. Но прежде, чем животное перевернулось, Чак был уже на ногах и понеся к квадрату.

— Быстрее! — закричал Артур.

Чак услышал голос Дениз, повторявший:

— Чак, Чак, Чак…

Стрелка часов была между тринадцатью пятьюдесятью девятью и четырнадцатью часами. Осталось несколько секунд, всего лишь несколько секунд.

— Чак! Дружище, быстрее!

Земля мелькала под его ногами, а квадрат был еще далеко, очень далеко. Затем лица людей стали расплываться, а воздух над квадратом стал дрожать и замерцал.

Чак отчаянно прыгнул, протянув вперед руки, и с такой силой ударился о землю, что весь воздух вылетел из его легких.

Но когда разум уже вдалбливал ему, что квадрат далеко и он не успеет, сильные коричневые руки схватили его за запястья и поволокли по камням и грубым стеблям растений.

Чак попытался бросить последний взгляд на

Юрский период, но ничего не увидел. Вокруг исчезло все, кроме вспыхивающих вразнобой всех цветов спектра. Он был в безопасности, и они летели домой.

У Чака было чувство, словно ничего не произошло.

Его встречали родители: мать с влажными от волнения глазами и отец, гордо выпячивавший грудь.

Это было всего лишь обычное возвращение. Никто не знал, что нашлись доктор Перри и доктор Думар. Чуть позже, когда об этом сообщили газетам и телевидению, здесь все стало кишеть репортерами, телефургонами, комментаторами с микрофонами и камерами, фотоаппаратами с бесчисленными вспышками.

Тут же началась конференция.

— Скажите, господин Бэрон, вы довольны, что организовали эту экспедицию?

— Конечно.

— И вы, конечно, понимаете, что совершили, разыскав пропавших ученых?

— Это вышло случайно. Ведь я собирался всего лишь на охоту. Знаете, я всю жизнь участвовал в охотничьих экспедициях по всему земному шару, но эта оказалась самой захватывающей.

Какое-то время Чак не понимал, с кем они беседуют. Он озадаченно посмотрел на говорившего, и тут же его лицо прояснилось. Чак вспомнил, кто финансировал их экспедицию. Конечно. Как он мог забыть? Разумеется, экспедицию финансировал…

— Дамы и господа, — произнес репортер, — с нами беседовал господин Артур Бэрон, миллионер и охотник на крупную дичь, который и организовал эту экспедицию в Юрский период. Разумеется, господин Бэрон не нуждается в представлении. Все помнят захватывающие заголовки о смерти Дж. Д. Дэниэльса-спортсмена, охотника и мультимиллионера. Господин Дэниэльс разделил все свое состояние между двумя людьми, которые преданно служили ему в течение десяти лет. Одним из этих людей и был Артур Бэрон.

Чак улыбнулся. Конечно. Разумеется, Артур.

— А теперь предоставим возможность сказать несколько слов спасенным ученым — доктору Думару и доктору Перри. Скажите мне, доктор Перри, думали ли вы когда-нибудь…

Голоса слились в голове Чака в сплошной гул. Он слышал, кивал головой в ответ на вопросы родителей и чувствовал себя вполне счастливым. Родители Дениз тоже были здесь — ее мать, ма-

ленькая белокурая женщина с теплыми карими глазами, как у Дениз, и симпатичным лицом, и отец Дениз — высокий, серьезный мужчина. Он крепко пожал Чаку руку.

— Спасибо, сынок, — сказал он. — Честно говоря, я сильно волновался.

— Ну, и что ты теперь думаешь, Дениз? — спросила ее мать.

— О чем, мама?

— Ну, ты же так хотела участвовать в этой экспедиции. Сколько раз говорила, что должна решить, действительно ли хочешь пойти на специальные курсы гидов. Ты…

— Вот теперь я уж точно не передумаю, — улыбнулась Дениз.

— Мне так понравилось! — Она взяла руку Чака и крепко пожала.

Чак посмотрел на нее и улыбнулся.

«Конечно, — подумал он. — Для того Дениз и поехала в эту экспедицию». Власти дали ей специальное разрешение. Они сказали, что девушки-гиды могут быть не хуже мужчин, а с женщинами в таких экспедициях справятся даже лучше. Фактически, они обрадовались желанию Дениз, сказав, что девушка на курсах гидов подаст пример другим женщинам. Чаку почему-то

на мгновение показалось, что он слышит все это впервые, но он тут же отбросил все сомнения.

— Мы еще вернемся туда, — говорил в это время доктор Думар.

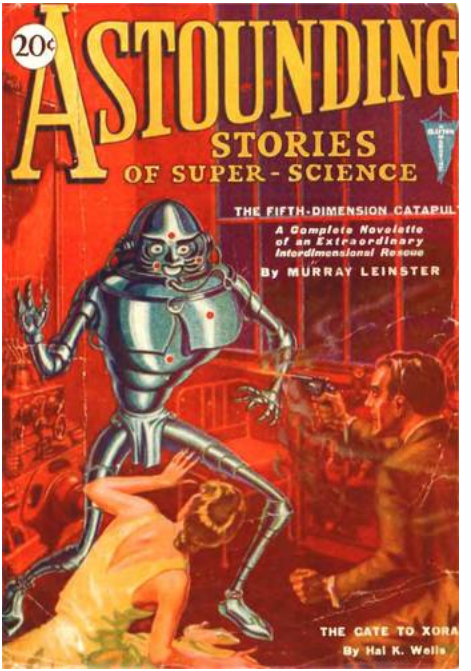
— И на сей раз точно определим местоположение залежей и составим подробную карту.

— Да, — согласился доктор Перри. — Но теперь уж мы возьмем с собой хорошего гида, чтобы снова не заблудиться. Такого, как Чак Спенсер.

Дениз снова пожала Чаку руку, и он почувствовал вполне заслуженную гордость.

— Спасибо, доктор Перри и доктор Думар, — поблагодарил комментатор. — Ну, а теперь мы хотим, чтобы нам сказал пару слов гид, без которого экспедиция вряд ли была бы удачной. У микрофона Чак Спенсер!

Толпа зааплодировала, послышались приветственные возгласы. Медленно, с блестящими от навернувшихся счастливых слез глазами, Чак взял микрофон.

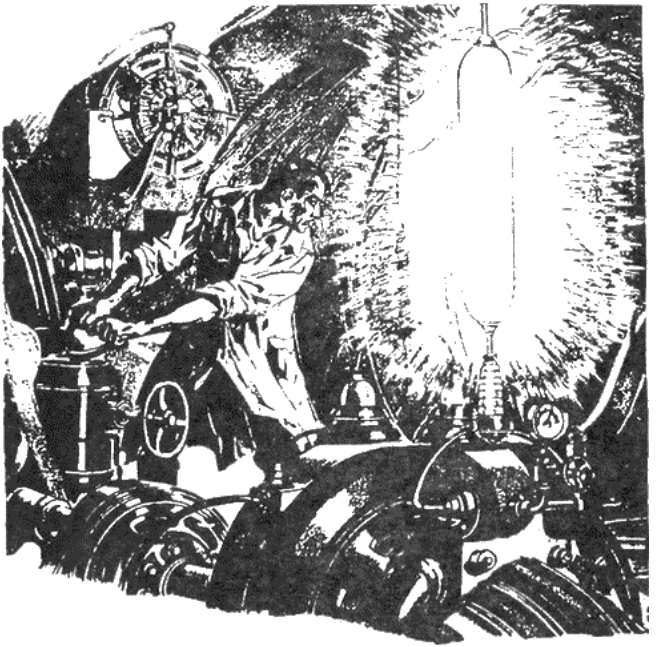

20¢
ASTOUNDING
STORIES
OF SUPER-SCIENCE
THE FIFTH-DIMENSION CATAPUL
A Complete Novelette
of an Extraordinary
Interdimensional Rescue
By MURRAY LEINSTER
THE GATE TO XORA
By Hal K. Wells

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР
Катапульта пятого измерения
Предисловие

У этой истории нет начала в обычном смысле этого слова, потому что у нее, можно сказать, слишком много начал. Можно было бы начать с того момента, когда профессор Денхэм, доктор наук, профессор Массачусетского Технологического Университета и т. д., выделил металл, о котором много лет болтали ученые, понятия не имевшие, как его получить. Или она могла бы начаться с первых экспериментов с этим металлом, когда были получены совершенно невообразимые результаты. Или она могла бы очень правдоподобно начаться с беседы между знаменитым предводителем гангстеров в городе Чикаго и молодым лаборантом в очках, который передал ему тяжелый предмет из чистого золота и, сильно нервничая, объяснил, где он его взял. Также с невозможными результатами, потому что это превратило Джекаро, короля шантажа и бутлегеров, в восторженного энтузиаста неевклидовой геометрии. Эта история, как уже сказано,

могла бы начаться с этой беседы.

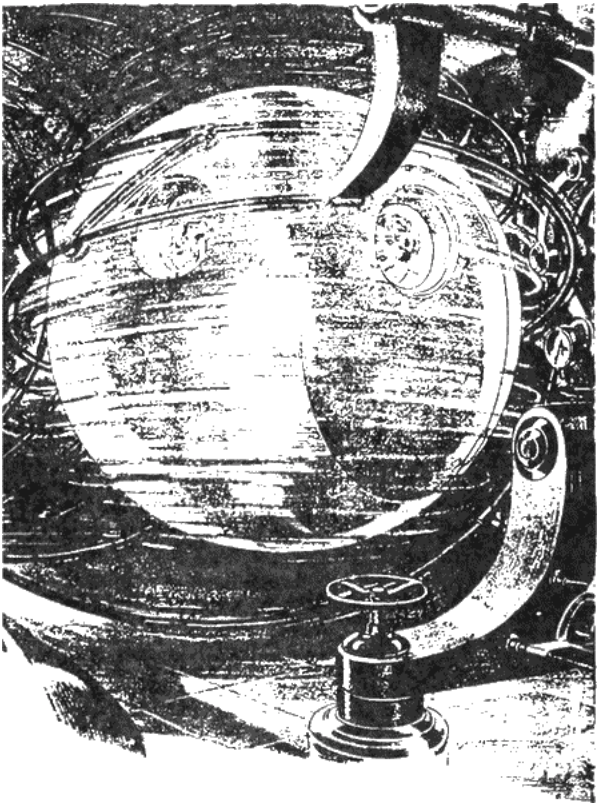
Но это оставляет вне поля зрения Смизерса и особенно Томми Римеса. Так что лучше всего начать рассказ с первого появления Томми.



The Fifth-Dimension Catapult

A COMPLETE NOVELETTE

By Murray Leinster



Глава I

Он остановился в облаке пыли, поднятом спортивным автомобилем, и внимательно посмотрел на ворота, закрывающие въезд на частную дорогу. Ворота были внушительные. На самом верху висел знак «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Немного ниже была надпись «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ ПО СУДУ». На правом столбе ворот было уведомление: «ПРОВОЛОКА — ПОД ТОКОМ», а на левом плакат «ЗА ОГРАДОЙ — ЗЛЫЕ СОБАКИ».

Сама ограда имела семь футов в высоту и была сделана из самых толстых металлических прутьев. По ее верху была натянута колючая проволока, а ограда тянулась в обе стороны от узкого проезда, пока не исчезала из поля зрения.

Томми вышел из автомобиля и открыл ворота. Они соответствовали описанию, которое ему дал мускулистый рыжеволосый дежурный на деревенской заправке в двух милях отсюда. Томми проехал через ворота, вышел, аккуратно закрыл их, вернулся в автомобиль и поехал дальше.

Он ехал по узкой частной дороге со скоростью сорок пять миль в час, напевая себе под нос. Таков

был Томми Римес. Он не походил на обычного ученого так же, как его мощный спортивный автомобиль не походил на машину, которую предпочитают обычные ученые, и поступал Томми всегда не так, как обычные ученые. Фактически у большинства людей, с которыми он общался, не закрадывалось ни малейшего подозрения, что он вообще имеет какое-то отношение к науке. Например, Питер Дэйзелл, который начнет в ужасе отмахиваться, если кто ему скажет, что Томми Римес является автором статьи в «Философском журнале» «О массе и инерции тессеракта»[3], вызвавшей такие споры.

И была некая Милдред Холмс — не играющая никакой роли в деле о Катапульте Пятого Измерения, — которая подняла бы изящно изогнутые брови со скучающе-недоверчивым выражением, если бы при ней кто-нибудь предположил, что Томми Римес — именно тот самый Томми Римес, чьи «Дополнения к механике континуумов Херцлога» произвели такой фурор в научных кругах. Она надеялась рано или поздно заставить Томми сделать ей предложение, поэтому считала, что знает о нем все.

---

[3] Примечания: 3

Тессеракт-куб, обладающий четырьмя пространственными измерениями.

Ведя машину по узкой дороге, Томми слегка сомневался, что поступает правильно. Телеграмма на желтом бланке в его кармане походила скорее на розыгрыш, но все же имелась слабая вероятность того, что она была важнее пропущенного теннисного матча. В телеграмме говорилось:

ПРОФЕССОР
ДЕНХЭМ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОПАСНОСТИ ИЗ-ЗА ЭКСПЕРИМЕНТА ОСНОВАННОГО НА ВАШЕЙ СТАТЬЕ О ДОМИНИРУЮЩИХ КООРДИНАТАХ И ТОЛЬКО ВЫ МОЖЕТЕ ПОМОЧЬ ЕМУ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ПРИЕЗЖАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО

А. ФОН ХОЛТЦ

Ограда тянулась по обе стороны от дороги. Миля или полторы узкого проезда, огороженного и защищенного от злоумышленников, как только возможно.

«Интересно, — подумал Томми Римес, — а что бы я сделал, если бы навстречу поехал другой автомобиль?»

Он старался больше не думать о телеграмме. Он ей не верил. Он не мог ей поверить. Но он также не мог и проигнорировать ее. И никто бы не смог — ни ученые, ни обычные люди со среднеразвитым любопытством. Статья о доминирующих

координатах была напечатана в «Физическом Журнале» и описывала мир, в котором нормальные координаты каждодневного существования изменили свои функции. Координаты времени, вертикального, горизонтального и бокового направлений поменялись местами, и человек пошел на восток вместо того, чтобы пойти на запад, причем в конец улицы, а не в начало. С одной точки зрения, это была математическая шутка, но она приводила к некоторым захватывающим, глубокомысленным заключениям.

Но Томми не мог не думать о телеграмме даже тогда, когда на дороге появился цыпленок и пошел, дико размахивая крыльями, прямо на автомобиль. Цыпленок все же поднялся в воздух перед самым автомобилем, пролетел над капотом, как кучка верещащих перьев, ударился о наклонное ветровое стекло, скользнул по нему вверх, пролетел над головой Томми, теряя перья, и с пронзительными криками упал на дорогу позади автомобиля. В зеркало заднего вида Томми увидел, как он поднялся и побежал назад по дороге.

«Идея моя заключалась в том, — раздосадовано сказал себе Томми по поводу статьи, упомянутой в телеграмме, — что человек может распознать

лишь три пространственных и одно временное измерение. Так что, даже если бы его забросить в многомерный космос, он все равно не увидел бы разницы. Он все равно оказался бы в плену трех пространственных измерений Вселенной. И что тут такого, отчего у Денхэма могли бы возникнуть проблемы?

Впереди появился дом — низенькое, хаотичного вида бунгало с огромным кирпичным сараем позади. Дом профессора Денхэма, а сарай, конечно же, был лабораторией, в которой он производил свои эксперименты.

Томми инстинктивно нажал на педаль газа. Автомобиль прыгнул вперед. И тут произошла авария. Перед ним внезапно появились еще одни ворота, сделанные из тонких труб с натянутой на них неокрашенной проволочной сеткой. Томми заметил их слишком поздно и не успел затормозить. Автомобиль содрогнулся от удара, раздался скрежет и звон стекла. Томми инстинктивно пригнулся, поскольку одна из труб ударила прямо в ветровое стекло. Двойное стекло раскололось пополам, покрылось трещинами и прогнулось, но не разлетелось на кусочки. Автомобиль остановился, запутавшись колесами в проволоке, сорванной с ограды. Ворота вырвались из петель

и аккуратно накрыли капот автомобиля. Завизжали шины. Томми Римес шепотом выругался и вылез из автомобиля, чтобы осмотреть повреждения.

Он уже решил, что не случилось ничего непоправимого, когда из кирпичного сарая позади дома появился человек. Это был высокий, худощавый молодой человек, который шел по направлению к нему, размахивая руками и крича:

— Вы не имеете никакого права здесь ездить! Вы должны сразу уехать! Вы повредили частную собственность! Я сообщу профессору! Вы должны заплатить за повреждения! Вы должны…

— Черт побери! — сказал Томми Римес, увидел, что радиатор пробит. Струйка ржавой воды уже бежала по траве.

Молодой человек подошел ближе. Бледный молодой человек, как отметил Томми. Молодой человек со щетиной коротко подстриженных волос и с очками в роговой оправе на близоруких глазах. Губы его были толстые и очень красные, по контрасту с бледностью щек.

— Разве вы не видели знаки на воротах? — сердито спросил он с любопытным акцентом. — Разве вы не видели, что нарушителям запрещают…

входить? Вы должны уйти сразу! Вы будете преследоваться по закону! Вы будете заключены в тюрьму! Вы будете…

— Вы — фон Хольц? — раздраженно спросил Томми. — Меня зовут Римес. Вы мне телеграфировали.

Руки молодого человека замерли посреди взволнованного жеста. Близорукие глаза за толстыми линзами расширились. Розовый язык облизнул красные губы.

— Римес? Герр Римес? — запинаясь, спросил фон Хольц и подозрительно заявил: — Но вы не… Вы же не можете быть герром Римесом, автором статьи о доминирующих координатах!

— Это еще почему? — сердито спросил Томми. — Я также герр Римес, автор других статей, таких, как «Механика континуума» или «Масса и инерция тессеракта». И согласно последнему выпуску журнала философии… — Он посмотрел на красную струйку, бежавшую из радиатора, и с сожалением пожал плечами. — Я хочу, чтобы вы позвонили в деревню и прислали кого-нибудь, кто отремонтирует мой автомобиль, — коротко продолжал он. — А затем объясните мне, что это за телеграмма — шутка или нет?

Он вытащил желтый бланк и протянул его,

ощущая инстинктивную неприязнь к худощавому человеку, стоявшему перед ним, но старался подавить свои чувства.

Фон Хольц взял телеграмму, прочитал ее, бережно разгладил и взволнованно сказал:

— Но я думал, что герр Римес… что он почтенный джентльмен! Я думал…

— Вы послали эту телеграмму, — сказал Томми. — Она озадачила меня ровно настолько, чтобы заставить примчаться сюда. Из-за этого я чувствую себя круглым дураком. В чем дело? Это что — действительно розыгрыш?

Фон Хольц яростно покачал головой.

— Нет! Нет! — выкрикнул он. — Герр профессор Денхэм находится в ужасной, в смертельной опасности! Я… Я почти обезумел, герр Римес! Оборванцы могут схватить его!.. Я телеграфировал вам. Я четыре ночи не спал. Я работал! Я сломал свою голову! Я почти обезумел, пытаясь вернуть герра профессора! И я…

Томми уставился на него.

— Четыре дня? — спросил он. — Что бы там ни случилось, но это продолжается четыре дня?

— Пять, — нервно сказал фон Хольц. — Но только сегодня я подумал о вас, герр Римес. Герр профессор Денхэм чрезвычайно хвалил ваши ста-

тьи. Он говорил, что вы единственный человек, способный понять его работу. Пять дней назад…

— Раз он уже пять дней находится в опасности, — скептически проворчал Томми, — значит, не в таком уж он затруднительном положении, иначе все бы уже кончилось. Так вы позвоните механику? А потом поглядим, что тут у вас происходит.

Фон Хольц снова замахал руками и в отчаянии затараторил:

— Но это срочно, герр Римес! Герр профессор в смертельной опасности!

— Да что с ним такое?

— Он остался там, — выпалил фон Хольц, снова облизывая губы.

— Он там застрял, герр Римес, и вы — единственный…

— Застрял? — еще более скептически сказал Томми. — Посреди штата Нью-Йорк? И я один могу ему помочь? Это все больше и больше похоже на тщательно продуманный, но не очень забавный розыгрыш. Я проехал шестьдесят миль. Хорошая шуточка, верно?

— Но это правда, герр Римес, — в отчаянии продолжал фон Хольц.

— Он там застрял. Он изменил систему коорди-

нат. Это был эксперимент. И он остался в пятом измерении!

Наступила мертвая тишина. Томми Римес тупо глядел на него, затем откашлялся. Он снова ощутил инстинктивную неприязнь к этому молодому человеку. Бесспорно, он так рассердился, что, когда ему починят автомобиль, он тут же сядет и уберется подальше отсюда, если не сделает это раньше. Но пока что сбежать не так-то легко. Одна шина автомобиля совсем спустилась, так что колесо стояло на ободе, а из радиатора медленно капали на траву последние капли. Поэтому Томми достал портсигар, закурил сигарету и сардонически сказал:

— Пятое измерение? Не слишком ли шикарно? Большинство из нас отлично обитают в трех измерениях. Четыре уже являются роскошью. Так зачем же пятое?

Фон Хольц в свою очередь побледнел от гнева. Он замахал руками, остановился и произнес с подчеркнутой вежливостью:

— Если герр Римес соизволит последовать за мной в лабораторию, я покажу ему герра профессора Денхэма и стану убеждать, что герр профессор в чрезвычайной опасности.

У Томми внезапно возникло впечатление, что

фон Хольц говорил все это всерьез. Он мог быть безумцем, но он был серьезен. И, несомненно, существовал профессор Денхэм, и это был его дом и его лаборатория.

— Ладно, давайте, я посмотрю, — менее скептично произнес Томми. — Но, знаете ли, это весьма невероятно.

— Это невозможно, — натянуто ответил фон Хольц. — Вы правы, герр Римес, это весьма невозможно. Но это — факт.

Он повернулся и пошел к большому кирпичному сараю позади дома. Томми последовал за ним, совершенно не веря, но все же начиная сомневаться — достаточно для того, чтобы задаться вопросом, какой именно ужасной природы могла быть чрезвычайная ситуация в таком тихом месте. Конечно, фон Хольц мог быть сумасшедшим. Мог быть…

Странные, ужасные мысли пробегали у Томми в голове. Сумасшедший, балующийся наукой, мог совершить невероятные вещи, ужасные вещи, а затем потребовать помощи, чтобы уничтожить следы невообразимого убийства.

Томми был напряжен и встревожен, когда фон Хольц открыл дверь похожей на сарай лаборатории.

— После вас, — кратко сказал Томми.

Его начало трясти, когда он вступил внутрь. Но в интерьере лаборатории не оказалось ничего ужасного. Это было огромное помещение с высоким потолком и бетонным полом. В одном углу стояла динамо-машина, соединенная с четырехцилиндровым двигателем внутреннего сгорания, к которому подсоединялся непонятный большой барабан с несколькими сотнями футов цепи, намотанной на него. На пульте управления были амперметры, вольтметры и очень чувствительный динамометр на отдельном стенде. Также в помещении находился электрический токарный станок и комплексное оборудование для работы с металлами. Еще была электрическая печь с застывшими на полу возле нее брызгами металла, рядом миниатюрные формы для отливок, а в дальнем углу комнаты — гигантский соленоид, который, очевидно, когда-то висел на балках, а теперь был явно поврежден, потому что ничем не поддерживаемый валялся на боку.

Единственным непонятным устройством выглядело странное приспособление у одной из стен. Из-за длинной латунной трубки, напоминающей ствол, оно походило на пулемет. Но ствол уходил в полностью закрытый алюминиевый

корпус, в котором не было видно никаких отверстий для подачи патронных лент.

Фон Хольц двинулся прямо к нему, снял крышку с конца медного ствола, заглянул в него и взмахом руки подозвал Томми.

У Томми снова вспыхнули подозрения, и он подождал, пока фон Хольц отойдет от аппарата. Но в тот момент, когда он заглянул в латунную трубку, то забыл обо всех сомнениях, подозрениях и предосторожностях. От изумления он забыл обо всем на свете.

На конце латунной трубки крепилась линза. Трубка оказалась чем-то вроде телескопа, направленного в закрытую алюминиевую коробку. Но Томми даже на долю секунды не мог поверить, что видит отлично сделанную и удачно освещенную миниатюру. Он смотрел в телескоп и видел нечто, находящееся на открытом воздухе. Несмотря на то, что другой конец трубки уходил в алюминиевую коробку. Несмотря на толстые кирпичные стены лаборатории. Он смотрел и видел пейзаж, который не должен был — и который не мог — существовать на Земле.

Там были чудовищные, выше деревьев, перистые папоротники с едва колышущимися широкими листьями. Телескоп глядел на по-

логий откос, и деревья-папоротники, похоже, скрывали более далекий горизонт, но между оптикой и откосом обзор закрывало переплетенье листьев, сквозь которое с трудом просматривался огромный стальной шар, лежащий на откосе.

Томми присмотрелся. Шар, несомненно, был искусственным. Томми отчетливо видел места соединения болтами. И в шаре была дверь, а по бокам от нее — застекленные окна.

Пока Томми смотрел на нее, дверь приоткрылась и чуть-чуть заколебалась, словно кто-то внутри не решался выйти, а затем распахнулась, и наружу вышел человек. Томми изумлено воскликнул:

— Боже мой!

Человек выглядел совершенно обычно. Он был одет в обычную одежду и в руке держал совершенно обычную вересковую трубку. Томми сразу же узнал его. Он достаточно часто видел его фотографии. Это был профессор Эдвард Денхэм, у которого было столько открытий, что их названия начинались со всех букв алфавита, автор «Полимеризации псевдометаллического нитрида», а также владелец этой лаборатории и всего ее содержимого. Да, но Томми видел его на фоне деревьев-папоротников, которые считались

ископаемыми уже много миллионов лет назад, с каменноугольного периода.

Профессор посмотрел на свою вересковую трубку, нагнулся и стал что-то подбирать с земли. Когда он выпрямился, у него в руке была горстка коричневых сушеных листьев. Он набил ими трубку, зажег спичку и закурил. Окруженный чудовищной растительностью, он мрачно пускал клубы дыма. Над огромным цветком затрепетала бабочка с размахом крыльев в целый ярд. Она порхала над ним, словно чего-то ждала, расцветка у цветка была пунцовой, слишком яркой, какой не бывает в современной природе.

Денхэм с любопытством глядел на нее и с отвращением на лице курил сухие листья. Затем он повернул голову и что-то сказал через плечо. Дверь в шаре снова открылась. И Томми Римес снова был ошеломлен.

Потому что из шара вышла девушка — самого современного, самого обычного вида девушка. Аккуратное спортивное платье, стройные ножки, коротко подстриженные волосы…

Томми не видел ее лица, пока она не повернулась и улыбнулась, что-то отвечая Денхэму. И тогда Томми увидел, что она завораживающе красива. Он шепотом выругался.

Бабочка зависла над гигантским цветком, потом полетела дальше, сверкая разноцветными крыльями. И громадный красный цветок медленно закрылся.

Денхэм смотрел бабочке вслед. Потом посмотрел на девушку, которая улыбалась бабочке, уже исчезнувшей из поля зрения телескопа. И во всей фигуре Денхэма явственно сквозило уныние. Томми смотрел, как девушка протянула руку, положила ее на плечо Денхэма и похлопала, явно пытаясь ободрить. Она улыбнулась и о чем-то заговорила, Денхэм сделал странный жест и, сгорбившись как арестант, пошел обратно в стальной шар. Девушка последовала за ним. Теперь, когда Денхэм не видел ее, на лице девушки были написаны усталость и беспокойство.

Томми забыл про фон Хольца, лабораторию и все на свете. Если бы его первоначальные подозрения в отношении фон Хольца оправдались хоть в какой-то мере, он был бы уже полдюжины раз убит. Но Томми забыл обо всем, кроме зрелища в телескопе.

Почувствовав прикосновение к плечу, он резко поднял голову. Фон Хольц смотрел на него, бледный, с усталыми, встревоженными глазами.

— С ними еще все в порядке? — поинтересо-

вался он.

— Да, — изумлено ответил Томми. — Кто эта девушка?

— Это дочь герра профессора Эвелин, — встревоженно сказал фон Хольц. — Я думал, герр Римес, что вы все уже рассмотрели в дименсиоскопе.

— В чем? — спросил Томми, все еще ошеломленный увиденным.

— В дименсиоскопе, — пояснил фон Хольц. — Это вроде телескопа, только в нем можно наблюдать другие измерения.[4] Она, — фон Хольц тронул латунную трубку — легко поворачивается в любом направлении, как и у обычного телескопа.

Томми тут же снова уставился в окуляр.

На этот раз он увидел целый лес папоротниковых деревьев. По их листьям прыгали маленькие, напоминающие белок существа. Томми передвинул трубку еще дальше, и перед его глазами возник уже весь пейзаж. Лес папоротников отступил. Томми увидел край большого, зловещего болота, над которым струился густой туман. Что-то двигалось в этом тумане, что-то огромное и ужасное, с крошечной головкой на длинной

---

[4] Примечания: 4
Дименсиоскоп от Штепзюп *(англ.)* — измерение.

змеиной шее. Но из-за тумана Томми плохо разглядел это существо.

Он направлял дименсиоскоп в разные стороны и просмотрел много миль окружающего ландшафта. Там были обширные рощи, перемежаемые пустошами. Раза три-четыре он видел в болоте неуклюже ворочающиеся чудовищные фигуры.

Затем он заметил на горизонте что-то сверкающее и наклонил трубку, чтобы получше это рассмотреть, тут у него сперло дыхание. Потому что там, далеко, на самом горизонте, был город. Город был высоким, сверкающим и очень странным. Ни в каких земных городах не было таких высоких сверкающих башен. Ни в каких городах, построенных человеком, не струился золотистый свет со всех стен и вершин зданий. Это скорее походило на мечту художника, воплощенную в драгоценных металлах, с прячущимися в дымке подробностями.

И что-то летело к городу по воздуху. Пристально и одновременно недоверчиво Томми напряг глаза и увидел, что это аппарат. Самолет, аэроплан, совершенно не похожий ни на что, созданное когда-либо на Земле. Он стремительно неся к городу, полетел прямо на один из величественных

шпилей и исчез в золотом сиянии.

В состоянии шока — настоящего физического шока — Томми вернулся к осознанию окружающего настолько, чтобы почувствовать прикосновение к плечу руки фон Хольца и услышать его резкий голос:

— Ну, герр Римес? Теперь вы убедились, что я вам не лгу? Теперь вы убедились, что герр профессор Денхэм нуждается в помощи?

Томми несколько раз мигнул и снова осмотрел лабораторию. Кирпичные стены, испачканный горючим двигатель в углу, бетонный пол и электропечь с формами для отливок…

— Ну, да… — ошеломлено произнес Томми. — Да, конечно!

Его мысли внезапно прояснились. Сам не зная почему, он поверил всему, что увидел. Денхэм и его дочь оказались где-то в другом измерении, в каком-то непонятном устройстве в форме шара. И они попали в беду. Это было очевидно по выражениям их лиц и жестам.

— Конечно, — повторил он. — Они там… ну, где бы то ни было, и не могут вернуться. Но, как мне кажется, им не угрожает никакая опасность…

Фон Хольц облизнул губы.

— Оборванцы еще не нашли их, — проговорил

он резким тоном.

— Еще прежде, чем профессор отправился в шаре, мы видели оборванцев. Мы наблюдали за ними. Если они найдут профессора с дочерью, то станут убивать их медленно, наслаждаясь мучениями, заставляя молить о смерти. Вот чего я боюсь, герр Римес. Оборванцы бродят по папоротниковым лесам. Если они найдут герра профессора, то станут вытягивать из него все жилы по одной, пока он не умрет. А нам останется только смотреть…

Глава II

— Послушайте, — лихорадочно забормотал Томми, — мы должны найти способ вернуть их. Не важно, повторим мы результаты Денхэма или пойдем своим путем. Насколько они далеко от нас находятся?

— Может, в нескольких сотнях ярдов, — устало ответил фон Хольц.

— А может, за десять миллионов миль. Это одно и то же. Они же в том месте, где пятое измерение — доминирующая координата.

Томми зашагал взад-вперед по лаборатории, затем остановился и посмотрел в окуляр чудесного

аппарата. Заставил себя оторваться от него.

— И как это работает? — спросил он.

Фон Хольц стал откручивать две гайки с барашками, крепившие верх алюминиевой коробки.

— Это — первая часть устройства, созданного профессором Денхэмом, — пояснил он. — Я знаю теорию, но не могу воспроизвести аппарат. Как вы знаете, измерением считается прямая, проведенная под прямым углом ко всем остальным. У герра профессора где-то здесь есть записи…

Он перестал откручивать гайки и стал рыться в груде бумаг на столе и через какое-то время вручил Томми листок. Тот прочитал:

«Если бы существо, которое знало только два измерения, сделало два квадрата и разместило их так, чтобы все углы, образованные ими, были прямые, то оно изобрело бы фигуру, представляющую собой угол коробки, и открыло бы третье измерение. Точно так же, если бы человек, знающий три измерения, сделал бы три одинаковых куба и разместил их так, чтобы все углы, образованные ими, были прямыми, то он открыл бы четвертое измерение. Вероятно, это было бы измерение времени, а путешествия во времени могут кончиться гибелью. Но с четырьмя такими фигурами можно открыть пятое измерение,

с пятью — шестое...»

Томми Римес нетерпеливо положил листок на место.

— Конечно! — резко сказал он. — Я знаю все это. Но до настоящего времени никому не удалось соединить так даже три куба.

Фон Хольц, наконец, отвинтил гайки и снял верх дименсиоскопа.

— Вот то, что герр профессор мне не доверил, — с горечью произнес он. — Тайна. Настоящая тайна! Загляните сюда.

Томми заглянул.

Трубка объектива была укреплена перед зеркалом, наклоненным под углом в сорок пять градусов. Луч света отражался от него в другом зеркале, искривленном странным образом. А от него свет отражался в третьем зеркале...

Томми посмотрел в третье зеркало, и его глаза тут же заболели. Он закрыл их, открыл и опять получил световой удар. Ощущение было такое, словно линза вышла из фокуса или словно он смотрел сквозь странные очки. Томми видел третье зеркало, но от его отражения тут же начинали болеть глаза, создавалось впечатление, будто оно искажено невероятным образом. Томми был вынужден отвести взгляд. Но, тем не менее, он

понял, что третье зеркало отражает свет в четвертое, у которого угадывалось лишь ребро. Он наклонял голову, то в одну, то в другую сторону, но все равно видел только ребро этого зеркала. В этом он был совершено уверен, потому что различал волнистый полупрозрачный обрез стекла и тонкую серебряную подложку под ним. Но он не мог выбрать положение, из которого можно было бы видеть не ребро, а поверхность этого зеркала.

— О, господи! — возбужденно выдохнул Томми Римес. — Это зеркало…

— Это зеркало, — сказал фон Хольц, — отражает свет под прямым углом к остальным. Здесь четыре зеркала, и каждое поворачивает луч света под прямым углом. И в результате дименсиоскоп видит то, что является пятым измерением, которого человек никогда прежде не видел. Но у меня не получается поставить зеркала так, как в этом устройстве. Я не могу понять, как это сделать.

Томми покачал головой, не сводя глаз с такого простого и в то же время невероятного аппарата, существование которого было математически доказано давным-давно, но которое никто еще не мог создать на практике.

— Создав это устройство, — продолжал фон Хольц, — профессор пошел дальше и построил

то, что назвал катапультой. Это вон тот соленоид, представляющий собой электромагнит. Он резко бросал стальной шар вертикально, затем — горизонтально, потом — в третьем направлении, потом — в четвертое измерение, и, наконец, — в пятое. Профессор изготовил маленькие полые шары и послал в тот мир бабочку, воробья и кошку. По прибытии стальные шары открывались и освобождали животных. И те чувствовали себя хорошо. Тогда профессор решил, что может без опаски отправиться в пятое измерение. Но дочь не позволила перемещаться ему в одиночку, а он был настолько уверен в безопасности, что разрешил ей отправиться с ним, что она и сделала. Я управлял катапультой, которая забросила шар в пятое измерение, но возвратить его почему-то не смогла. И он остался там.

— Но сама катапульта…

— Вы же видите, что катапульта поломалась, — с горечью сказал фон Хольц. — Для недостающих частей требуется специальный металл. Я знаю, как его сделать. Да, я могу выплавить металл, но не могу соединить все части между собой. Я не могу построить второй дименсиоскоп! Герр Римес, я не могу понять, как соединить все четыре фигуры под прямыми углами друг к другу! Я не в

силах этого понять! Именно поэтому я обратился к вам. Теперь вы знаете, что это можно сделать. Я знаю, что это можно сделать. Я могу получить металл и изготовить из него необходимые детали. Но если вы сумеете соединить их, как надо, герр Римес, тогда мы, возможно, спасем герра профессора Денхэма. Если же и вы не сумеете… Майн Готт! Он умрет ужасной смертью, страшно даже подумать об этом!

— И его дочь, — мрачно добавил Томми. — Его дочь тоже умрет!

Он опять зашагал взад-вперед по лаборатории. Фон Хольц отошел к рабочему столу Денхэма. Там скопилась груда заметок, которые он перечитал уже много раз. А кроме того, пометки, сделанные его угловатым, четким почерком. Вычисления, предположения, безумные попытки как-то решить вопрос, как разместить третье зеркало так, чтобы на него было больно глядеть, а четвертое так, чтобы со всех сторон было видно лишь его ребро.

— Я работал, герр Ремес, — мрачно качал головой фон Хольц. — Готт! Как я работал! Но герр профессор держал кое-какие вещи в секрете, и эта — одна из них. Улетевший в пятое измерение шар построен в этой лаборатории, — устало

махнул он рукой. — Он был установлен здесь. — Фон Хольц показал место. — Во время отбытия герр профессор был весел и взволнован. Его дочь улыбнулась мне из окна шара. Шар оборудован шасси с колесами — их не видно через дименсиоскоп. Они вошли внутрь и закрыли дверь. Герр профессор кивнул мне из окна. Я включил динамо-машину на полную скорость. Запахло горячей смазкой и озоном от электроразрядов. Я поднял руку, герр профессор снова кивнул, и я щелкнул выключателем. Вот этим выключателем, герр Римес. Все вспыхнуло, когда я включил его, и эта вспышка ослепила меня. Но я увидел, как шар помчался к гигантской катапульте, вон туда. Он прыгнул вверх к безумно крутившейся катушке. Ошеломленный, я увидел, как шар повис в воздухе в двух футах от пола. Он дрогнул. Раз! Два! Три! Затем внезапно стал туманным и искаженным, так что на него стало больно глядеть. И затем он исчез! — Фон Хольц мелодраматично взмахнул руками. — Я помчался к дименсиоскопу и посмотрел через него в пятое измерение. И увидел, что шар плывет в воздухе вон в те заросли глянцевых папоротников. Он опустился на землю, покатился, затем остановился. Герр профессор вышел из него. Я смотрел, как

он машет мне рукой. Его дочь присоединилась к нему, осматривая странную местность, в которой они очутились. Герр профессор взял образцы папоротника, сделал фотографии и вернулся в шар. Я ждал его возвращения в наш мир. Я видел, как шар слегка закачался, когда аппарат заработал в полную силу. Я знал, что когда шар исчезнет из поля зрения дименсиоскопа, он вернется в наш мир. Но он оставался на месте. Он не переместился. Через три часа мучительного ожидания герр профессор вышел из шара и принялся отчаянно жестикулировать. Жестами (потому что дименсиоскоп не передает звуки) он просил меня о помощи. А я был беспомощен! Беспомощен, потому что герр профессор не открыл мне свою тайну! Четыре дня и четыре ночи я трудился, отчаянно надеясь вновь открыть то, что утаил от меня герр профессор. И, наконец, я вспомнил о вас. Я телеграфировал вам. Если вы сумеете мне помочь…

— Конечно, я попробую, — коротко ответил Томми.

Он зашагал взад-вперед, затем остановился и посмотрел в медную трубку дименсиоскопа. Гигантские деревья-папоротники, невероятные, но реальные. Стальной шар, лежащий на поло-

манных папоротниках…

Пока Томми говорил и слушал, обитатель шара то и дело выходили наружу. Дверь шара была распахнута. Вдруг вышла девушка и направилась в заросли папоротников. Она что-то говорила. Томми казалось, что воздух звенел от ее слов. И она выглядела очень взволнованной.

Затем из шара вышел Денхэм с неказистой дубинкой в руке. Но Эвелин схватила его за руку и показала на небо. Денхэм посмотрел туда и тоже стал дико, отчаянно жестикулировать, словно пытался привлечь к себе внимание.

Томми смотрел на них, затем стал поворачивать трубку дименсиоскопа, осматривая окрестности. Было дико сидеть в обычной лаборатории с кирпичными стенами и через латунную трубку изучать невероятный пейзаж чужой вселенной.

Лес папоротниковых деревьев отступил, и в поле зрения снова возникло болото. Вдали ярким золотистым светом сиял сказочный город. Томми стал обшаривал небо, надеясь увидеть в нем то, что заставило профессора с дочерью жестикулировать.

И он нашел. Это был летающий аппарат, странно выглядевший при наблюдении через дименсиоскоп. Им управлял один человек, сидев-

ший неподвижно, со скучающим видом, словно утомленный водитель грузовика, ведущий машину по шоссе. Томми видел самолет достаточно ясно, чтобы разглядеть позу пилота. Аппарат не походил на земные самолеты. Его удерживало в воздухе большое широкое крыло. Но это крыло было угловатым и неуклюжим, лишенным изящества крыльев земных самолетов. И у него не было никакого хвоста. Было лишь длинное прямоугольное крыло с кабиной внизу и чем-то мерцающим, что явно не было винтом, но все же, казалось, тянуло машину вперед.

Воздушный корабль летел устойчиво и стремительно, с неподвижным пилотом, сидевшим на чем-то похожем на перетянутый веревками тюк. И скорее напоминал грузовой самолет, сделанный безо всяких излишеств.

Он исчез в тумане над болотом, направляясь прямо к Золотому Городу на горизонте.

Томми смотрел на него, пока самолет совсем не скрылся из виду. Потом его внимание привлекло какое-то движение на земле у края болота. Он переместил трубку и увидел, что это люди. Четыре человека, потрясая сжатыми кулаками, прыгали, как безумные и можно было предположить, что они выкрикивают оскорбления вслед улетевшей

машине. Томми увидел, что они почти голые, а у одного было копье. Но еще он заметил мимолетную вспышку, отразившуюся от одного из них, когда на мгновение блеснуло на солнце какое-то металлическое снаряжение.

Люди скрылись в зарослях под толстой перистой листвой, и Томми переместил трубку, чтобы снова увидеть стальной шар. Денхэм с дочерью смотрели в ту сторону, где Томми видел людей. Денхэм мрачно стискивал свою кривую дубинку. Лицо у него вытянулось, все тело напряглось. Внезапно Эвелин что-то сказала, и оба нырнули в папоротниковый лес. Через несколько минут они вернулись, таща кучу ветвей папоротника, которыми стали маскировать свой шар. Они работали торопливо, отчаянно. Затем Денхэм напряженно посмотрел вперед, прикрывая рукой глаза от солнца, и они с девушкой снова ушли в лес.

Спустя несколько минут Томми очнулся от прикосновения к плечу руки фон Хольца.

— Что случилось, герр Римес? — встревоженно спросил тот. — Оборванцы?

— Я видел мужчин, — кратко ответил Томми, — которые грозили кулаками вслед летящему самолету. А Денхэм с дочерью замаскировали шар листьями папоротника.

Фон Хольц снова облизнул губы.

— Оборванцы, — почти беззвучно повторил он. — Герр профессор назвал их так, потому что они не похожи на людей из Золотого Города. И они ненавидят жителей Золотого Города. Я думаю, это — бандиты, возможно — отступники. Они живут в папортниковых лесах и проклинают пролетающие в небе самолеты. В то же время, они их боятся.

— А сколько времени Денхэм наблюдал за этим миром, прежде чем построить шар?

Фон Хольц задумался.

— Когда первые опыты прошли успешно, — сказал он, наконец, — он начал работать над маленькой катапультой. ему потребовалась на это неделя. Он поэкспериментировал с ней несколько дней и принялся за работу над большим шаром. Это заняло почти два месяца — шар и большая катапульта. И все это время дименсиоскоп был под рукой. Его дочь провела много наблюдений, и я тоже.

— Но он же должен был знать, что там небезопасно, — нахмурился Томми. — По крайней мере, он должен был взять с собой оружие. Он вооружен?

Фон Хольц покачал головой.

— Он собирался сразу же вернуться, — с отчаянием сказал он.

— Вы же видите, герр Римес, в каком я положении? Меня могут заподозрить в убийстве! Я — помощник герра профессора. Герр профессор исчез. Разве меня не обвинят в этом?

— Нет, — задумчиво произнес Томми. — Не обвинят. — Он снова поглядел в латунную трубку и зашагал по лаборатории. — Так вы позвоните механику, чтобы он отремонтировал мой автомобиль? — внезапно резко спросил он. — Я собираюсь остаться здесь и работать. У меня появились кое-какие идеи. Но мне нужен автомобиль на ходу на тот случай, если вдруг нам понадобится поехать за какими-нибудь материалами.

Фон Хольц натянуто поклонился и вышел из лаборатории. Томми удостоверился, что он ушел, затем подошел к столу, на котором были разбросаны заметки и вычисления, проделанные фон Хольцем. Но Томми не стал их перебирать, а сразу отложил в сторону груду промокательной бумаги. Он еще раньше заметил, что фон Хольц что-то сунул под нее, а Томми с самого начала не доверял фон Хольцу. Кроме того, было совершено ясно, что и Денхэм не доверял ему.

Ведь помощник, которому доверяют, должен был досконально разбираться во всех экспериментах, проведенных в лаборатории.

Найдя сложенный листок бумаги, Томи пробежал его глазами:

«Вы все слишком запутали! Денхэм потерян, а у вас ничего нет. Ни чертежей, ни расчетов. Когда вы раздобудете их, тогда и получите свои денежки. А если не достанете, это плохо для вас кончится. Если этот парень, Римес, не сделает то, что вы хотите, то вам придется не сладко».

В конце не было ни прощания, ни подписи, кроме небрежного росчерка «Дж.»

Томми Римес мрачно сжал губы. Потом сложил листок и вернул его обратно под промокательную бумагу.

«Симпатичненько, — сказал он себе. — Итак, джентльмен по имени «Дж.» заплатит фон Хольцу за чертежи и вычисления, которые должен сделать я! Да еще и угрожает ему. Но, по крайней мере, фон Хольц станет мне помогать, пока считает, что я смогу это выполнить. Так что…»

Как и ожидалось, Томми, конечно же, не предполагал, что эта записка была свидетельством интереса, проявленного королем чикагских

гангстеров к неевклидовой геометрии, или же что достопочтенный бутлегер этой бандитской столицы был столь поглощен новейшими разработками в области теоретической физики.

Томми подошел к большому соленоиду, валявшемуся под разрушенными опорами. Значит, этот электромагнит двигал стальной шар туда-сюда, заставлял его вибрировать, пока тот не исчез. Он поочередно передвигал шар в каждом из пяти направлений, находящихся под прямым углом ко всем остальным. Огромная катушка была десять футов в диаметре и легко могла справиться с шаром. Она вертелась в концентрических кольцах на карданных подвесках подобно тому, как установлен судовой компас на борту корабля.

Там было три кольца, вложенных друг в друга, которые могли двигаться в любом из трех измерений. Эти кольца вертелись так, чтобы придать соленоиду невероятно запутанную серию движений. Но теперь устройство было сломано. Опора отломилась, вал и гнездо исчезли. Томми задумался. Кое-что продолжало его беспокоить.

Он мысленно соединил все вместе, и внезапно у него вырвался возглас. Было четыре металлических кольца! И одно из них исчезло. Внезапно он

все понял. Третье зеркало в дименсиоскопе было тем самым, странно искаженным, которое стояло под прямым углом ко всем трем привычным для людей измерениям. И это было третье кольцо, поддерживающее соленоид, которое как раз и исчезло. И Томми, уставившись на гигантский аппарат, вызвал в памяти все свои теоретические знания и, заставив мозг работать в полную силу, увидел связь между всем этим.

«Измерение времени и одновременно пространственное измерение, — взволнованно сказал он себе. — Вращение в измерении времени означает прерывание мировых линий…».

В дименсиоскопе это зеркало имело дело лишь с лучом света, которому время нипочем. Оно отражало свет под прямым углом, а световой луч может прекрасно пересекать сам себя. Но чтобы забросить стальной шар в пятое измерение, соленоид должен был какое-то мгновение вращать его во времени. На долю секунды шар должен был пройти сам сквозь себя, прямо через свое вещество. А это означало, что он обязан был вывернуться наизнанку.

Никакой металл не смог бы выдержать такого напряжения! Никакая форма матери, известная человеку, не смогла бы этого выдержать.

«Да он бы просто взорвался, — продолжал взволнованно рассуждать про себя Томми в пустой лаборатории. — Сталь просто бы испарилась! И разрушила все вокруг!»

Затем он огляделся. Ничего тут не было разрушено. Только бесследно исчезло одно металлическое кольцо.

И тут вернулся фон Хольц, выглядевший испуганным.

— Механик… э-э… герр Римес, — сказал он, запинаясь, — уже в пути. И, герр Римес…

Томми едва услышал его. Он был все же ученым, столкнувшимся с необъяснимым, и вслепую нащупывал путь к умозаключениям, которые лишь начинали вырисовываться у него в голове. Он нетерпеливо махнул рукой.

— И еще сюда едет герр Джекаро, — настойчиво продолжал фон Хольц.

Томми заморгал, помня лишь то, что фон Хольц сказал, будто может сделать некий металл, — единственный металл, способный перемещаться по четвертому измерению.

— Джекаро? — равнодушно переспросил он.

— Друг герра профессора Денхэма. Именно он дал деньги на эксперименты герра профессора.

Томми услышал его лишь половиной мозга, но

эта половина тут же решила, что фон Хольц лжет. Единственный Джекаро, о котором слышал Томми, был крупным гангстером из Чикаго, недавно объединившим под своим началом две конкурирующие банды. Томми чувствовал, что фон Хольц напуган, и не просто напуган, а относится к нему с подозрением и преисполнен странного отчаяния.

— Ладно, — рассеянно согласился Томми.

В этот момент ему в голову пришла мысль, в которой он нуждался. Металл, который был бы прочным до определенного момента, а затем без труда превращался бы в газ, в пар… Возможно, это был какой-то сплав. Это был…

Томми постучал себя по голове кулаком, чтобы мозг немедленно сформировал нужную мысль. Металл, который может вращаться во времени и исчезать без взрыва и без большого выхода энергии…

Он не видел, что фон Хольц принялся наблюдать в окуляр дименсиоскопа. Ни на что не обращая внимания, Томми усиленно размышлял, превращая всю свою энергию в мыслительный процесс. И внезапно он нашел ответ на вопрос, как избежать разрушительного взрыва, — ответ простой, ослепительно ясный.

Томми осторожно обдумал его. Вроде, все было правильно. И огромное волнение переполнило его.

— Кажется, я понял, — тихо пробормотал он себе под нос. — Ей-Богу, я знаю, как он это сделал!

И словно в тумане он увидел фон Хольца. Фон Хольц смотрел в дименсиоскоп в чужой, таинственный мир, куда попали профессор Денхэм с дочерью. И лицо фон Хольца было смертельно бледным, а сам он, как безумный размахивал руками и поскуливал. Слова его были неразборчивы, но бледность щек, оттеняемая красными толстыми губами, вернула Томми Римеса обратно на землю.

— Что случилось? — резко спросил он.

Фон Хольц не отвечал. Он что-то постанывал сквозь зубы и ужасно дергался, не отрываясь от окуляра телескопа в потусторонний мир.

Томми оттолкнул его и приник к окуляру. А затем застонал сам.

Дименсиоскоп был направлен на стальной шар, спрятанный под папоротниковыми листьями, не более, чем в нескольких сотнях ярдов от них, но не менее, чем в двух измерениях от Земли. Ветки папоротникового дерева были разбросаны, а перед шаром собралась толпа оборванных,

полуголых мужчин. Они были вооружены, в основном, копьями и дубинами, но кое у кого было оружие странной конструкции, о назначении которого Томми не мог даже предположить. Да он и не пытался. Он наблюдал, как мужчины толпятся вокруг стального шара. Лица у них, и так достаточно дикие, вдобавок были искажены безумной ненавистью. Это была такая же непонятная, ужасная ненависть, как тогда, когда они бессильно грозили кулаками пролетавшему самолету.

Но они не были дикарями. Несмотря ни на что, Томми не мог принять их за первобытных людей. Они были упрямыми, полными ненависти, отвратительными. Но не более того. И все они были белыми людьми. У любого человека создалось бы впечатление, что это сборище опустившихся людей. Беглецы, бандиты, убийцы, может, вероотступники или того хуже. Но все они были представителями достаточно высокоразвитой, цивилизованной расы.

Они бешено колотили по шару всем, чем попало. Это не походило на нападение дикарей на непонятную штуку. Это было нападение отчаявшихся людей на предмет, который они ненавидели. И тут стеклянное окно раскололось.

В отверстие тут же полетели копья, рты людей разинулись, словно в криках безумной ярости. А затем внезапно дверь шара широко распахнулась.

Оборванцы не стали ждать, пока кто-нибудь выйдет. Отталкивая друг друга, они полезли в отверстие, полные жажды убийства, их глаза горели злобой.

Глава III

Час спустя к лаборатории подъехал потрепанный автомобильчик, настоящая развалюха. Он производил потрясающий шум, и Томми Римес вышел встретить его. Он все еще был слегка бледен после того, как наблюдал, как оборванцы вывернули стальной шар буквально наизнанку. Они выкинули наружу кино — и фотокамеры, подушки, даже обивку со стен, чтобы разбить их вдребезги и порвать на кусочки в приступах маниакальной ярости. Но Томми не видел никаких признаков присутствия тел. Денхэма с дочерью явно не было в стальном шаре, когда его вскрыли. Значит, они, вероятно, до сих пор в безопасности. В последний раз Томми видел их, когда они скрылись в лесу папоротниковых деревьев. Они

боялись и имели для этого серьезные основания. С какими опасностями они могли столкнуться в лесу, Томми не мог предположить. И он не мог знать, сколько времени они сумеют прятаться от оборванцев. Томми не мог сейчас даже думать о том, как станет искать их в лесу, даже если сумеет отремонтировать аппарат Денхэма. Но оборванцы не торопились в лес на поиски беглецов. Они расположились лагерем возле стального шара, еще больше напоминая опустившуюся банду.

Выйдя из кирпичной лаборатории, Томми увидел, как из развалюхи выбрался мускулистый человек, кивнул ему и усмехнулся. Томми тут же узнал его. Это был рыжеволосый, широкоплечий работник на бензозаправке в деревне, который рассказывал ему, как добраться до этого места.

— Это вы разнесли ворота? — по-дружески спросил он. — Господин фон Хольц сказал, что у вас проколоты шины и пробит радиатор. Это верно?

Томми кивнул. Рыжеволосый обошел автомобиль, почесал подбородок и принес инструменты. Аккуратно разложив их на траве, он подкачал в паяльную лампу бензина и поднес к ней спичку. Отрегулировав пламя, он сделал с полдюжины небрежных движений и положил пробитый радиатор на траву.

Потом он спокойно сказал:

— Профессора здесь нет, верно?

Томми кивнул.

— Я знаю, что нет, — кивнул рыжеволосый. — Он всегда выходит немного поболтать со мной. Я помог ему соорудить некоторые из штуковин вон в том сарае.

— Скажите, а что именно вы помогли ему построить? — нетерпеливо спросил Томми. — Не ту ли штуковину с соленоидом… ну, с катушкой?

— Да. И что, она заработала? — Рыжеволосый отложил лампу и стал снимать заднее колесо, чтобы поменять шину. — Сумасшедшая идея, если вы меня спросите. Я так и намекнул мисс Эвелин. Она рассмеялась и ответила, что полетит в шаре, когда его запустят. Так это сработало?

— Чертовски хорошо, — коротко похвалил Томми. — Мне нужно восстановить соленоид. Как насчет того, чтобы помочь?

Рыжеволосый взял монтировку, ловко снял шину и сплюнул:

— Пошла она к черту.

Затем он так же ловко и быстро поставил запасную шину.

— Гм… — задумался механик. — А как насчет мистера фон Хольца? Он снова будет строить из

себя босса?

— Нет, — мрачно пообещал Томми.

Рыжеволосый кивнул и взял паяльную лампу. Раскрутив полосу проволочного припоя, он с уверенной непринужденностью запаял пробитую трубку радиатора и, казалось, с излишним усердием постучал по гребням охлаждения. И они тут же волшебным образом встали на место. Он внимательно осмотрел результаты своей работы.

— Порядок, — крякнул он и беспристрастно осмотрел Томми. — Предположим, вы мне расскажете, каким образом влезли во все это, — сказал он, — и тогда я, возможно, стану вам помогать. А тот парень, фон Хольц, жулик, если вы спросите мое мнение.

Томми провел рукой по лбу и рассказал ему все.

— Ух, ты! — спокойно сказал рыжеволосый. — Похоже, я все же сверну фон Хольцу шею. Такое у меня подозрение.

Он сделал два шага вперед, но Томми остановил его.

— Я видел Денхэма не более часа назад. До сих пор он был в порядке. Но остается вопросом, сколько еще это будет продолжаться. Я собираюсь отправиться за ним.

Рыжеволосый оценивающе поглядел на него.

— Угу, попробую сделать все, что смогу. Я тоже в своем роде профессор, как говорила мисс Эвелин. Меня зовут Смизерс. Давайте пойдем, посмотрим на устройство, которое сделал профессор.

Они вместе прошли в лабораторию. Фон Хольц глядел в дименсиоскоп. Он вздрогнул при их появлении и явно почувствовал себя неловко при виде рыжеволосого.

— Как дела? — спросил Томми.

— Они — оборванцы — только что притащили мертвеца, — нервно ответил фон Хольц. — Но это не герр профессор.

Ничего не говоря, Томми взял латунную трубку. Фон Хольц отошел, покусывая нижнюю губу. Томми посмотрел на странный потусторонний мир.

Стальной шар лежал, как и прежде, среди глянцевых папоротников. Но стеклянные окна были разбиты, а обломки его содержимого разбросаны вокруг. Оборванцы встали здесь лагерем и разожгли костер. Некоторые стали жарить мясо — огромную ногу чудовищного чешуйчатого животного, напоминающего рептилию. Другие принялись яростно спорить о чем-то над телом одного из них, беспомощно распростертым на земле.

— Я недавно видел Денхэма с дубинкой, — поведал Томми, не отрываясь от окуляра. — А этот человек убит дубинкой.

Оборванцы в потустороннем мире продолжали спорить. Один из них указал на пояс мертвеца и развел руками. На трупе что-то отсутствовало. Томми заметил теперь у трех-четырех мужчин какие-то предметы, похожие на полицейские жезлы, но в отличие от настоящих, из блестящего металла. Это явно было оружие. Значит, Денхэм сейчас вооружен — если он догадался, как пользоваться этим оружием.

Оборванцы спорили до тех пор, пока не привлекли внимание мужчины с огромной черной бородой. Он поднялся со своего места, где сидел, грызя кость, и направился к группе спорщиков. При его появлении они разошлись, но один все же остался, решив поспорить даже с бородатым гигантом. Бородатый выхватил из-за пояса жезл. Несговорчивый задохнулся от ярости и отчаянно бросился на него. Но бородатый спокойно направил на него жезл… И нападавший, хотя был уже достаточно близко, чтобы нанести удар, внезапно покачнулся и упал на землю. Бородатый снова направил на него жезл. Упавший судорожно дернулся и затих.

Бородатый вернулся на свое место и продолжил жрать мясо. Спор прекратился. Спорящие разошлись.

Томми собрался уже оторваться от окуляра, когда его привлекло какое-то движение. Он присмотрелся и увидел чью-то голову, осторожно выглядывающую из зарослей, затем еще одну. Это были профессор Денхэм и его дочь Эвелин. Они были не далее, чем в тридцати футах от дименсиоскопа. Томми наблюдал, как они перешептываются, смотрел, как Денхэм внимательно исследовал жезл, а потом передал его дочери, сам же с мрачным удовлетворением стиснул дубинку.

Через несколько секунд они исчезли в густых папоротниках, и как Томми ни старался, но не сумел увидеть, куда они пошли.

Томми оторвался от прибора с возросшим оптимизмом. Он видел Эвелин достаточно близко. Она не выглядела счастливой, но была спокойной, а не отчаявшейся. И Денхэм перед лицом опасности выказал куда большую сноровку, чем ожидалось от доктора философии, профессора фундаментальной физики, (не считая других званий, на перечисление которых потребовался бы весь алфавит).

— Я только что опять видел Денхэма и Эвелин, — решительно произнес Томми. — Они до сих пор в безопасности. И еще я видел оружие оборванцев в действии. Если бы мы смогли переслать Денхэму пистолет и патроны, то он был бы защищен до тех пор, пока мы не восстановим большой соленоид.

— Была маленькая катапульта, — с горечью поведал фон Хольц, — но она разобрана. Герр профессор заметил, что я изучаю ее, поэтому разобрал, чтобы я не мог понять, как…

Томми уставился на фон Хольца.

— Вы знаете, как выплавить нужный металл, — сказал он. — Принимайтесь за работу немедленно. Нам понадобится много этого металла.

Фон Хольц испуганно посмотрел на него.

— Вы уже знаете? Вы догадались, как соединить все это под прямыми углами?

— Мне кажется, да, — кивнул Томми. — Я должен проверить, прав ли я. Так вы произведете металл?

Фон Хольц пожевал и без того красную губу.

— Но, герр Римес, — резко вскричал он, — я хочу увидеть уравнение! Объясните мне метод поворота тел в четвертое и пятое измерение. Это справедливо!

— Спросите об этом у Денхэма, — ответил Томми.

— Тогда я отказываюсь плавить металл! Я хочу увидеть расчеты! Я настаиваю на этом! Я не буду ничего делать, пока вы не покажете мне их!

Смизерс тоже находился в лаборатории. Все это время он рассматривал большую соленоидную катапульту и по привычке чесал подбородок. Но сейчас он повернулся к спорящим.

Томми схватил фон Хольца за плечи. Его руки были крепкими, сильными руками спортсмена, хотя мозг и был мозгом ученого, и фон Хольц полностью оказался в его власти.

— Есть только одно вещество, обладающее нужными мне качествами, фон Хольц, — тихо проговорил он. — Только одно вещество является совершенно трехмерным. Это металлический аммоний! Известно, что он существует, потому что все знают его ртутную смесь, но никто не смог выделить его в чистом виде, потому что никто не смог придать ему четвертое измерение — время. Денхэм первый сделал это. И вы можете выплавить его. Мне он нужен, так что принимайтесь за работу. Вы сильно пожалеете, если откажетесь, фон Хольц!

— У меня тут возникли кое-какие догадки, —

спокойно добавил Смизерс. — Так что если он не хочет, чтобы ему свернули шею…

Томми отпустил фон Хольца, и молодой человек, задыхаясь, принялся что-то бормотать и сердито жестикулировать.

— Он сделает это, — холодно отчеканил Томми, — потому что не осмелится…

Фон Хольц покинул лабораторию, сверкая глазами и покусывая губы.

— Он вернется, — коротко прокомментировал Томми. — А вы, Смизерс, должны сделать маленькую модель этой большой катапульты. Вы справитесь?

— Наверняка, — хмыкнул Смизерс. — Кольцо… Ну, его можно сделать из медной трубки, замена грубая, но сойдет. А теперь сам механизм…

— Я им займусь. Вы знаете, как обращаться с металлическим аммонием?

— Ну, да, — кивнул Смизерс. — Я же делал это для профессора.

Томми наклонился к нему и прошептал:

— Вы никогда не делали такой механизм. Но вы делали пружины к нему, верно?

— Угу!

Томми радостно заулыбался.

— Значит, я прав, и у нас все получится! Фон

Хольц требует математических расчетов, но никто на Земле еще не сумел их проделать, а нам они и не нужны.

Смизерс пошарил в лаборатории, нашел одно, другое, третье и принялся за работу. Время от времени он глубокомысленно рассматривал большую катапульту, чтобы освежить память, затем переходил к созданию следующей части.

Поскольку фон Хольц не возвращался, Томми отправился его искать. По пути он внезапно вспомнил, что недавно слышал, как завелся двигатель его машины. И, действительно, оказалось, что его автомобиль исчез. Томми выругался и пошел в дом искать телефон. Но вскорости он услышал звучный рокот двигателя. Его машина стремительно подлетела к дому. Томми увидел через окно, что за рулем сидит фон Хольц.

Худощавый молодой человек вышел из машины с перекошенным побелевшим лицом и направился в лабораторию. Но Томми перехватил его.

— Я ездил за материалами, необходимыми для производства металла, — хрипло произнес фон Хольц, с большим усилием сдерживая свой гнев. — Сейчас я начну, герр Римес.

Томми ничего не ответил. Фон Хольц лгал. Ра-

зумеется, никакие материалы ему не нужны. Он уезжал, чтобы посоветоваться с тем, кто написал ему записку.

Фон Хольц прошел в лабораторию. Почти сразу же был заведен четырехцилиндровый двигатель. После него зажужжало динамо. Фон Хольц вышел из лаборатории и нырнул в сарай, примыкавший к кирпичному зданию.

Томми подошел к машине и посмотрел на спидометр. Как большинство людей с организованным мышлением, он запоминал показания спидометра во время поездки к новому месту. И теперь он мог вычислить, далеко ли ездил фон Хольц. До деревни и обратно.

— Запомним, — мрачно прошептал Томми себе под нос, — что тот, кому нужны чертежи и расчеты, ждет или в самой деревне, или сразу за ее пределами. Ранее фон Хольц сообщил, что он направляется сюда. Вероятно, «Дж.» появится и попытается подкупить меня.

Томми вернулся в лабораторию и посмотрел в дименсиоскоп. Смизерс работал паяльной лампой, соединяя между собой явно не подходящие друг к другу штуковины странной формы. Томми заглянул через окуляр прибора в безумный мир.

Там по-прежнему был папоротниковый лес. На

стоянке оборванцев наступило затишье. В пятом измерении начинался закат, хотя за стенами лаборатории все еще ярко светило солнце. Очевидно, отсчет начала суток в том мире отличался от земного. Пожалуй, это было единственное различие между мирами, так что человек мог быть переброшен из одного в другой без помех.

Солнце пятого измерения казалось крупнее, чем земное светило. Томми направил трубку дименсиоскопа на него и прикинул, что диаметр большого красного шара раза в четыре больше диаметра нашего, родного Солнца. Томми смотрел на него, ожидая, когда оно зайдет, но оно не опускалось отвесно вниз за горизонт, как происходит закат в умеренных широтах, а катилось вдоль горизонта, постепенно опускаясь все ниже. Томми безучастно наблюдал за ним.

«Это не наше Солнце, — думал он при этом, — и это не наш мир. Но планета вращается, и на ней тоже живут люди. И Солнце такого размера, что у нас бы оно поджарило Землю… И оно снижается под углом, что указывает на большую широту…»

Это послужило подсказкой. Неожиданно Томми все понял. Инструмент, через который он разглядывал этот мир, был направлен на его полярную область. Именно здесь, где Солнце садится под

углом, и были высокие широты, самое холодное место на всей планете. И раз уж здесь росли гигантские растения, что свидетельствовало о повышенном содержании углерода в атмосфере, то в тропиках должен царить сущий ад.

А затем солнце ушло за Золотой Город, и его здания, великолепные шпили и башни ярко засияли на его фоне.

Нигде на знакомой Томми Земле не было такого города, города мечты, города грез о Прекрасном.

Солнечный свет угас и стали сгущаться сумерки, а на небе появились яркие, блестящие звезды. Томми принялся отыскивать знакомые созвездия, но не нашел ни единого. Все звезды казались странными. Они были крупнее и казались гораздо ближе, чем крошечные точки, что мигают на нашем небе.

Томми вернул трубку к шару и снова увидел большие костры и столпившихся возле них оборванцев. Они сложили костры так, словно отгородились от мира стеной пламени. И тут Томми увидел два громадных, чудовищных глаза, взирающих из зарослей папоротникового леса. Они были огромными и располагались так далеко друг от друга, словно голова чудовища была неимоверных размеров. Они висели футах

в пятнадцати над землей, уставившись на огненное кольцо и оборванных, худых мужчин внутри него. Потом существо, чем бы оно ни являлось, внезапно исчезло.

Томми почувствовал, что весь дрожит. Несомненно, чудовище двигалось беззвучно, потому что никто из оборванцев не заметил его. А оно держалось подальше от огня. Но Денхэм и Эвелин находились где-то в лесу и наверняка не осмеливались разжечь костер…

Томми содрогнулся, отрываясь от дименсиоскопа. Он был всего лишь зрителем, но в тех местах, которые он наблюдал, скрывались реальные опасности — слишком реальные, чтобы старик и девушка, без оружия и надежды на возвращение, смогли выжить.

Смизерс приварил друг к другу множество колец, нарезанных из медной трубки, а внутрь поместил три кольца, которые под его ловкими пальцами могли бесшумно и стремительно вращаться в любом направлении. Эффект от этого был поразительным.

Пока Томми смотрел, Смизерс остановил их, тщательно смазал, а внутрь вставил четвертое кольцо. Это кольцо было из белого металла, более светлого, чем серебро, и скорее походившего

на слоновую кость, если бы не металлический блеск.

Томми моргнул.

— Металл вам дал фон Хольц? — спросил он.

Смизерс посмотрел на него, раскуривая короткую коричневую трубку.

— Нет. В коробке оставалось несколько кусочков от прошлого раза. Я сплавил их вместе и сделал кольцо. Когда металл обретает форму ***(пых-пых),*** — его уже не получится ковать. Это все равно, что ***(пых-пых)*** высушить молнию. Я уже работал с этим металлом, когда ***(пых)*** помогал профессору.

Томми взволнованно подошел к нему и взял это маленькое приспособление из концентрических колец. В дальнем углу лаборатории жужжал генератор и пульсировал большой двигатель. Фон Хольца в поле зрения не было.

Томми внимательно осмотрел устройство Смизерса.

— А катушка?

— Я сделал одну, — спокойно сказал Смизерс, — на токарном станке. Не так уж это было и трудно. Но я не могу установить эти кольца так, как это делал профессор.

— Думаю, я смогу, — решительно заявил Том-

ми. — А вы подобрали провода для пружин?

— Да!

Томми потрогал провод. Прочный, жесткий и в то же время удивительно упругий провод из того же особого металла. Это был тот самый металлический аммоний, о существовании которого давно знали химики, но который удалось получить на практике одному только Денхэму. Томми определил, что это была аллотропная модификация вещества, которое постоянно смешано с ртутью, как, например, металлическое олово — аллотроп аморфного серого порошка, каким является олово в его обычном устойчивом состоянии.

Томми принялся за работу с лихорадочным рвением. Он трудился час или два и в конце кратко объяснил Смизерсу, который так заслушался его, что даже не услышал за окном шум двигателя легкового автомобиля:

— Видите ли, Смизерс, если бы двумерное существо захотело соединить две линии под прямым углом друг к другу, то получился бы, конечно же, квадрат. Но если бы оно захотело присоединить к ним еще одну линию тоже под прямым углом к остальным, то это был бы эквивалент того, что сейчас делаю я. Но чтобы поставить

три фигуры под углом друг к другу, обычному человеку пришлось бы согнуть перекладину. И если поместить в прямые углы пружины, то в них уменьшится напряжение, когда перекладина будет согнута. Но если вертикалью будет измерение времени, тогда она должна быть из чего-то «жидкого» во времени или из чего-то такого, что нельзя согнуть. Вот такая перед нами проблема. Но металлический аммоний как раз и является «жидким во времени». Это особое летучее вещество, и Денхэм — единственный человек, которому удалось получить его. Таким образом, мы используем эти кольца и отрегулируем присоединенные к ним пружины так, чтобы они были сжатыми и распрямились только тогда, когда все окажутся под прямым углом друг к другу. В наших трех измерениях это невозможно, но у нас есть металл, который может вращаться в четвертом измерении — времени, и мы пользуемся его стремлением освободить пружину. Итак, вот они лежат у нас плоско. Затем они делают толчок, когда пружины стремятся расправиться, и передают энергию слегка эксцентричному соленоиду…

— Тихо! — внезапно прервал его Смизерс.

Он повернулся к двери, весь ощетинившись.

В лабораторию входил фон Хольц в компании тучного, широкоплечего человека с выдающимися челюстями. Томми выпрямился и мрачно улыбнулся.

— Привет, фон Хольц, — улыбаясь, сказал он. — Мы только что закончили макет катапульты и собираемся испытать его. Глядите!

Он поставил консервную банку на устройство из колец. Банка была совершенно обычной, из тонкой жести, как и все консервные банки.

— Вы собрали катапульту? — задохнулся фон Хольц. — Погодите! Погодите! Дайте мне ее рассмотреть!

Томми позволил ему смотреть на нее только один короткий миг. Но что за это время можно было понять в массивном наборе концентрических колец, вложенных друг в друга? Выждав секунду, пока фон Хольц вперил в устройство страстный взгляд, Томми нажал импровизированный электровыключатель. Ток возбудил соленоид, который дернулся, стремясь достичь равновесия.

И на глазах фон Хольца и человека с тяжелыми челюстями консервная банка подпрыгнула вверх, к катушке. Маленькие медные кольца закрутились, поскольку их толкали пружины.

Консервная банка изменила маршрут, затем исказилась так, что стало больно смотреть на нее, и исчезла. Катушка, вращаясь, сорвалась с крепления на вершине устройства и полетела на пол. Медные кольца еще вращались по инерции, но кольцо из белого металла бесследно исчезло. А по комнате распространился запах аммиака.

Фон Хольц бросился к продолжавшему двигаться устройству и стал отчаянно разглядывать его. Полные красные губы искривились от напряжения.

— Как вы это сделали? — пронзительно завопил он. — Вы должны рассказать мне! Я… я… я убью вас, если не скажете!

Человек с тяжелыми челюстями с отвращением глядел на фон Хольца. Затем, сощурившись, повернулся к Томми.

— Послушайте, — загремел он. — Плевать мне на этого дурака! Я хочу, чтобы вы раскрыли мне тайну приспособления, которое тут сделали. Какова ваша цена?

— Я не продаюсь, — слегка улыбнулся Томми.

Человек с тяжелыми челюстями смерил его взглядом.

— Меня зовут Джекаро, — выдавил он через несколько секунд.

— Возможно, вы слышали обо мне. Я из Чикаго.

Томми улыбнулся еще шире.

— Безусловно, — кивнул он. — Вы тот человек, который впервые применил автоматы в войне банд, не так ли? Ваши бандиты поставили к стенке с полдюжины парней из банды Бадди Хейнса и расстреляли их чуть ли не в упор. И для чего вам эта тайна?

Глаза его собеседника сузились, и внезапно взгляд их стал угрожающим.

— Это мой бизнес, — коротко отчеканил Джекаро. — Вы знаете, кто я. Я хочу забрать у вас эту штуку. На это у меня есть свои причины. Я заплачу за нее. Много заплачу. Вы знаете наверняка, что я всегда много плачу. Хотя можно иначе…

— Что иначе?

— С вами может что-нибудь произойти, — не вдаваясь в подробности, продолжил Джекаро. — Не буду распространяться, что именно, но вероятность того, что вы расскажете мне все, что я хочу узнать, прежде чем это закончится, чертовски высока. Так что назовите свою цену, и побыстрее!

Томми вынул руку из кармана. В ней был револьвер.

— Вот единственно возможный ответ, — учтиво произнес он. — Я хочу сказать, чтобы вы убирались ко всем чертям! Уходите! Но фон Хольц пусть останется здесь. Он еще понадобится.

Глава IV

Через полчаса после отъезда Джекаро Смизерс поехал в деревню купить кое-что и заодно отправить пару телеграмм, которые написал Томми. Томми сел, глядя на пепельно-серого фон Хольца, и сказал, что был бы доволен, коли фон Хольц не в состоянии выплавить металлический аммоний, если он поможет отремонтировать большой соленоид. Через час Смизерс вернулся и сообщил, что Джекаро тоже посылал телеграммы и что Смизерс стоял возле телеграфиста, пока его собственные телеграммы не были отправлены. Так, на всякий случай. Он вернул Томми револьвер, потому что в штате Нью-Йорк незаконно носить при себе такие штуки и любой гражданин здесь является законопослушным, лишь когда он совершенно беззащитен. Затем потекли четыре дня упорной круглосуточной работы.

В первый же день по срочному вызову телеграммы приехал один из друзей Томми. Это был

Питер Дэлзелл, человек в форме, носивший ее, очевидно, для украшения. Он с ходу объявил, что на внешних воротах добавил еще один плакат, предупреждающий об эпидемии оспы, и принялся недоверчиво рассматривать обстановку кирпичного сарая.

Томми усмехнулся и дал ему чертежи и технические характеристики стального шара, в котором два человека могли бы быть заброшены в пятое измерение. Томми просидел над этими чертежами всю предыдущую ночь. Он рассказал Дэлзеллу достаточно для того, чтобы тот с энтузиазмом принялся за работу, но не усомнился в здравом уме своего приятеля. Дэлзелл знал Томми, как теннисиста-любителя, но вовсе не как ученого.

Вначале он сказал, что не верит своим глазам, но когда ему дали заглянуть в дименсиоскоп, он согласился, что все нужно держать в полном секрете, иначе спасательная экспедиция закончится помещением Томми и Смизерса в психушку. Он притворился, что восхищается фон Хольцем, который дошел уже до белого каления от бешенства. Он даже поинтересовался, не хочет ли тот уехать, и фон Хольц стал заикаться, но все же приступил к работе над добычей металлического

аммония.

Разумеется, это был электролитический процесс. Обычный нашатырный спирт разлагался под действием электрического тока. Аммоний образовывался на катоде и моментально превращался в газ, который растворялся в воде или пузырями выходил на поверхность. С ртутным катодом он растворялся и становился металлической амальгамой, которая также распадалась на газ, заставляющий ртуть пузыриться. Но Денхэм сумел задержать этот распад, и у него получился интересный белый, рыхлый металл, который можно плавить и делать отливки, но ни при каких обстоятельствах невозможно ковать или растягивать.

Фон Хольц корпел над ним. На второй день он, рыча от бешенства, получил маленький слиток белого металла. Его заперли, как в тюрьму, в сарае под навесом, где он продолжал электролиз. Но у Томми все равно остались подозрения, что он продолжал контактировать с Джекаро.

— Разумеется, — сухо ответил Томми Смизерсу, который выразил сомнения, — Джекаро послал кого-то, кто переговаривается с ним через стену. Но пока остается надежда на то, что фон Хольц выведает наши секреты, Джекаро не станет ни-

чего предпринимать. Во всяком случае, ничего грубого. Нас нельзя убивать, пока то, что мы делаем, существует лишь в наших мозгах. Так что пока мы в безопасности.

Смизерс что-то проворчал.

— Нам нужен аммоний, — сказал Томми, — а я не умею его производить. Разумеется, я могу разгадать этот секрет, но на это потребуется время, а у Денхэма его нет. Дэлзелл ожидает, что наш шар прибудет сегодня самолетом. И к этому времени у нас должна быть готова большая катапульта. Кроме того, самолет доставит нам кое-что еще. Я заказал автомат, который пригодится в папоротниковых лесах. А пока что мы должны заниматься…

Поочередно они дежурили у деменсиоскопа, ожидая появления Денхэма или Эвелин. А в голове у Томми крутились абсолютно не имеющие никакого отношения к науке мысли об Эвелин. Симпатичная девушка в затруднительном положении — что еще нужно человеку, чтобы настроить его на романтический лад?

За четыре дня упорного труда Томми трижды наблюдал ее. Шар был разграблен и разрушен, все стеклянное оборудование разбито, а остальное — разломано и разорвано. Оборванцы изуродова-

ли шар так основательно, что не оставалось ни малейшей надежды на восстановление, поскольку никакие части не подлежали ремонту. Томми был озадачен, поскольку никогда не видел грабежей, при которых все бы уничтожалось столь тщательно. Но когда он смотрел на Эвелин, то думал совсем не об этом.

Оборванцы ушли, но девушка и ее отец продолжали прятаться где-то поблизости от шара. В первый день, когда Томми увидел ее, она была в норме, но встревожена. На второй день она выглядела хуже. Одежда была располосована, судя по всему, острыми колючками. У Денхэма на лбу появилась большая кровоточащая рана, пальто исчезло, а половина рубашки была разорвана на ленты. На глазах у Томми они убили неизвестное мелкое животное, воспользовавшись похожим на жезл оружием, которое было у Эвелин. И Денхэм торжествующе унес его в свое убежище в папоротниковом лесу. Но Томми стало казаться, что это убежище очень ненадежно.

В тот же день к стальному шару вернулось несколько оборванцев, осмотрели его, а затем принялись злобно переговариваться, сопровождая разговор ударами и проклятиями. Все они казались полусумасшедшими. Но все оборванцы

были такими. Ненависть к Золотому Городу казалась их доминирующим чувством.

Когда они ушли, Томми увидел, как Денхэм осторожно выглядывает из папоротников. Выглядел он нездоровым. Внезапно он поднял глаза, посмотрел куда-то вдаль, затем стал всматриваться в небо над головой с выражением, в котором смешивались надежда и предельное отчаяние.

Томми направил трубку в небо потустороннего мира и увидел аэроплан. Это была машина с загнутыми назад крыльями, похожими на ласточкины, которая стремительно летела то выше, то ниже, описывая неширокие круги почти над самым шаром. Томми заметил пилота, который, высовываясь из кабины, смотрел вниз. Он был не более чем в ста футах над землей, почти что над самыми вершинами папоротниковых деревьев. Машина летела слишком быстро, чтобы Томми смог детально разглядеть лицо пилота, но он видел, что, по крайней мере, это человек, ничем не отличающейся от прочих жителей этой Земли. Пилот внимательно разглядывал шар.

Затем он внезапно взлетел вверх и направился к Золотому Городу.

А Томми принялся искать четверку оборванцев, которые перед этим осматривали шар. Он

нашел их, несущихся сквозь заросли. На этот раз они не грозили самолету кулаками. Вместо этого они, казалось, были преисполнены злобной радостью. Оборванцы бежали вперед, словно спешили доставить очень важные новости.

А когда Томми вернулся к Денхэму, ему показалось, что тот, прежде чем скрыться в лесу, разочарованно развел руками.

На второй день работы, перед самым закатом, в земном небе над лабораторией послышалось гудение. Томми выбежал наружу, и кто-то выстрелил в него из леса, расположенного в четверти мили от кирпичной лаборатории. Поскольку владения Денхэма были в безлюдной местности, выстрел остался никем не замеченным. Пуля пролетела в нескольких футах от Томми, но он не обратил на нее внимание. Несомненно, это был один из наблюдателей Джекаро, но Джекаро не собирался пока что убивать Томми. Поэтому Томми остался ждать, пока самолет не спустится ниже. Тот пролетел почти над самой крышей, и к ногам Томми свалился хорошо упакованный сверток. Томми поднял его и бросился назад в лабораторию, поскольку из леса снова начали стрелять.

— Забавно, — сухо сказал он Смизерсу, оказав-

шись в лаборатории. — Они не решатся меня убить, а фон Хольц не посмеет уйти, пока я не отпущу его, но все же они продолжают запугивать нас.

Смизерс невнятно проворчал в ответ. Томми распаковал сверток. В нем оказалась коробка, а в ней опасная штуковина стального цвета.

— Автомат, — прищурился Томми. — И боеприпасы. Джекаро со своими дружками попытаются войти сюда, когда решат, что установка готова к использованию. Они попробуют захватить ее до того, как мы начнем эксперимент. Так что эта штука поможет нам встретить непрошенных гостей.

— В тюрьме они нас получат, — спокойно произнес Смизерс, — в течение следующих сорока лет.

— Нет, — усмехнулся Томми. — Мы будем в пятом измерении. Наша задача состоит в том, чтобы забросить туда катапультой все материалы, которые нам могут понадобиться, чтобы построить там другую катапульту и вернуться обратно.

— Ничего не получится, — категорично заявил Смизерс.

— Может, и нет, — пожал плечами Томми, — тем более что всякий раз, когда мы используем

катапульту, разрушаются и карданная подвеска, и пружины. Но я прикинул: нам нужны пять катушек с двумя отверстиями каждая, которые…

Томми сделал набросок. Уже несколько дней он обдумывал этот замысел, так что эскиз был готов у него в голове; оставалось лишь перенести его на бумагу.

— Что вы собираетесь сделать?

— Нечто не поддающееся рассудку — улыбнулся Томми. — Изменять углы можно не только с помощью зеркала.

— Вам виднее, — невозмутимо ответил Смизерс и принялся за работу.

Временами Смизерс озадачивал Томми. Например, он до сих пор не спросил, сколько ему собираются заплатить. Он работал без остановки и выказывал колоссальное спокойствие. Никакой человек не мог бы так пахать, тем более что у Смизерса не было никакой видимой мотивации. Но на четвертый день Томми узнал, что она все же была.

Пять катушек были готовы, и Томми соединил их за ширмой, чтобы скрыть то, как он это делал. К этому времени он уже обнаружил дырку в кирпичной стене, за которой работал фон Хольц. Его перестали запирать после того, как Томми нашел

в его помещении автоматический пистолет и ключ. Когда он, теоретически, сидел под замком, этих вещей при нем не было. Томми рассмеялся.

— Все это сплошной фарс, фон Хольц, — пригрозил он. — Вы притворяетесь, что готовите побег, но сами здесь для того, чтобы шпионить для Джекаро. И уж, конечно, вы не посмеете причинить вред никому из нас, пока не решите, что узнали все, что я от вас скрываю. Интересно, сколько Джекаро обещал заплатить вам за катапульту, а, фон Хольц?

Фон Хольц что-то невнятно проворчал в ответ. Смизерс двинулся на него, сжимая и разжимая кулаки. Фон Хольц посерел от ужаса.

— Ну, отвечай! — велел Смизерс.

— Э-э… миллион долларов, — промямлил фон Хольц, отодвигаясь от рыжеволосого здоровяка.

— Было бы интересно узнать, как Джекаро собирается ее использовать, — хмыкнул Томми. — Но чтобы заработать миллион, вы должны узнать то, что знаем мы. А чтобы это узнать, вы должны помогать нам в том объеме, в каком потребуется. Так что никуда вы не убежите, и я больше не буду вас запирать. Люди Джекаро приезжают и переговариваются с вами по ночам, не так ли?

Фон Хольц опять съежился. Это само по себе

было признанием.

— Я не хочу никого из них убивать, — вежливо продолжал Томми, — потому что если это произойдет, нас всех могут посчитать сумасшедшими. Так что, фон Хольц, можете выходить и разговаривать с ними на дороге, когда захотите. Но, если кто-нибудь из них подойдет к лаборатории, мы со Смизерсом убьем их. А если Смизерсу причинят вред, я убью вас. Но я не думаю, что Джекаро этого хочет, потому что он ждет, что вы построите для него другую катапульту. Но я вас предупреждаю, что если еще раз найду у вас оружие, то убью вас.

Бледное лицо фон Хольца переменилось, когда от страха он перешел к ужасной ярости.

— Вы… Майн Готт! Вы смеете мне угрожать… — Он буквально задыхался от бешенства.

— Смею, — прищурился Томми. — И я выполню эти угрозы.

Смизерс сделал еще шаг вперед.

— Мистер фон Хольц — с ужасающим спокойствием процедил он. — Мне очень хочется вас убить. Я не сделал этого до сих пор лишь потому, что господин Римес сказал, что будет какое-то время нуждаться в вас. И я знаю, что вы специально оставили мисс Эвелин в папоротниковых

лесах иного мира! Видит Бог, она бы никогда не посмотрела на меня, но я… я все равно убью вас!

Его глаза вспыхнули, кулаки сжались и разжались. Фон Хольц содрогнулся, переходя от ярости снова к страху, и удалился в свое помещение. А Смизерс вернулся к дименсиоскопу. Была его очередь наблюдать за потусторонним миром, отыскивая любые признаки присутствия Денхэма и Эвелин.

Томми поставил ширму перед столом, за которым работал, чтобы фон Хольц не смог подглядывать, и вернулся к своей работе. Перед ним стояла трудная задача, и еще несколько дней назад он бы сам заявил, что сошел с ума. Но сейчас был уверен, что это выполнимо.

— Смизерс, — позвал он.

— Да? — отозвался Смизерс, не отрывая взгляда от латунной трубки.

— Мне кажется, вы думаете о мисс Денхэм больше, чем ее отец.

Смизерс немного помолчал.

— Ладно, — наконец, признался он. — Ну и что из того?

— Я никогда не разговаривал с ней, — серьезно кивнул Томми, — и, осмелюсь заметить, что она даже не слышала обо мне и, уж тем более, не

видела меня, но…

— Она никогда не воспримет меня всерьез, мистер Римес, — сказал Смизерс. — Я знаю это. Мы не раз разговаривали, она смеялась над моими шутками, но я уверен, что она ни минуты не думала обо мне. И никогда не подумает. Однако я имею право любить ее.

— Конечно, имеете, — серьезно кивнул Томми. — И я тоже. Так что, когда будет доставлен большой шар, мы войдем в него с оружием и боеприпасами и отправимся ей на помощь. Первоначально я хотел, чтобы вы были у выключателя и отправили меня одного. Но вы можете полететь со мной.

Смизерс промолчал, но оторвал глаза от окуляра дименсиоскопа и серьезно взглянул на Томми, затем кивнул и вернулся к своим наблюдениям. Это был молчаливый договор между двумя мужчинами служить Эвелин, не думая о конкуренции.

Томми продолжил работу. Существенным дефектом в катапульте, спроектированной Денхэмом, было то, что фактически ее приходилось чинить всякий раз после использования. И, кроме того, металлический аммоний — настолько летучее вещество, что его невозможно хранить.

Так что, срабатывая, он всякий раз превращался в газ и улетучивался в воздух. И хотя Томми пытался держать маленькую катапульту всегда наготове, он не был уверен, что сможет послать автомат с боеприпасами в тот момент, когда Денхэм подойдет достаточно близко, чтобы увидеть их появление.

Но теперь Томми работал над катапультой другого типа. В ней он решил использовать полые магниты, размещенные под известным углом друг к другу. Они были поставлены так, чтобы притягивать любые металлические предметы, поворачивая их под нужными углами и забрасывая в пятое измерение.

Такое устройство, похожее на дименсиоскоп, требовало поворота всего лишь на сорок пять градусов вместо девяноста, как в прежних катапультах. Так что Томми мог использовать в ней вместо ненадежного металлического аммония обычные материалы. Томми, затаив дыхание, запустил ее вхолостую. Магниты дрогнули, закрутились, и внезапно на один из них стало больно смотреть, а у последнего было видно лишь ребро.

Томми резко втянул воздух.

— Теперь испробуем его, — напряженно про-

шептал он. — Я попробовал установить их так же, как зеркала в дименсиоскопе. Ну-ка, посмотрим…

Он взял длинную мягкую железную проволоку и поднес конец к первому магниту. Тот стал ее притягивать, но по пути вступил в действие второй магнит, и проволока изогнулась, меняя направление, затем вошла в поле третьего магнита, и… ее конец исчез. Второй же конец Томми крепко держал в руке.

— Глядите в дименсиоскоп, Смизерс, — скомандовал Томми. — Ищите конец проволоки. Он должен быть где-то в том мире.

Казалось, Смизерс искал проволоку целую вечность, затем попросил:

— Пошевелите-ка ею.

Томми так и сделал.

— Ее конец там, — закричал Смизерс. — Целых два или три фута. Томми облегченно вздохнул.

— Отлично! — обрадовался он. — Когда будет готов большой шар, мы сможем перебросить туда все, что нам нужно. Мы сможем перебросить туда целую груду вещей до того, как сами полетим в шаре.

— Да, — кивнул Смизерс. — Э-э… мистер Римес, в поле зрения появилась группа оборванцев. Они

тащат что-то тяжелое. Не знаю, что именно.

Томми взглянул в латунную трубку. Он осмотрел лес папоротниковых деревьев, громадное болото и далеко-далеко, у самого горизонта, блистающий город.

А затем увидел толпу оборванцев, которые буксировали что-то тяжелое. Они были еще далеко, но несколько человек приближались, несясь вперед во весь опор. Томми повернул трубку и заметил Денхэма и Эвелин, которые прятались среди папоротников. К настоящему моменту Денхэм был таким же оборванным, как и оборванцы, да и Эвелин выглядела немногим лучше.

Испугавшись за путешественников, Томми оглядел окрестности, но их не заметили. Оборванцы, бежавшие впереди, просто куда-то спешили. Остальные же, крупные мужики и мелкие, здоровые и хромающие, тянули на веревках что-то громоздкое и тяжелое. Томми видел их груз так же неотчетливо, как и грязные, почти голые тела людей. Он только заметил, что это было сложное устройство из золотистого металла, покоящееся на самой примитивной из всех возможных телег. Колеса телеги были отпилены от бревен, в середине дисков пробили отверстия для деревянных осей. Сама телега была из таких же бревен,

разрубленных вдоль. И все это тянуло свыше пятидесяти оборванцев.

Шедшие впереди люди расчищали подлесок по краю леса. Они работали с маниакальной энергией, обрубая длинные ветки папоротника, и одновременно подпрыгивали, плясали и что-то возбужденно вопили.

Томми невольно подумал о рабах, сбежавших с галер. Только ими могли быть такие упорные люди, горящие жгучей ненавистью к свободным гражданам, от которых они сбежали. Несомненно, оборванцы когда-то были вполне цивилизованными. По мере того как золотое устройство приближалось, его сложность становилась очевидной. У дикарей не могло быть такого механизма. И в самом изяществе его линий чувствовалась странная смертельная опасность. Это было какое-то оружие, но Томми даже не мог догадаться о принципах его действия.

А затем он увидел в папоротниковом лесу, на земле, блеск металла. Металл поблескивал между полуголых Оборванцев. Из всего этого складывалась странная картина. Шоссе, окаймляющее лес. Не широкое, не более пятнадцати футов в ширину, но это было твердое, металлическое дорожное покрытие. Земля блестела унылым серебряно-

белым алюминиевым блеском. Не меньше двух дюймов в толщину и пятнадцати футов в ширину алюминиевая лента без швов, тянущаяся в обе стороны вокруг папоротникового леса.

Сложный механизм из золотистого металла был установлен неподалеку от разоренного шара, к нему подошел косматый, похожий на дикаря человек и стал управлять рычагами и колесиками с уверенностью специалиста. Томми заметил, что механизм был отремонтирован. Ремонт провели на скорую руку, из примитивных материалов, но все же это был ремонт. Его, несомненно, сделали оборванцы, и таким образом можно считать доказанным, что они не были дикарями.

— Продолжайте наблюдать, Смизерс, — мрачно сказал Томми.

А сам принялся возиться с маленькой катапультой по образцу Денхэма. Его собственное устройство работало лучше, но для полной уверенности Томми хотел соорудить еще одно. Оборванцы явно готовили засаду на людей из Золотого Города. Самолет заметил стальной шар Денхэма и понес известие о нем в Золотой Город. А здесь проходило шоссе, которое наверняка было когда-то построено жителями Золотого Города. Его существование объясняло, почему Денхэм вы-

брал именно это место. Очевидно, он понадеялся, что по шоссе проедет какое-нибудь транспортное средство с цивилизованными людьми, с которыми можно будет связаться и рассказать о своем тяжелом положении. А поскольку Денхэм находился возле металлического шара, то у него под рукой имелись доказательства правдивости его слов.

А теперь очевидно, что оборванцы тоже ждут транспортное средство. Они готовились к этому. Они сделали классическую засаду с каким-то, очевидно, мощным оружием, которое хранили в тайне. Их торжествующая ненависть не могла быть выплеснута ни во что иное, кроме, как в стремление нанести ущерб обитателям Золотого Города.

Размышляя об этом, Томми торопился собрать катапульту. Уже было готово новое кольцо из металлического аммония и необходимые пружины. Оборванцы устроили засаду. Люди из Золотого Города могли угодить в нее, но могли и избежать ловушки. Летчик, заметивший металлический шар, наверняка обратил внимание и на разбросанные вокруг обломки. Он должен сообразить, что шар нашли оборванцы и люди, которые прибудут в наземном транспорте из Золотого Города,

могут наткнуться здесь на засаду.

Будет бой, и Томми не сомневался, что победу одержат обитатели Золотого Города. А как только они очистят окрестности, Томми катапультой забросит туда дымящийся снаряд. Победители должны увидеть и изучить его. И хотя Томми мог написать послание лишь на своем языке, наверняка непонятном жителям Золотого Города, чертежи и математические диаграммы послужат убедительным доказательством, что снаряд послан цивилизованным человеком. И еще туда можно поместить фотографии…

Когда катапульта была смонтирована, Томми приготовил снаряд с сообщением. Он включил туда и несколько снимков, в том числе фотографию Эвелин и ее отца, сделанную в этой же лаборатории. Еще он ломал голову над тем, как сообщить тем людям, что стальной шар прибыл из другого мира… Внезапно его осенило. Веревка, привязанная к шару, уходила бы в «ничто» в любом из миров, но все же один ее конец будет в потустороннем мире, а другой — на Земле. А еще лучше — провод. Рывки провода могли бы подать идею, что за него дергают невидимые живые существа. А фотография, идентифицировав Денхэма и его дочь, объяснила бы их появление

в том мире.

Томми отчаянно трудился, чтобы закончить все вовремя. Он готов был молиться, чтобы жители Золотого Города оказались победителями и, когда бой закончится, отыскали его небольшой снаряд и попытались разгадать смысл послания.

Он успел сделать все, что задумал. Теперь оставалось лишь испытать это.

— Они приготовились, мистер Римес, — сказал Смизерс у дименсиоскопа. — Взгляните-ка лучше сами.

Томми заглянул в окуляр. Странно, но золотое оружие исчезло. Все остальное казалось точно таким же, как и прежде. Вновь возник расчищенный подлесок. Ничто не отличалось от того, что было раньше. Но Томми заметил слабое движение и увидел оборванца. Он лежал на земле и, казалось, к чему-то прислушивался, потому что губы его шевелились; он явно переговаривался с кем-то неподалеку, а на его лице читалось все то же выражение зловебного предвкушения.

Томми пошарил трубкой по окрестностям. Ничего, хотя... И внезапно он увидел, как по краю папоротникового леса стремительно перемещаются солнечные блики. Что-то приближалось, со скоростью молнии летя по пятнадцати футовому

шоссе из алюминия. Стремительно приближалось.

Томми перевел взгляд на то место, где скрывалась засада.

Он увидел, как нечто, блестящее между ветвями папоротниковых деревьев, снижает скорость, постепенно останавливаясь. Пауза — и неожиданно подлесок исчез. Он упал, как скошенный, словно чья-то невидимая рука нанесла по нему удар. Золотое оружие появилось во всей красе вместе с осклабившимся мускулистым оператором. На долю секунды Томми увидел устройство на колесах, в котором ехало с полдюжины обитателей Золотого Города. Транспорт был изящный, блестящий и обтекаемый. И к нему крепилась платформа — явно для перевозки стального шара.

Но внезапно все вокруг этого экипажа вспыхнуло ярким светом. Свет шел из оружия оборванцев — невыносимый свет, точно от вольтовой дуги. Он продолжался, наверное, с долю секунды, затем превратился в красное пламя, которое взметнулось вверх и исчезло.

Транспортное средство из Золотого Города прекратилось в груду почерневших обломков. Четверо из шести мужчин мгновенно обуглились, как подгоревшие чипсы. Еще один, шатаясь,

вскочил на ноги, потянулся к оружию, но не смог его достать, выхватил из-за пояса кинжал и рухнул прямо на него. Томми отчетливо понял, что это преднамеренное самоубийство.

И лишь последний человек остался сравнительно невредимым. Он выхватил оружие, сродни земному пистолету, и стал испускать нечто вроде световых импульсов. Орда оборванцев завопила и ринулась врассыпную. Двое-трое из них закричали от боли и тут же оказались растоптаны остальными.

Но внезапно по всему телу стрелка пошли красные пятнышки. Он выронил пистолет, потому что его рука стала темно-малиновой. А затем на него накинулась кипящая ненавистью, жаждущая крови свора лесных людей.

Глава V

Спустя несколько минут Томми оторвался от окуляра дименсиоскопа. Он больше не мог вынести этого зрелища.

— Почему они его не убивают? — с болью и гневом спросил он. — Ну, почему они не могут его просто убить?

Он чувствовал себя невыносимо бессильным. В

ином мире толпа полуголых отступников терзала пленника. Он не был мертв, этот исключительно выносливый человек из Золотого Города. Его связали, и несколько оборванцев взялись его охранять, причем охранники развлекались, нанося пленнику раны, мелкие, но чрезвычайно болезненные. Они скакали перед ним и ликующе выли, когда связанный пленник корчился от боли.

Он был чрезвычайно храбрым человеком. Беспомощный, он лишь откидывал голову и оскаливал зубы. Пот покрывал его тело и лоб. Но он старался не корчиться и смотрел на своих мучителей с мрачным, отчаянным вызовом.

Охранники делали жесты, слишком ясно, слишком утрирующие описывающие ожидающую его смерть. Человек из Золотого Города был пепельно-серым и совершенно отчаявшимся, но все равно не сломленным.

Смизерс занят место Томми у окуляра прибора. Ноздри его задрожали от развернувшегося перед ним зрелища. Остатки транспорта из Золотого Города, конечно же, были разграблены. За взятое у мертвых оружие ссорились, даже дрались. Оборванцы бились за него друг с другом, словно с врагами. Большой золотой механизм на телеге

уже тащили куда-то в прежнее укрытие. Так или иначе, было ясно, что те, кто волок его, требовали, чтобы пленника не убивали до их возвращения.

А при виде пленника, который в муках ожидал смерти, Смизерс скрипел зубами.

— Я не вижу ни профессора, ни мисс Эвелин, — повернулся он.

— Очень надеюсь, что они этого не видят.

Томми стоял, покачиваясь с пятки на носок.

— Они были рядом, — резко сказал он. — Я видел их! Они видели, что произошло в засаде! И теперь они смотрят, как мучают этого человека!

Кулак Смизерса сжался и разжался.

— Возможно, у профессора хватило здравого смысла увести мисс Эвелин туда… э-э… где она ничего не услышит, — медленно проговорил он. — Надеюсь, что так…

Томми всплеснул руками.

— Я хочу помочь тому человеку! — закричал он. — Я хочу что-нибудь сделать! Я видел, как они грозились убить его! Я хочу… хочу убить его сам! Во имя милосердия!

— Я вижу профессора, — произнес Смизерс со странным, шокирующим спокойствием. — У него в руке что-то, похожее на пистолет… мисс Эвелин уговаривает его… что-то сделать… Он смотрит

в небо… Стемнеет еще не скоро. Он скрылся в зарослях…

— Если бы у нас был динамит! — отчаянно выкрикнул Томми.

— Мы могли бы рискнуть забросить его в тот мир, прямо в гущу этих дьяволов.

Он заходил взад-вперед по лаборатории, страдая при мыслях об участи этого человека с серым лицом, который ждал ужасной, мучительной смерти, и содрогаясь от того, что Эвелин и ее отец попытаются спасти его и будут схвачены, чтобы разделить его судьбу. Томми мучило собственное бессилие, неспособность вмешаться…

— Боже! — пробормотал вдруг Смизерс.

Он отшатнулся от окуляра. Томми прильнул к трубке, у него внезапно пересохло во рту. Он увидел, что оборванцы хохочут. Бородатый здоровяк, который явно был их лидером, принялся ломать пленнику руки и ноги, чтобы тот стал совершенно беспомощным, даже когда его развяжут. Если когда-либо люди походили на нечистую силу, то именно в этот момент. Он ломал несчастному кости самым мучительным способом. Пленник вопил. Оборванцы чуть ли не катались по земле в маниакальной радости.

И вдруг один из них упал, забившись в судоро-

гах, потом второй, третий… Из гущи папортниковых деревьев появился мрачный, изможденный Денхэм, держа в руке золотой жезл. Упал четвертый человек, прежде чем оборванцы поняли, что происходит. Упавший был вооружен, и, как только он упал, из зарослей метнулась тоненькая фигурка. Эвелин, это была она, подскочила к нему и вырвала из руки оружие.

В лаборатории, в другом мире Томми отчаянно застонал. Он не мог отвести глаз от окуляра, ему казалось, что сердце сейчас вырвется из груди. Оборванцы свирепо уставились на Денхэма, каким-то образом поняв, что он гораздо ближе к людям из Золотого Города, чем к ним самим. Но при виде Эвелин в изорванной колючками одежде, сквозь прорехи которой проглядывало белое тело, они совсем обезумели. И застывшие глаза Томми увидели выражение лица Денхэма, который понял, что Эвелин не спряталась, а последовала за ним в отчаянной, безнадежной попытке.

Затем толпа оборванцев бросилась на них. В порыве ненависти, эти чудовища даже дрались между собой за право схватить их первыми.

Всех охватило безумие. Денхэма связали и бросили возле человека из Золотого Города. Эвелин

оказалась в гуще драки и внезапно была отброшена в сторону бородатым гигантом. Вся поляна превратилась в сплошной бедлам. Но, так или иначе, Томми с ужасающей ясностью понимал, что для этих безумных врагов Золотого Города считается большой удачей замучить кого-нибудь из его мужчин. Но что касается женщины… Томми отвернулся от устройства и невидящими глазами уставился на фон Хольца, который украдкой наблюдал за ними из дверного проема. Томми казалось, что его мозг сейчас взорвется. И тут он услышал собственный, неожиданно твердый голос:

— Смизерс! Они схватили Эвелин. Принесите мне автомат!

Смизерс издал хриплый крик. На какой-то миг его лицо исказилось до неузнаваемости. Томми бросился к столу, на котором установил магнитную катапульту своей конструкции, и придвинул его поближе к дименсиоскопу.

— Ничего не получится, — с тем же невероятным спокойствием сказал он. — Это невозможно. Это не может получиться. Ничего не выйдет… Но это должно получиться!

Он укрепил катапульту тяжелыми деревянными брусками.

— Установите автомат так, чтобы нацелить его на первый магнит, — приказал он Смизерсу. — Обмотка катушки не рассчитана на напряжение, которое нужно пропустить по ней. Но она должна выдержать!

Пальцы Смизерса тряслись. Томми помогал ему, больше не заглядывая в дименсиоскоп.

— Включайте динамо, — скомандовал Томми и сам удивился, казалось, голос вообще принадлежал не ему, а кому-то другому, спокойному и хладнокровному. — Дайте мне полную мощность.

Пока Смизерс включал двигатель и динамо на полную мощность, Томми покрепче зажал в тисках автомат, а потом нажал выключатель катапульты. Запахло горелой изоляцией. Томми спустил курок, сделав один выстрел. Пуля полетела в первый магнит так же, как прежде Томми толкнул туда проволоку. И исчезла.

Томми поставил руку в то место, где бы ее прошила неотклоненная пуля, и снова нажал на курок. Он почувствовал легкое дуновение ветерка, но пуля не смогла преодолеть силу магнитов, заставлявших ее изменить направление полета под нужными углами.

Томми выключил катапульту и позвал Сми-

зерса.

— Приготовьтесь стрелять, — резко сказал он. — Когда я скажу «огонь», дайте длинную очередь. Но включайте катапульту только на то время, пока стреляете: так мы не сожжем катушки. Давайте! Огонь!

Он прильнул к дименсиоскопу. Эвелин беспомощно билась в руках двух оборванцев, которые держали ее, ощерясь, как могут усмехаться дьяволы в аду, а остальные спорили друг с другом или зачарованно глядели на нее.

Но Томми не стал на этом зацикливаться. Автомат возле него сухо затрещал. Томми увидел, как задрожала ветка папоротникового дерева, и в ней появилось большое отверстие. Томми протянул руку к оружию.

— Помогите мне немного подвинуть стол, — попросил он. — Теперь давайте еще раз. Огонь!

И снова застрочил автомат. Томми увидел, как земля вскипела фонтанчиками в том месте, где в потустороннем мире в нее ударили пули. Пули со стальной оболочкой отклонялись магнитами катапульты, но не теряли своей энергии. Они просто изменяли направление движения. Выпущенные в лаборатории в нашем мире, пули появлялись в мире папоротникового леса. Пер-

вые два выстрела не вызвали никакого эффекта. Фактически оборванцы вообще не заметили их. Выстрелы из автомата звучали в лаборатории, но звуки не переносились в мир пятого измерения.

— Секундочку, — предостерег Томми. — Вот сейчас…. Огонь!

Он поднял ствол автомата чуть выше.

Застучала новая очередь. Теперь это была бойня. Трех оборванцев буквально разнесло в клочья, а ураган пуль продолжал наносить урон. Группа, ссорившаяся из-за Эвелин, превратилась в покойников прежде, чем закончились споры.

— Огонь! — холодно процедил Томми. — Огонь, Смизерс, огонь!

Автомат опять застучал. Бородатый гигант схватился за горло, из которого хлынула кровь. И тут началось безумие. Толпа оборванцев, потеряв остатки человеческого обличья, бросилась бежать, топча своего упавшего вожака, который был еще жив. Пули били прямо в их гущу, но оборванцы даже не догадались разбежаться в разные стороны. Автомат выпустил еще десять коротких очередей, прежде чем запах паленой резины усилился, а сквозь шум двигателя прорвался треск электрической дуги.

— Катушка сгорела! — прорыдал Смизерс.

Но Томми махнул рукой.

— Это уже не важно, — жестко отрезал он. — Уцелело не больше дюжины ублюдков. Эвелин уже развязывает отца. Правда, пленник из Золотого Города мертв. Я не собирался стрелять в него, но так уж вышло.

Он освободил Смизерсу место у окуляра. По его лбу катился пот, руки тряслись.

Он зашагал по лаборатории, пытаясь избавиться от картины, стоявшей перед глазами: толпа оборванцев несется, сломя голову, а пули буквально кромсают плоть живых людей. Он видел распотрошенные тела оборванцев. Но ни о чем не жалел, потому что спас Эвелин; он просто хотел хоть на время забыть то, что только что совершил.

— Но теперь, — пробормотал он себе под нос, — Денхэму с дочерью не стало лучше, разве что у них появилось оружие… Если бы только не был убит человек из Золотого Города…

Томми посмотрел на магнитную катапульту, сожженную и бесполезную. Потом перевел взгляд на другую. Как только он приготовит снаряд, то может забросить его в тот мир. В нем уже находились фотографии и диаграммы, показывающие, как общаться с людьми из Золотого Города, не

зная их языка.

Но он может передать послание Денхэму!

Томми сел и стал лихорадочно писать. Если бы он выглянул из окна лаборатории, то увидел бы, как фон Хольц бежит по двору, подобно оленю, машет руками и, оказавшись вне пределов слышимости из лаборатории, громко кричит С собой фон Хольц нес маленький черный ящичек, в котором Томми мог бы узнать кинокамеру — маленькую, любительскую, но все же пригодную для съемок в закрытых помещениях при недостаточном освещении. И если бы Томми мог их подслушать, то, вероятно, услышал бы переговоры стрелков, скрывавшихся в лесу в четверти мили от владений Денхэма. Одним из них был, конечно, Джекаро, ждущий, пока фон Хольц принесет ему нужную информацию или когда можно будет напасть на лабораторию, чтобы захватить готовую к работе большую катапульту — чтобы изучить ее, сфотографировать, а потом воспроизвести в спокойной обстановке.

Но Томми не видел и не слышал этого. Он лихорадочно писал, одновременно говоря Смизерсу:

— Когда Денхэм немного придет в себя, то оглядится и увидит убитых оборванцев. А к тому времени мы будем готовы послать ему снаряд с

сообщением внутри.

Смизерс кивнул. Томми продолжал быстро писать, кратко сообщая, кто он и что сделал, и о том, что готовится большой шар, чтобы он и Смизерс могли отправиться к ним на помощь с припасами и оружием.

— Он очнулся, мистер Римес, — спокойно сообщил Смизерс. — Нашел срикошетившую пулю и осматривает ее.

Двигатель по-прежнему работал. Томми поместил свое торопливое послание внутрь приготовленного снаряда. Потом положил снаряд под соленоидом катапульты конструкции Денхэма, с пружинами и кольцом из металлического аммония, и повернулся к Смизерсу.

— Я буду наблюдать, — сказал Томми. — А вы переправите снаряд. Только немного уменьшите напряжение, у нас нет запасных частей для генератора.

Он прильнул к окуляру и вздрогнул, снова увидев, что натворили автоматные пули под его управлением. Но тут он поймал в объектив Денхэма. Ученый был исцарапан, избит и очень далек от внешнего вида преподавателя теоретической физики. Одежда превратилась в лохмотья, а на лице отросла десятидневная борода. Он сильно

хромал, пока ходил по поляне, собирая оружие. Потом взволнованно показал Эвелин найденную пулю. В этом кусочке металла, расплющенном от попадания в цель, все равно можно было легко узнать изделие родного мира. Денхэм взирал на нее с надеждой, перемешанной с недоверием.

Томми оторвался от дименсиоскопа ровно настолько, чтобы поджечь плавкий предохранитель дымового снаряда.

— Давай, Смизерс! — крикнул он.

Смизерс нажал выключатель. Снаряд с дымящимся предохранителем прыгнул вверх, попав в поле действия первого магнита. На него стало больно смотреть, и тут он исчез. Соленоид упал на пол.

Сердце Томми остановилось, когда он взглянул в окуляр и увидел лишь молочный туман. Но туман тут же отнесло ветром, и Томми понял, что это всего лишь дым от его снаряда. Денхэм тоже заметил дым и осторожно подошел к его источнику, приготовив на всякий случай оружие, похожее на золотой жезл.

По распоряжению Томми Смизерс остановил генератор. Томми продолжил наблюдение.

Он увидел, как Денхэм стоит, подозрительно поглядывая на дымящуюся на земле штуковину.

Наконец, дымовой заряд прогорел. Денхэм подождал, но ничего не происходило, и он понял: снаряд с Земли. И Томми увидел, что от снаряда уходит провод. Он привязал его к снаряду, когда готовился наладить общение с людьми из Золотого Города, и совершенно забыл об этом.

Но теперь он увидел, как лицо Денхэма озарила надежда. Он позвал Эвелин и захромал ей навстречу, что-то возбужденно рассказывая.

Сердце Томми заколотилось, когда Эвелин внезапно посмотрела прямо на него и улыбнулась, точно знала о его присутствии. Над ее головой пролетела громадная бабочка с размахом крыльев в целый ярд. Денхэм продолжал что-то взволнованно говорить дочери. Сверху спикировало неуклюжее, похожее на летучую мышь, животное. Его тень на мгновение закрыла лицо профессора. И тут же еще одно животное, низенькое и длинное, стремительно пробежало в поле зрения дименсиоскопа. Затем мимо проползла, извиваясь, странная рогатая змея.

Денхэм продолжал взволнованно говорить, затем повернулся и стал показывать то на записку, то на то место, где подобрал сообщение Томми. Потом огляделся и поднял обугленную палку из давно погасшего кострища оборванцев. Прямо

по его ногам пробежала какая-то пушистая зверушка.

Денхэм взглянул вверх. И Эвелин тоже. Они смотрели в направлении Золотого Города. А через поле зрения дименсиоскопа покатилась настоящая волна животных, охваченных паникой. Здесь были газели с изящными ногами, заканчивающимися крошечными копытцами, что-то напоминающее больших ежей, и громадные броненосцы, с грохотом проносившиеся мимо.

Томми направлял дименсиоскоп в разные стороны и задыхался от волнения. Казалось, весь животный мир снялся с обжитых мест и бросился наутек. Разнообразные летающие существа заполонили все небо, и все летели в одном направлении. Затем из болота прибежали какие-то невероятные существа — громадные, напоминающие рептилий, — оглушительно ревущие и ломящиеся через папоротниковые заросли. Гигантские, отвратительные, настоящие кошмарные видения, воплощенные в дряблую плоть. Ящеры, а возможно, гигантские лягушки; вот только у лягушек не бывает таких хвостов. У некоторых существ были длинные змеевидные шеи с маленькими головками на конце, непропорционально громоздкие тела и длинные, сужающиеся

к концу хвосты.

А причиной всей этой безумной паники была белесая туманная завеса, обманчиво медленно продвигавшаяся вперед. Она стеной текла по болоту, дрожала и мерцала, ее поверхность блестела какими-то неуловимыми отблесками. Она уже закрыла весь горизонт и Золотой Город, и летела вперед, к папоротниковому лесу.

Денхэм делал безумные, отчаянные жесты в сторону дименсиоскопа. Туман приближался слишком быстро. Не было времени, чтобы писать записки. Денхэм схватил провод, тянувшийся от посланного с сообщением снаряда, и, отчаянно размахивая руками, побежал к распотрошенному стальному шару, оперся в него и с трудом перекатил немного вперед. Томми увидел набор стальных колец на той стороне, которая прежде была скрыта от его глаз. Профессор еще сильнее замахал руками и жестом велел Эвелин залезать внутрь.

Томми нахмурил лоб.

— Это ядовитый газ, — пробормотал он. — Месть за уничтоженную машину… Возможно, транспорт послал автоматический радиосигнал. Так вот каким образом они борются с оборванцами… Ядовитый газ… Но он убьет Денхэма и

Эвелин… И Денхэм хочет, чтобы я что-то сделал…

Томми шагнул назад, напрягая все мозговые извилины, случайно взглянул в дальний конец лаборатории и увидел, что Смизерс шатается, странно прижимая руки к бокам, а в дверях лаборатории стоит незнакомый человек с автоматическим пистолетом. На пистолете надет глушитель, и хлопок выстрела растворился в гуле бензинового двигателя.

Человек был низеньким, темным, аккуратно одетым. Его губы скривились в невеселой усмешке, когда Смизерс отшатнулся, потом качнулся вперед и упал.

Звук выстрела собственного пистолета удивил Томми не меньше, чем бандита Джекаро. Томми даже не стал целиться, но низенького бандита окутала пелена белого дыма, и внезапно Томми понял, что случилось и чего хотел от него Денхэм.

Катушка от сломанной катапульты валялась на полу возле рабочего стола, и к ней по-прежнему был примотан провод. В мгновение ока Томми разобрался в происходящем. Разумеется, фон Хольц увидел магнитную катапульту за работой. Она не сломалась, как катапульты конструкции Денхэма, и была, как и прежде, в рабочем состо-

янии. Тогда фон Хольц вышел из лаборатории и позвал людей Джекаро. Они хладнокровно подстрелили Смизерса, как последнее предупреждение перед конфискацией требуемого Джекаро аппарата.

Нужно было защищать лабораторию, но Томми не мог терять время. В потустороннем мире белый туман надвигался на Эвелин и ее отца. Им требовалась немедленная помощь.

Томми быстро привязал к концу провода, странным образом исчезавщего среди свалившихся колец, длинную веревку и подергал ее. Денхэм в другом мире почувствовал сигнал и ответил на него.

Внезапно разбилось стекло, и пуля прошла в паре дюймов от головы Томми. Он выстрелил в окно и осторожно направил узел веревки к месту исчезновения. Узел исчез, и веревка поползла вперед, потом около полудюйма ее стали такими, что на них было больно смотреть, а дальше веревка вообще исчезала.

Томми сорвался с места, и тут же две пули из разных окон ударили в пол там, где он только что стоял. Но Томми уже подбежал к работающему двигателю. Возле него был барабан с намотанной на него длинной цепью, а ось барабана через

систему шестеренок соединялась с двигателем.

Томми нагнулся, подхватил с пола дробовик, который Смизерс принес с собой для защиты от гангстеров, и дважды выстрелил в окна лаборатории. За ними кто-то завопил.

Томми бросил оружие и отчаянно, в дикой спешке, привязал веревку к цепи, потом освободил барабан. Цепь стала сматываться с него и поползла к тому месту, которое можно было смело назвать лестничной площадкой или тамбуром между мирами.

Еще одна пуля чиркнула Томми по ребрам. Он схватил пистолет и выстрелил, не целясь. Краешком глаза он увидел, что Смизерс пошевелился. Томми почувствовал к нему жалость, но… Внезапно что-то с силой ударило его в плечо, а потом и в ногу. Томми не слышал ничего, кроме стука двигателя, но понял, что в него попали. Что-то теплое потекло по боку и по ноге. Томми почувствовал головокружение, ужасную слабость и неимоверную усталость… Перед глазами все поплыло.

Но он должен ждать, пока у Денхэма не появится кусок цепи достаточной длины, чтобы прикрепить ее к шару. Таким образом он намеревался вернуться. У шара имелось кольцо, а в

лаборатории — цепь на крутящемся барабане, чтобы притащить шар обратно, куда бы он ни залетел. Но фон Хольц украдкой отсоединил цепь перед тем, как отправить шар с Денхэмом. Если бы цепь оставалась присоединенной, то она в любом случае вытащила бы шар обратно…

Томми стоял на четвереньках, когда услышал мужской голос:

— Эй, ты, где та штука? Где эта вещь, которую хочет Джекаро?

Томми хотелось спросить, перестал ли крутиться барабан, что означало бы, что цепь уехала в потусторонний мир на полную длину и что пора переключить сцепление, чтобы барабан стал наматывать ее и притащил шар с Денхэмом и дочерью из того места, где их хотел оставить фон Хольц, чтобы украсть тайну профессора. Томми хотел объяснить все это, но тут пол ударил ему в лицо, и внутренний голос сказал: «Но ведь это те, кто стрелял в тебя».

Но это уже не имело никакого значения, и Томми лежал, пока не понял, что задыхается. Он сделал глубокий вдох и почувствовал сильный запах аммиака, от которого глаза вылезли из орбит, а его самого одолел кашель.

В глазах слегка прояснилось, и Томми увидел

огонь и услышал, как на улице взревел двигатель легковой машины.

«Они украли катапульту и подожгли лабораторию, — сообразил он, борясь с головокружением, — а теперь убегают…»

Но даже это, казалось, не имело значения. Зато он услышал, как звенит натянутая цепь. Белый туман! На Денхэма и Эвелин надвигается ядовитый белый туман, и профессор отчаянно дергает цепь, чтобы сигнализировать о готовности.

Огонь превратил металлические кольца, сделанные фон Хольцем, в газ, и аммиак привел Томми в сознание, но не придал ему сил. Невозможно сказать, откуда у него появились силы, но, так или иначе, а Томми дополз до рычага сцепления, расположенного под работающим двигателем, схватился за него и повис всем телом. И прежде чем его рука разжалась, Томми увидел, как барабан завертелся в другую сторону, наматывая на себя цепь.

Цепь наматывалась на барабан, появляясь из пустоты, а лаборатория все сильнее наполнялась дымом, и где-то ревел огонь, устремляясь к крыше, и оглушительно стучал двигатель…

Затем посреди лаборатории внезапно появилось что-то громоздкое. Это оказался огромный

шар, на который сперва было больно смотреть, но он почти сразу же стал вполне материальным и покатился по полу на маленьких колесиках, пока не ударился о барабан. Натянувшаяся цепь отчаянно зазвенела — и тут двигатель заглох и все смолкло.

В шаре открылась дверца, из нее вылезли две странные фигуры в изорванных одеждах, с каким-то странным оружием, которые что-то прокричали друг другу и устремились к дверям. Но тут девушка споткнулась о Томми и, задыхаясь от дыма, позвала отца. Тот пробрался к ней на ощупь и наткнулся на лежащего Смизерса. Томми слабо улыбнулся, когда мягкие ручки ухватились за него, а стройное, нежное тело напряглось, волоча его по полу лаборатории.

— Это все фон Хольц, — задыхаясь и кашляя, просипел Денхэм, с трудом вытаскивая Смизерса на воздух. — Я взорву ко всем чертям лабораторию вместе со всем, что мы с собой принесли…

Это было последним, что услышал Томми. А потом он очнулся в постели, весь в бинтах и повязках, чувствуя, боль в легких.

Денхэм словно услышал его легкое движение и моментально появился в дверях.

— Привет, Римес. Теперь все в порядке.

Томми смотрел на него и не мог понять, что в нем необычного, а потом сообразил. Денхэм был гладко выбрит и прилично одет. В течение многих дней Томми наблюдал, как у Денхэма отрастает борода, а одежда стремительно рвется.

— Я вижу, вы тоже в порядке, — слабым голосом сказал Томми.

— Черт побери, я доволен. — Он вдруг почувствовал себя ворчливым стариком и хотел принести извинения, но вместо этого вдруг объявил: — Пять измерений — это, мне кажется, чересчур. Для обычного использования достаточно трех, а для роскошного — четырех. А пять — это уж слишком.

Денхэм озадаченно поморгал, а затем усмехнулся. Томми восхитился этим человеком, который так храбро вел себя в экстраординарной ситуации, и внезапно подумал, что Денхэм ему нравится.

— Не так уж и чересчур, — проворчал Денхэм. — Смотрите! — Он держал в руке оружие, которое Томми видел в потустороннем мире — жезл из золотистого металла. — Я прихватил его с собой. Тот же металл, из которого их фургон и все оружие. И все инструменты, насколько я знаю. Все это из чистого золота! Они используют

в своем мире золото так, как мы в своем используем сталь. Поэтому Джекаро готов был пойти на убийство, чтобы овладеть тайной катапульты. Для этого он и завербовал фон Хольца.

— Откуда вы знаете… — начал было Томми слабым голосом.

— От Смизерса, — ответил Денхэм. — Мы успели вытащить вас обоих, прежде чем лаборатория запылала по-настоящему. С ним тоже все будет в порядке. Эвелин выхаживала вас обоих. Она хотела поговорить с вами, но я настоял, что первым буду я… Вы проделали прекрасную работу, Римес! Вы спасли нас и чуть сами не погибли при этом. Смизерс видел, что вы нажали на рычаг с тремя пулями в теле. И вы тоже ученый. И вы будете моим партнером, Римес, во всем, что касается пятого измерения.

Томми откашлялся.

— Но, как я уже сказал, пятое измерение…

— Мы — это Торговая Компания Между Измерениями, — улыбаясь, воскликнул Денхэм. — Так или иначе, мне кажется, что мы многое сможем найти в нашем мире. Что обменяем на золото в том. И мы должны торопиться, Римес, потому что Джекаро, конечно же, попытается использовать катапульту вашего типа. С ним еще будут пробле-

мы, но я думаю, что мы сумеем сообщить людям из Золотого Города, кто он такой. Да, теперь мы партнеры. И я уверен, что вы все обдумаете и согласитесь. Ну, а теперь я пущу к вам Эвелин…

Он исчез. А через мгновение Томми услышал голос — приятный женский голос. Его сердце заколотилось. Денхэм вернулся в комнату, и вместе с ним вошла Эвелин. Она тепло улыбнулась Томми и неожиданно вспыхнула, когда взгляд Томми остановился на элегантном спортивном костюме, который был на ней.

— Моя дочь Эвелин, — представил Денхэм, — хочет поблагодарить вас…

Томми почувствовал, как мягкая теплая рука легонько сжала его ладонь, и заглянул в глаза девушки, с которой никогда прежде не разговаривал, но ради спасения которой рискнул жизнью, и вдруг понял, что полюбил ее навсегда. Была тысяча вещей, которые он должен сказать ей. Он любовался Эвелин, он любил ее.

— К-как поживаете? — запинаясь, спросил Томми. — Я уж-жасно рад увидеть вас…

Но ему еще предстояло научиться говорить более разборчиво.

Astounding Stories of Super-Science, 1931 № 1

The MACHINE MAN of ARDATHIA

by Francis Flagg

ФРЭНСИС ФЛЭГГ
Машинный человек из ардатии

Это поразительная история о четвертом измерении — не хуже тех, что мы читали в юности. Чем станет Человечество через 30 000 лет? Если между нами и древними египтянами, жившими всего лишь 2 000 лет назад, такая громадная разница, то каких высот достигнет человек через 30 000 лет? Наш автор написал об этом необычайно интересную историю, которая не может не захватить вас.

Не знаю, во что и верить. Иногда я уверен, что мне это все привиделось. Но тогда остается вопрос тяжелого кресла-качалки. Оно бесспорно исчезло. Может быть, кто-то сыграл со мной шутку? Но зачем кому бы то ни было прибегать к столь причудливому обману, чтобы одурачить старика? Чтобы украсть кресло-качалку? Конечно, оно еще прочное, но вряд ли представляет для кого-нибудь хоть малейшую ценность. Кроме того, качалка была на месте, когда я сидел в мягком кресле. Разумеется, я могу лгать.

Петерс, которому я достаточно доверял, чтобы

рассказать эту историю, описал ее в передовице своей газеты «Ведущий», и его редактор выразился так: «Кажется, у господина Мэттьюса воображение, достойное Г. Дж. Уэллса». И, считаясь с характером моей истории, я готов простить ему сомнения относительно моей честности.

Немногочисленные приятели, которые хорошо знают меня, считают, что я слишком плотно поужинал, и меня посетили кошмары.

Ходж предположил, что качалку по каким-то причинам унес Джэп, убирающийся у меня в комнатах, а я не обратил на это внимание и считал ее присутствие само собой разумеющимся. Джэп категорически отрицает это.

Здесь я должен на минуту прервать свой рассказ и объяснить, что живу я в двухкомнатной квартире с ванной, на третьем этаже современного жилого дома с видом на озеро. После смерти жены три года назад, завтракаю я в ресторане, а обедаю в клубе. Должен также упомянуть, что мне арендовали помещение в центре для офиса, где я провожу ежедневно по нескольку часов, работая над книгой, в которой анализирую ошибки марксистской теории экономики и в то же время совершенно опровергаю выводы Льюиса Моргана в его книге «Древнее общество». Я допускаю, что

это довольно честолюбивое занятие, но это еще не значит, что я способен выдумывать дикие истории, чтобы удивить друзей. Нет, я решительно отрицаю, что выдумал все это. Однако будущее покажет. Я просто изложу все произошедшее на бумаге (справедливости ради, так как эта история в совершенно искаженном виде уже появилась в прессе) и предоставлю читателю возможность сделать собственные выводы.

Вопреки обычаю, тем вечером я обедал с Ходжем в отеле «Дубы». Позвольте мне решительно заявить, что хотя у Ходжа и был обычай носить в заднем кармане флягу, я не пил никаких алкогольных напитков. Ходж подтвердит это. Примерно в восемь тридцать я отказался от предложения Ходжа пойти в театр и отправился домой. Там я сменил смокинг на халат и раскурил «гавану». Кресло-качалка занимало положенное место в центре гостиной. Я прекрасно помню это, поскольку, как обычно, пришлось или отодвигать его, или обходить кругом, и я опять подумал о том, зачем идиот Джэп упорно ставит его в таком неудобном месте, и решил в тысячный раз поговорить с ним об этом. Со вздохом облегчения я опустился в мягкое кресло, включил лампу под зеленым абажуром, положил рядом

блокнот и карандаш, а также томик Фридриха Энгельса «Основы семьи, частной собственности и государства». Я намеревался сделать несколько примечаний из работы Энгельса относительно множественных браков, показывая, что в этом он противоречил заключениям Моргана… Честно говоря, через несколько минут я откинулся в кресле и закрыл глаза. Нет, я не дремал, я абсолютно уверен в этом. Мои мысли были активно заняты попытками сформулировать предложение так, чтобы была ясна моя мысль.

Лучший способ описать случившееся — это сказать, что произошел взрыв. Это не совсем точно, но сначала мне показалось, что был взрыв. Яркая вспышка света проникла в мои глаза сквозь закрытые веки и ослепила меня. Первой моей мыслью было, что кто-то взорвал динамит, а второй — что произошло короткое замыкание. Прошло какое-то время, прежде чем я смог видеть. А когда увидел…

— О, господи! — прошептал я. — Что это?

На том самом месте, где совсем недавно стояло кресло-качалка, возвышался цилиндр высотой футов в пять. Казалось, он был из стекла, а внутри него ясно виделось существо, напомнившее мне карикатурного ребенка. Я говорю карикатурного,

потому что цилиндр был высотой пять футов, а существо — едва ли три. Можете вообразить мое изумление, когда я пялился на этот цилиндр. Я даже встал и включил верхний свет, чтобы лучше рассмотреть его.

Вы можете задаться вопросом, почему я не попробовал позвать кого-нибудь на помощь. Могу лишь сказать, что не видел в этом необходимости. Несмотря на возраст (мне шестьдесят лет), нервы у меня крепкие, и меня не так-то легко напугать. Я обошел цилиндр и рассмотрел находившееся в нем создание с разных сторон. Оно находилось в центре цилиндра, на полпути между верхней и нижней гранями, и поддерживалось путаницей стеклянных и металлических трубок. Мне показалось, что местами эти трубки уходят в тело, и еще я заметил, что в стеклянных трубках циркулирует какая-то темная жидкость. Голова существа была очень большая и лысая, в глаза бросались выдающиеся надбровные души и полное отсутствие ушей. Огромные немигающие глаза, явно обозначенный нос дополняли картину. Нижняя часть лица и рот переходили в маленькое круглое тельце безо всяких признаков подбородка и шеи. Ноги безвольно висели, как у тряпичного клоуна, а руки, более похожие на

короткие щупальца, росли прямо из места, где голова соединялась с туловищем. Существо было совершенно нагим.

Я пододвинул кресло поближе к цилиндру и сел, неотрывно глядя на него. Несколько раз я протягивал руку, чтобы коснуться его поверхности, но какая-то невидимая сила останавливала ее. И все это время я не увидел ни малейшего движения сверхъестественного существа в цилиндре.

— Хотел бы я знать, — бормотал я, — кто вы и откуда пришли, живы ли вы? Сон это или реальность?

И тут создание пришло в себя. Одна из его похожих на щупальца рук потянулась ко рту и отбросила металлическую трубку. Из трубки вылетела белая полоска и прикрепилась к стенке цилиндра.

— А, — раздался четкий металлический голос, — английский язык. Очень примитивный, вероятно, из двадцатого столетия.

Это было произнесено с неописуемой интонацией, словно иностранец говорил на нашем языке… Нет, кто-то явно говорил на давно мертвом языке. Не знаю, почему мне пришла в голову эта мысль. Возможно…

— Так вы можете говорить! — воскликнул я.

Существо хихикнуло металлическим голосом.

— Как ты сказал, я могу говорить.

— Тогда скажите мне, кто вы?

— Я — ардатианин. Машинный человек из Ардатии. А ты… Послушай, на твоей голове это действительно волосы?

— Да, — сказал я.

— А эти покрытия, в которых спрятано твое тело, являются ли они одеждой?

Я ответил утвердительно.

— Как странно… Тогда ты действительно примитивный доисторический человек.

Его глаза пристально смотрели на меня из стеклянного цилиндра.

— Доисторический человек! — воскликнул я. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что ты относишься к расе ранних людей, чьи скелеты мы раскопали и реконструировали для наших биологических школ. Поразительно, как точно наши ученые воссоздали вас по нескольким обломкам костей. Маленькая голова. Покрытая волосами, развития звериная челюсть, непропорционально большое туловище, частично закрытое искусственными покрытиями из ткани… Даже ваш язык!

Впервые я начал подозревать, что стал жертвой

обмана. Я встал и обошел цилиндр, но не смог обнаружить никаких внешних устройств, управляющих этим хитрым изобретением. Кроме того, абсурдно было думать, что кто-то пойдет на такие неимоверные ухищрения ради примитивного розыгрыша. Тем не менее, я выглянул из окна. Потом вернулся и сел на прежнее место перед цилиндром.

— Простите, — сказал я, — но вы говорили так, словно я отношусь к периоду, находящемуся в вашем глубоком прошлом.

— Верно. Если я не ошибаюсь в вычислениях, ты находишься на тридцать тысяч лет в прошлом по отношению к нам. Какое сегодня число?

— 5-е июня 1926 года, — слабо ответил я.

Существо проделало странные жесты, шевельнув металлическими трубками, прикрепленными к его рукам, затем объявило металлическим голосом:

— Говоря вашими терминами, я путешествовал в прошлое на двадцать восемь тысяч лет, девять месяцев, три недели, два дня, семь часов и несколько минут и секунд, которые не стоит так уж точно перечислять.

Именно в этот момент я решил удостовериться, что не сплю и полностью владею собой. Я встал,

отошел к столу, выбрал из коробки сигару и стал ее раскуривать. После нескольких затяжек и положил сигару рядом с той, которую курил немногим ранее. Позже я нашел ее там. И это служит бесспорным доказательством…

Я уже упоминал, что у меня крепкие нервы. Так оно и есть. Я вернулся к цилиндру с твердым намерением узнать, что возможно, об этом невероятном существе.

— Так вы говорите, что пропутешествовали в прошлое на тысячи лет. Как это возможно?

— Открыв, что время является четвертым измерением, и создав устройства для передвижения по нему.

— Каким образом?

— Не знаю, смогу ли я объяснить это на твоем языке, слишком уж ты примитивен и неразвит, чтобы понять суть. Но попробую. Знай, что пространство — такая же относительная штука, как и время. Само по себе, кроме как по отношению к чему-то, оно не существует. Его нельзя ни увидеть, ни потрогать. Однако же мы свободно передвигаемся в пространстве. Это понятно?

— Это звучит, как теория Эйнштейна.

— Эйнштейна?

— Один из наших величайших ученых и мате-

матиков, — пояснил я.

— Так у вас есть ученые и математики? Замечательно! Это подтверждает то, что говорит Хуми. Надо не забыть рассказать ему… Однако продолжим мои объяснения. Точно так же, как

и пространство, время должно быть по отношению к чему-то, чтобы иметь значение. Когда мы измеряем пространство, то измеряем его от исходной точки до конечной. Но понятно, что никакого пространства мы не видим вообще, а лишь прокладываем мысленную линию между нужными точками. То же самое мы делаем, когда измеряем время по солнцу или по часам, которые я висят вон там на стене у меня перед глазами. Значит, время — не большая абстракция, чем пространство. И если возможно свободно двигаться в пространстве, значит, можно свободно двигаться и во времени. И мы, ардатиане, так и начинаем делать…

— Но как?

— Боюсь, твой ограниченный разум не можем понять того, что я мог бы сказать. Ты должен понять, что по сравнению с нами, ты едва ли человек. Когда я гляжу на тебя, то вижу, что твое тело гораздо больше, чем голова. Это означает, что ты весь во власти животных страстей, и умственная способность твоя не слишком высока.

Выводы, которые сделало обо мне существо в цилиндре, заставили меня улыбнуться.

— Если бы любой из моих сограждан увидел вас, — ответствовал я, — то счел бы вас вообще

абсурдным.

— Это потому, что они судили бы по единственному стандарту, который знают, — по самим себе. Скажи мне, это правда, что вы кормите ваши тела, доставляя продовольствие через рот в живот?

— Да.

— А на определенной стадии эволюционного развития вы устраните ненужных посредников и станете доставлять пищу прямо в пищеварительный тракт.

Я покачал головой.

— Это отвратительно!

Немигающие глаза пристально глядели на меня. А затем случилось нечто, весьма меня поразившее. Существо подняло к лицу стеклянную трубку. С ее конца ударил фиолетовый луч, прошедший через стеклянный цилиндр и забегавший по комнате.

— Не надо тревожиться, — услышал я металлический голос. — Я просто рассмотрел твою среду обитания и сделал некоторые выводы. Пожалуйста, поправь меня, если я ошибусь. Ты — англоговорящий мужчина двадцатого столетия. Ты и весь твой вид живете в зданиях и городах. Вы едите, испражняетесь и производите свой молодняк так же, как и животные, которых вы

убиваете и едите. Вы пользуетесь грубыми машинами и имеете элементарные представления о физике и химии. Пожалуйста, исправь меня, если я не прав…

— До некоторой степени вы правы, — ответил я. — Но мне не интересно услышать ваше мнение обо мне. Я знаю, кто я. Я хочу знать, кто вы. Вы утверждаете, что пришли из тридцатитысячелетнего будущего, но не предоставляете никаких доказательств, подтверждающих это заявление. Откуда я знаю, что вы не трюк, не фальшивка и не галлюцинация? Вы говорите, что можете свободно двигаться во времени. Почему же тогда никто из вас не появлялся у нас прежде? Расскажите мне что-нибудь о вас, я любопытен.

— Хорошие вопросы, — ответил голос, — и я попробую ответить на них. Знай, что я — машинный человек Ардатии. Истинно, что мы начинаем передвигаться во времени так же, как и в пространстве, но заметь, я говорю — начинаем.

Наши Машины Времени еще очень сыры, и я — первый ардатианин, проникший в прошлое дальше шести тысяч лет. Ты должен понять, что путешественника во времени подстерегают опасности. В любом месте, где он захочет остановиться, он может возникнуть в материальном

теле, и тогда он должен немедленно стартовать, а если не успеет, то погибнет. Это было постоянной опасностью, пока я не усовершенствовал окутывающий луч… я не могу рассказать о нем на твоем языке, но если ты приблизишься ко мне, то почувствуешь его сопротивление. Этот луч может развеять любое тело на том месте, где приземляется путешественник во времени.

Ты помнишь вспышку в тот момент, когда я появился? Вероятно, здесь стоял какой-то предмет, и луч разрушил его.

— Кресло-качалка! — воскликнул я. — Оно стояло как раз на том месте, которое занимаете вы.

— Оно было уменьшено до размеров атома. Это замечательно! Мой луч уже второй раз доказал свою надежность. Он не только удаляет материальные предметы с места, где появляется путешественник, но и создает там пустоту для полной безопасности… Но я продолжаю.

Трудно поверить, что мы, ардатиане, развились из таких созданий, как вы. Наша письменная история не сохранилась с тех времен, когда люди кормили себя, пропуская продукты в желудки через рты, или воспроизводили молодняк животным способом, как это делаете вы. Самыми ранними людьми, от которых сохранились пись-

менные источники, были Би-Чейнисы. Они жили приблизительно за пятнадцать тысяч лет до нас и уже хорошо развили технику, когда их цивилизация рухнула. Би-Чейнисы выделяли из продуктов экстракты и вдыхали их через ноздри, а отходы тела выделяли через кожу. А их дети рождались в эктогенетических инкубаторах. Существуют достаточные доказательства, что Би-Чейнисы прекрасно использовали механические сердца и даже производили примитивные… На вашем языке нет слов объяснить, что именно, но это не важно. Главное, что хотя они использовали машины лишь частично, они — самая ранняя раса людей, кому мы можем передать свои знания. Их период времени я и искал, когда по неосторожности забрался слишком далеко и приземлился в вашем времени.

Металлический голос на мгновение замолчал, и я использовал паузу в своих интересах.

— Я ничего не знаю о Би-Чейнисах, или как вы их называете, — заметил я, — но, конечно, они не первые, кто создал искусственные сердца. Несколько месяцев назад я читал статью в газете о русском ученом, который сумел на четыре часа сохранить жизнь собаке без сердца, заменив его бензиновым моторчиком, который прокачивал

кровь через ее тело.

— Ты хочешь сказать, что двигатель использовался как сердце?

— Точно.

Ардатианин (как я буду впредь называть существо в цилиндре) сделал быстрое движение рукой.

— Я записал твою информацию, это очень интересно…

— Кроме того, — продолжал я, — пару лет назад я читал в одном из научных журналов, как венский хирург выращивал кроликов и гвинейских свинок в эктогенетических инкубаторах.

Ардатианин сделал еще одно быстрое движение рукой. Я понял, что моя информация заинтересовала его.

— Возможно, — сказал я не без чувства удовлетворения (поскольку мое самолюбие весьма задевали его предыдущие речи), — возможно, вам захочется посещать нас так же, как и Би-Чейнисов.

— Могу тебя заверить, — ответствовал металлический голос ардатианина, — что, если я благополучно вернусь в Ардатию, мы тщательно исследуем ваше время. Могу только выразить удивление, почему вы, так далеко

продвинувшись в развитии, не делаете никаких практических использований ваших знаний.

— Я сам иногда удивляюсь, — сказал я. — Но меня очень интересуют сведения о вас и вашей эпохе. Если бы вы продолжили вашу историю…

— С удовольствием, — согласился ардатианин. — В Ардатии мы не живем в зданиях или городах. И не кормимся так же, как вы или Би-Чейнисы. Химическая жидкость, которую ты видишь в этих трубках, протекает через мое тело, заменяя кровь. Под действием лучей света в жидкости производятся жизненно необходимые вещества. Все это управляется механизмами, слишком сложными для описания. Та же жидкость, протекая через тело, собирает все его отходы, которые под действием других лучей рассеиваются в окружающий воздух. Ты видишь прозрачное вещество, в которое я заключен?

— Вы имеете в виду стеклянный цилиндр?

— Стеклянный? Что такое стекло?

— Вон там стекло, — показал я на окно.

— Ха! — сказал металлический голос. — У меня не стекло. Цилиндр, как ты его называешь, сделан из особого вещества, очень твердого и небьющегося. Ничто не может проникнуть в него, кроме луча, который ты уже видел, и тех, что я

описал. Знай, что ардатиане не зачинаются, как животные. И не развиваются в инкубаторах из оплодотворенных яйцеклеток, как Би-Чейнисы. Среди ардатиан нет ни мужчин, ни женщин. Клетка, из которой мы развиваемся, создается искусственно. Она оплодотворяется особым лучом и помещается в такой же цилиндр, как ты видишь. Пока развивается эмбрион, в его тело вводятся различные трубки и механические приспособления, которые становятся нашей неотъемлемой частью. С самого рождения ардатианин не оставляет сосуд. Этот сосуд — или цилиндр, как ты его называешь, — защищает ардатианина от действия враждебной среды. Если бы сосуд разрушился, ардатианин бы сразу же погиб. Тебе это понятно?

— Понятно, — сказал я. — Но вы говорили, что являетесь людьми, как и мы, а теперь утверждаете, что искусственно создаетесь машинами. Я не понимаю, при чем тут эволюция…

— Ты никогда и не поймешь! Однако я попробую объяснить. Разве ты не говорил мне, что у вас есть мудрые, экспериментирующие с механическими сердцами и эктогенетическими инкубаторами. А теперь скажи, не проводил ли кто-нибудь опыты, показывающие, что старение

организма обуславливает не время, а действие окружающей среды?

— Ну, — нерешительно сказал я, — я читал о цыплячьих сердцах, которых держат в специальных контейнерах, защищающих их от окружающей среды…

— Ах! — воскликнул металлический голос. — Вот Хуми будет изумлен, когда узнает, что такие эксперименты проводились доисторическими людьми за пятнадцать тысяч лет до Би-Чейнисов! Теперь слушай внимательно. Твое заявление о цыплячьих сердцах является отправной точкой, от которой ты, может быть, способен проследовать за моими объяснениями эволюции человека. Об этих тысячах лет, отделяющих твое время от времени Би-Чейнисов, я не знаю совсем ничего. Мои знания начинаются с Би-Чейнисов. Они были первыми людьми, которые поняли, что эволюция человека лежит через машину. Они поняли, что человек только тогда стал человеком, когда стал создавать инструменты, что инструменты увеличили длину его рук, силу его мускулов. Они поняли, что при помощи машин человек смог облететь землю, говорить с другими планетами, устремиться к звездам. Мы увеличим наш срок жизни на Земле, сказали

Би-Чейнисы, отдавшись защите машины, окружив себя вещами, которые производит машина, и влив их в наши тела. Они это сделали, улучшили свои способности и продлили среднюю продолжительность жизни до двухсот лет. Потом появились Тримаран-Намиксы. Более развитые, чем Би-Чейнисы, они рассудили, что старость вызывается действием среды, которая окружает человека. Именно это рассуждение заставляет мудрых вашего времени экспериментировать с цыплячьими сердцами. Тримаран-Намиксы стремились создать устройства, защищающие плоть от вредоносного воздействия окружающей среды. Они создали цилиндры, в которых выращивались эмбрионы и росли дети, но достигли лишь частичного успеха.

— Вы говорите о Би-Чейнисах и Тримаран-Намиксах, — прервал его я, — как будто это две разные человеческие расы. И одновременно говорите, что вторые развились от первых. Если цивилизация Би-Чейнисов пала, то сколько времени прошло между ними и Тримаран-Нам иксами? И как последние получили наследие от предшественников?

— Ты плохо меня понял именно из-за твоего языка, который я нахожу грубым и неадекват-

ным, — ответил ардатианин. — Тримаран-Намиксы являлись более прогрессивной частью Би-Чейнисов. Когда я сказал, что цивилизация последних погибла, я имел в виду совсем не то, что подразумевается на твоем языке. Ты должен понять, что через пятнадцать тысяч лет с твоим будущим человеческая раса должна была быстрее приспосабливаться к изменениям, приносимым наукой и техникой. Отсталые, консервативные умы не всегда могли приспособиться к новым открытиям. Группки меньшинства, состоящие большей частью из молодежи, вырвались вперед, сделали новые выводы из старых фактов, предложили радикальные перемены, развили новые идеи и в итоге стали теми, кого я назвал Тримаран-Намиксами. Со временем Би-Чейнисы неизбежно вымерли, а вместе с ними — и консервативные методы. В свое время их судьба постигла самих Тримаран-Намиксов, которых сменили мы, машинные люди Ардатии, радикально отличавшиеся от них как в физическом плане, так и в генетическом, но все же являвшиеся их прямыми потомками.

Впервые я начал подозревать, что имеет в виду ардатианин, называя себя машинным человеком. История окончательного развития человека

в некий центр управления окружающей машинерией пробудила в моем сердце страх. Если это так, то что же станет с душой, духом, Богом…

Металлический голос продолжал:

— Не надо воображать, что у первых ардатиан были такие же неуязвимые цилиндры, какой окружает меня. Первые цилиндры делались из гибкого вещества и изнашивались за триста лет. Постепенно вещество цилиндров усовершенствовалось, пока срок его существования не дошел до тысячи пятисот лет, если не случится какой-либо глобальной катастрофы.

— Полторы тысячи лет! — воскликнул я.

— Да, не считая несчастных случаев, столько живут ардатиане. Но полторы тысячи лет для нас не больше, чем сотня для тебя. Помни, что время относительно. Двенадцать часов твоего времени — секунда для нас. Но, к сожалению, немногие ардатиане доживают до конца срока. Мы занимаемся многочисленными опасными экспериментами и экспедициями, происходит множество несчастных случаев. Тысячи храбрых путешественников погрузились в пучины прошлого и не вернулись. Скорее всего, они приземлились внутри твердых тел и были уничтожены. Но думаю, я справился с этой опас-

ностью с моим усовершенствованным лучом.

— А какого возраста вы?

— По вашему счету времени, мне пятьсот семьдесят лет. И никаких изменений в моем теле не происходит с рождения. Если бы не износ цилиндра или какое-нибудь несчастье, я жил бы вечно. К сожалению, все попытки наших ученых справиться с этой проблемой пока неудачны. Но я верю в их окончательный успех. И тогда мы станем столь же бессмертны, как и планета, на которой живем.

Я уставился на цилиндр, на создание в цилиндре, на потолок, на стены комнаты и снова на цилиндр. Украдкой я ущипнул себя за бедро. Я не спал, в этом не могло быть сомнений.

— Есть ли у тебя еще какие вопросы? — раздался металлический голос.

— Да, — сказал, наконец, я, охваченный жутью. — Какие же радости остались у вас в жизни? У вас нет полов и вы не женитесь. Мне кажется, — я немного поколебался, — мне кажется, перспектива провести столетия в такой клетке хуже любого ада. Вот у меня, например, уже выросли дети, и я могу ходить, где пожелаю. Я могу любить…

Я замолк с остановившимся дыханием, испуган-

ный призрачным светом, внезапно запылавшем в немигающих глазах существа.

— Бедное доисторическое млекопитающее, — раздалось в ответ.

— Как же можешь ты, на рассвете своего человеческого существования, постигнуть то, что лежит вне твоей непритязательной среды? По сравнению с вами мы — боги! У нас больше нет любви и ненависти как простейшей химической реакции. Все наши мысли, взгляды и эмоции находятся под нашим полным контролем. Не существует такой штуки, как мнение… Но я не могу продолжать. Ваш словарь слишком ограничен. Мнение — не то слово, что я хотел использовать, но я уже неоднократно говорил, что ваш язык слишком ограничен — всего лишь несколько тысяч слов. Поэтому я не могу объяснить. Ты сказал, что имеешь свободу передвижения. Бедный примитив! Ты даже не понимаешь, насколько скован, имея в своем распоряжении лишь руки и ноги. Конечно, ты увеличиваешь их возможности некоторыми машинами, но слишком уж они грубы и громоздки. Это ты живешь в клетке, а не я! Я же вырвался из стен твоей клетки, избавился от ее кандалов и стал свободным! Посмотри же, что могу я!

Он схватил расширявшуюся на конце трубку, из которой брызнул веер белых лучей, окутавших мое тело. И тут же я ощутил, что меня поднимают и тянут вперед с неимоверной скоростью. На одно мгновение я повис в воздухе возле цилиндра, в нескольких дюймах от немигающих глаз собеседника. В этот момент у меня возникло чувство, что меня изучают. Потом меня несколько раз повернули в воздухе и вернули обратно в кресло.

— Верно, что я никогда не покидаю сосуд, в который заключен, — продолжал металлический голос. — Но в моем распоряжении всегда есть лучи, которые выполнят все, что я пожелаю. В Ардатии же машины — машины, которые бесполезно и пытаться описать тебе, — дают мне возможность летать, передвигать горы, копать землю, изучать звезды, и еще много чего, о чем ты и представления не имеешь. Эти машины — механические части моего тела, продолжения моих рук и ног. Я снимаю и надеваю их, когда потребуется. С их помощью я могу изучать один континент, пока развлекаюсь на другом. С их помощью я сделал машину времени, окутывающий луч и погрузился на тридцать тысяч лет в прошлое. Позволь-ка мне проиллюстрировать…

Похожая на щупальце рука взмахнула трубкой.

Пятифутовый цилиндр запылал ярким светом, завертелся и, вращаясь, растворился в пространстве. Пока я сидел, застывший, как камень, прошло секунд двадцать, — и цилиндр вновь появился с той же быстротой.

— Я только что пролетел на пять лет в твое будущее, — объявил металлический голос.

— В мое будущее! — воскликнул я. — Как это может быть, если я не дожил до него?

— Конечно, дожил.

Я в изумлении смотрел на него.

— А как бы я смог посетить прошлое, если бы ты не жил в будущем?

— Не понимаю, — слабым голосом сказал я. — Мне не кажется возможным, чтобы в то время, пока я сижу здесь, вы слетали в будущее и посмотрели, что я делаю через пять лет, в будущее, которого я еще не достиг.

— Это потому, что ты не способен осмыслить, что такое время. Думай о времени, как об измерении — четвертом измерении, — которое, подобно дороге, простирается вперед и назад от тебя.

— Но даже тогда, — возразил я, — я могу быть только в одном месте на этой дороге, и не могу находиться одновременно в другом ее пункте.

— Вы никогда не находитесь в одной точ-

ке, — ответил металлический голос, — а во всем прошлом и будущем. Но я вижу, бесполезно пытаться объяснить тебе истину, до которой предстоит развиваться еще тридцать тысяч лет. Я уже сказал, что пролетел на пять лет в твое будущее. Люди разрушили этот дом…

— Разрушили дом? Ерунда, его построили всего лишь два года назад…

— Однако его снесли. Я послал поисковый луч, чтобы определить твое местонахождение. Ты находился…

— Да, да? — нетерпеливо спросил я.

— В каком-то большом помещении, где было еще много людей. Они вели себя странно и делали непонятные вещи. Было еще…

В этот момент в дверь моей квартиры раздался стук.

— Что происходит, Мэттьюз? — послышались громкие голоса.

— С кем вы все время говорите? Вы что, больны?

Я издал раздраженное восклицание, потому что узнал голос Джона Петерса, газетчика, жившего в соседней квартире. Сперва я хотел крикнуть ему, что занят, но тут же у меня появилась другая мысль. Он был человеком, которому я мог

показать цилиндр и существо в нем, он мог засвидетельствовать, что видел это помимо меня. Я бросился к двери и открыл ее.

— Быстрее, — сказал я, хватая его за руку и волоча в комнату.

— Что вы думаете об этом?

— О чем? — спросил он.

— Вот об этом… — начал было я, указывая пальцем, и замолчал с открытым ртом. На том месте, где несколько секунд назад стоял цилиндр, не было ничего. И цилиндр, и ардатианин исчезли.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА: материалы этой рукописи попали ко мне странным образом. Год спустя после того, как газеты перестали печатать искаженные версии рассказа Мэттьюза, я познакомился с Ходжем. Я спросил его о Мэттьюзе. Он ответил:

— Вы знаете, его заперли в сумасшедший дом? Не знаете? Так оно и есть. Он совершенно сошел с ума, бедный старик. На мой взгляд, он всегда был немного странным. На днях я ходил навестить его, это было настоящее потрясение, знаете ли, увидеть его в палате с кучей чужих людей, и все они ведут себя странным образом… Между прочим, Петерс на днях мне сказал, что дом собираются сносить. Город хочет убрать несколько зданий

на берегу озера, чтобы расширить бульвар. И Мэттьюз говорил, что его дом снесут в течение трех-четырех лет. Забавно, а? Он оказался прав. А вы не хотели бы посмотреть записи Мэттьюза?

Я хотел и получил эти записи. И, как и Мэттьюз, я предоставляю эту историю читателям и позволяю им делать собственные выводы.

AMAZING STORIES, 1927, № 11

РЭЙ КАММИНГС, УИЛЬЯМ ГАРМОНД
Заброшенный в пространство

Сперва я увидел корабль из переднего иллюминатора наблюдательной рубки. Потом зазвенел сигнал тревоги и раздался топот ног. Но я едва слышал их, завороженный зрелищем внезапного появления корабля в безмолвной бесконечности окружающего нас космоса.

Здесь, в этой вечной пустоте, где мы считали, что являемся первыми и единственными людьми, проникшими так далеко от Земли, появился Погибший Корабль. Он висел в космосе не дальше мили от нас и напомнил мне один из тех старомодных космических аппаратов, на которых люди совершали неудачные полеты к Луне.

По мере нашего приближения он перестал походить на сплюснутый шар и превратился скорее в диск. Сперва я не мог определить его размеры, но Рэнс осторожно подводил наш корабль к нему.

И, наконец, я увидел, что это медно-красный металлический диск ста футов в диаметре и футов тридцати в высоту. По периметру тянулась

блестящая полоса того, что могло быть окнами. А наверху виднелась башенка — возможно, центр управления.

Пока мы медленно приближались, я увидел, что башенка была затянута сетью проводов. Диск медленно вращался вокруг оси, и все иллюминаторы палубы проплывали перед нами. И между двумя иллюминаторами я увидел небольшой люк.

По системе внутренней связи позвонил Рэнс.

— Аллертон, ты видел люк? Он полураскрыт! Внутри нет воздуха. Это значит, что там нет никого живого.

Я ничего не ответил. Могли быть кто-то, живой или мертвый, в этом странном, заброшенном суденышке? Мне казалось, что нет. В иллюминаторах не было видно ничьих лиц. И что эта штука вообще делает здесь? Это ведь не межзвездный корабль. Тогда как он попал сюда? Кто сконструировал его и как сюда доставил?

Как бы в ответ на мои невысказанные вопросы, мне на плечо легла рука. Я обернулся. Это был старик Дорранс, отец нашего нынешнего командира. Несмотря на его семьдесят лет и седые волосы, это был человек, наиболее подготовленный к столкновению с Неизвестным.

— Я знаю, что это! Помню, лет за сорок до вашего рождения жил один парень. Вот этим он и закончил…

Остальное я пересказываю с его слов. Много лет назад ученый по имени Рональд Дилай объявил недоверчивому миру, что открыл тайну путешествий во времени. Он нашел финансы и построил Машину Времени — вот этот самый похожий на диск корабль, что лежит теперь перед нами, странно неподвижный.

Старик Дорранс продолжал рассказ. Сам Дилай, его жена Хильда и командир Джеральд Вэйн вместе с еще тремя членами экипажа должны были пролететь на этом диске на пятьдесят лет в будущее.

Десять тысяч человек — и среди них старик Доране, затаив дыхание, наблюдали за отправлением. Настал момент старта. Диск зажужжал. Его твердая, медно-красного цвета металлическая поверхность вдруг стала неясной и чуть расплывчатой. Затем диск замерцал — сделался призрачным…

И исчез — устремляясь вперед во времени.

Нет, этот аппарат не был оборудован для передвижения в пространстве. Платформа, на которой он только что покоился, казалась пустой лишь

наблюдателям. В это конкретное время она была пустая. Диск же ушел на пятьдесят лет вперед — и по-прежнему оставался на платформе — или в том месте, где находилась платформа.

Но почему же тогда он оказался здесь, в космосе, за миллиарды миль от Земли?

К этому времени вокруг нас собрался весь экипаж.

— В нем наверняка нет воздуха, — сказал младший Дорранс. — Нужно проникнуть в него.

— Так что же это — машина времени Дилая? — воскликнул кто-то. — Но почему она здесь, в космосе?..

— Кто хочет отправиться со мной, идем за скафандрами, — сказал молодой Дорранс. — Посмотрим, что там... — Он вышел из наблюдательной рубки.

— Постойте, — сказал старик Дорранс. — Я знаю, почему он оказался здесь.

К тому времени, как он рассказал мне свою гипотезу, Рэнс уже приготовил вакуумные скафандры.

Машина Времени Дилая ушла на пятьдесят лет в будущее. Но Рональд Дилай, перемещаясь во времени, не мог перемещаться и в пространстве. Его судно, выйдя из потока обычного времени,

оказалось оторванным от Земли. А Земля ведь не висит в космосе неподвижно, а стремительно летит. Она летает вокруг Солнца, которое, в свою очередь, летит вперед, а также перемещается вместе с Галактикой…

Дилай или ошибся, упустив это из виду, или не смог проделать необходимые корректировки. Его судно унеслось в бесконечность межзвездного пространства — туда, где через пятьдесят лет должна была оказаться Земля и Солнечная система, чтобы ждать прибытия нашей планеты и войти в нормальное время. А сейчас мы находимся на том месте, куда прилетит Земля примерно еще через десять лет.

Я с новым изумлением уставился на Погибший Корабль. Он медленно вращался вокруг вертикальной оси. Возможно, его вращение было обеспечено вращением всего небесного свода.

Он сам дрейфовал домой или Земля приближалась к предназначенному месту их встречи? И пока я пытался постичь это смешение пространства и времени, мне показалось, что именно в этом кроется секрет гравитации. Пока я смотрел на Погибший Корабль, я понял, что вижу абсолютно неподвижный предмет. Во всей громадной Вселенной лишь эта маленькая Машина Времени

была неподвижна — центр, вокруг которого тек непрерывно двигающийся Космос.

— Возможно, это и так, — сказал старик Дорранс. — О скольких уже явлениях мы думали, что знаем все, а потом оказывалось, что мы не знаем о них ничего. Где мой скафандр? Вы что, думаете, что старик останется и не будет ничего делать?

Мы вчетвером пошли на борт Погибшего Корабля. Тишина и неподвижность висели над ним. Нам казалось, что здесь была сама Смерть.

Молодой Дорранс первым перешагнул промежуток зияющей пустоты между двумя кораблями. Его рука в толстом скафандре схватилась за край полуоткрытого люка и потянула его в сторону. Мы столпились на небольшой палубе Погибшего Корабля.

Несколько металлических стульев аккуратно стояли в ряд. Изгибающаяся палуба опоясывала корабль по периметру. Ближайшая внутренняя дверь была заперта. И больше не было ничего.

Но, повернувшись в другую сторону, я увидел у самого поворота палубы человеческую фигуру — мужчину, сидевшего скорчившись, обхватив руками колени. Он был мертв.

— Мертвый, — сказал у самого уха старый Дорранс. — Конечно, они мертвы уже много лет, но

отлично сохранились. Я помню его. Это механик Браун. Я разговаривал с ним однажды.

Он сидел у открытой внешней двери, словно на страже, или, возможно, наблюдая, как уходит из корабля воздух. Его отношение к смерти казалось спокойным и даже философским.

В невесомости палубы поплыло еще одно тело, когда мои спутники подтолкнули его. Это был мужчина лет тридцати. Грубоватое, добродушное лицо с выпученными синими глазами.

Остальные тоже были на Погибшем Корабле. Центральная часть диска была разделена на два этажа с несколькими помещениями на каждом.

Помещения были по форме сегментами круга, разрезанного на четыре части. Четыре в нижнем этаже, винтовая лестница, ведущая на верхний к четырем другим, и еще одна лестница — в башенку. На нижнем этаже были механический отсек, диспетчерская, продовольственный склад и нечто вроде общего зала. Наверху были жилые каюты, а в башенке — приборы наблюдения.

И ко всему этому нужно добавить еще одну маленькую деталь — трупы.

Мы сначала случайно вошли на продовольственный склад. На полу лежало тело еще одного мужчины. В свете наших фонарей было отчетли-

во видно, что его голова и лицо разбиты тяжелым гаечным ключом, который валялся неподалеку.

На корабле были еще четыре трупа — в зале.

На стуле у столика сидел молодой человек, склонившийся над записной книжкой с карандашом, словно он усердно писал до самого конца. Красивый молодой человек. Его мечтательное, по-девичьи нежное лицо обрамляли длинные черные волосы.

Я взял его блокнот. На титульном листе было написано:

ХРОНИКИ ФИЛИПА ТОМАССОНА.

Старик Дорранс прикоснулся ко мне.

— У него было больше денег, чем нужно. Единственное, чем он занимался в жизни, — это финансами Дилая. А Хильда Дилай обезумела от любви — но не к мужу. Все это знали, кроме самого мужа. Вон она, Хильда Дилай, взгляни на нее!

Странные контрасты! Томассон сидел так спокойно. А поперек зала лежало тело мужчины, которому не хватило храбрости достойно умереть. Его руки схватились за горло. На лице был написан ужас. Толстый язык вывалился изо рта.

И было еще два человека — мужчина и женщина. Женщина была молодой, стройной и очень красивой, с губами, созданными для поцелуев, и

глазами, в которых и смерть не погасила пожара любви.

Это была Хильда Дилай. Она лежала на кушетке в объятиях мужчины, длинные локоны ее темных волос закрывали его лицо, его руки крепко сжимали ее в объятиях. Они были вместе, и смерть их не разлучила.

Но что произошло? Есть факты, то, что мы увидели на Корабле. Есть «Хроники Томассона», которые он писал до самой смерти. И есть мое собственное воображение. Если свести все воедино, то, может быть, я пойму, если не абсолютно точно, то хотя бы приблизительно, что случилось на Погибшем Корабле…

Наступило время старта. Механик Браун сидел за пультом управления в диспетчерской на нижнем этаже Машины Времени Дилая. В иллюминаторе он мог видеть испуганную и возбужденную толпу, которая собралась проводить их. Но Браун не интересовался толпой.

Толпа рукоплескала, глядя на башенку Машины Времени. Браун знал, что профессор Дилай со своей женой и Джеральдом Вэйном, командиром полета, находятся там. Вэйн иронично усмехался про себя. Профессор оказался настолько глуп, что допустил свою жену так близко к человеку по

имени Джеральд Вэйн.

В этот момент Хильда Дилай и ее муж помахали руками, отвечая на приветствия толпы.

Дилай обнял жену. Это был тощий, элегантный мужчина лет сорока. Но он казался старше из-за ранней седины. Он не был светским человеком. Дни за днями он проводил в лаборатории, постигая тайны Природы, а молодая жена и ее любовь были для него сами собой разумеющимися. Ее внутренняя жизнь, ее желания и стремления, из которых формируется любовь, были единственной тайной Природы, которой Дилай не оказывал никакого внимания.

— Разве это не замечательно, Хильда, — еще раз повторил он. — Послушай, как нас приветствуют. Это самый счастливый момент моей жизни!

Он не видел, как она тайком протянула руку назад. Сзади, совсем рядом, стоял Джеральд Вэйн — мрачно красивый, с широкими спортивными плечами, в мундире с золотой шнуровкой. Каким бы ни был его внутренний мир, Джеральд Вэйн был тем типом мужчин, в которых влюбляются женщины.

Дрожа от счастья, Рональд Дилай не замечал, как жена протянула руку назад, и Вэйн сжал ее в коротком пожатии, символизирующем невыска-

занное заверение в любви.

— Ну, ладно, — сказал Вэйн. — Мы получили хорошую рекламу. Все дикторы в мире сейчас треплются о нас. Давайте начинать. Самое подходящее время. Я закрываю люк.

— Да, начинаем. Будет толчок при старте, Хильда. Но не бойся, я поддержу тебя.

Вэйн закрыл все люки. Теперь Машина Времени уподобилась космическому кораблю, способному находиться в вакууме.

— Готовы?

— Да. — Дилай не заметил, как Вэйн обменялся с его женой быстрыми взглядами. Для них это тоже был момент триумфа. Они тоже бросались в будущее. В то будущее, где из Машины они с Джеральдом выйдут рука об руку.

Джеральд Вэйн нажал рычаг. Внизу, в диспетчерской, флегматичный Браун нажал несколько кнопок. Машина Времени зажужжала и устремилась в будущее.

В нижнем зале двое других мужчин схватились за подлокотники кресел, чтобы не вылететь из них от толчка.

— Вы в порядке, Томассон?

— Да, я все еще здесь?

— Боже мой? Где мы?

Фил Томассон приподнялся с кресла, но тут же рухнул обратно, почувствовав головокружение. В иллюминаторы зала было видно серое, слабо светящееся ничто. Дверь на круговую палубу была открыта, но там ничего не было видно, кроме света ламп.

— Где мы? — повторил Уильям Минк.

Томассон улыбнулся.

— Я полагаю, пролетаем через послезавтрашний день.

Молодому Филу Томассону все это казалось таким романтичным. Он совершенно не разбирался в науках, и это его не волновало. На деньги, доставшиеся ему в наследство, он финансировал все это предприятие как величайшее приключение в своей жизни.

Для потного, испуганного Уильяма Минка это тоже было приключением. Минк был пузатым пятидесятилетним мужчиной. В сорок лет он думал, что завоевал финансовый мир, в пятьдесят стал нищим. Его банки обанкротились, и он потерял все.

Минк был другом Джеральда Вэйна. Раньше он частенько давал Вэйну денег взаймы. Он бы финансировал и эту экспедицию, если бы не потерпел крах, так что вместо него деньги дал

Фил Томассон.

Этот полет был для Минка способом бегства от кредиторов. Но была у него и другая идея. В будущем он мог много узнать об акциях и ценных бумагах и по возвращении снова разбогатеть. Но сейчас он трусил. Томассон посмотрел на него с саркастической усмешкой.

— Плохой из вас авантюрист, не так ли? Взбодритесь, Минк! По крайней мере, мы все еще живы. И это уже удача!

Осознание цели полета могло вызвать у экипажа шок. Дилай думал об этом, но надеялся, что этого не произойдет. Осознание того, что они должны пролететь не только во времени, но и в пространстве, могло быть воспринято экипажем по-разному. Машина Времени действительно улетела с Земли.

Филу Томассону это не принесло разочарования. Он хотел увидеть безумные обычаи будущих поколений. И, в конце концов, забавно было наблюдать за сумасшедшими прыжками звезд.

В иллюминаторах они видели расплывчатую, безумную Вселенную, с видимым невооруженным глазом движением. Улетело прочь Солнце. Промчался мимо Сатурн с блестящими кольцами.

— Не делайте вид, будто понимаете, друзья мои, — с нажимом сказал Дилай. — Мы — исследователи неизвестного пространства и времени. Вы думаете, что мы летим? Нет. Наш корабль абсолютно неподвижен. Мы сейчас находимся в будущем. Мы достигнем того места, где будет Земля через пятьдесят лет. Мы пролетим на пятьдесят лет в будущее! Мы увидим такие области Космоса, какие не видел еще ни один человек.

— Космический полет, — пробормотал Томассон. — Мы собирались в путешествие во времени, а оказались в космическом полете!

— И каком полете! — воскликнул Дилай. — Подумайте об этом…

— Подумал, — иронично улыбнулся Томассон. — Мы не сможем увидеть будущее нашей Земли. Будущее всегда было скрыто от нас, будет скрыто и дальше…

— Но нам не грозит никакая опасность? — встревожился Минк.

— Разумеется, нет, — заверил его Дилай. — Моя Машина Времени работает превосходно. Я открыл тайну времени. Когда мы надумаем вернуться, какие новые сведения мы принесем науке!

— Ну, ладно, — сказал Браун. — Раз все в поряд-

ке, я вернусь к работе.

Он выбил трубку и пошел к себе.

— Шеф, — обернулся он на полдороге, — если миссис Дилай хочет поесть, я могу приготовить ленч в любое время.

— Поесть? — сказал Дилай. — Да, мы все хотим есть. Хильда, дорогая, пройди сначала в каюту и распакуй вещи. А мне нужно остаться здесь и сделать кое-какие примечания…

— Да, Рональд.

— Я помогу ей, — сказал Вэйн.

Они спустились по винтовой лестнице, и, оказавшись в пустом зале, Вэйн внезапно обнял ее.

— Хильда!

— Не так громко, Джеральд!

Их охватило безумие. Или экстаз? Или любовь? Хильде было все равно.

Так продолжался их странный полет. Они пролетели на пятьдесят лет в будущее. И этот полет занял всего лишь несколько дней. Затем Дилай запустил механизмы в обратном направлении, чтобы вернуться, и Вселенная подчинилась ему.

Машина Времени Дилая работала безупречно. Для него это был триумф. Весь полет в абсолютном времени записывался на диски. Пятьдесят лет в будущее и обратно. Теперь стало ясно, что

более мощная машина могла бы лететь гораздо быстрее.

Дилай с точностью истинного ученого повернул назад в рассчитанный срок. Все путешествие должно занять около двух недель. Дилай знал, что законы Природы, постоянные и неизменные, позволят ему успешно появиться в назначенной точке времени на Земле спустя две недели после отлета.

Дилай был осторожным человеком. Никакой энтузиазм не заставил бы его рискнуть. Две недели — достаточный срок для первого полета, и аккумуляторов хватит на это с лихвой.

И в это время Судьба нанесла Дилаю ужасный, сокрушительный, смертоносный удар.

Джеральд Вэйн и Хильда так хорошо проводили время вдвоем, что Вэйн совсем позабыл об осторожности. Браун вечно торчал в механическом отделении. Минк был угрюм и ни на что не обращал внимание. Томассон был слишком беспечен, чтобы что-то заметить, к тому же вечно торчал у иллюминаторов, наблюдая за Вселенной. Дилай спал или работал, работал, работал.

Таким образом, Хильда и Вэйн могли проводить вдвоем много часов. Но настал момент возвращения, когда Дилай получил сокрушительный

удар.

Однажды ночью ему не спалось. Проблема, над которой он работал после ужина, осталась не завершенной, и вот теперь, вроде бы, появилось ее решение.

Он встал с постели, надел халат и шлепанцы и покинул каюту. В иллюминаторы внешнего коридора, огибающего корабль по периметру, лилось переливающееся зарево потока времени.

Дилай, в сером халате, с растрепанными седыми волосами, прошел по коридору к винтовой лестнице, ведущей в наблюдательную башенку, где дежурил Фил Томассон. В коридоре ему послышались чьи-то тихие голоса, но он не стал прислушиваться.

— Доброй ночи, Дилай, — поздоровался с ним Томассон. — А что вы не спите?

— Проклятая проблема, о которой я вам рассказывал, не дала мне уснуть. Мне нужно поработать. А вы, Фил, можете идти спать.

— Я лучше останусь, — сказал Фил. — Не люблю прохлаждаться. Я наблюдаю за этими сумасшедшими звездами…

Но Дилай уже погрузился в формулы, и Фил оставил его в покое. «Хороший товарищ, этот Дилай, — подумал он. — Но слишком уж непрак-

тичный для нашего жестокого мира».

Через какое-то время Томассон услышал негромкие голоса в коридоре.

— Джеральд, дорогой, мне нужно идти… Если он проснется…

— Ерунда, Хильда. Ты же знаешь, что спит он крепко.

— Джеральд, пожалуйста… Поцелуй меня еще раз. Сожми меня крепко-крепко…

Томассон обернулся и увидел, как бледнеет лицо Дилая. Оно побледнело так, что стали белыми даже губы.

— Я хочу сказать… — начал было Томассон, но Дилай жестом заставил его замолчать.

Голоса смолкли. Какое-то время Дилай безучастно водил карандашом по бумаге, затем поднялся со стула.

— Куда вы? — спросил Томассон.

— Вниз.

— Я бы не делал этого. — Он положил руку на худое плечо Дилая. — Успокойтесь, старина. Посидите, подумайте. Не ходите туда сейчас.

Дилай опустился на стул.

— Наверное, вы правы.

Несколько минут Дилай молча сидел. Его бледно-голубые глаза смотрели сквозь металли-

ческую стенку башенки. Затем они уставились на Томассона.

— Вы знали это?

— Да. Знал.

— А Минк… Он знал?

— Я полагаю, что да.

— И даже Браун?

— Но, Дилай, подумайте…

— И теперь, наконец, это знаю я. Пойдите вниз в свою каюту, пожалуйста, Фил. — Это была тихая просьба. — Я хочу остаться один… и подумать.

Томассон вышел. Дилай сидел с белым лицом и не глядел на него. Томассон спустился по лестнице. В каютах стояла тишина. Проходя к себе, он остановился у приоткрытой двери каюты Ди-лая. На кровати лежала Хильда и, очевидно, ждала мужа. Томассон вздохнул, ушел к себе и вскоре уснул.

Его разбудил какой-то толчок. С кораблем что-то было не так. Машина Времени перестала работать!

Вскочив на ноги, Томассон услышал отдаленные крики товарищей. В коридоре он столкнулся с Хильдой — бледной, в ночной рубашке.

— Мистер Томассон, что случилось? Где Рональд? Я проснулась…

К ним подошел Джеральд Вэйн.

— Где Дилай? Что случилось?

Он был так же бледен, как и женщина.

В ближайшем овальном люке появился Минк.

— Что это? Мы в опасности, Вэйн? — закричал он, стискивая створку люка. — В опасности?..

С нижнего яруса донесся крик Брауна:

— Все выключилось! Механизмы остановились! Что мне делать?

Вэйн помчался к лестнице, но на ней появился Дилай. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Перестаньте кричать, все в порядке. Я остановил полет.

Снизу поднялся Браун.

— Но, профессор, панель управления…

— В чем дело, Браун? Пожалуйста, соберитесь все в зале. Я хочу показать вам звезды. — Он пристально поглядел на жену. — А, Хильда… Ты хорошо спала?

— Послушайте, — закричал Вэйн. — Вы остановили полет? Зачем?

В спокойных глазах Дилая внезапно вспыхнул огонек.

— Сделайте то, что я прошу, Вэйн. Пожалуйста, соберитесь все в зале. Перестаньте скулить,

Минк. Джеральд, проводите Хильду. Не дайте ей упасть, Вэйн…

Корабль висел в бесконечности Космоса. Через все иллюминаторы был виден неподвижный небесный свод, казавшийся теперь шаром из черного бархата с рассыпанными по нему сверкающими точками далеких миров.

— Но мы не можем висеть здесь вечно, — подал голос Браун. — У нас не хватит ни воздуха, ни воды! Мы все умрем.

— Запустите машину, Браун, — задыхаясь, скомандовал Вэйн.

— Не могу! Ничего не работает!

— Что вы сделали? — спросил Вэйн у Дилая Дилай, сохраняя огромное спокойствие, встретился с ним взглядом.

— Я подумал, что будет умнее сломать Машину. Мне она больше не нужна.

— Мы же умрем! — выкрикнул Минк.

Джеральд Вэйн поглядел на него с немым изумлением, затем накинулся на Дилая.

— Вы убили нас! Вы…

— Это вы убили нас. — Дилай, бледный, сел на кушетку, разглядывая всех по очереди. — Вы с этой женщиной убили нас всех. Вы все знали это, все, кроме меня, и никто не потрудился сообщить

мне. Иди к нему, Хильда. Теперь тебе ничто не мешает…

Но Хильда стояла, глядя на него. Минк дико заорал и выбежал из зала. Браун, проклиная все про себя, подчеркнуто спокойно спустился в диспетчерскую. Вэйн закружил по залу.

— Вы сумасшедший дурак!..

— Лучше подойдите и обнимите ее, Вэйн. Вы же видите, как она испугана?

— А может, нам лучше попробовать восстановить машину? — спросил Томассон.

— Бесполезно, — прервал его Дилай. — Вы просто не успеете. Воздух постепенно уходит сквозь щелочки. Нам осталось часа два-три.

На твоем месте, Хильда, я бы не стал тратить время впустую. Конечно, нескольких часов слишком мало для любви…

Хильда пошла было к Вэйну, но его испуганный облик и слова остановили ее:

— Ты сама во всем виновата! Будь ты проклята! — И Вэйн выскочил из зала.

— Не уходите, Томассон, — сказал Дилай. — Не беспокойтесь о нем. Садись, Хильда… Плохо, что под конец ты не испытала его любовь, но я так и думал.

Последующий час запомнился Томассону отры-

вочно, поскольку он пребывал в растерянности. Он смутно слышал, как внизу Вэйн и Браун возятся с механизмами, пытаясь сделать невозможное.

Он смотрел на Дилая и его жену, сидящих в другом конце зала. Они молча смотрели друг на друга. Все они были безумны. Возможно, единственным нормальным человеком тут был сам Томассон.

Томассон слышал крики Вэйна и Брауна и грохот металла, а затем ужасный, отчаянный вопль Минка.

— Он заперся в продовольственном складе! — кричал Вэйн. — Браун, нужно выковырять его оттуда!

Они стояли перед запертой металлической дверью. За ней был Минк. Они слышали его бормотание:

— Я хочу жить… Не трогайте меня… Никто не хочет жить так, как я. Еда и напитки — это жизнь. Я не умру с этой едой и водой.

Вэйн заколотил кулаками по металлической двери.

— Минк, немедленно откройте!

— Откройте дверь! — кричал Браун.

В ответ была тишина.

Браун с Вэйном стали бить в дверь чем-то тяжелым. Дверь, наконец, поддалась от ударов тяжелого гаечного ключа, который принес Браун, распахнулась, они влетели внутрь и упали, снеся коробки с продуктами и разливая бочки с водой, которыми была подперта дверь.

Вэйн тут же вскочил на ноги, и обезумевший Минк повис на нем, стараясь вцепиться в шею. Вэйн споткнулся и упал, увлекая за собой Минка. Браун поднял гаечный ключ и проломил ему голову. Вэйн поднялся, стряхнув с себя обмякшее тело.

— Все нормально, Браун! Он мертв — ну и что? Зато мы спасли продукты и воду.

— Это… это ужасно, — заикаясь, пробормотал Браун. — Брызги мозгов… Мне нужно выйти…

Они вышли в коридор. Браун все еще держал в руке гаечный ключ и, когда заметил это, то с содроганием выронил его и пошел к себе, бормоча что-то под нос.

Вэйн пошел в общий зал.

— Минк сошел с ума. Он заперся на складе, и Брауну пришлось убить его гаечным ключом. Он совсем обезумел, толстый дурак…

Дилай лишь пожал плечами.

— Садитесь, Вэйн. Только сперва закройте

поплотнее дверь. Вы правильно сделали, что пришли. Здесь самое лучшее место, потому что воздух улетучится не так быстро.

Томассон чувствовал, что воздух все же уходит. Он слышал тоненький свист — или это шумело в ушах?

Вэйн захлопнул дверь.

— Я не хочу умирать! Дилай, разве вы не можете ничего сделать?

— Уже ничего, — спокойно ответил Дилай.

Вэйн захныкал, как трусливый ребенок.

— Хильда, велите ему прекратить это. Велите же, Хильда.

Но Хильда Дилай молча глядела на него. Томассону показалось, что на ее губах промелькнула улыбка.

— Садитесь же, — сказал Дилай. — Экономьте силы. Воздух становится очень разреженным.

И тут воздух стал выходить еще быстрее. Браун, цепляясь за стул на полукруглой палубе-коридоре, отчетливо слышал в тишине, как воздух со свистом выходит из щелей.

Он был возле маленького внешнего люка. Минк был мертв. И вскоре они все умрут. Он слышал доносившееся изнутри хныканье Джеральда Вэйна:

— Я не хочу умирать! Дилай, пожалуйста…

Но он все же умрет.

Браун подумал, что так будет лучше. Они должны умереть все вместе. Он нащупал возле люка рычаг и медленно потянул за него. Крышка люка скользнула в сторону. Ринувшийся наружу воздух сперва напоминал летний бриз, но вскоре превратился в настоящую бурю.

Браун уронил голову на колени. Он был мертв…

Дилай пристально поглядел через зал на закрытую дверь в коридор.

— Должно быть, снаружи что-то случилось. Воздух уходит слишком быстро…

Вэйн свернулся на стуле клубком и закричал:

— Остановите это! Я не хочу умирать!

Томассон подумал, что глупо так себя вести. Вэйн выглядел жалким ничтожеством, разом лишившись всех своих мужских достоинств.

Дилай лежал на кушетке, задыхаясь.

— Хильда… сейчас мы… мы уйдем…

— Знаю. — Она попыталась подняться, но все закружилось перед глазами. — Рональд! Где ты? — Она вздрогнула и протянула руки, пытаясь преодолеть разделявшие их футы. И руки Дилая схватили ее запястья.

— Хильда!

— Если бы ты мог простить меня, Рональд!

— Я прощаю тебя, Хильда! Прощаю!

Рев в голове Томассона заглушил их слова.

Мертвое тело Вэйна на стуле казалось отвратительным.

А на кушетке лежали вместе Дилай и Хильда, сжимая друг друга в последних объятиях. Они были спокойные и умиротворенные.

И это последнее видение стало расплываться в глазах Томассона. А дальше была лишь темнота…

Такими мы и нашли их тела, остававшиеся нетронутыми столько лет. Мы не попытались отбуксировать корабль времени Дилая на Землю. Мы оставили его там с шестью мертвыми пассажирами. Пока молодой Дорранс рассчитывал курс на Землю, я был у заднего окна обзорной башенки и смотрел, пока корабль Дилая не затерялся среди равнодушных звезд.

Gernsback Publications, Inc, 1931

15¢
MARCH
SUPER SCIENCE STORIES
WORLD REBORN
by THORNTON AYRE
THE LOTUS-ENGINE
by RAYMOND Z. GALLUN
PEACH • VINCENT • F.B. LONG Jr.

ФРАНК БЕЛНЭП ЛОНГ
Стежок во времени

Все началось с черепах. С возрастом они сделались заскорузлыми и вялыми, а когда начали регрессировать, то само Время, казалось, поросло мхом столетий. Но хотя, строго говоря, все началось в зоопарке, для меня началом послужил телефонный звонок Каррутерса, изменивший мир.

Каррутерс позвонил мне в пять утра и попросил, чтобы я немедленно приехал в зоопарк, невзирая на холод, и захватил с собой аптечку. Я страдал с похмелья, потому что полночи праздновал канун Нового года, и пока сидел в кровати, комната вращалась перед глазами. Но все же мне пришлось выбраться из холодной влажной постели, одеться, проглотить чашку кофе и с пыхтением выползти из дома.

В том, чтобы быть единственным ветеринаром на весь зоопарк, есть свои недостатки. Всякий раз, когда тигр, змея или скорпион заболевают лихорадкой, я, как предполагается, бросаю все свои дела и мчусь им на помощь. Раскипятив-

шись, как чайник на огне, я нырнул в метро.

«Когда-нибудь брошу все это, — подумал я. — Получу нормальную работу или что-то подобное…»

«Зоопарк Фолл Брука» был в семи милях от моего дома, если считать по прямой. Это был большой зоопарк в городском предместье, с пастбищем для антилоп, рощицами и лугами, над которыми порхали бабочки. Я все еще кипятился, когда прошел через Восточные ворота и побрел через сугробы к секции рептилий.

Я ожидал, что там будет темно, а хранитель станет ждать меня наверху, зарывшись в книги. Но, ступив в сырой вестибюль, Я страшно удивился. Везде горел свет, а Каррутерс стоял в вольере для черепах с рулеткой в руке, сгорбившись и

опустив худые плечи.

Каррутерс выглядел усталым, осунувшимся. Под глазами у него были черные круги, и весь он казался еще более угловатым, чем обычно. При виде меня он принялся ругаться, его костлявое лицо исказилось от гнева.

— Вы чертовски долго добирались сюда, Дэвид! Почему бы вам не снять квартиру поближе к парку?

Я видел, что он весь издерган. Много дней он буквально не вылезал из своего офиса, делая правки своей новой книги по змеям Малайзии и одновременно выхаживая больного питона.

Квартиры в районе парка были зверски дороги, и мне захотелось поспорить с ним о моей зарплате. Это была щекотливая тема для нас обоих. Но его действительно можно было пожалеть, потому что книга уже превысила девяносто тысяч слов, а питон все равно не выживет.

— Мне очень жаль змею, — сказал я, — но кишечные паразиты распространяются очень быстро, а питоны такие нежные. Кобры легко выдержат это, как и…

Каррутерс нетерпеливо взмахнул рукой.

— Забудьте об этом. Я хочу, чтобы вы осмотрели черепах. Кажется, они умирают.

Я почувствовал бесконечное раздражение. Неволя есть неволя, а галапагосские черепахи далеко не так ценны, как змеи. Но Каррутерс был моим боссом, и то, что я собирался жениться на его внучке, никак не влияло на него. Я вздохнул, нагнулся и открыл свой медицинский чемоданчик. В вольере были три черепахи, но я начал с самца с длинной шеей, торчащей из панциря и поникшей, точно увядшая герань. Он искоса смотрел на меня, полуприкрыв красноватые глазки, изо рта у него текли слюни. Весь его вид словно говорил: «У меня нет никакой уверенности в тебе, брат».

Мне потребовалось пять минут, чтобы исследовать всех трех черепах. Завершив свою задачу, я хлопнул самую крупную по панцирю и поднялся на ноги.

Каррутерс как-то странно глядел на меня.

— Ну? — сказал он.

— Все будет хорошо, — ответил я. — Но я не могу понять, отчего они страдают морской болезнью?

— Морской болезнью?

— Ага, — кивнул я. — Это ведь, знаете ли, сухопутные черепахи. Наверное, они болели, пока плыли сюда на корабле. Но ведь у вас они уже четыре года.

— Пять, — поправил он меня. — И все это время они росли, понимаете?

— Нет, не понимаю, — нахмурился я. — Я думал, что это взрослые черепахи, что им, по крайней мере, сотня лет…

— Я не знаю, какого они возраста. Но черепахи растут до самой смерти. Мы, кстати, тоже. Франц Боас говорит… — Он прервал себя.

— Сейчас не время обсуждать это. Все животные немного растут. Я измерил этих черепах, когда они прибыли к нам, и с тех пор провожу измерения каждый год. И каждый год они немного подрастают. Панцирь этого самца стал шире на три полных дюйма.

— Это интересно, — сказал я. — Но я не понимаю…

— Сейчас поймете, Дэвид. Мне, может быть, и восемьдесят два года, но мой ум все еще ясен. Я измерил их вчера вечером. Сперва я подумал, что в результате недостаточного питания их панцири укоротились… Но этого просто не может быть. И они уменьшились еще на несколько дюймов, когда я измерил их перед самым вашим приходом.

Моей первоначальной реакцией был ошеломленный скептицизм. Глава американских герпетологов, наконец, окончательно сбрендил?

— Исчезло то, что выросло за последние пять лет, — сказал он.

— Вы понимаете, что это значит? Они уменьшаются с каждой минутой!

Я попытался казаться беззаботным, поскольку не хотел, чтобы он заподозрил, что я сомневаюсь в его рассудке.

— Лягушки могут уменьшаться в размерах, — сказал я. — Существует, как вы знаете, вест-индийская лягушка, которая может уменьшиться с девяти дюймов до размеров головастика.

— Все это ерунда, — фыркнул Каррутерс. — То, что возможно у лягушек, совсем невообразимо у черепах. Панцирь черепахи такой же твердый, как коралл. Кораллы могут расти, но уж никак не наоборот.

— Почему вы занимаетесь этим ночью? — спросил я. — Прекратите мучить себя и поспите хоть немного. Иначе читатели никогда не дождутся вашей книги о змеях Малайзии.

Он тут же вышел из себя, схватил меня за руку и потащил к двери.

— Если я захочу услышать ваши советы о своем распорядке дня, то попросту попрошу их, — ворчал он по дороге. — Доброй ночи и хорошего отдыха!

Он вытолкал меня на снег. Я надел шерстяные рукавицы и не переставал ругаться вплоть до самых Восточных ворот.

— И стоило ради этого тащиться сюда ночью в метель, — ворчал я.

Я был уже на полпути к воротам, когда встретил молодого Джорджа Фича. Джордж шел, опустив голову, мимо загона антилоп, в пальто с поднятым воротником. В руках он тащил охапку метеорологических инструментов, и я предположил, что он шел из башни нормандского вида на административном здании. Джордж был помощником смотрителя млекопитающих, но свихнулся на метеорологии.

— Я думал, это ночные посетители зоопарка, — сказал я, хватая его за руку, потому что он поскользнулся на льду.

Благодаря мне он с трудом сумел сохранить равновесие. Его вид произвел на меня странное впечатление — больше всего он походил на снеговика, собирающегося растаять. Его лицо было таким же белым, как одежда, и мне показалось, что он испугался моей шутки.

Я с тревогой уставился на него.

— Что случилось, Джордж?

Он искоса посмотрел на меня, помялся и вне-

запно сказал:

— Дэвид, вы бы проконсультировались с психиатром, если бы увидели в небе корабль или говорящую обезьяну?

Сначала я думал, что он шутит, потом заметил его лихорадочно блестевшие глаза. Они буквально испугали меня.

— Возможно, — сказал я. — Но сперва я бы убедился, что не стал жертвой обмана. — Внезапно я рассердился. — К чему такие вопросы, Джордж? Вы что, видели говорящую обезьяну?

Он покачал головой.

— Обезьяну я не видел. Но видел нечто более невероятное. В полночь я видел солнце. Оно еще не поднялось, но я видел, как оно сияло в вольере рептилий шесть часов назад. Я сидел в башне и глядел на другую сторону парка, когда оно вдруг засветилось — унылый красный шар с ясно видимой короной.

Я ошеломленно уставился на него. Можно, конечно, увидеть солнце, когда его диск уже спрятался за горизонт. Человеческий глаз не различает прямые и искривленные световые лучи, поэтому в сумерках он может увидеть солнце, которое на самом деле уже зашло. Более плотный слой воздуха возле Земли отклоняет солнечные

лучи по широкой дуге, это называется преломлением света. Но это не означает, что вы можете видеть Солнце в полночь, когда оно вовсю светит над Китаем.

— Я всю ночь пробегал с инструментами между башней и вольером рептилий, — признался Фич.

— И что вы хотели найти? — воскликнул я.

— Не знаю. Само явление длилось секунд двадцать. Я проверял физические свойства атмосферы возле вольера рептилий. Возможно, это был своего рода мираж. — Он угрюмо взглянул мне в лицо.

— Как я и предполагал, высоко в стратосфере было несколько облачков. Возможно, они действовали как преломляющая среда, перемещая над Землей изображение Солнца.

Это было слишком неправдоподобно. Я оставил его среди сугробов, а сам зайцем поскакал к воротам.

Потом я ехал в метро через весь город, жадно впитывая тепло после сражения со снежной бурей. Я был благодарен за нормальные человеческие лица сидевших напротив пассажиров, которые действовали успокаивающе после кошмарного опыта в зоопарке. Я знал, что Каррутерс еще позвонит мне, так что это была лишь от-

срочка.

Когда я добрался домой, внучка Каррутерса ждала меня на диване в гостиной и тут же устремилась в мои объятия. Вирджиния Каррутерс была всей моей жизнью. До того как я повстречал ее, я был всего лишь молодым человеком, закончившим «Веллсиэнс Тинге».

Но Вирджиния все изменила. Когда она вошла в мою жизнь, все остальное отошло на задний план. Я хотел бы купать ее в роскоши, но я был всего лишь ветеринаром с тривиальной зарплатой, и вряд ли когда-нибудь стану богатым и знаменитым.

У Вирджинии были медно-красные волосы и лицо цвета персика, и во всех других отношениях она была привлекательной девушкой. Она бросилась в мои объятия и, пока я целовал ее, начала дрожать, потому что моя кожа была такой же холодной, как выложенные на лед нарезанные огурцы.

— Дэвид, да ты совсем замерз, — воскликнула она. — Где ты был? Ты ушел и оставил парадную дверь незапертой.

— Великий Боже, — пробормотал я. — Я, наверное, так ослеп от любви, что даже не спросил, как ты вошла?

Она кивнула, выскользнула из моих объятий и свернулась клубком на диване.

— Я волнуюсь о дедушке, — сказала она. — Он уже три дня не покидает зоопарка. Час назад я звонила ему, умоляла приехать домой. Но он лишь рыкнул на меня в ответ. О, Дэвид, Дэвид, я так волнуюсь. Разве ты не можешь заставить его перестать убивать себя? Он просто не выдержит такого напряжения. Сдаст если не тело, так ум.

Я попытался успокоить ее и заверил, что сделаю все, что в моих силах. Мы вместе позавтракали, и я обещал ей, что немедленно вернусь в парк и приведу Каррутерса домой — если понадобится, то силой.

И час спустя я снова был в зоопарке. Каррутерс находился в своей стихии. На этот раз он был не один. С ним были два охранника, а он возился с Быстрокрылой Смертью.

Охранники помогали ему делать рентген этой очень опасной шестифутовой рептилии. Питон извивался под рентгенаппаратом.

Каррутерс выглядел ужасно взволнованным. Как только он увидел меня, то сразу же схватил за руку и подтащил к рентгену.

— Паразитов уже нет, Дэвид, — сказал он. — Взгляните-ка сами.

Я мог бы поставить свою репутацию на то, что эта змея при последнем издыхании. Ио то, что я увидел на флуоресцирующем экране, ошеломило меня. Мир на секунду завертелся у меня перед глазами. Я не мог сомневаться в том, что вижу собственными глазами, но ведь двадцать четыре часа назад внутренние органы питона кишели червячками.

— Ну, как? — спросил Каррутерс, торжествующе улыбаясь.

Было что-то примитивное в том, что он получал удовольствие от моего замешательства.

— Просто невероятно, — пробормотал я. — Эта змея умирала. Даже если бы мы справились с паразитами, в ее внутренних органах уже произошли критические изменения.

— Вы видите какие-нибудь изменения? — Каррутерс словно дразнил меня.

— Нет, — уныло признался я. — Боюсь, я ошибался в диагнозе…

Внезапно мои мысли словно застыли. Я смотрел на Каррутерса и замечал в нем изменения. Его высокая угловатая фигура была не такой уж сгорбленной, лицо немного поправилось. Он выглядел лет на десять моложе.

Я мог бы и не заметить эти изменения, они не

бросались в глаза. Сначала я вообще не замечал их. Но все-таки они были в его лице, в его осанке. Даже его глаза лучше переносили яркий свет.

Когда я уходил, змея уже совсем ожила, а снег перестал идти. Я брел по громадным сугробам к Восточным воротам, пытаясь бороться с ужасной истиной. Но в поезде моя тревога лишь усиливалась при каждом толчке. Мне удалось скрыть свои эмоции от Каррутерса, оставив его перед рентгенаппаратом, размышляющим о чудом излечившемся питоне.

Но мысль о возвращении домой уже не казалась мне привлекательной. Те странности, что я увидел, были столь разрушительными, что мне хотелось увеличить расстояние между нами как можно больше.

Но в современном мире невозможно долго сбегать от потрясающих, возмутительных, отвратительных или мистифицирующих явлений. Провода и звонки не позволят вам это, вторгаясь с медным нахальством в частную жизнь на коротких и длинных волнах.

Телефон — не самое маленькое из современных зол. Моим первым порывом, когда я вернулся домой, было желание проигнорировать звонки, которые уже неслись из моей спальни наверху.

Но привычка — вторая натура.

Именно она заставила меня побежать наверх, к телефону. Если вы сразу не отвечаете на звонок, телефон прекращает звонить. И наступающая при этом тишина сродни засунутому в мясорубку пальцу. Эмоциональный шок подавляет все остальное.

Как только я схватил трубку, в ней раздался взволнованный голос Джорджа Фича.

— Алло! Это Дэвид? Дэвид, послушайте меня. В зоопарке произошел несчастный случай. Из-за Вирджинии я сразу же подумал о вас. Это касается Каррутерса.

Холодок предчувствия пробежал у меня по спине.

— Каррутерс, — выдохнул я. — Вы имеете в виду, ему стало плохо?

— Каррутерса не стало, — сказал Фич.

Пот выступил у меня на лбу.

— Но я только что оставил его, — задыхаясь, прошептал я. — Он делал рентген питону…

«Он делал рентген питону». Собственный голос показался мне похоронным звоном, рыдания стиснули горло.

— Вы хотите сказать, что его укусила змея? О, Боже, Джордж…

— Нет, нет, Дэвид, — повысил голос Фич. — Был взрыв. Вы слышите меня, Дэвид? Взрыв в зоопарке. Все вольеры рептилий разнесены на кусочки.

Ошеломленный, охваченный ужасом я сидел и слушал, как он живописал катастрофу.

— Вы знаете, что такое циклон затмения, Дэвид?

— Нет, — хрипло ответил я.

— Это специфическое явление, — стал объяснять Джордж. — Когда происходит затмение солнца, температура воздуха падает и давление понижается. Воздух извне этой области втекает в нее по спирали, но прежде чем он достигнет центра, вращение Земли отбрасывает его. Он начинает кружиться и образует то, что называют циклоном затмения.

— Но не было никакого солнечного затмения, — заметил я.

— Знаю, Дэвид. И это совершенно необъяснимо. Мои приборы зафиксировали самый настоящий циклон затмения, ограниченный небольшой площадью, охватывающей вольеры рептилий.

— Но что вызвало взрыв?

— Не знаю, — признался Фич. — Земля осела, а постройки превратились в почерневшую груду мусора. Словно что-то высосало вольеры прямо

из пространства.

Я сидел в безмолвном ужасе, сжимая в руке телефонную трубку. И лишь звяканье дверного звонка вывело меня из летаргии.

— Я сообщу об этом Вирджинии, Джордж, — закончил я и повесил трубку.

Я медленно спускался по лестнице. Мои ноги казались налитыми свинцом, а позвоночник окаменел. Но жизнь тут же вернулась в мое тело, едва я открыл дверь.

За дверью стоял Каррутерс, крепко сжимая зонтик костлявой рукой, в белой от снега одежде. Я был ошеломлен, но все же отметил, как молодо он выглядел.

Каррутерс вошел в прихожую и закрыл за собой дверь.

— Доброе утро, Дэвид, — поздоровался он.

Он выглядел не более, чем лет на тридцать пять. Волосы черные, как уголь, на лице исчезли морщины.

— Генри! — изумленно воскликнул я. — Я думал, что вы погибли. Фич только что позвонил мне и рассказал о взрыве…

Он удивленно поглядел на меня. Теперь я на самом деле поразился произошедшим в нем изменениям. Он стоял в прихожей, крупный,

массивный, с румяными щеками и звучным голосом.

— Я уехал сразу же после вас, Дэвид, — произнес он. — Я собираюсь подать в отставку.

— Но взрыв! — настаивал я. — Конечно, вы…

— Я слышал взрыв, когда покидал зоопарк, — сказал он. — Это было, как удар грома. Но я не стал останавливаться и выяснять, что к чему. Дэвид, я устал от змей. Я теперь молодой человек, Дэвид, а не старый хранитель рептилий…

— Боже правый! — пробормотал я.

— Дэвид, все это очень неопределенно, все смешалось у меня в голове. Я не могу даже вспомнить, что произошло вчера. Я помню только, что мы разговаривали с вами меньше часа назад в вольерах рептилий. Мы обсуждали… обсуждали… — Он нахмурился. — Черт побери, не могу вспомнить! Что-то о кишечных паразитах… Внезапно он расправил плечи. — Вы ушли в гневе, не так ли? Кажется, я помню это. Вы были расстроены чем-то, что я сказал. Вы должны простить меня, Дэвид. Я застрял там, как древняя окаменелость, и утратил самостоятельность. Дэвид, я мечтал об истоках Амазонки, о джунглях Борнео… — Глаза у него внезапно вспыхнули. — Дэвид, только молодые нормальны. Годы все портят. После сорока

никто не проявляет себя лучше. Даже Маккиавелли в двадцать пять был идеалистом. Дарвин никогда не был ближе к величию, чем тогда, когда плавал на «Бигле» двадцати двухлетним парнишкой. Тогда у него были свои интересы. Он был увлечен…

Я не мог поверить своим глазам. Передо мной, неся полный бред, стоял молодой Каррутерс. Каррутерс, каким-то чудом сбросивший пятьдесят с лишним лет. Я почувствовал себя очень странно и пробормотал:

— Послушайте, Генри, вам нехорошо. Давайте я отведу вас домой, к Вирджинии.

Это было неудачное предложение. В нем тут же вспыхнуло раздражение, которое мне всегда не нравилось.

— Я сам способен добраться до дому, — ощетинился он. — Вы, молодой идиот!

Он прожег меня взглядом и вышел, хлопнув дверью.

Я прождал целый час, прежде чем позвонил Вирджинии. Я знал, что Каррутерсу хватит этого времени, чтобы добраться до дома, расположенного на окраине города.

Голос любимой был ужасно взволнованный, когда она ответила на мое краткое приветствие.

— Дэвид? — сказала она. — О, я так рада, что ты позвонил! Дедушка уехал пять минут назад. Я вышла, чтобы принести ему снотворное, а когда вернулась, его уже не было. Нет, я не видела его после прихода. Крэйг сказал, что он промчался наверх и заперся в своей комнате. После этого он позвонил в пароходство «Уайт Бэнда». Крэйг случайно услышал этот разговор. Дэвид, он собирается в кругосветное путешествие. Он заказал билет на «Утреннюю звезду». Пятый док, Западный причал. Да, я знаю, Крэйг должен был воспрепятствовать тому, чтобы он покинул дом. Но нельзя же ожидать, что дворецкий…

— Вирджиния, послушай меня, — прервал я ее. — Нужно добраться до этого судна до его отплытия. Когда оно назначено?

— Оно отплывает в полночь, Дэвид. — В ее голосе слышалось рыдание.

— Ладно, — сказал я. — Сиди дома, пока не получишь известия от меня. Я привезу его домой.

Западный причал пятого дока был плохо различим в тумане. Я постоял в его начале, глядя на темный силуэт грузового корабля. Огромное судно покачивалось на волне. Большое, как бегемот, черное, не считая тонких лент света, льющихся в ночь из его иллюминаторов, наполняло меня

какой-то тоской.

Меня охватила вдруг трудноопределимая ностальгия, заставляющая мечтать о далеких портах и экзотических женщинах. «Черт побери, — подумал я, — почему я тоже не могу все бросить? Почему не могу сказать юноше, в которого превратился Каррутерс: «Я присоединяюсь к тебе, парень. Мы поплывем вместе, и если тебе будет нужен совет опытного человека…»

Я встряхнул головой, отгоняя безумные мысли.

Каррутерс не был так молод. Или был? Я не видел его несколько часов. Мне что, придется разговаривать с двадцатилетним юнцом, одержимым жаждой приключений?

Я энергично встряхнулся, пересек причал, поднялся по трапу и врезался прямиком в Медные Пуговицы.

Медные Пуговицы был самым старым первым помощником, какого я когда-либо видел. Но меня поразил не столь его возраст, сколько бледность. Его невероятно морщинистое лицо было белым, как снег. Он уставился на меня бегающими глазами.

— Что это значит? Чего вам нужно?

— У вас есть на борту пассажир по имени Каррутерс? — спросил я.

Я потряс бы его больше, только если бы врезал ему прямиком в челюсть, да и то сомневаюсь в этом. Он отскочил от меня, ужас буквально сотрясал его сухое, старческое тело.

— Вы его друг? — пробормотал он. — Тогда вы тоже должны быть призраком!

Я схватил его за руку.

— Что вы имеете в виду? Каким призраком?

— Не прикасайтесь ко мне! — завопил он. — Я этого не выдержу. Мне восемьдесят лет. У меня больное сердце. Я солгал о своем возрасте, когда выправлял лицензию, сказал, что мне пятьдесят шесть. Но я говорю правду о призраке. Я сам слишком близок к этому. Зачем вы мучаете старика, стоящего на краю могилы?

— Ну-ну, старичок, — сказал я. — Я совсем не призрак. Вы же трогаете меня, не так ли?

— Его я тоже могу потрогать! — продолжал он вопить. — Но все равно он — призрак!

— Кто он, дедушка?

— Генри Каррутерс! Человек, с которым я плавал шестьдесят лет назад. Сперва я подумал, что это его сын. Но откуда бы сыну знать о малютке Цветок Лотоса в Китае в восьмидесятых? Или как мы хлестали пиво на черных причалах с сахарным тростником в Рио?

На мгновение его глаза засияли, и из них исчез ужас. Но затем воспоминания о далекой юности увяли, и страх снова зажегся в его глазах.

— Он мог рассказать об этом сыну, — продолжал он. — Но не во всех же мелких подробностях. Не так, как это происходило на самом деле! — Он выдернул у меня руку и снова попытался. — Уйди, призрак! Не мучай старика!

Я изменил тактику.

— Ну, ладно, пусть Каррутерс — призрак. Мы оба призраки. Но я пришел за ним, понимаете?

— Он тот же самый мальчик, с которым я когда-то плавал! — вопил Медные Пуговицы. — Тот же высокий, беззаботный паренек.

— Проведите меня к нему, — попросил я. — Если вы этого не сделаете, то я стану преследовать вас до конца жизни.

Он прекратил пятиться и ошеломленно уставился на меня.

— Мы покинем судно вместе, — пообещал я. — Так где он, дедушка?

— Призрак внизу, в кочегарке. Помните, вы обещали покинуть корабль. Вы обещали не преследовать меня…

Каррутерс лежал на куче угля, держа в каждой руке по бутылке. Жидкость в одной бутылке была

черной, как уголь, в другой, напротив, светлой, румяно мерцающей в свете топки.

Он отпивал из бутылок попеременно и во всю глотку орал какую-то песню. Глаза его, налитые кровью, уставились прямо в лицо Медным Пуговицам.

— Это же Джеки Вистл! — проревел он. — Это мой старый добрый приятель, украшение Королевского флота!

В отчаянии я нагнулся и потряс его за плечо.

— Генри, посмотрите на меня. Не делайте вид, что меня не узнаете. Это же я, Дэвид.

Его глаза медленно сосредоточились на моем лице.

— Дэвид?

— Да, Генри. Ваш друг. Зоопарк, Генри. Ваша внучка Вирджиния. Неужели вы не помните?

Он отпил из бутылки и провел дрожащей рукой по лбу.

— Кажется, теперь я вспоминаю. Да-да, Дэвид. Вы были в моей жизни до того, как я стал молодым.

Медные Пуговицы воздел руки кверху.

— Пожалуйста, уходите оба. Я — старик на краю могилы…

— Мы уходим, дедушка, — сказал я и крепко

схватил Каррутерса за плечо.

Его глаза снова ушли куда-то в сторону, но мне удалось поднять его на ноги.

— Держитесь на ногах, — велел я.

Увести его с судна было нелегко, но мне все же удалось это сделать. Я использовал ложь, лесть, строгость, все убеждение и всю силу, на какие только был способен. Он снова запел, когда мы вышли на палубу.

Когда я сводил его вниз по трапу, он махал в темноте одной из бутылок, по-прежнему зажатой в руке.

Я утащил его с причала и повел по улице. Он орал во все горло, когда я загружал его в такси в трех кварталах от судна.

Вирджиния почувствовала такое облегчение, увидел в вестибюле его высокую фигуру, что тут же впала в истерику. Я был даже рад этому, потому что так она не заметила произошедших в нем перемен.

Когда я повел Каррутерса в его комнату, она бросилась на диван и разрыдалась.

В комнате я сбросил Каррутерса на кровать. Он упал на нее, как куль с картошкой, и закрыл глаза. Я поднял на кровать его длинные ноги, накрыл одеялом, потом слегка приоткрыл окно,

потому что батарея дышала жаром.

Когда он окончательно уснул, я незаметно подкрался к двери, отпер ее и спустился вниз по центральной лестнице. Вирджиния все еще лежала на диване, ее стройное тело содрогалось от рыданий.

Мне необходимо ей все рассказать. Этого никак нельзя избежать, потом что ей придется позаботиться о молодом человеке, спящем в комнате ее дедушки.

Я сел рядом и взял ее руку.

— Вирджиния, — начал я, — я должен сказать тебе, дорогая Вирджиния…

В ужасных, чудовищных ситуациях у женщин всегда появляются новые силы. Правда не сломила ее, как я опасался. Вирджиния продолжала спокойно сидеть возле меня, лицо ее превратилось в трагическую маску, пальцы напряглись в моей руке.

— И как ты думаешь, сколько это продлится? — неожиданно спросила она.

— Не знаю, — ответил я. — Сейчас он двадцатилетний юноша.

— И ты думаешь, он станет ребенком?

Кто-то застонал совсем рядом с нами. Я с тревогой поднял глаза. В дверном проеме стоял слуга

Каррутерса Томас Крэйг, его длинное, вечно печальное лицо сейчас было серым.

— Я подслушал ваши слова, сэр, — извиняющимся тоном произнес он. — Я… я не хотел подслушивать. Но когда я увидел, как он вылезает из окна…

Я в ужасе подпрыгнул.

— Каррутерс покинул комнату?

Крэйг кивнул, в его ярких глазах плескалась паника.

— Он вылез через окно на дерево, сэр. Случилось то, чего вы боялись. Он стал мальчишкой.

Каррутерс действительно сидел на огромной яблоне, растущей возле самого дома. И мне пришлось умолять его. Он лез по дереву, ломая ветки и сбивая яблоки. Я глядел на него снизу в лунном свете.

— Генри, — стал умолять я, — немедленно спускайтесь.

Он импульсивно рассмеялся.

— Я не ребенок, Дэвид. Мне четырнадцать лет. И я не лягу спать, пока не найду гнездо.

— Какое гнездо?

— Гнездо малиновки, глупый. Здесь есть большое гнездо с шестью яйцами.

— Ладно, — согласился я. — Завтра можете

побыть натуралистом. А сегодня пришло время спать. Вы там подхватите пневмонию.

Он громко засвистел.

— Дэвид, я нашел гнездо. Ну и дела! Видел бы ты эти яйца.

Он стремительно спустился на землю и торжествующе встал передо мной в лунном свете — маленький мальчик во взрослой пижаме, со слишком длинными штанинами и слишком широкой курткой.

Его розовощекое лицо было явно лицом Каррутерса — гладкое и детское, но с раздражающе скошенным подбородком, так хорошо мне знакомым.

Из дома вышел Томас Крэйг. На мгновение он уставился на мальчика Каррутерса, в его взгляде были смешаны облегчение и ужас. Потом он повернулся ко мне.

— Вам звонят, сэр, — сообщил он. — Я думаю, это из зоопарка.

— Спасибо, — хрипло сказал я. — Возьмите этого парня и отправьте спать.

Я стремительно вернулся в дом. Вирджиния стояла у телефона в нижнем холле, все ее тело было напряжено.

— Он спустился? — пробормотала она.

Я мрачно кивнул и взял из ее дрожащих пальцев трубку.

Это снова был Джордж Фич, в его голосе звучало волнение.

— Дэвид? Я пытался найти вас в вашем доме. У меня есть причина полагать, что с Каррутерсом будет все в порядке. Вольеры рептилий восстанавливаются. Я знаю, это кажется невероятным, но, похоже, все связано с самим космосом… По телефону это трудно описать. Если бы вы стояли со мной здесь, в парке, то сами ощутили бы это — невероятные перемены, искажение перспективы возле вольера рептилий. И звезды на небе совсем не так сгруппированы. Малая Медведица искривилась, а Большая почти налезла на Стрельца. Возможно, созвездия выглядели так миллионы лет назад, когда Земля была по-другому ориентирована в космосе. Но наиболее потрясающее — это сами вольеры. Они восстанавливаются, Дэвид, в слабых, похожих на мираж вспышках. — Он на секунду замолчал, затем продолжал: — Не думаю, что солнце, которое я видел, было реальным. Наверное, этот было обычное Солнце, только из прошлого. У меня странное ощущение, будто что-то происходит со временем. И не только ощущение. У меня есть, в некотором роде,

доказательства, но сейчас я не стану вдаваться в подробности.

— Будь я проклят, если понимаю вас! — воскликнул я, но безумные абстракции уже стучали в моем мозгу по наковальне суматохи и сомнений. — Вы сказали, возле вольера рептилий что-то произошло со временем? — с сомнением спросил я.

— Ну, да, — ответил Фич. — С точки зрения современной физики, все началось, когда пространственно-временной континуум смялся, как лист бумаги, поэтому исчез вольер рептилий. А в одной из кладок я увидел Солнце из прошлого. Когда деформация пространства стала расширяться, упала температура, и произошел циклон. Вольер рептилий, казалось бы, взорвался, поскольку вообще выпал из нашего пространства. А теперь континуум, вроде бы, возвращается на место.

— Но где был вольер?

— Очевидно, в неевклидовом измерении. На Внешней Стороне.

— Снаружи?

— Дэвид, внимательно послушайте. В настоящее время известно, что время — измерение, но большинство людей все еще уверены, что есть качественная разница между временем и

пространством. Но ее нет вообще. Пространство кажется нам реальней, чем время, потому что мы сами живем в нем. Мы думаем о времени как о течении. Но наблюдатель за пределами нашего трехмерного мира не знал бы ни о каком течении. Прошлое, настоящее и будущее существовали бы для него одновременно. Время было бы устойчивой, конкретной физической константой. Оно материально. С появлением новой физики вы можете в нем хоть дырки сверлить. Но вот о чем мы не подумали. Внешний наблюдатель может управлять временем, как мы управляем пространством. Я имею в виду, он мог бы перемещать его, как дети перемещают трехмерные кубики. Или можете думать о времени как о ткани — это тоже неплохо. Представьте время в виде ткани, а внешнего наблюдателя — ткачом на ткацком станке. Скажем, например, что он сделал стежок. Стежок во времени.

Стежок во времени!

— Дэвид, я думаю, что все мы — заложники, марионетки, игрушки. Игрушки Титанов снаружи. Каких-то небесных Гигантов. Назовем их Внешними. Они живут где-то вне нашей звездной Вселенной и развлекаются тем, что создают нам время, выстраивают его в прямую линию

— из прошлого в будущее. И наблюдают за нами, заключенными в тюрьму времени. И предположим, что один из блоков времени выскользнул у них из рук. Несчастный случай, понимаете? Предположим, они просто потеряли контроль. И все на ограниченном участке нашего мира дрогнуло бы или исчезло в прошлом.

— О, Господи! — сказал я.

Я подумал о черепахах, которые становились моложе. Они прибыли к нам на судне из Галапагоса и теперь снова страдали от морской болезни. А к Каррутерсу вернулась юность. Но почему я не видел этого судна с черепахами? И почему Каррутерс продолжал молодеть?

— А могли эти колебания времени быть фрагментарными, неполными? — спросил я. — Мог ли человек идти в прошлое? Я имею в виду, могли они остаться в нашем мире и все же возвращаться в детство, в младенчество?

— Все возможно, Дэвид, — ответил Фич. — Человек, попавший в неевклидовые потоки и кружащийся в них произвольно, мог только частично выйти из нашей Вселенной. Он мог бы жить сразу в обоих мирах.

— Джордж, Каррутерс ушел до взрыва, — сказал я. — Он сейчас здесь, с нами. Он не попал в

пространственную неустойчивость, о которой ты говорил. Но он последовательно возвращается вспять во времени. Вы слушаете, Джордж? Сейчас он маленький мальчик, находится с нами, но выглядит и ведет себя точно так же, как Каррутерс семьдесят лет назад. И он растерян. Я совершенно уверен, что он видит вещи из прошлого, но не находится пространственно в мире своего детства. Он смущен и расстроен этим. Вы понимаете, Дэвид?

Я слышал возбужденное дыхание Фича на другом конце провода. Потом он перебил меня.

— Если это так, Дэвид, то нужно привезти сюда Каррутерса как можно быстрее. Вольер рептилий быстро восстанавливается. Я думаю, что Внешние занимаются упавшим кубиком времени — пытаются поставить его на место. Вы должны вернуть Каррутерса на место несчастного случая, если хотите дать ему шанс выжни». Вольер рептилий в нашей Вселенной — это то место, где Внешние прилагают наибольшие усилия, чтобы все исправить. Находясь далеко от него, Каррутерс погибнет.

— Откуда вы знаете, что Внешние вообще существуют, — поинтересовался я. — Вы говорите так, словно видели их.

— Я видел их, Дэвид, — ответил он. — Я вам побольше расскажу, когда вы привезете сюда Каррутерса.

Мгновение спустя я открывал дверь в комнату Каррутерса, чувствуя, как по спине струится пот.

Комната была ярко освещена. Мгновение я стоял в дверях, мигая от яркого света прикроватной лампы. Затем, когда глаза немного привыкли к освещению, я увидел что-то голое, что пищало и хватало толстыми пальчиками за большой палец Крэйга.

Каррутерс лежал в центре большой двуспальной кровати, с раздражением воспринимая окружающий враждебный мир. Кровь у меня застыла в жилах. Я с ужасом узнал скошенный подбородок и ясные голубые глаза. Этот попискивающий младенец все еще был Каррутерсом.

Крэйг с отчаянным беспокойством уставился на меня.

— Это уж-жасно, сэр, — проговорил он, пробуя освободить свой большой палец из захвата младенца. — Это ужасно и странно. Пока вы говорили по телефону, он превратился в маленького ребенка. Мне пришлось выпутать его из пижамы, а то он бы в ней задохнулся.

— Мы должны перевезти его, Крэйге, — сказал

я. — Мне потребуется ваша помощь.

С помощью Крэйга я завернул дедушку Вирджинии в полотенце. Это было трудное дело, и выполнил я его неуклюже. Крэйг держал извивающегося младенца, а я закреплял полотенце понадежнее. Потом я подогнул краешек ткани, чтобы высвободить ему ручки.

Внизу у подножия лестницы ждала мрачная Вирджиния. Когда она увидела мою ношу, губы ее стали такими же белами, как и полотенце, которым я запеленал малыша. Но она не стала ни рыдать, ни кричать, а просто кивнула:

— Я еду с тобой в парк, дорогой.

Никогда не видел, чтобы храбрость так ярко пылала в женщине. Она держала дедушку на руках, пока мы не доехали до зоопарка. Ехали мы в такси, и Вирджиния сидела между нами, улыбаясь Каррутерсу. Я по-прежнему поражался ее самообладанию.

Каррутерс плакал, не переставая. Действительно ли он был более непослушным, чем большинство средних младенцев? Или он просто восставал против тирании рождения. Он попал в ловушку и сам понимал это. И он был разъярен, потому что не мог сбежать из этой большой ловушки — жизни. Он не мог предвидеть свое

спасение на другом ее конце, в возрасте, вероятно, лет девяноста. А мы сумеем его спасти для того, другого, спасения? Сумеем ли мы помочь ему снова стать взрослым и обрести достойный человека выход из клетки жизни в обширную Неизвестность? Или он должен продолжать молодеть до тех пор, пока…

Эта мысль была невероятной, достойной сочинения мистера По. Я содрогнулся и постарался больше не думать о Каррутерсе в таком ключе.

Когда мы доехали до зоопарка, Каррутерс продолжал разрывать воздух горькими, озлобленными жалобами. Джордж встретил нас в Восточных воротах, в лунном свете его ребяческая походка казалась мрачной, как смерть. За ним на страже, закрывая звезды, стояли высокие деревья.

— Не слишком поздно? — задал я ему единственный вопрос.

Он ответил отрицательно взмахом головы, затем добавил:

— Но мы должны спешить. Теперь все восстанавливается очень быстро.

Быстрее, быстрее! Только луна видела, какое гротескное зрелище мы представляли собой, пока мчались по зоопарку. Тучный Крэйг с блестящей от пота лысиной и раздувающимися на

ветру фалдами пальто. Тонкая, чуть дышавшая Вирджиния с дедушкой на руках. Каррутерс, вопящий в импровизированных пеленках, точно потерянная душа, с покрасневшим, сморщенным личиком. Джордж — худой, заботливо бегущий возле Вирджинии, словно он ответственен за все это.

Мы неслись среди деревьев в призрачной тишине, и лишь звезды освещали нам путь. Внезапно деревья поредели, и мы увидели, как вольеры рептилий заколебались, вспыхнув в темноте между титаническими дубами и кедрами. Мы увидели два скелета стен и столбы дверного проема, освещенного в ночи переплетающимися пламенными нитями. А между стенами было Ничто, черное, как чернила, непроницаемое, ужасное. Ночь казалась яркой по сравнению с этой пустотой.

Но схематичное здание светилось недолго. Пока мы бежали, оно снова дрогнуло и погасло.

— Через секунду оно вернется, — прошептал Джордж. — И с каждый разом оно становится все ярче, все вещественнее.

Я понял, что мы снова столкнулись с важной проблемой. Кто-то должен внести Каррутерса в область угрожающей неустойчивости и оставить

его там. Точно маленький Моисей в космических игрищах, он должен остаться там один, во власти неизвестного.

Я не хотел, чтобы Вирджиния рисковала собой. Когда кубик будет возвращен на место или будет сделан стежок, нормальный человек, правильно ориентированный во времени, мог оказаться в опасном положении. Его могло втиснуть куда-нибудь в щель или запутать в невообразимом ткацком станке.

Я мгновенно выхватил Каррутерса из рук Вирджинии. Я действовал бесцеремонно, потому что любил ее так, как редкий человек в нашем мире любит женщину. Каррутерс стал извиваться в моих руках, упираясь крошечными ручками мне в грудь.

— Дурачок, — шепнул я. — Потерпи немного, глупышка.

Я пробежал по дорожке из гравия и остановился перед ямой Тьмы, где должно было появиться здание вольеров рептилий. Пропасть передо мной была неосвещенной. Черный провал в земле, у которого, казалось, не было дна. По его периметру земля была вся в миниатюрных кратерах и кочках.

Пот струился по моему лицу. Я положил Кар-

рутерса на край пропасти и помчался обратно — туда, где стояла Вирджиния. Когда я добежал до нее, позади опять вспыхнул свет. Я взял Вирджинию за руки и крепко держал их. Наши сердца забились в унисон.

— Боже, взгляните на это! — странным голосом вдруг произнес Джордж.

Происходившее там было чистым ужасом. Небо внезапно расслоилось, и эти слои, точно старые обои, стали наматываться на бегущее по периметру пламя, лишь луна осталась висеть в пустоте, пылая подобно печи.

Крэйг что-то в ужасе забормотал. В небе на фоне пламени возникла какая-то гигантская фигура. Я не совсем уверен, будто то, что мы увидели, было и в самом деле рукой. Но длинные тени, протянувшиеся к нам с неба, очень уж напоминали когти. Они на мгновение затрепетали над колеблющимися схемами здания рептилий, затем опустились.

Перед нами ярко вспыхнуло пламя. Земля заколебалась, как бушующее море, вырвала Вирджинию из моих рук и швырнула меня вперед. Ноги у меня заплелись, и я упал на землю.

Несколько секунд я лежал, ошеломленный, и, кажется, стонал. Мой мозг раздробился на тысячу

сверкающих осколков. А потом я услышал крик Вирджинии.

Я со стоном перевернулся с и трудом поднялся на ноги. Голова кружилась, я зашатался, но Джордж поймал меня, не дав упасть.

— Смотрите, Дэвид. Вольеры рептилий восстановились.

— Огонь, — задыхаясь, прошипел я. — Мне показалось…

— Знаю. Все появилось из огня. Огонь был даже в моих мыслях. Вчера вечером мне тоже приснились огни, очевидно, потому что я экстрасенс. Я был уверен, что они пытались все исправить — и исправили. Я думаю, мы воспринимаем настоящую реальность, — четвертое измерение, или называйте его, как хотите, — как иллюзорное пламя. Именно поэтому огню поклоняется большинство примитивных племен, поэтому древние греки построили…

Его прервал крик Вирджинии:

— Дедушка!

Каррутерс брел к нам по дорожке. Вид у него был неважнецкий. Под глазами виднелись большие темные круги, а тощая фигура казалась даже более костлявой, чем обычно.

— Что тут происходит? Где Дэвид? Где этот мо-

лодой оболтус, — раздраженно ворчал он, когда Вирджиния бросилась его обнимать. — Питон умер. Я должен немедленно увидеть Дэвида.

Я отряхнул одежду и поморгал. Глаза продолжали слезиться, но мысли о том, что Каррутерс — старый, ворчливый, упрямый Каррутерс — полностью стал прежним, согревали мое сердце. Мне хотелось прыгать, петь и кричать.

Но я лишь взглянул в звездное небо.

— Спасибо тебе, Каменщик, Ткач или кто бы ты ни был, — пробормотал я. — Ты великий парень.

Super Science Stories, № 3 1940

ДЕННИС ПЛИММЕР
Человек, заблудившийся на тропинках времени

«Важные новости публикуются немедленно» — это незыблемое правило газетчиков всего мира, поэтому я, Пол Дайси, живущий на Ирвинг-Плаза в Нью-Йорке, посылаю копии моих записок во все ведущие газеты мира. Должен предупредить, что над ними следует тщательно подумать всем, кто умеет читать, потому что от этого зависит их спасение, как и спасение миллиардов их потомков в будущем!

Именно для этого я описал странное посещение чужака Мока, мою встречу с Карлтоном Джервисом и серьезнейшие последствия всего этого.

Начну я с большой бури в середине сентября 1941 года.

Весь тот жаркий день в Манхэттене царила зловещая духота, а около десяти вечера началась дикая, безумная гроза, и молнии перечеркивали черное небо.

Я захлопнул окно, потому что ливень хлынул настоящими потоками. Гром оглушительно

грохотал в четырех стенах меблированной комнаты на Ирвинг-Плаза. Ради прохлады я оставил открытой входную дверь, и из прихожей была видна дверь второй квартиры — последней на этом этаже, в тот момент не занятой.

Я учился тогда в докторантуре по прикладной психологии и настолько погрузился в книги, что сперва не услышал шагов на старой скрипучей лестнице и не замечал ничего, пока в подъезде не вспыхнул свет. Подняв голову, я увидел, как по лестнице поднимается госпожа Рафферти, моя старая домовладелица-ирландка. Ее сопровождал незнакомец. Отомкнув дверь, она включила в прихожей свет и велела незнакомцу следовать за ней.

Ввиду последующих событий я задавался вопросом, почему новый квартирант не произвел на меня в тот раз никакого впечатления. В тусклом свете подъездной лампы я только заметил высокого сутулого мужчину. Лицо я видел мельком, в основном он был повернут ко мне спиной. Но я видел его широкие мускулистые плечи, мощные руки, промокшую одежду и вьющиеся спутанные волосы, свисавшие из-под шляпы и закрывавшие шею.

Я вернулся к работе, тут же забыв о новом посто-

яльце. Прошло какое-то время. Дверь квартиры напротив закрылась.

И внезапно моего плеча коснулась чья-то рука.

— Мистер Дайси! — робким, дрожащим голосом сказала домовладелица. — Могу я поговорить с вами? — умоляюще спросила она.

— Конечно, госпожа Рафферти.

Она тихонько прикрыла дверь. На ее лице была странная смесь нерешительности и ужаса.

— Вы видели его? — спросила она.

— Кого?

— Нового постояльца.

Я озадаченно уставился на него.

— Только со спины, госпожа Рафферти.

Ее встревоженный взгляд был устремлен на меня.

— Значит, вы не видели его лица?

Я покачал головой.

Внезапно она опустилась в кресло.

— Я не должна управлять домом в одиночку, не должна, — простонала она. — Это не женское дело. — Быстрым движением она схватила меня за руку. — Он не заполнил анкету, мистер Дайси! И он плохо выговаривает слова. У него забавное произношение. Я понять не могу, из какой он страны. И я не знаю его имени. О, Боже мой, я

ничего не знаю о нем!

— Тогда почему вы его впустили?

Госпожа Рафферти уставилась в ковер.

— Потому что испугалась, — выдохнула она.

— Чего испугались?

— Его лица.

— А что с его лицом?

По Ирвинг-Плаза с шумом бежали потоки воды. Дождевые струи били в окно.

— Это — лицо зверя!

Я недоуменно посмотрел на нее.

— Какого зверя?

Госпожа Рафферти тихонько вздохнула.

— Я не знаю, мистер Дайси. Какого-то зверя, которому неведомы ни доброта, ни милосердие! Зверя, который крадется в ночи!

На мое предложение вызвать полицию, чтобы они выселили нежелательного постояльца, она ответила отказом. В конце концов, она может и ошибаться в своих суждениях, и Богу известно, что в такую ночь, как нынче, она не выгонит на улицу и собаку…

— Он заплатил вам какой-нибудь аванс?

Госпожа Раффертти показала скомканную пятидолларовую бумажку.

— Ну, хорошо, — настаивал я, не желая оста-

ваться на пустом этаже один на один со столь причудливым созданием — А как вы думаете, госпожа Рафферти, что, если я пойду и посмотрю на него. Возможно, я составлю о нем собственное мнение.

— О, не делайте этого, мистер Дайси! — попросила она. — Пожалуйста, не надо! Он предупредил меня, чтобы сегодня вечером его оставили в покое! Я сказала, что у него лицо зверя. Так вот, зверь прибыл издалека, хочет есть, устал, и настроение у него спокойное! Оставьте его в покое, мистер Дайси!

Но к этому моменту любопытство уже жгло меня. Я пошел было к двери, когда с улицы донесся пронзительный крик.

— Эйлин! — закричала госпожа Рафферти. — Это голос Эйлин!

Я распахнул окно и уставился в бурную ночь. Увиденное заставило меня выскочить из квартиры и побежать вниз по скрипучей лестнице. Госпожа Рафферти следовала за мной. Меньше чем через минуту мы уже были на улице. Эйлин Рафферти и кучка прохожих в мокрых плащах стояли, глядя на неподвижное тело на тротуаре.

Эйлин была внучкой домовладелицы.

— Что случилось, дитя? — всполошилась ста-

рая леди.

Промокшая насквозь девушка указала вниз.

— Это Делия, — дрожащим, испуганным голосом пробормотала она. — Мне кажется, у нее перерезано горло!

Я наклонился, чтобы осмотреть тело. Делия была цветной служанкой в доме. Из раны на горле все еще текла струйка крови, смешиваясь с льющим дождем.

— Она вышла из дома через подвал двадцать минут назад, — стала рассказывать Эйлин. — Мы выдали ей аванс, и она собиралась купить себе обувь. Должно быть, ее схватили при выходе из подвала.

— Но почему мы не слышали ее криков? — спросила госпожа Рафферти.

Эйлин покачала головой.

— Все окна и двери были закрыты, бабушка, — сказала она. — Гром так гремел, что мы бы не услышали и проходящую армию. Тогда еще зазвонил звонок — помнишь? И ты повела наверх нового постояльца показать ему квартиру?

— А, да, — нахмурился я. — Новый квартирант. Я хочу поговорить с ним. А вы, Эйлин, вызовите полицию.

Оставив женщин, я поспешил назад вверх по

лестнице и постучал в дверь незнакомца. В ответ я услышал невнятное ворчание, решительно открыл незапертую дверь и вошел в квартиру.

Новый квартирант сидел на стуле спиной ко мне, опустив косматую голову на руки. Посреди комнаты на полу валялись мокрые пальто и шляпа, а в углу — грязные ботинки и носки.

— Простите, — растерялся я.

Мгновение он сидел неподвижно, затем медленно повернулся. Я с трудом подавил крик ужаса. Лицо его было гораздо ужаснее, чем описала госпожа Рафферти. Хотя все его черты были человеческими, выражение глаз и оскаленный рот напоминали дикую, голодную обезьяну, спрятавшуюся от преследователей в пещере под холмом.

Мы глупо уставились друг на друга. Наконец, незнакомец открыл большой рот и невнятно произнес:

— Вы хотите… что-то?

Слова незнакомец произносил с трудом, как будто давно не пользовался человеческой речью.

— Да, — ответил я. — Госпожа Рафферти сказал мне, что вы не можете заполнить анкету.

Встревоженный взгляд из-под темных бровей обшаривал комнату.

— Не могу… писать, — пробормотало, наконец, создание.

— Вы не учились писать?

— Никто не пишет. Давно забыли. Лет пятьсот назад…

— Ваш народ не умел писать в течение пятисот лет? Почему?

Чудовище уставилось на меня. В его глазах разгорались крошечные красные огоньки, такие же огоньки, что пылают в глазах диких обитателей джунглей, которых враги пытаются загнать в западню.

— Пишут только священники, — наконец, сказал он. — Зачем учиться другим?

— Из какой страны вы прибыли?

Он только покачал головой.

— Как вас зовут?

— Мок.

— А фамилия?

Ответ был совершенно неожиданным. С быстротой молнии Мок вскочил со стула и пошел на меня — сгорбленный, со свисающими, как у обезьяны, руками и красными от гнева глазами.

— Устал! — ревел он, возвышаясь над моей головой. — Уйди! Спать! Устал! Спать! Спать! Понял?

От этого нападения я сбежал в прихожую, распахнул дверь и на ощупь снял замок с предохранителя. Выскочил на площадку и захлопнул дверь за собой. Замок щелкнул. За дверью слышалось тяжелое дыхание. Что-то подсказало мне, что это диковинное создание не умело обращаться с замками.

— СПАТЬ! — раздалось за дверью; я услышал стон и звук, словно там упало какое-то тело. Внезапно я понял, что существо по имени Мок было страшно уставшим.

Я спустился вниз к обеим женщинам, которые были бледны и дрожали. Госпожа Рафферти, съежившись в кресле, смотрела на бледную Эйлин. Труп Делии уже увезли в морг. Я рассказал им о своей попытке. Когда я закончил, госпожа Рафферти протянула руку. В ней была банкнота в пять долларов.

— Посмотрите на нее, мистер Дайси, — прошептала Эйлин.

Я взял смятую бумажку и разгладил ее на столе. Внезапно к горлу подступила тошнота.

Верхний левый уголок банкноты был запачкан кровью.

Некоторое время в комнате стояла тишина, затем я просил:

— Эйлин, это вы дали Делии пять долларов?

Эйлин молча кивнула.

— Именно эти пять долларов?

— Не знаю. Откуда мне знать?

Я пошел к дверям со словами:

— Я собираюсь отнести это в полицию…

Но госпожа Рафферти удержала меня, схватив за руку.

— Не делайте этого, мистер Дайси! — попросила она. — Я вам не позволю!

— Но это же зверское убийство. А наверху может быть опасный маньяк. Бог знает, что он еще натворит!

Госпожа Рафферти зарыдала.

— Для меня это не важно. Я должна сохранить репутацию своей фирмы. Я не моту позволить, чтобы моего квартиранта заподозрили в убийстве, если не уверена, что он виновен. Если полиция на что-то годится, они найдут другие доказательства. Не может же это быть единственной уликой!

Я медленно вернулся. Хотя меня и не радовала перспектива жить на одном этаже с вероятным преступником, я оценил точку зрения госпожи Рафферти.

— Хорошо, — уступил я. — Мы ничего не ска-

жем.

Так я и оставил испуганных женщин и вернулся к себе.

Весь следующий день я провел в университете. По возвращении вечером я нашел домовладелицу, спокойно сидящую в своей квартире в подвальном этаже.

— И как там наш новый квартирант? — спросил я.

— Я не спускала с него глаз, — ответила госпожа Рафферти. — Не знаю, что он за сверхъестественный зверь, но он находился к квартире весь день. Даже не выходил, чтобы поесть. Я наблюдаю за ним, поверьте мне!

Главный вход в дом находился возле полуподвального окна комнаты госпожи Рафферти. Мой взгляд остановился на нем, и я приложил палец к губам. Снаружи послышались медленные шаги существа по имени Мок. Пока мы сидели, замерев, шаги медленно удалились по темнеющей улице.

— Это первый глоток воздуха, который он получил за весь день, — прошептала старая домовладелица. — Не оставляйте меня!

Мы просидели в сгущающихся сумерках около четверти часа, пока Мок не вернулся в дом. Мы слышали его шаги, когда он поднимался по

лестнице.

Я посидел еще несколько минут, затем пошел к себе в квартиру.

Следующие три часа я провел над книгами. К счастью, в свое время я самостоятельно овладел приемами концентрации, так что какое-то время смог трудиться над учебниками, но постепенно у меня стали появляться непрошенные мысли. Я думал о Делии, лежавшей на тротуаре с перерезанным горлом, об испуге на лице Эйлин и о зловещем квартиранте совсем рядом, за стенкой. Затем я стал анализировать его странные замечания и попытался логически объяснить их.

Очевидно, он был незнаком с Америкой, прибыл издалека, был беден и измучен. Страна, из которой он приехал, была под властью священников, и последние пятьсот лет народ там был неграмотен. Незнакомец принадлежал к белой расе. Некоторое время я раздумывал над легендами об исчезнувших белых народах в дебрях Азии и Африки, но я не особенно верил в них. Кроме того, это не подходило к нынешнему случаю. В конце концов, я пришел к выводу, что его страна во многом напоминала Европу начала тысячных годов. Но не было никакой подобной современной страны, о которой я бы знал.

Внезапно инстинкт заставил меня обернуться. В дверях стоял Мок!

При виде огромной звериной фигуры по моему телу пробежал холодок. Чтобы скрыть страх, я просил:

— Что вы хотите, Мок?

Он медленно протянул руку. С волосатой лапы свисал клочок материи веселой раскраски. Мужской галстук-«бабочка».

Мок откашлялся. На его жестоком лице появилось странное выражение, которое я интерпретировал как примирительную усмешку. Мок подошел ко мне.

— Завяжете… Да?

На мгновение я онемел. Потом до меня дошло, что он каким-то способом приобрел эту «бабочку» и хочет ее носить, потому что видел, что так ходят другие.

Я заправил ее под воротник и завязал узел. Зрелище было гротескным. Вид уродливого обезьяноподобного лица на фоне смешной яркой «бабочки» заставил меня хихикнуть, несмотря на все опасения. Я подержал зеркало перед этим чудищем. Он с любопытством изучал свое отражение.

Затем он открыл рот, и из его похожей на пе-

щеру глотки хлынул громкий смех. Толстыми неуклюжими пальцами он коснулся «бабочки». Затем протянул руку ко мне. Сперва я отпрянул, но затем сдержался. Его рука нежно погладила мои волосы.

Мок был доволен!

— А там, откуда вы пришли, — спросил я, — разве не носят галстуков?

Он покачал головой.

— Где вы живете? — с надеждой задал я вопрос.

— Хижина. Хижина из… больших… камней.

— И долго вы жили в этих хижинах?

Мои слова долго доходили до разума Мока.

— Всегда, — ответил он, наконец. — С начала большой войны.

— Какой войны?

— Война гигантов… давно.

Его пальцы снова коснулись галстука, и счастливая улыбка озарила лицо. Затем он вышел из комнаты.

Некоторое время я обдумывал новые аспекты, показывающие его тщеславие и чувство благодарности. И пытался совместить этого громадного, усмехающегося зверя с перерезанным горлом Делии. Потом я продолжил размышления

о стране, где он родился, стране, в которой неизвестны галстуки-бабочки и где много лет назад была война. Что-то в интонациях, с которыми он упомянул об этом, заставило меня почувствовать, что это произошло за много поколений до рождения Мока, его отца и деда. Он упомянул об этом так, как современные люди упоминают об открытии Америки.

Я уже готовился ко сну, когда в дверь тихонько постучала госпожа Рафферти. Я впустил ее. Как и в прошлый раз, она прикрыла дверь.

— Мистер Дайси, — прошептала она, — я не чувствую себя вправе позволить вам находиться так близко к нему.

Помня о прошлом разговоре, я улыбнулся.

— Он не убивал Делию, госпожа Рафферти. Он слишком добродушен.

Она поджала губы. Ее глаза уставились на меня.

— В трех кварталах отсюда, за доской с объявлениями о работе, найдено тело старика. Мистер Дайси, у него сломана шея…

Внезапно по спине у меня пробежал холодок.

— Кто он?

Госпожа Рафферти покачала головой.

— Я не знала его. Просто маленький, слабый

старичок. Его тонкая шея была переломлена, как у мертвого цыпленка. Это ужасно! И еще одна странная вещь, — она понизила голос, — была в том, что он был хорошо одет, но не имел галстука! — Она открыла дверь. — Вы предупреждены, сэр. Запритесь сегодня вечером. Я ухожу!

Прежде чем я смог что-то сказать, она ушла. Я слышал ее поспешные шаги на лестнице.

Стиснув кулаки так, что ногти вонзились в ладони, я попытался привести мысли в порядок. В моей голове пылало ужасное видение Мока, который хватает старика, тащит его до доски объявлений и скручивает ему шею — и все это ради разноцветного кусочка ткани!

И внезапно я понял характер убийства. В нем были элементы ужасного, причудливого гротеска. Бессмысленное убийство ради дешевого галстука… Госпожа Рафферти была права. Это сделал Мок!

Я вскочил на ноги, потому что услышал шум — хлопанье двери, звуки тяжелых шагов на лестнице. Не знаю, сколько я простоял, пригвожденный к полу, но затем кровь у меня забурлила в венах от крика — крика женщины, охваченной смертельным ужасом. Одним прыжком я выскочил из квартиры. Пока я бежал по лестнице,

крик повторился. Задыхаясь, я остановился перед дверью госпожи Рафферти. Внезапно дверь распахнулась, и мимо меня, как несущийся экспресс, промчалась громадная фигура и прыжками понеслась вверх по лестнице, точно громадное животное. Я ворвался в квартиру. В углу сжалась госпожа Рафферти, бледная, как мел, и трясущаяся.

— У меня был хлеб, — задыхаясь, сказала она. — Он сбил меня с ног и отобрал его. Он хотел есть!

И тут появился привлеченный криками полицейский. Я кратко объяснил ситуацию. Вместе мы стали подниматься по лестнице. Еще на полпути полицейский стал кричать, чтобы Мок сдался. Ответ был впечатляющим. На лестницу вылетел стул и, ударившись о ступени, разлетелся на куски. Нам удалось увернуться. Мы слышали топот и невнятное бормотание Мока.

Через несколько шагов мы оказались на верхнем этаже. Прямо перед нами была дверь квартиры Мока. За ней слышалось тяжелое дыхание зверя.

— Мок! — закричал я, — выходи!

В ответ я получил непонятное, односложное слово.

Полицейский стукнул в дверь дубинкой.

— Открывайте!

Он выхватил пистолет и послал две пули прямо в замок. За дверью раздался крик боли. Дверь открылась, и мы увидели, как Мок вскакивает на подоконник. Мы побежали к нему, но он оказался быстрее. Качнувшись на распахнувшейся наружу раме, он подтянулся и оказался на крыше. Полицейский, ругаясь, последовал за ним, я — следом. Стараясь не смотреть вниз, я поднялся на крышу по ржавой пожарной лестнице. И в ярком лунном свете увидел, как Мок отшвырнул полицейского, словно ребенка, и одним прыжком вскочил на высокий парапет.

Всего восемь футов отделяли крышу дома госпожи Рафферти от крыши соседнего дома. Мок напряг железные мускулы и прыгнул. В то же время струйка огня из пистолета полицейского пронзила темноту. Гигантская фигура, казалось, остановилась в воздухе, на краткий миг зависнув на груди Ночи.

Затем он с жалобным звериным воплем полетел вниз, извиваясь в воздухе. Мы с полицейским перегнулись через парапет, глядя, как падает тело. Оно ударилось о тротуар, подпрыгнуло и замерло на мостовой. Пока мы смотрели, темные тени любопытных стали окружать тело, как стая

шакалов окружает убитого тигра.

Когда мы вышли на улицу, с мостовой поднялся бледный, стройный мужчина, находившийся у тела Мока.

— Мое имя Джервис, офицер, — сказал он полицейскому. — Я врач. Этот… человек мертв.

Было что-то странное в паузе, которую он сделал перед словом «человек». Доктор заметил мой заинтересованный взгляд и объяснил:

— Я говорю «человек» из-за отсутствия более подходящего слова.

Мы уставились на тело, затем одновременно наклонились ниже.

С трупом происходило НЕЧТО!

Я никогда не смогу описать то, что случилось. Мы наблюдали чудо. Жестокое лицо мертвого Мока быстро менялось, становясь моложе. Исчезла борода, растаяли мешки под глазами, смягчились контуры нижней челюсти. И вскоре перед нами оказалось лицо молодого человека. Одновременно вместо огромного тела на мостовой возникло тощее, юношеское.

Перед нашими очарованными взглядами этот процесс продолжался безостановочно. Юноша, подросток, потом ребенок, уже почти скрытый в ставшей для него слишком большой одежде.

Быстрым движением доктор разорвал рубашку, открывая в холодном свете ламп труп ребенка. Но стал уменьшаться даже он. Исчезли зубы, волосы, руки стали пухлыми, с ямочками.

Все более и более крошечным становился труп у наших ног. Доктор отбросил разорванную одежду в сторону, чтобы не мешала наблюдать странное явление. Внезапно тело ребенка скорчилось и свернулось комочком, прижав голову к груди. Прямо на наших глазах конечности стали терять форму. Руки, ноги и голова стали просто неопределенными округлостями. Потом остался лишь круглый кусочек плоти. Он уменьшался у нас на глазах, стал размером с большую жемчужину, влажно блеснул в свете ламп и исчез. Не осталось ничего, кроме одежды, которую совсем недавно носил дикий незнакомец.

Мы видели мистический процесс рождения — но текущий в обратном направлении!

— Где он? — ошеломленно пробормотал полицейский.

Джервис поглядел вниз, слабо улыбаясь.

— Где-то во времени, офицер, — сказал он.

Полицейский наклонился и собрал обрывки одежды.

— Что вы собираетесь делать с ними? — спро-

сил я.

Полицейский смущенно усмехнулся.

— Черт меня побери, если я знаю, — ответил он. — Если я принесу их в морг, мне скажут, что я сошел с ума. Если я принесу их в отделение, скажут то же самое. Что бы я с ними ни сделал, все равно скажут, что я сошел с ума! — Он помотал головой. — А, может, я…

— Вот моя визитка, — протянул Джервис. — Если вам понадобится консультация, только позвоните. — Он что-то поднял с тротуара. — А вот доказательство, что вы стреляли в живого человека, а не в призрака.

На его ладони лежал кусочек металла.

— Моя пуля! — воскликнул полицейский.

— Да, причем сплющенная с одной стороны, как бывает всегда, когда пуля попадает в кость. Доброй ночи!

Что-то бормоча себе под нос, полицейский пошел по улице, держа в руках разорванную одежду.

Я хотел поговорить обо всем этом и пригласил Джервиса к себе домой. Несколько минут спустя он уже сидел в кресле и внимательно слушал мой рассказ.

Когда я закончил, он долго морщил лоб.

— Вы говорите, мистер Дайси, — задумчиво сказал он, — что Мок пришел из страны, когда-то разоренной войной, из страны, где грамотность последние пятьсот лет являлась монополией духовенства, где жители жили в каменных хижинах и были незнакомы с «бабочками» или, к примеру, замками, и чьи необузданные желания, не прикрытые цивилизованной лакировкой, делали их убийцами…

— Да, — кивнул я, — причем из страны людей белой расы.

— И какие вы из всего этого сделали заключения?

— Ну, доктор, — замялся я, — я не знаю никакой современной нации, которая соответствовала бы этим условиям, не так ли?

Он кивнул головой.

— Я моту думать только о Древних Веках, — продолжал я. — Британские племена, например, жили в каменных хижинах, разумеется, не носили «бабочек», были известны жестокими нравами, управлялись своего рода духовенством — друидами, отдельные представители которых владели письменностью, и проводили все время в бесконечных войнах. Разумеется, я никогда не стану утверждать это публично, но некоторые

философы говорят, что прошлое существует так же, как и настоящее. Так или иначе, не был ли Мок древним бриттом, который заблудился во времени, попал, так сказать, не на ту тропинку во времени и оказался в двадцатом столетии? А когда он умер, его тело, естественно, стало молодеть и вернулось в его собственный век.

Говоря, я сам чувствовал, что мои слова звучат безумно. Джервис покусывал губу.

— Мистер Дайси, конечно, что-нибудь подобное возможно, и ваша гипотеза неплохо подходил к данному случаю. Но остается один открытый вопрос. Язык, на котором говорили древние бритты до периода Беовульфа, почти не имел ничего общего с современным английским языком. И я не могу поверить, что Мок сумел изучить чуждый ему язык в течение своего короткого пребывания в нашем столетии.

Тогда я спросил у доктора, каково его собственное мнение.

— Мне кажется, — начал Джервис, — что ваше предположение о времени совершенно правильно. Мок действительно заблудился на тропинках времени. Но он пришел не из прошлого!

Я задал очевидный вопрос.

— Давайте обдумаем снова известные нам

факты, — предложил Джервис. — Некая страна, скажем, Америка, была опустошена войной. Цивилизация разрушена. Выжившие должны обитать, подобно дикарям, в пещерах или хижинах. Науки умирают, культура умирает, разговорная речь почти атрофируется. Однако современный английский язык все еще остается в грубо урезанной форме для необходимого общения. Как всегда в примитивном обществе, образовался круг посвященных, возможно, первоначально состоявший из немногочисленных выживших ученых и студентов, который хранит немногие оставшиеся знания. Они оказываются в меньшинстве и, чтобы выжить, создают религию, называют себя священниками и передают знания из поколения в поколение. Пятьсот лет спустя никто уже не помнит о галстуках-бабочках и тому подобном. Английский язык уменьшается до пары сотен жизненно необходимых существительных и глаголов. Спать, устал, голодный, горячий, холодный, работать, бороться, умирать и так далее. Возможно, тогда кто-то из духовенства находит разгадку путешествий во времени. И ради эксперимента он посылает Мока на столетия в прошлое. Если все времена существуют одновременно на разных уровнях, то Рим Цезаря,

Франция Людовика, Англия Елизаветы и Америка Линкольна все еще существуют, словно записанные на некоем автоматическом фонографе. А если прошлое существует рядом с настоящим, то что из этого следует?

— То, что существует и будущее?

Джервис кивнул и продолжал:

— Я полагаю, что Мок был эмиссаром из будущего. Мы с вами узнали от него, на что может походить Будущее. Времена скотства и дикости, где людям рвут глотки, а науки скрыты за стенами храмов. И это было вызвано обширной, разрушительной войной, войной, уничтожившей всю Цивилизацию, всю веру в Бога и Человека. Мистер Дайси, мы стоим на пороге этого бедствия. Возможно, мы были выбраны провидением как пророки. Возможно, мы в силах изменить будущее и спасти Человечество от уничтожения. Но борьба будет жестокой. Всего лишь два человека против сил тьмы, стоявших на пороге сегодняшнего мира. Мы станем партнерами, мистер Дайси?

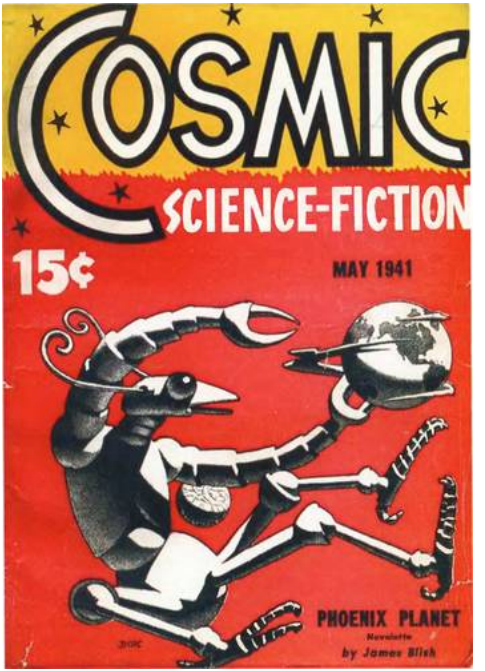
Он протянул худую, запачканную никотином руку, и я крепко пожал ее. Потому что нашел друга.

Мое предупреждение подходит к концу. Те-

перь Человечество имеет шанс выжить. Выбор находится в руках всех нас. Мы с доктором Джервисом будем продолжать свое дело. Но остальное, джентльмены, — за вами!

Подписано Полом Дайси, доктором психологии, и Карлтоном Джервисом, доктором медицины.

Uncanny Stories, April 1941


COSMIC
SCIENCE-FICTION
15¢
MAY 1941
PHOENIX PLANET
Novelette
by James Blish

ДЖОН Л. ЧЭПМЕН
Время инкорпорейтед

Касмир из Орды стоял в огромном вестибюле и смотрел на дверь перед собой. На двери была табличка: «Стэнли, Холмс и Фортмиллер, агенты времени. Вход». Касмир колебался, одергивал похожую на тунику одежду, приглаживал руками неопрятные темные волосы. Затем он вошел, бесшумно ступая обутыми в сандалии ногами.

Фортмиллер был высоким, краснолицым, с кудрявыми волосами. Холмс — маленьким и жилистым. Стэнли, самый молодой из них, — смуглым.

Они одновременно обернулись и уставились на посетителя.

— Да? — спросил Джек Стэнли.

— Вы — агенты времени, не так ли? Позвольте представиться. Я Касмир из Орды 2012. Я хочу как можно скорее вернуться в этот год.

— Сумасшедший, — сказал Холмс. — Выкиньте его!

— Погоди! — отозвался Стэнли. — 2012 год, вы сказали? Вы утверждаете, что вы из этого года?

— Правильно.

— А как вы оказались в 1948 году?

— В моем флайере времени. Он был разрушен нынче утром, когда взорвалась лаборатория. Я должен вернуться обратно, иначе моя миссия будет провалена…

— Лаборатория Вудли! — воскликнул Фортмиллер, вскакивая на ноги. — Да, я помню его имя — Вудли!

Он замолчал, пораженный, потому что у него тут же возникла куча вопросов.

— Не спешите, — сказал Стэнли. — Расскажите-ка нам, что у вас за дела с Вудли, и отчего произошел взрыв? — обратился он к посетителю.

Тот мгновение поколебался, затем ответил:

— Ну, у Вудли было новое оружие, очень мощная бомба, радиоуправляемая. В ней использовалась новая взрывчатка, которую Вудли называл деконитом.

— А откуда появились вы?

— Повторяю, я — представитель Орды 2012 года. Мы ведем войну с Двеллерами. И у нас, и у наших врагов нет серьезного оружия. Однако у Орды была машина времени. Вот я и полетел в прошлое, чтобы добыть мощное оружие. Видите ли, все оружие было уничтожено в большой войне

1994 года — войне, которая изменила мир, после которой и появились Орда и Двеллеры… — Он замолчал, глядя на изумленное выражение лиц трех агентов времени.

— Это невозможно! — усмехнулся Генри Холмс. — Это просто сумасшедший!

— Давайте дослушаем его, — возразил Стэнли. — Продолжайте, — кивнул он посетителю. — Расскажите нам о докторе Вудли. Что с ним случилось?

— Хорошо. Выяснилось, что у доктора было оружие, которое я искал. Я приземлил флайер времени в его лаборатории, пошел к нему и рассказал о цели своего появления. Он удивился и не поверил мне, но я показал ему флайер и, таким образом, доказал правдивость своих слов. Через некоторое время я убедил его создать прототип бомбы. Он передал мне его вчера вечером, и я понес к нему домой, где жил по его настоянию. Он остался в лаборатории, сказав, что придет попозже и что хочет проверить все еще раз, чтобы не допустить никакой ошибки. Но он не пришел — очевидно, стал экспериментировать с новой деконитовой бомбой, взрыв которой и разрушил лабораторию прошлой ночью. А вместе с лабораторией погиб мой флайер времени. Но у меня

остался прототип бомбы, и я должен отвезти его Орде в 2012 году.

— Вот в этом-то и проблема, — пробормотал Джек Стэнли. — Наша машина времени не может отправиться в будущее. Она может летать только в прошлое.

— И я уверен, — прервал его Генри Холмс, — что полеты в будущее вообще невозможны. Будущее нереально, даже в пространстве времени.

Касмир из Орды странно посмотрел на ученого.

— Невозможно? Не может быть.

— А вы делали это? — спросил его Холмс.

— Нет. Мы не путешествовали во времени прежде. Но принцип для полетов в будущее весьма прост. Он походит на древний спорт, называемый рыбалкой. Рыбак закидывает леску, затем делает подсечку и вытягивает леску к себе.

— Сравнили рыбалку с путешествием во времени! — рассмеялся Холмс.

Касмир продолжал, не обращая внимания на его слова:

— При путешествии во времени рыбак — это настоящее. Его время устойчиво и может служить отправной точкой для путешествия как в прошлое, так и в будущее.

— В самом деле, — пробормотал Фортмиллер. — В нашей машине времени мы используем настоящее для, так сказать, толчка в прошлое.

— Конечно, — кивнул Касмир. — Поэтому в ваших путешествиях возвращение в настоящее является всего лишь возвращением к исходной точке, а не полетом в будущее. Вот если бы вы полетели в противоположном направлении от центра, это и был бы полет в будущее.

— Полет в ничто! — рявкнул Холмс. — Будущего не существует. Касмир не обратил на него внимание.

— Рыбак (в нашем случае — настоящее) бросает машину времени в противоположном направлении от центра, а возвращение подобно тому, как он вытягивает леску.

— А центром вашего полета во времени, — вставил Стэнли, — был 2012 год. Верно?

— Верно. Уничтожение моего флайера времени походило на то, как рыба рвет леску. Я потерял контакт с моим центром. А теперь достаточно произвести незначительные изменения в вашем аппарате, и я докажу вам, что путешествие в будущее ни в коем случае не является невозможным. Вы согласны?

— Нет, — отрезал Холмс.

— Стоит попробовать, Генри, — вступился Стэнли. — Давайте дадим ему шанс.

— Ладно, — сдался Фортмиллер. — Тащите сюда вашу радиобомбу, и мы допустим вас к «Бесси».

«Бесси» была восемь футов в высоту и пятнадцать в длину, и внутри было достаточно места для четырех мужчин у сложного пульта управления. Касмир из Орды хмурился, разглядывая многочисленные рычажки и индикаторы.

— Странно, — пробормотал он. — Я думал, у вас техника больше развита. Если бы я не читал из любопытства древние книги, мне было бы трудно разобраться…

— Все равно ничего не выйдет, — пробормотал Холмс.

— Увидите, — пообещал Касмир. — Все готово. Пункт назначения синхронизирован. Можно запускать.

Стэнли схватил пусковой рычаг, секунду поколебался и нажал его.

Внешний мир за круглым иллюминатором стал туманным и исчез. Машина вошла в пространство вне времени, которое было мертво, пусто и бесцветно.

Через секунду в иллюминаторе снова прояснилось. Стремительно и бесшумно машина

перепрыгнула через десятилетия к…

Касмир бросился к иллюминатору, взглянул из него и закричал:

— У нас получилось! Я узнаю эти холмы и равнину! Мы прилетели в будущее — точно в то время, которое я наметил!

— Чепуха! — фыркнул Генри Холмс. — Это может быть любое место и время. Откуда вы знаете, что это 2012 год?

— Успокойтесь, — предостерег его Фортмиллер. — Скоро все станет ясно.

Касмир распахнул металлическую дверь и с радостным воплем выпрыгнул наружу.

— Вон город! — показал он рукой. — Город Двеллеров!

Агенты времени повернулись в указанном направлении. На востоке, сверкая в свете утреннего солнца, стоял серебряный город колоссальной высоты и неописуемой красоты. Изящные мерцающие башни тянулись ввысь сквозь ажурную ткань переплетающихся дорожек и сводчатых переходов. Город был небольшой, не более мили в поперечнике, но изумительно красивый.

— Он великолепен! — задыхаясь, промолвил Холмс.

— Вот видите, — сказал Касмир. — Это 2012 год.

Я узнал этот город. Это дом Двеллеров. Если бы мы могли уничтожить вон те башни, то война бы закончилась!

Джек Стэнли с изумлением посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что люди в городе безоружны?

Касмир кивнул.

— Когда город строился, не было никакой нужды в оружии. И так было вплоть до восстания Орды. В начале войны обе стороны оказались беззащитными и невооруженными. Конечно, есть несколько древних пушек, но они используются для защиты города. А мы не смогли создать такие.

Он нырнул в машину времени и выволок оттуда большой ящик. Из ящика он достал черную коробку, цилиндрическую трубу с разными насадками и с десяток пакетов.

— Несколько деконитовых бомб, — пояснил он, устанавливая трубу на штатив, — и с городом будет покончено. Оружие доктора Вудли то, что надо…

Фортмиллер почесал затылок.

— Послушайте, — растерялся он, — вы что, собираетесь обстреливать город… даже не предупредив их?

Касмир даже не взглянул на него.

— Идет война, — с горечью сказал он, — и превосходство Двеллеров тянется слишком долго…

Его прервали невнятные крики, раздавшиеся позади них. Все обернулись. К ним двигалась странная толпа оборванцев. Сначала были видны лишь головы, затем появились загорелые тела. У них не было видно никакого оружия, кроме грубо сработанных копий. 11 они шли к городу.

— Орда? — с надеждой спросил Стэнли.

Лицо Касмира становилось все более хмурым.

— Нет, — прошептал он. — Они одеты, как Орда, но это не Орда. Это Двеллеры.

— Но вы же говорили, что Двеллеры живут в городе!

— Говорил, — озадаченно произнес Касмир. — Но это — Двеллеры. Я бы не перепутал их ни с кем. Кроме того, вон видите, Марл — их главный лидер. Прежде чем я отправился в прошлое, он правил ими из дворца в городе!

Толпа продолжала прибывать, их было уже больше сотни, и наверняка они видели не всех. Лидер, на которого указал Касмир, поднял руку, и движение замедлило ход.

— Ничего не понимаю, — прошептал Касмир. — Должно быть, это какая-то уловка. Но как бы

то ни было, это Двеллеры, и я поверну деконит против них…

— Нет, — возразил Стэнли. — Они же нападут на нас.

Но Касмир уже направил на них металлическую трубу. Как только воины поняли, что это значит, сбылось предсказание Стэнли. По крику Марла Двеллеры помчались вперед с копьями наизготовку.

Касмир испустил вопль ужаса, бросил трубу и бросился бежать к городу. Когда полетели камни и копья, агенты последовали за ним.

— Это невозможно! — прохрипел на бегу Генри Холмс. — Все полностью изменилось!

— Возможно, этот Марл знает, — задыхаясь, ответил Фортмиллер, — что все это значит. Спрашивайте его, а не меня…

— Они прекратили преследование, — крикнул Касмир, замедляя бег. — Не хотят подходить к городу.

— Обратно мы не пойдем, — прорычал Фортмиллер, вытирая со лба пот. — Город выглядит намного привлекательнее.

Никто не спорил, и уже через несколько шагов они вошли в Город.

Улицы заполнял народ.

— Орда, — пробормотал Касмир. — Это люди из Орды, но одеты, как Двеллеры…

Горожане недоверчиво глядели на Касмира и трех его спутников. В отличие от воинов в поле они были одеты чисто и опрятно. И пока что никто из них не узнал Касмира.

— Рамнол, — сказал Касмир, — был лидером прежней Орды. Скорее всего, мы найдем его во дворце. Он все объяснит.

Дворцом называлась высокая башня с широким арочным входом. Касмир провел группу через него, и они поднялись вверх на подъемнике.

— А вы хорошо знаете город, — заметил Генри Холмс.

— Я бывал здесь раньше, — сухо ответил Касмир. — Еще до войны.

Он провел их по изогнутому коридору со стражниками, которые молча кивали ему, и путешественники оказались в небольшой роскошной комнате.

Там был Рамнол, предводитель Орды-толстый, коротконогий человек с пухлым лицом и маленькими глазками. Он взглянул на Касмира и громко спросил:

— Ну? Чего вам нужно?

— Вы помните меня, Рамнол? Я Касмир! Я был

в прошлом!

Предводитель нахмурился.

— Касмир? Что-то припоминаю… Кто-то упоминал, что ты исчез. Где ты был?

— В прошлом! Я взял наш флайер времени и вернулся во времена до войны. И я нашел там оружие, мощное оружие!

Рамнол тревожно сдвинул брови, руки его судорожно комкали одежду.

— Оружие? Да, нам нужно оружие, но о каком фланере ты говоришь? Я не понял…

— Вы что, забыли? — закричал Касмир. — Что случилось Ордой. Рамнол? Вы что, отобрали город у Двеллеров?

Рамнол явно был изумлен.

— Ты говоришь что-то странное. Пет, мы не отбирали город — он всегда был нашим. Ты что, не помнишь? Двеллеры живут снаружи и уже много лет пытаются ворваться к нам…

— Но когда я улетал, — настаивал Касмир, — все было точно наоборот. Снаружи была Орда — и пыталась захватить город.

Один долгий миг Рамнол внимательно глядел на него.

Генри Холмс потер бровь и пробормотал:

— Это просто безумие. Это невозможно…

Касмир упрямо продолжал рассказывать свою историю, как он прибыл в 1948 год, как был уничтожен флайер и как он вернулся обратно с агентами времени. Лидер Орды слушал внимательно, а когда Касмир закончил, сказал:

— Первое путешествие в будущее, как вы говорите, и, с чем согласны ваши друзья, было совершено из точки настоящего в 1948 году. Странно. Может быть…

— Кажется, я начинаю понимать, — вмешался Генри Холмс. — Ну, именно это я и говорил. Я был прав! Я говорил…

— Два будущих! — воскликнул Стэнли.

— Не два, — покачал головой Холмс. — Сколько угодно. И эти временные линии не существуют, пока мы не покидаем наш отправной пункт.

— Верно, — кивнул Рамнол. — Ваша машина доставила вас в другое будущее — очень похожее на оригинальное будущее Касмира, только Орда и Двеллеры поменялись в нем местами.

— Но тогда, — воскликнул Джек Стэнли, — при возвращении мы тоже можем сбиться с пути и попасть не в тот 1948 год!

— Возможно, — пробормотал Рамнол. — Машина двигалась в несуществующее будущее из вашей отправной точки. Что-нибудь могло

случиться…

Ночью с балкона дворца были видны костры Двеллеров. А также с балкона был великолепный вид на прекрасный город Орды. Полная луна поднялась в небе на востоке.

— Я ожидаю нападения на рассвете, — тихо произнес Рамнол.

— Это будет безоружное сражение.

— Если Двеллеры не разберутся в деконитовом устройстве, — быстро добавил Джек Стэнли.

— Они могут попробовать применить его, — сказал Касмир.

— Марл достаточно умен.

— Странный народ эти Двеллеры, — небрежно заметил Рамнол.

— Мы в городе никогда не понимали их. Из их армии частенько дезертируют и бегут в город. Но поскольку они нам бесполезны, а мы должны принимать меры предосторожности против шпионов, то нам остается только стрелять в них, пока они не достигли ворот.

— Это звучит забавно, — ответил Фортмиллер.

— Похоже, что орда и Двеллеры воюют уже давно, — сказал Джек Стэнли. — Так что они и так хорошо осведомлены.

Рамнол широко улыбнулся.

— Пожалуй, — прищурился он. — Однако мы воюем уже многие десятилетия, многие из нас родились во время войны, так что мы научились отбрасывать такие чувства, как жалость и….

— Смотрите! — закричал Холмс. — Вон один из дезертиров!

С востока к городу неслось крошечное взъерошенное существо, махая рукой на бегу. Предводитель Орды с удивлением наблюдал за ним.

— И правда, дезертир. Ладно, охрана разберется с ним.

— Нет, с ним разберусь я, — хмыкнул Фортмиллер и вытащил из внутреннего кармана небольшой пистолет. — Я заранее приготовился к неожиданностям и теперь хочу получить удовольствие.

— Постойте! — возразил Стэнли. — Вы же не думаете стрелять…

Фортмиллер нажал спусковой крючок, раздался выстрел, и оборванец покатился в пыли.

— Вы идиот! — зарычал Стэнли. — Смотрите, что вы наделали…

— Все в порядке, — прервал его Рамнол. — Он просто застрелил дезертира. Это обычно в городе.

— Конечно, — кивнул Фортмиллер. — Кроме

того, он был Двеллером.

— Кончайте спорить, — вмешался Касмир. — Парень уже мертв, и не стоит ссориться из-за этого. Я предлагаю забыть об этом инциденте и немного отдохнуть — до рассвета.

— Минутку, — покачал головой Генри Холмс. — Вы что, хотите ничего не делать и просто ждать, когда нас перебьют на рассвете? Двеллеры обстреляют нас деконитом…

— Вот теперь вы говорите по делу, — согласился Стэнли. — Мы должны отобрать у них это оружие. Если мы это сделаем, Двеллеры нам не страшны.

— Но как это сделать? — пожал плечами Касмир. — Кто захочет рискнуть?

Фортмиллер хихикнул и повертел на пальце пистолет.

— Нет ничего проще, — ухмылялся он. — Почему никто не подумал об этом раньше?

Его долговязая фигура появилась у дальнего края балкона. Там он перелез через перила и спрыгнул на стену, смутно освещенную кострами Двеллеров.

— Подвиньтесь-ка, — сказал Стэнли, намереваясь идти за ним, но Рамнол схватил его за плечо.

— Нет! Бесшумно пройти там сможет только один. Если он сумеет заполучить оружие, тем

лучше…

Фортмиллер полз по мягкому песку вдоль края освещенной кострами ложбины. Время от времени он оглядывался на свои следы, тянущиеся в темноте к безмолвному городу. Луна спряталась за облаками, и единственным освещением был теперь свет от костров и факелов Двеллеров. Справа показалась металлическая стена машины времени. Фортмиллер осматривался в поисках деконитового орудия, и его надежды таяли с каждой минутой.

Дюйм за дюймом Фортмиллер подползал к краю освещенной площадки и вскоре увидел цепочку факелов и голову предводителя Двеллеров. Распластавшись на песке, Фортмиллер чуть приподнял голову и увидел прямо перед собой ужасную сцену.

Предводитель Двеллеров Марл и несколько его помощников столпились возле деконитового орудия. Его труба была направлена вверх в сторону города. Присев на корточки, Марл внимательно рассматривал оружие. Старый воин был достаточно умен, чтобы разобраться в его действии. Касмир был прав — оружие, которое предназначалось для Орды, собирались использовать Двеллеры! Еще через мгновение бородатое

лицо Марла озарилось улыбкой.

Его пальцы пробежались по кнопкам орудия, в то время как помощники попятились от треноги. Медлить было нельзя.

Выхватив пистолет, Фортмиллер вскочил на ноги и с криком бросился вперед. Марл с удивлением обернулся, забыв про кнопки, и потянулся к дубинке.

Фортмиллер прыгнул, поскользнулся и остановился возле треноги. Он угрожающе поднял пистолет, забыв, что Двеллеры не знают, что это такое.

Так и случилось. Они бросились на него. Фортмиллер выстрелил, один человек упал, но остальные продолжали наседать. Рыча от ярости, он схватил трубу и бросился с ней вверх по склону холма. Помощники Марла ринулись за ним, и все вместе они скатились в ложбину. Его прижали к земле, рвали одежду и старались выхватить из его рук трубу. Фортмиллер хотел выстрелить еще раз, но получил удар по запястью и потерял пистолет. Яростно сопротивляясь, он ударом ноги отбросил двоих и ринулся бежать. Его догнали, сбили с ног и на этот раз все же выхватили трубу. Фортмиллеру опять удалось подняться на ноги. Несколько человек вцепились в него, но он сумел

вырваться из их рук и убежать. Перед ним возник расплывчатый силуэт машины времени. Фортмиллер бросился к ней, успел юркнуть внутрь и запереть за собой металлический люк, прежде чем подоспела погоня. Теперь ему ничего не оставалось, как наблюдать за ними в иллюминатор.

Часть армии Марла окружила машину времени и стала колотить дубинками по стенкам. Потом они обнаружили люк и попытались вышибить его с тем же успехом. Фортмиллер усмехался, глядя на их усилия.

Через какое-то время, когда они поняли тщетность своих усилий, стук прекратился. Воины отошли назад в ложбину. В мерцающем свете факелов Фортмиллер увидел, что они приволокли трубу обратно и принялись устанавливать ее на треногу. Очевидно, орудие осталось неповрежденным, так как через некоторое время раздались радостные крики.

Фортмиллер в отчаянии отвернулся. Его мозг бешено искал возможность отнять у них орудие. Он должен сделать это, или придумать, как можно связаться с городом, или…

Через мгновение он придумал. Лицо его прояснилось, и он что-то пробормотал о собственной глупости. Он включил панель управления и с

тревогой склонился над ней.

Снаружи раздался громкий свист. Фортмиллер бросился к окну и успел заметить огненный след, уже достигший апогея и снижавшийся прямо к башням города Орды. Деконитовая бомба!

Фортмиллер бросился к пульту. У него была машина времени — средство передвижения на годы или минуты, мгновенно добиравшееся до цели. Так что шанс был…

Фортмиллер нажал кнопку. Полет занял долю секунды, и за иллюминатором кое-что изменилось. Исчез свет факелов. На небе висела полная луна, освещавшая пустую песчаную долину. Когда Фортмиллер подошел к иллюминатору, то ясно увидел город Орды. Минуту назад он был на востоке, а теперь оказался на западе.

Фортмиллер открыл люк и вылез наружу. Нужно было спешить в город.

Он переместил машину времени на тридцать минут в прошлое. Конечно, существовал шанс, что он оказался в другом прошлом, но Фортмиллер был уверен, что столь краткий перелет не окажет такого воздействия. Если он прав, то успеет предупредить людей в городе о бомбе. Он должен сообщить, что Марл разобрался в управлении деконитовым орудием и использовал его

против Орды. Он может спасти тысячи жизней, включая жизни своих товарищей Стэнли и Холмса, соратников по агентству времени.

Фортмиллер бежал, опустив голову, с отчаянно бьющимся сердцем. Время от времени он поднимал взгляд и видел, как город все явственнее вырисовывается перед ним в бледном лунном свете. Переполненный ликованием, он бежал все быстрее. Но одновременно в нем начала пробуждаться тревога. Он начал смутно вспоминать человека, бегущего к городу, так же, как он сейчас… и выстрел — это он выстрелил в дезертира.

Рот у него был широко раскрыт. Перед глазами все расплылось, он чувствовал нарастающую волну паники.

Самого выстрела он не услышал. Фортмиллер увидел только короткую вспышку, покачнулся, пробежал по инерции несколько шагов и рухнул на землю.

* * *

— Он вернется, — убеждал его Генри Холмс. — Этот Марл может оказаться умным и научиться управлять деконитовым орудием.

— Он умен, — ответил Рамнол. — Он — единственный умный человек среди Двеллеров,

поэтому и стал их вождем. Я не сомневаюсь, что он может… Но взгляните-ка, что там за волнение на улице? Что там случилось?

— Что-то там происходит, — сказал Касмир. — Нужно спуститься и посмотреть.

Все четверо спустились в подъемнике дворца. На улице они увидели толпу. Впереди нее шли стражники с носилками, на которых лежало окровавленное, взъерошенное тело.

— Мы обнаружили его за стенами, — обратился один из стражников, перекрикивая шум толпы. — Кто-то узнал, что это один из наших друзей из прошлого.

— Фортмиллер! — воскликнул Стэнли, уставившись на носилки. — И он застрелен… Это он был дезертиром!

— Вы сошли с ума! — не поверил Холмс. — Это Форти стрелял в дезертира!

С бледным лицом, Джек Стэнли ткнул рукой в сторону носилок.

— Посмотрите сами. Это — Фортмиллер, и он мертв.

Касмир задумчиво стоял рядом с ними.

— Есть лишь одно объяснение, — внезапно вмешался он. — Ваш товарищ столкнулся с опасностью и заперся в машине времени. Потом он

передвинулся назад во времени и посадил машину на противоположной стороне города. Он хотел предупредить нас о чем-то…

— Марл! — закричал Рамнол. — Марл понял, как использовать орудие…

— Значит, город собираются бомбить, — прервал его Касмир.

— Нужно немедленно эвакуировать население!

Рамнол не нуждался в дальнейших разъяснениях и отдал приказ о немедленной эвакуации. Результат оказался неожиданным и удивительным.

Население спокойно покинуло город, а армия во главе с Рамнолом вышла через западные ворота и направилась к лощине, где прятался Марл с деконитовым орудием.

На полпути к цели они остановились, когда над ними пронеслась яркая полоса света.

— Бомба! — закричал Касмир.

Со страхом они наблюдали, как полоса пересекла небо и упала на город. Она врезалась в центральную башню, и в воздух взлетели обломки.

Лицо Рамнола побелело.

— Быстрее! — завопил он. — Мы должны до-

браться до них, прежде чем они выпустят еще одну бомбу!

Его слова возымели эффект. Армия быстро достигла лощины между холмами, где скрывались тысячи Двеллеров.

Джек Стэнли почувствовал, что его тянут за рукав. Он остановился и услышал скулящий голос Генри Холмса.

— …их битва, — едва разобрал он слова. — Не должны… никакого участия в ней!

— А что будет с орудием? — завопил в ответ Джек. — Мы должны забрать его отсюда!

Но Холмс не услышал его. Поток воинов Орды смял его и сбил на землю. Стэнли пригнулся, оттолкнул пару воинов и поднял хилое тело Холмса. Он пинался, пихался и толкался, с трудом пробивая себе путь поперек потока наступавшей армии. Из лощины внизу доносился шум битвы Орды и Двеллеров.

Генри Холмс вытер кровь со щеки и с тревогой смотрел на Джека Стэнли. Когда же дыхание успокоилось, он сказал:

— Мы не принадлежим к этому времени, давайте-ка выбираться отсюда!

— Но орудие Вудли…

— Да черт с ним, пусть они им владеют. А нам

предстоит вернуться в наш родной 1948 год. В итоге мы не получили ничего, и потеряли Форти…

— Да, возможно, вы правы. Теперь все выглядит немного иначе.

— Вон, смотрите, Двеллеры снова проиграли и разбегаются. Рамнол завладеет орудием, и это все, что ему нужно.

— Да уж, теперь Двеллеры будут лизать ему сапоги…

Стэнли помог Холмсу подняться на ноги, и они пошли назад к городу.

— Мы должны все проверить, — бубнил по дороге Холмс. — У нас есть еще о чем поволноваться…

Они миновали город и пошли на восток в ярком свете луны. Позади постепенно стихали отдаленные крики Орды. Впереди уже вырисовывались очертания машины времени.

Очутившись в безопасности за ее стенами, Генри Холмс промямлил:

— Теперь найдем правильный 1948 год.

— Это может быть нелегко, — ответил Стэнли. — Мы сейчас находимся в будущем, которое не существовало и не может существовать относительно нашего времени. Так что это отличается от простого путешествия в прошлое. Нас может

выбросить где угодно…

— А я по-прежнему заявляю, что это чушь! — фыркнул Холмс.

— Несуществующие будущие, каналы времени — все это…

Вместо ответа Стэнли просто нажал стартовый рычаг. Холмс замолчал, застыв с открытым ртом. Безвременье снаружи окутало их подобно одеялу.

Полет прошел мгновенно, и за иллюминатором вновь посветлело. Через толстое стекло они увидели свою лабораторию в Агентстве Времени.

— Удача! — воскликнул Холмс.

— Если это наш канал, — хмыкнул Стэнли.

Они поспешно вылезли из машины и шумно ворвались в офис.

И тут они увидели, что время сыграло с ними еще одну Щутку.

— Привет! — бодро сказал Фортмиллер. — Ну и как там будущее?

— Он снял ноги с рабочего стола и смотрел на них, зевая и потягиваясь.

— Вы? — задохнулся Холмс. — Но вы же мертвы! Вы же стреляли в себя!

Фортмиллер уставился на него.

— Я мертв? Разве я выгляжу мертвым? Непло-

хая шутка, Генри…

— Погодите, — вздохнул Джек Стэнли. — Давайте во всем разберемся. Мы все полетели в будущее, Форти. Разве вы не помните бомбу Вудли и Касмира? И…

— Конечно, я все помню. Но с чего вы взяли, что я полетел с вами? Все это время я оставался здесь. Я сказал вам, что мне не хочется лететь. И теперь, глядя на вас, я доволен, что остался.

Стэнли сглотнул.

— Вы не полетели! Конечно, вот именно! Мы действительно оказались в другом временном канале, Генри, в котором Форти остался дома. Он просто не захотел пойти с нами!

Холмс опустился на стул.

— Понятно… Теперь я все понял. Но какую мы с этого получили выгоду? Мы — Агенты Времени, и наш бизнес собирается накрыться.

— Да, — кивнул Стэнли. — Путешествия во времени прихлопнулись. Не можем же мы постоянно болтаться между десятком-другим будущих и ожидать…

— Вы несете чушь! — прорычал Фортмиллер. — О каких десятках будущих вы болтаете, да еще о том, что я застрелился? Вы оба сошли с ума. К тому же, наш бизнес в порядке — все под кон-

тролем. Полчаса назад приходил один парень и предлагал выкупить его у нас. Он сказал, что у нас хорошее дело, и некие большие парни заинтересовались им. Я ответил ему «нет», но он сказал, что для начала мне лучше обсудить это с вами. Он скоро вернется с парочкой тысяч в качестве аванса. Если хотите, мы можем продать дело, но я не понимаю, почему. Все же идет прекрасно. Я просто не могу понять вас, ребята…

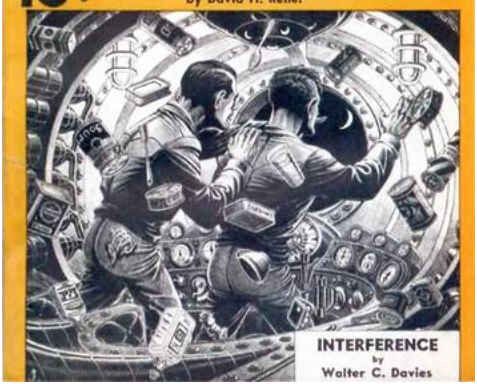
Cosmic Science Fiction 1941, № 5

COSMIC SCIENCE-FICTION

15¢

JULY '41

THE RED DEATH
SHORT NOVEL
by David H. Keller



INTERFERENCE
by
Walter C. Davies

УОЛТЕР КУБИЛИУС
Необычное дело

— Сегодня нас ждет необычное дело, — объявил главный судья Верил своим коллегам.

— Дело номер 43! — провозгласил охранник. — Человек утверждает, что путешествовал во времени.

— Позвольте ему войти! — велел главный судья Верил.

Распахнулись массивные деревянные двери, и в зал в сопровождении вооруженных охранников вошел профессор Стаймсон. Несколько секунд он стоял перед пятью высокими креслами членов суда, пока его глаза привыкали к полутьме и мерцающим огням свечей.

Верил задумчиво листал страницы лежавшей перед ним папки. Остальные члены суда скучающе смотрели на потрепанного Стаймсона.

— Согласно записям, — лениво начал главный судья, — вчера вы бродили по саду, не имея при себе ни паспорта, ни других документов, удостоверяющих личность. Когда вас задержали, вы заявили, что путешествуете во времени. Вы мо-

жете что-нибудь пояснить по сути обвинения?

Стаймсон подошел поближе к судейской скамье. Он не заметил, как охранник последовал за ним.

— Могу, — сердито буркнул он. — Я не понимаю, почему меня посадили в тюрьму и избили, как какого-то уголовного преступника. Мое имя — профессор Стаймсон, и я прибыл к вам из 1941 года.

— И как же вы прибыли? — спросил Верил, борясь с зевотой.

— При помощи Сложно-диссолютивного силового комплекса, который я изобрел в 1939 году.

— Вот как, — Верил поджал губы. — Который вы изобрели!

— Да.

Между Верилом и наблюдающим судьей произошло быстрое совещание. Несколько секунд они шептались, затем Верил снова повернулся к Стаймсону.

— Будьте так добры, расскажите еще раз вашу историю, — попросил он, — с самого начала, не опуская никакие факты.

— Мое полное имя — Питер Робертс Стаймсон, — начал обвиняемый. — Я родился 2 апреля в Олбани, штат Нью-Йорк.

— Какая это страна?

— Разумеется, Соединенные Штаты.

Стаймсон продолжал кратко излагать историю своей жизни и своих занятий, а главным образом — открытия силы, которая дала ему возможность путешествовать во времени. Боясь, что суд может расценить его рассказ как обман и не поверить, что он прилетел из 2 000-летнего прошлого, Стаймсон попытался дать картину мировых событий перед своим отбытием во время Второй мировой войны. Он говорил быстро, выделяя главные события и сообщая точные данные о городах и памятниках, которые могли быть проверены. Он не принес с собой ничего из прошлого, но сказал, что мог бы быть настоящим подарком историкам, которые теперь могут узнать гораздо больше о жизни до 1941 года. А все, что он желает, — это стать свободным и изучать культуру и цивилизацию будущего.

Когда он закончил рассказ, несколько секунд стояла тишина.

— Обычная история, — зевнул один из судей.

— Есть небольшое отличие в деталях, — отметил другой. — А вы заметили, что он назвал точный год отбытия — 1941-й?

— Верно, верно, — согласился Верил, — я это

заметил. Но остальные симптомы те же самые.

— Симптомы? — спросил путешественник по времени. — Что значит — симптомы? Вы хотите сказать, что я безумен?

— Но какое красивое использование мифологии и народных преданий! — с энтузиазмом воскликнул Верил. — Какое роскошное развитие легенды о стране, называемой Соединенными Штатами! А названий таких стран, как Германия, Великобритания и Франция, я не встречал ни в каких сказках.

Стаймсон изумленно переводил взгляд с одного судьи на другого.

— Значит, вы хотите сказать, что не верите мне! — поразился он.

— Отметьте тот факт, — обратился Верил к судье-наблюдателю, не обращая внимания на охваченного паникой Стаймсона, — что все они утверждают, что прибыли из прошлого, более чем полторы тысячи лет назад. А почему не из вчера? Не из позавчера? Не из прошлого месяца? Да потому, что любой сумасшедший хотя и безумен, но имеет достаточно разума, чтобы понять, что его рассказ может быть опровергнут записями, если он скажет, что прибыл из исторических времен, о которых у нас есть точные сведения.

Вот они и заявляют, что прибыли из доисторических времен, до Больших Вулканических Дней.

Пораженный, Стаймсон пытался разгадать лежащую перед ним загадку. Действительно ли он находится в 3941 году? Может, он ошибся в расчетах? А может, это иная Земля? Но в нем росло ужасное осознание истины. Цивилизация, которую он знал, была разрушена, а возникшая на ее пепле новая совершенно ничего не знала о прежней.

— И каков приговор? — спросил Верил.

— Самый обычный.

— Все согласны?

— Согласны.

— Подсудимый, — обратился Верил к Стаймсону, — никакое общество не может долго терпеть, если члены его становятся безумными и неспособными спокойно жить с остальными. Ваше безумие по-научному великолепно. Но вы — изгой среди нас. Поэтому приговор — смерть.

Стаймсон так и не понял, что убило его. Он только почувствовал быстрый удар охранника Левия в спину, который точно поразил сердце. И погрузился во тьму, как и тогда, когда включил свою Машину Времени в 1941 году.

— Охрана, пожалуйста, избавьтесь от тела, —

попросил Верил.

Члены суда наблюдали, как двое охранников унесли тело Стаймсона.

— Бедняга, — задумчиво произнес наблюдающий судья. — Какие ужасные галлюцинации!

— Да, — кивнул Верил, — было уже много таких случаев. Человек сходит с ума и начинает рассказывать, что пришел из каких-то древних времен. Что же мы можем сделать? Позволить ему будоражить людей своими бреднями? Мы можем лишь поступить с ними милосердно и устранить.

— Это и есть необычный случай, который вы обещали?

— Нет-нет, — ответил Верил. — Такие случаи весьма часты. Необычно следующее дело. Сейчас мы рассмотрим его.

Стукнув копьем об пол, охранник прокричал:

— Дело номер 44! Человек утверждает, что прибыл с Марса!

Cosmic Science Fiction 1941, № 7

Astounding
SCIENCE FICTION
ATOMIC
POWER PLANT
BY JOHN W. CAMPBELL, JR.
FEBRUARY 1947
25 CENTS

РЭЙМОНД Ф. ДЖОУНС
Пит может все исправить

Только в Уикенбурге, штат Аризона, Ральф Грэндин заметил первый рекламный щит. В начинающемся рассвете пустыни он со смехом кивнул на него. Марсия, его жена, проследила за взглядом мужа.

«Пит может все исправить!» — прочитала она вслух. — Тогда нужно быстрее найти этого Пита, пока наша машина не сломалась окончательно.

— Потребуется некто посерьезнее какого-то Пита, чтобы отремонтировать наш быстрый «Шеви», — сказал Грэндин и похлопал ладонью по рулю машины, которая долго бежала по шоссе со скоростью сорок пять миль в час.

Тринадцатилетний Джек, их сынишка, презрительно глядел на них с заднего сиденья. Безотносительно умений неизвестного Пита Джек был уверен, что может сделать ремонт получше любого механика.

Уикенбург быстро исчез позади, и тишину пустыни нарушал лишь шум автомобильного двигателя. Это было летом 1946 года, в первые за

пять лет каникулы для профессора Грэндина и его семьи. Грэндин отклонил приглашение поехать этим летом на Бикини. Его работа по измерению радиации и так заслуживала хорошего отдыха. Кроме того, он хотел встретиться с Мэйсоном из Лос-Анджелесского университета, чтобы показать ему свой новый датчик. Ему нужно было пообщаться с кем-то вроде Мэйсона, а датчик был бы лучшей в мире темой для беседы.

— Глядите, Пит снова с нами, — показала Марсия на пустыню с ее стороны. Еще на одном поврежденном непогодой щите было смело написано черным по белому: «Затруднительное положение? Пит может все исправить».

— Помните рекламу новой бирманской бритвы, которую мы видели в Небраске? — спросил Джек.

«Это волнует, — подумал Грэндин. — Совсем как в старые добрые времена». Но он отлично знал, что это не так. И старые добрые времена никогда уже не вернутся. «Забавно, — подумал он, — когда люди думают, что могут вернуться к чему-то прошедшему. На Бикини нас ждал провал и слишком много мальчиков из атомной физики вернутся к коллекционированию бабочек. Бикини — это тупик. Прошлого не вернуть,

но можно постараться найти выход из неловкого положения»…

Пит справится с этим!

Это утверждение, казалось, выпрыгнуло на них из пустыни. Грэндин повнимательнее взглянул на знак. Не было никаких указаний, где находится этот сверхловкий Пит и что он может исправить, но это напоминало знакомый ориентир в бесплодной, ужасной пустоши.

— Было бы замечательно, если бы мы могли передать этому Питу весь мир, — игриво заметила Марсия. — Если бы только могли вручить его и сказать: «Пожалуйста, исправьте его. Счет пришлите в следующем месяце».

— В этом-то и проблема, — сказал Грэндин. — Слишком много развелось кругом Питов, которые думают, что могут все исправить; а мы знай плати по счетам.

— Вероятно, это просто деревенщина с захолустным гаражом у дороги, — пренебрежительно хмыкнул Джек.

Грэндин хихикнул. Джек несомненно будет стоить дюжины Питов, когда вырастет. Интуитивно мальчик был почти гением в области электромеханики. Он бегал по лабораториям, которыми руководил Грэндин, и рассуждал о дейтронах

и нейтронах с той же интонацией, с какой его ровесники говорят о бойскаутах и бейсболе.

Джек не был вундеркиндом — по крайней мере, на это надеялись Грэндин и Марсия. Но он был умным ребенком и когда вырастет, может стать чертовски полезным членом общества, если будет правильно управлять собой; эта проблема интересовала Грэндина наряду с атомными бомбами.

Благодаря волшебству и магии пустыни, таинственные плакаты внезапно привели их через двадцать миль после Кварцсайда к ветхому гаражу с единственным газовым насосом.

На нем была гигантская надпись во всю стену: «ПИТ». И ниже, строчными буквами, — уже знакомое, бескомпромиссное: «Затруднительное положение? Пит может все исправить». Это было написано относительно мелкими буквами, по сравнению с плакатами в пустыне, словно это утверждение тускнело перед лицом суровой действительности.

— Я был прав! — торжествующе воскликнул Джек. — Держу пари, что он не знает, как отрегулировать кулачковый вал. Давайте остановимся, заправимся газом и осмотримся, а, пап?

— Ладно, — рассмеялся Грэндин.

Но, так или иначе, у него возникло чувство какой-то потери, ностальгическое разочарование, словно исчезла некая детская мечта, когда в поле зрения появился этот обшарпанный сарай.

Когда Грэндин подъехал, стайка цыплят с писком ринулась врассыпную. Он выключил двигатель, и вокруг разлилась всепоглощающая тишина пустыни. Но внезапно ее нарушил металлический лязг, прозвучавший изнутри мрачного гаража с распахнутыми дверями.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — позвал Джек и добавил: — Вы только посмотрите, с какой машиной он возится!..

Грэндин и Марсия всмотрелись в темноту, откуда донесся этот звук. Они увидели проблеск переносной лампы в глубине гаража и мелькнувший в ней силуэт новой модели кадиллака. Это развеяло разочарование Грэндина.

— По крайней мере, у Пита здесь клиенты из высшего общества, — со смехом сказал он.

Из полумрака гаража появилась какая-то фигура. Она двигалась медленно, словно с чрезмерным усилием, точно таинственное существо выбиралось из пещеры, в которой обитало.

На солнечном свете таинственная фигура превратилась в человека в возрасте между двадцатью

пятью и тридцатью пятью. Он двигался неловко, словно его суставы были поражены подагрой. И даже под толстым слоем масла и грязи, покрывавшим его с ног до головы, проглядывалась кожа, покрытая пятнами, свидетельствующими о каком-то заболевании.

Он подошел к автомобилю.

— Сколько? — прозвучал вопрос.

Грэндин и Марсия взглянули в глаза механика и испытали почти материальный шок от того, какими темно-синими они оказались. Что-то еще было в лице этого человека — что-то голодное, пугающее.

Грэндин откашлялся.

— Полный бак, — промямлил он и вышел из машины, чтобы отпереть крышку бака, почти сознательно избегая взгляда незнакомца.

— Вы — Пит? — поинтересовался Ральф.

Механик кивнул, вставляя носик шланга в горловину бака.

— Мы видели ваши плакаты от самого Уикенбурга. Нас только удивило, где вы обосновались. По-моему, это довольно безлюдное место для ремонтной мастерской.

— Иногда машины ломаются и в безлюдных местах, — флегматично ответил Пит.

Он оторвался от индикатора насоса и заглянул в машину, а потом — снова в лицо Грэндина.

— Ничего, если я спрошу ваше имя? — нерешительно произнес он.

— Да нет, валяйте… Меня зовут Грэндин. Ральф Грэндин.

— Грэндин… — Пит как будто проверил его имя на вкус, словно ища какие-то старые, забытые воспоминания, затем слегка покачал головой, вытащил шланг и закрыл бак. — Мне показалось, я видел вас раньше, — прищурился он. — Вас в возрасте… Ну, как у этого мальчика. Ему ведь двенадцать, верно?

— Джеку уже исполнилось тринадцать. Спасибо, сколько я вам должен?

Пит оставался неподвижным, пристально глядя на Джека, словно пытаясь кого-то представить на его месте.

— Я ехал по этой дороге, когда был маленьким мальчиком, — медленно, с отсутствующим взглядом сказал Пит. — Мать с отцом взяли меня в поездку, и мы приехали по этой дороге… Когда я был примерно таким же, как ваш мальчик.

Грэндин протянул десятидолларовую бумажку. Пит посмотрел сквозь нее, словно пытался вспомнить нечто очень важное.

— Когда я был маленьким мальчиком, — рассеянно повторил он. — Но я не знаю, куда мы ехали… — Затем он встрепенулся, словно только что увидел Грэндина и деньги. — Разрешите, я проверю у вас масло, — попросил он. — При такой жаре нужно следить за его уровнем.

— Поторопись, Ральф, — прикрикнула Марсия. — В машине прямо парилка!

— Тогда выйди и попей чего-нибудь холодненького. А я посмотрю, нет ли здесь кексов в коробке, — ответил Грэндин.

И он пошел к магазинчику, где на полках рядышком лежали аспирин и поршневые кольца. Джек вылез из машины и склонился над капотом, в то время как Пит проверял масло. Напрасно Марсия пыталась жестами показать сыну, чтобы он держался подальше от этого отвратительного Пита.

— Эй, что вы делаете? — внезапно прорезал тишину пустыни голос Джека. — Па, этот парень даже не может отличить трамблер от датчика уровня масла!

Грэндин закрыл пустой холодильник для безалкогольных напитков и повернулся к нему.

— Какие проблемы?

Он подошел, поскольку Пит извлек одну из

деталей трамблера и осмотрел ее.

— Она долго не прослужит, мистер, — показал он. — Она может сгореть прямо в руке.

Грэндин искоса взглянул на почерневший металлический диск, который действительно истончился до того, что был почти что несуществующим.

— Ладно, думаю, он действительно нуждается в замене, — проворчал он.

— Семьдесят пять центов вместе с установкой, — выпалил Пит с рвением, которое казалось почти что отталкивающим, словно он был вороной, выхватывающей крошки со стола богатого человека.

— Хорошо, поставьте новый.

Пит зашагал какими-то рывками, словно испытывал сильную боль.

— Пап, он не разбирал наш трамблер, — хрипло прошептал Джек.

— Эта деталь уже была у него руке! Я же видел.

Грэндин опустил взгляд на серьезное, взволнованное лицо Джека и неопределенно улыбнулся.

— Какие глупости! Ты, должно быть, ошибся, Джек. Зачем бы ему делать такое?

— Готов держать пари, что парень, живущий в такой лачуге, готов пойти на что угодно ради

того, чтобы продать хоть что-нибудь.

— Тогда мы не обеднеем, если доставим ему эту радость. Бедняга, наверное, здесь изголодался. А, кроме того, он выглядит очень больным…

В этот момент в темноте гаража возникла еще одна фигура. На яркий солнечный свет выступил полный человек в дорогом костюме, курящий черную сигару. С чувством привычного отвращения он прошел вперед к машине.

— Привет, — подмигнул он. — Я вижу, старый простак и у вас тоже что-то нашел?

— Всего лишь изношенный трамблер, — кивнул Грэндин и замолчал, не собираясь продолжать беседу. Но человек не ушел.

— Именно это я и имею в виду. Я здесь уже часа три, пока ремонтируется генератор. И пока я прождал, здесь останавливалось несколько человек, и этому парню удалось всем продать какие-нибудь детали. Наверное, он волшебник, раз может голыми руками исправить любой автомобиль. Если бы он не походил на зомби и открыл свой гараж в надлежащем месте, то мог бы хорошо зарабатывать.

Грэндин ничего не ответил.

Человек с сигарой вернулся в полумрак гаража, где его ждал кадиллак.

Появился Пит и починил трамблер. Попутно он заменил и конденсатор, причем не взял за это никакой дополнительной платы.

Потом со стуком закрыл капот.

— Вот теперь там все в порядке, — сказал он с кривой усмешкой. — Если кто станет спрашивать обо мне, только скажите, что Пит может все исправить!

Потертый гараж, странный механик с отвратительной внешностью и тучный человек с кадиллаком исчезли из виду, когда «Шеви» двинулся дальше. Джек и Марсия устроились на своих местах, разговор постепенно стихал по мере того как миля за милей пролетали под колесами машины.

— Мы можем пообедать в Блайте, — наконец, предложил Грэндин.

— Его глаза… — внезапно произнесла Марсия. — Я никогда не забуду эти глаза. Они заставили меня подумать, будто я знала его когда-то раньше…

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — медленно проговорил Грэндин. — Я чувствую то же самое. Странно, что мы оба чувствуем одно и то же.

— Надеюсь, мы больше никогда не увидим его, — сказал Джек. — У меня от него начинается дрожь. И мурашки по коже…

Небо пустыни постепенно становилось медным, и жара омрачала их отпускное настроение. Они хотели увидеть океан и гребни прохладных волн, вспыхивающие на солнце.

Но они еще не доехали до Индио, когда кадиллак, который они видели в гараже Пита, пронесся мимо них на скорости восемьдесят миль в час. Одинокий водитель обнимал рулевое колесо, в зубах у него была зажата неизменная сигара.

— Он сожжет не только генератор, если будет продолжать так гнать свою новенькую тачку, — презрительно заметил Джек. — И почему парни не успеют купить автомобиль, как уже стремятся выжать из него всю скорость…

Ральф Грэндин думал примерно о том же, но не вслух. Он подумал о прошедших четырех годах и о том, что он сделал за свою жизнь. Его вклад был небольшим, но все же способствовал созданию оружия, которое могло уничтожить весь мир, и он чувствовал, что жизнь потрачена напрасно. Так что теперь предстояло подумать, как поступить с остальной ее частью. Грэндин чувствовал почти что мистическую потребность посвятить ее искуплению совершенного прежде, чтобы помочь Человечеству укротить атомный огонь Прометея, угрожающий сжечь Землю дотла.

«Я становлюсь мистиком», — подумал Грэндин в приступе самобичевания, но это не ослабляло грызущее его настойчивое желание увлечься каким-нибудь великим идеалом, способным заполнить внутреннюю пустоту.

Он не заметил, как вокруг начали происходить изменения. Был полдень, и они уже отъехали на несколько миль от Помоны, когда он заметил это. Небо, бывшее до сих пор медным небом пустыни, внезапно стало золотистым. И вечная пыль, казалось, заполнила воздух.

Неожиданно машина резко подскочила, заставив Грэндина посильнее схватиться за руль. Он немедленно восстановил контроль над автомобилем и взглянул в зеркальце заднего вида, чтобы увидеть то, что вызвало такой прыжок.

Лицо Марсии слегка побледнело.

— На что мы налетели?

— Ни на что. Должно быть, что-то было с машиной, но теперь все в порядке.

Он ехал дальше, с тревогой ожидая новых происшествий, но ничего не происходило. Постепенно напряжение покинуло его, и нога посильнее надавила на педаль газа.

— Интересно, куда девалось движение по шоссе? — заметил Джек. — На всей дороге мы

встретили лишь одного человека с собакой.

Грэндин отметил, что подсознательно уже знал об этом. Внезапно дорога действительно опустела, а единственное здание, которое он увидел на перекрестке, выглядело заброшенным и требующим ремонта. Само же шоссе стало утопать в песке и пыли, точно по нему никто не ездил. Все выглядело так, словно они попали в какой-то странный, мертвый мир.

— Ральф, наверное, мы свернули не на ту дорогу, — предположила Марсия. — Возможно, где-то была развилка, которую мы пропустили. Не лучше ли нам вернуться?

— Да нет, вон шоссейные столбики. Так или иначе, мы скоро будет в Лос-Анджелесе.

Но Грэндин сам не верил своим уверениям. Его замешательство росло, потому что все вокруг выглядело совершенно безжизненным. А потом в Уэст-Ковайне они увидели первые разрушенные бомбежкой дома.

— Ральф! — пронзительно вскрикнула Марсия. — Похоже, здесь был взрыв.

А дальше развалины попадались все чаще и даже загромождали местами шоссе, по которому они ехали. Грэндину пришлось снизить скорость и выкручивать руль, огибая завалы.

— Мы должны были услышать любой взрыв, способный натворить такое, — сказал Джек. — Как ты думаешь, папа, когда это произошло?

— Не знаю. Нынче утром мы не видели газет. А прежде ни о чем таком не сообща…

Они проехали Уэст-Ковайн, но разрушений не становилось меньше. Напротив, они все увеличивались. И, наконец, когда они увидели на горизонте Лос-Анджелес, то в ужасе остановились. Насколько хватало глаз, всюду были только остовы зданий, кучи щебня и развалины — и нигде никакой жизни.

— Ральф! — Марсия схватила мужа за руку, ее голос звенел от страха.

— Похоже на последствия атомной бомбежки! — воскликнул Джек. — Но ведь этого не может быть. Мы бы услышали…

Инстинктивно их глаза стали шарить по небу, но не отыскали там ни единой птицы.

— Давайте проедем немного дальше, — просипел Грэндин.

— Я боюсь, — прошептала Марсия. — Не надо дальше. Давайте вернемся к… ну куда-нибудь, где все в порядке, и узнаем, что произошло.

— Мы проедем немного дальше, а потом вернемся. Мне нужно удостовериться…

Грэндин открыл багажник, достал регистратор радиоактивности, который вез показать Мэйсону и установил его на переднем сиденье между собой и Марсией. Потом медленно поехал по полуразбитому шоссе. Но едва ли была нужда двигаться дальше. Стрелка регистратора буквально зашкаливала, показывая интенсивную радиоактивность окружающей атмосферы.

— Атомная бомба, — тупо бормотал Грэндин. — Наверное, дюжина атомных бомб, слишком уж сильна радиация. А мы даже не подозревали, что у кого-то еще есть эти бомбы!

— Но мы же ничего не слышали, — возразил Джек.

— Знаю. Это… Я не могу это понять.

— Но, может, это что-то, чего мы и представить себе не можем? — сказала Марсия. — У меня такое чувство, будто нас подняли, выжали, как лимон, и поставили обратно.

— Не знаю… Я не знаю, — мотал головой Грэндин. — Я только знаю, что все это произошло. Не важно, что это было, но это случилось со всеми большими городами Америки. И мы не были к этому готовы. Сейчас тысяча девятьсот сорок шестой год. Первый год новой эры. Неолит.

Они остановились, вышли из автомобиля и

стояли, прижавшись друг к другу, глядя на развалины большого города. Грэндин попытался разглядеть кратеры от бомб. Ему показалось, что он заметил четыре, но он не был в этом уверен.

Он понимал, что разум их слишком мал, чтобы постигнуть необъятность бедствия во всем его ужасе. Но мало-помалу осознание проникало в них и влекло за собой страх и отчаяние, которые формировались в надувающийся пузырь паники, и рано или поздно этот пузырь должен взорваться. Он будет расти дни и ночи, пока они не узнают, что их мир и все, что было в нем дорого им, мертвы, и они будут жить с этим знанием до конца своих несчастных жизней.

Марсия тихонько заплакала. Джек крепко вцепился в руку Грэндина.

— И что теперь делать? — спросил он сдержанно.

— Держаться подальше от городов, — медленно проговорил Грэндин. — Может быть, где-то и устояла цивилизация, но это сомнительно. Хаос, одичание, люди, сбивающиеся во враждующие племена. Пока мы не выясним, что происходит, то должны держаться обособленно. Попытаемся найти пищу и горючее и направимся вглубь страны, в горы центральной Аризоны. Это наша

единственная надежда на спасение.

— Ральф! Там едет автомобиль! — воскликнула Марсия и указала вперед на шоссе.

На мгновение они застыли, как будто появление движущегося предмета было неким подобием чуда в этой земле мертвых.

— Это кадиллак, который мы видели у Пита, — уточнил Джек.

Водитель-лихач проехал по щебню и затормозил перед ними в облаке пыли. Потом он быстро вышел из машины и направился к ним. Марсия закричала, заметив в его руке пистолет.

— Что вы делаете? — начал было Грэндин.

— Все изменилось. — Говоря это, человек перебрасывал потухшую сигару из угла в угол рта. — Вы сами это видите. На случай, если вы не в курсе, вероятно, мы — единственные живые во всем Лос-Анджелесе. Я собираюсь на север, но через город невозможно проехать. Придется его объезжать. Мне повезло, что я поехал в этом направлении. Мне нужно все горючее, которое я могу раздобыть. Давайте переливайте горючку в мой бак, и побыстрее.

— Но мы можем поехать вместе! — растерялся Грэндин.

— Ерунда! Мы вернулись к уровню «каждый сам

за себя». Цивилизация с ее принципом «заботься о ближних» так же мертва, как и миллионы трупов вокруг. Начинай переливать горючку, парень! Я еще никого не убивал, но мне кажется, чтобы выжить, придется этому научиться, как и многому другому. Так почему бы не начать…

Двигаясь, словно в трансе, Грэндин обошел свой автомобиль.

«Это все сон, — убеждал он себя. — Через минуту я проснусь и обнаружу, что все это нереально. Я, Ральф Грэндин, профессор ядерной физики, Марсия и Джек… Мы едем в отпуск, которого так долго ждали. Мы не стоим на развалинах Лос-Анджелеса, у нас не отнимают бензин — единственную нашу надежду на еду и жизнь»…

Он медленно открыл крышку бака, достал из машины канистру и плоскогубцы. И внезапно услышал сзади чей-то крик. Он обернулся и увидел, что грабитель лежит на земле, а Джек пытается отнять у него оружие.

— Джек… Не глупи! — воскликнул он и в то же время почувствовал гордость за сына.

Затем тонкая фигурка мальчика отскочила с пистолетом в руке.

— Он же мог застрелить тебя! — воскликнул Грэндин. — Ну, ты и глупышка!

— Погоди, — запыхался Джек. — Начал вовсе не я. Начала все она. Она швырнула камень и попала ему в голову. Он упал, и тогда уж я налетел на него…

— Она?

Грэндин повернулся в направлении пристального взгляда Джека и увидел за ближайшей кучей щебня женщину и двух мужчин. Одежда у всех была изорвана, брюки и у мужчин, и у женщин, обрезаны до размера шорт и подвязаны веревками.

— Ситуация выглядела опасной, — протянул один из мужчин.

Внезапно женщина остановилась, пристально уставилась на Джека и сжала руку говорившего.

— Брэд! Это… Это же он!

Что-то в ее голосе не понравилось Грэндину. И на Джека она смотрела каким-то особенным взглядом собственницы.

— Нет, Дэльза… Ты ошиблась, — отмахнулся мужчина и повернулся к Грэндину: — Может, присоединитесь к нам? У нас здесь неподалеку укрытие. Мы можем обменяться информацией об этой катастрофе.

Грэндин медленно прошел вперед и взял у Джека пистолет.

— Нет, — покачал он головой. — Мы не можем рисковать. Откуда нам знать, что вы не такие, как он? — Он кивнул на неподвижно лежащего владельца кадиллака.

— Думаю, ниоткуда, — ответил его собеседник. — Согласен, многие походят на него, и мы должны быть настороже. Но, по крайней мере, мы можем сесть и поговорить.

Грэндин хотел что-то ответить, но тут женщина снова показала на Джека и прошептала своим товарищам:

— Я знаю, что это он… Я знаю, это — он. Не отдавайте его!

В испуганных глазах Марсии появилось что-то ужасное.

— Ральф, она сумасшедшая! Должно быть, она думает, что Джек — ее мертвый сын или что-то в этом духе. Давай уедем отсюда куда угодно!

Грэндин кивнул.

— Мы не знаем, что произошло, — обратился он к незнакомцам, — но в настоящий момент хотим только уехать и найти убежище, чтобы было время поразмышлять. мы поедем на восток. Мы не бросаем вас, потому что нет ничего, что мы можем вам дать. Возможно, здесь вы более обеспечены, чем будем мы. Возможно, мы — дураки,

но мы так хотим. Джек, лезь в машину. Марсия, садись за руль и разверни автомобиль.

Пока автомобиль разворачивался, собеседник Грэндина не произнес ни слова, но когда Грэндин уже садился в него, он нерешительно сделал два шага вперед и внезапно закричал:

— Скажите Питу, что видели нас! Скажите ему, что Дэльзе плохо!

Эти слова буквально взорвались в сознании Грэндина. Он остановил Марсию.

— Пит? — спросил он. — Что вы знаете о Пите?

Прежде, чем он получил ответ, Дэльза рванулась в машине, истерично крича:

— Вы не можете забрать его! Не теперь, когда мы только его нашли… Он должен остаться здесь!

Ее горящий, фанатичный взгляд не отрывался от побледневшего, но бесстрастного лица Джека.

— Она сумасшедшая, Ральф, — отчаянно прошептала Марсия. — Я боюсь их!

И она рванула машину с места. Когда трое незнакомцев оказались вне поля зрения, Грэндин пересел за руль и занялся поисками бензина.

Он управлял автомобилем автоматически, в то время как в нем рос пузырь страха. Почему он убегает от этой троицы, появившейся из развалин?

Неужели он уже отбросил элементарные навыки своей мертвой культуры, и каждый выживший человек стал для него врагом в непримиримой борьбе за пищу и предметы первой необходимости? Было такое впечатление, что невидимый пар от взрыва бомб заморозил человеческие души, настраивая каждого против всех. Потом, конечно, возникнут племена — кочевые, враждующие племена. Он, Грэндин, не хотел бы стать членом такого племени, но вероятно, придется…

Но была еще одна причина, погнавшая их от незнакомцев, напомнил себе Грэндин. Сверкающие глаза женщины по имени Дэльза. Глаза, уставившиеся на Джека. И внезапно Грэндин понял неожиданный страх Марсии. Он еще не был готов противостоять каждому человеку на своем пути. Но что, если не осталось таких людей, какие были совсем недавно? Что, если все стали убийцами, ворами и сумасшедшими?..

Поиски бензина оказались тщетными. У всех заправок были пустые резервуары. Замки их сломаны и бензохранилища осушены до дна.

— Все указывает на то, что бомбежка произошла давно, и одновременно она никак не могла быть раньше последних двадцати четырех часов, — подытожил Грэндин. — Без горючего мы не

пересечем пустыню. И если мы не разыщем его, то попытаемся найти место с проточной водой и обосноваться там. Оттуда мы можем выходить на разведку и отыскать единомышленников — не все же стали такими, каких мы видели.

— Там было бы бесполезно убеждать эту странную больную женщину в том, что Джек не ее сын или кто-то из близких, потерявшихся во время бомбежки. Без нас ей будет спокойнее.

Джек на заднем сиденье сидел совершенно тихо, и Грэндин подумал о том, какие мысли роились в его голове, но не осмелился спросить. Джек только что вышел из детства, мир только начал формироваться в его голове. И вдруг этот мир внезапно и резко изменился. Как сказала Марсия, было бы лучше, если бы они увидели ракеты или услышали разрывы бомб.

Сумерки постепенно начали скрадывать развалины по сторонам от дороги. Когда темнота настолько сгустилась, что стало опасно ехать, Грэндин подумал о фарах и, наконец, решил, что с фарами они станут не более заметными, чем днем. Но дорогу скрывала пыль, и Грэндин не различал, где кирпичное крошево, а где большие камни. Десятки раз автомобиль подпрыгивал и грозил съехать с дороги. Грэндин стонал и молил-

ся, чтобы шины не лопнули.

Сперва он не понял, что за звуки раздались в тишине, и еще долго не мог опознать их, а потом его вдруг озарило: их нагоняет какая-то машина. И внезапно, ослепляя Грэндина, в зеркальце заднего вида, вспыхнули фары.

Он сразу же подумал о человеке в кадиллаке и потянулся за пистолетом, который положил в бардачок. Затем свернул на обочину и притормозил.

Но, к удивлению Грэндина, владельцы второго автомобиля просто просигналили ему и промчались мимо. В свете собственных фар Грэндин увидел, что это был точно не кадиллак. Все это больше походило на группу подростков в открытом гоночном автомобиле.

Немного погодя, за поворотом, им в глаза ударили огни встречного автомобиля. Марсия, задыхаясь, показала рукой вперед.

— Огни! Похоже, весь город Помона освещен, как обычно! Возможно, все не так уж плохо, как мы подумали.

— Интересно. Но там, впереди, может быть полный хаос. Нам лучше объехать город стороной.

Они медленно ехали вперед, но не замечали никаких признаков беспорядка или волнений.

Поток автомобилей направлялся туда, откуда ехал Грэндин.

— Похоже, они даже не слышали об этом, — сказал Джек.

Они проехали по тихим жилым кварталам и въехали в деловой центр города.

— Но как же тут может быть все нормально, если всего лишь в двадцати милях отсюда весь Лос-Анджелес лежит в развалинах? Должны же быть беженцы…

Он остановился у обочины, где полицейский лениво наблюдал за толпой перед кинотеатром.

— Почему не перекрыты дороги в Лос-Анджелес? — спросил его Грэндин. — Здесь что, никто не слышал, что город разрушен?

На мгновение полицейский замер, затем рассмеялся.

— Еще один! На этой неделе вы уже четвертый. Скажи-ка, приятель, что там в Лос-Анджелесе продают вместо пива? Что, город опять разбомбили? И когда только успели… Вот что, я бы арестовал тебя, но предыдущих троих пришлось отпустить, поскольку они оказались трезвыми. Так что мотай отсюда, пока я не передумал!

Ошеломленный Грэндин медленно поехал вдоль тротуара, всматриваясь в ярко освещен-

ные витрины. Потом затормозил, выскочил из машины и ринулся в аптеку. Вернувшись, он бросил Марсии на колени газету «Лос-Анджелес Ревю» с сегодняшней датой. Заголовки были посвящены скандалу в муниципалитете и убийству в Голливуде.

— Возможно, ничего и не происходило, — высоким голосом произнесла Марсия.

— Скажи еще, что нам все это показалось! — возмущенно воскликнул Джек. — Мне лично не показалось, что я вырвал у того толстого мужика пистолет!

— Смотрите! — Марсия внезапно указала на маленькую заметку в самом низу первой полосы.

Грэндин проглядел ее.

«ЛОС-АНДЖЕЛЕС РАЗБОМБЛЕН», — СООБЩИЛ ПРИЕЗЖИЙ.

«Вчера Дж. Б. Уинклер сообщил властям Помоны, что Лос-Анджелес лежит в руинах. Уинклера арестовали по обвинению в опьянении, но обнаружили, что он совершенно трезв. Но прежде, чем были проведены психологические тесты»…

Грэндину показалось, будто что-то материальное стало сочиться изо всех пор его тела.

— Массовая галлюцинация, — медленно проговорил он. — Как еще можно объяснить что-то

подобное? Что-то, что как раз и коллекционируют Чарльз Форт и его последователи[5].Что-то, что происходит с одним человеком из миллиона, и что никогда больше не повторится. Я думаю, мы никогда не узнаем ответа. Может быть, это некая форма предупреждения, или вспышка видения будущего или иного плана реальности. Не важно, что это такое, раз теперь мы знаем, что это все было нереально. — Он обернулся и посмотрел на шоссе, где исчезали подпрыгивающие задние огни уезжающей машины. — Что-то мне расхотелось проводить каникулы на побережье. Что вы об этом думаете?

— Да… — кивнула Марсия. — Давай вернемся. Мне хочется забыть ужасный вид тех развалин и сумасшедшую женщину, тянущуюся к Джеку… Но я знаю, что никогда не смогу забыть это, покуда жива.

Грэндин нажал на стартер, но двигатель не завелся.

— Похоже, у нас проблемы с аккумулятором. Придется остаться здесь на ночь, а с утра ремон-

---

[5] Примечания: 5

1Чарльз Гой Форт (Charles Hoy Fort, 6 августа 1874-3 мая 1932, Нью-Йорк) — американский исследователь «непознанного», составитель справочников по сенсациям, публицист, предтеча современного уфологического движения *(прим. пере.)*

тировать машину.

После полудюжины бесполезных попыток Грэндину все же удалось завести машину. Он нашел мастерскую и гостиницу неподалеку. И только в номере он понял, как устал за весь этот ужасный день.

На следующее утро автомобиль был совершенно исправен, но механик в гараже посмотрел на Грэндина с замешательством.

— Ваш аккумулятор был полностью разряжен, — сообщил он. — Я проверил систему зажигания и нашел вот эту штуку в вашем трамблере. Не знаю, что это такое, но именно из-за этого аккумулятор издох. — Грэндин поглядел на цилиндрик, который механик сунул ему в руку.

— Я тоже не знаю, что это, — удивился он. — Где это было?

И тут он вдруг вспомнил неуклюжую фигуру Пита, склонившегося над капотом и регулирующего трамблер.

— Это было прикреплено к конденсатору, — ответил механик. — И конденсатор почему-то был гораздо меньше, чем обычный. Я заменил его на другой. Теперь все будет в порядке.

— Да… Спасибо, — рассеянно поблагодарил Грэндин.

Пит, цилиндрик — и человек по имени Брэд, который просил передать Питу, что они повстречали его. Внезапно Грэндин понял, куда нужно ехать.

— Мы должны повидать этого Пита, — сказал он Марсии.

Она посмотрела на мужа так, словно хотела прочесть его мысли.

— Ты думаешь, что он заставил нас пройти через все это?

— Не знаю, что и подумать, но он — единственная связующая ниточка между реальностью и снами, видением, галлюцинацией… или что там с нами произошло. И я хочу понять, как Пит к этому причастен.

— Если Пит сам не часть этой галлюцинации…

— Но этот цилиндрик не иллюзорный!

— Давайте вскроем его, — подмигнул Джек.

Грэндин покатал цилиндр между большим и указательным пальцами. Сделан он был топорно, словно некая самодельная, экспериментальная модель. Грэндин достал перочинный ножик и вставил его кончик между клеммами цилиндрика.

Внутренность цилиндрика, на первый взгляд, была похожа на обгорелую бесформенную массу.

Затем Грэндин разглядел, что это множество тонких, сплавленных друг с другом проводков. Они рассыпались от одного прикосновения кончика ножа. Но одна штуковина оказалась целой — маленькая, похожая на бусинку, штучка. Грэндин взял ее, протер и задохнулся от изумления.

— Это похоже на какую-то электронную трубку!

— Возможно, этот Пит не такой уж глупый, каким выглядит, — подметил Джек.

Жар пустыни иссушал их, пока Грэндин вел старенький автомобиль по раскаленному шоссе. И вскоре после полудня они добрались до гаража неуклюжего Пита.

Здесь не было никаких признаков жизни. Двери заперты, окна засыпаны песком и пылью, словно их неделями никто не протирал.

— Держу пари, выглядит так, словно он смылся от висевших на хвосте копов, — съязвил Джек.

Грэндин вышел из авто и постучал в дверь гаража, но не получил никакого ответа. Он постучал еще раз. Внезапно сидящая в машине Марсия махнула на западный угол здания. Грэндин с Джеком побежали туда и увидели за углом автомобиль. Машина была в еще более плачевном состоянии, чем здание, а за рулем сидел Пит.

Он выглядел гораздо хуже, чем тогда, когда они видели его сутки назад. Независимо от того, что за отвратительная болезнь терзала его, она прогрессировала и ее разрушительное действие было ужасным.

— Закрыто, — прохрипел Пит и вдруг широко открыл глаза. — Вы же Грэндин… и Джек! Вы вернулись.

— Очевидно, вы не ожидали нашего возвращения.

Пит долго смотрел на них, и свет постепенно угасал в его глазах.

— Не знаю. Но это не имеет значения. Мне нужно ехать. У меня бизнес в Лос-Анджелесе, и этот гараж больше не откроется.

— Разве вы уже не станете устанавливать их? — И Грэндин протянул ему частично разобранный цилиндрик.

— Нет, — медленно произнес Пит. — Думаю, я больше не буду их устанавливать.

— Продолжим, — с неожиданной яростью повысил голос Грэндин. — Я хочу знать, что это было? Мы приехали в Лос-Анджелес и увидели там развалины… развалины после атомной бомбардировки. У меня есть датчик, который зарегистрировал высокую радиоактивность… — Он

замолчал, пристально посмотрел Питу в лицо и внезапно кое-что понял. — Это же радиационные ожоги… Я должен был догадаться…

Пит медленно, с трудом кивнул.

— Да. Теперь вы понимаете?

— Я ничего не понимаю! Ведь Лос-Анджелес не разрушен…

— Разрушен. Так же, как Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго и сотни других городов, которыми мы так гордились. В том континууме они разрушены пятнадцать лет назад.

— Пятнадцать лет назад!

Пит кивнул.

— Я пришел из того времени — вернулся, чтобы попытаться предотвратить этот холокост. В своем времени я видел, как падали бомбы, стирая огнем с лица Земли наши города. Насколько мы знаем, больше семидесяти миллионов человек были убиты, прежде чем окончательно была нарушена связь. Возле Лос-Анджелеса остались только разрозненные группы людей. Сперва я попробовал связаться с другими группами. А во время экспериментов с электроникой я обнаружил принцип вот этого. — Он показал пальцем на цилиндрик.

— Принцип?.. — Грэндин мельком взглянул на него.

— Во время столь интенсивного выхода атомной энергии, которая произошла во время одновременных бомбежек городов, что-то произошло с самим континуумом, в котором мы существуем. Не спрашивайте, что или как. Я не знаю. Петля, завихрение, перегиб пространства-можете называть, как хотите. Но я случайно наткнулся на электронную схему, которая создает проход от одной секции континуума в соседнюю. Во времени этот переход является примерно в пятнадцать лет длиной, так что я попал именно в это время.

Грэндин слушал его, будто в трансе. На лице Джека отражалось полное непонимание. Подошла Марсия и тоже слушала Пита.

Недоверие боролось в памяти Грэндина с воспоминаниями.

— Но зачем? — наконец, спросил он, стискивая в руке цилиндрик.

Пит на мгновение закрыл глаза, словно переживая приступ внутренней боли.

— Предположите, — прохрипел он. — Только предположите, что каждый из живущих людей увидел весь этот ужас и опустошение, почувствовал страх, который видели и чувствовали вы. Вы думаете, что люди позволили бы всему этому произойти, если бы испытали страх, какой

испытали вы?

— Этого бы никогда не произошло, — пылко выдохнула Марсия, — если бы каждый человек увидел тот мертвый мир.

Грэндин снова взглянул на цилиндрик. И внезапно почувствовал под палящим солнцем космический холод. Он взглянул Питу в глаза и увидел там мечту, мечту изменить мир.

— Это моя надежда и моя мечта, — медленно произнес Пит, когда понял, что Грэндин больше не собирается говорить. — Я создал их.

— Он снова кивнул на цилиндрик. — Их можно подсоединить к любому транспортному средству, и когда оно преодолевает линию сгиба пространственно-временного континуума, происходит переброска в будущее… или в прошлое. Я создал улучшенную систему зажигания и карбюратор, который удвоит экономию бензина. И в обоих этих устройствах стоит мой переключатель времени. Я подумал, что можно продавать эти устройства производителям автомобилей, а также в гаражах, на заправках и так далее. В конечном итоге, миллионы автомобилей могли быть оборудованы им. И возле каждого города они бы проехали через сгиб континуума и засвидетельствовали гибель и смерть, к которым

приведет их собственное безумие.

Потакая переброска могла произойти только раз. Переключатель специально сделан так, чтобы разрушаться во время возвращения в свое время. Но любой человек, который увидит этот ужас, не позволит ему случиться. Может, этого будет достаточно. Я не знаю. Но только страх — ужасный, всеподавляющий страх перед последствиями — может не дать Человечеству совершить самоубийство. Возможно, видение погибшего мира сумеет привить ему этот страх.

Есть и другие способы использования моего принципа. Я уже сумел встроить их в радио и телевизоры. В каждой стране на Земле я надеялся нанять на работу агентов, которые помогут мне распространить эти устройства. Это гигантская задача, которая может занять целую жизнь у здорового человека.

Но мне осталось жить не больше года, а из-за болей я не могу работать дольше, чем несколько часов в день. И я не знаю никого, кто мог бы продолжить мое дело. Можете представить, что произошло бы, если бы я попытался заставить ученых вашего времени выслушать меня. Они бы смеялись надо мной и называли сумасшедшим, даже если бы я показал им переключатель

времени.

Пока Пит говорил, он одновременно следил за выражением глаз Грэндина. Он видел, как недоверие сменяется замешательством и медленно переходит к непонимающему сочувствию.

— Вы тоже не верите мне, — печально улыбнулся Пит. — Я больше никому не рассказывал эту историю. Я думал, что, возможно, вы… Я только думал, что вы могли бы…

Внезапно он замолчал, глаза его словно устремились в отдаленное будущее. К гаражу подъехала какая-то машина, такая же ветхая и побитая, как и у Пита.

Внезапно глаза Грэндина расширились, словно он увидел появившееся перед ним в воздухе привидение. А затем по его лицу разлилось спокойствие от веры в невероятное.

Из машины вышли женщина Дэльза и двое мужчин, которые были с ней в руинах.

Пит, глядя, как Грэндин пытается сохранить самообладание, тихо сказал:

— Мне уже не нужно никуда ехать. Может, мы все пройдем внутрь и поговорим?

И в этот единственный момент, глядя на трех появившихся незнакомцев, Грэндин почувствовал крушение своей логики и всех возможных

объяснений. Он даже догадался об источнике ожогов Пита. Теперь он знал, что все, что он видел вчера, было «реально где-нибудь и когда-нибудь».

Пит представил вновь прибывших, включая Дэльзу, которая оказалась его женой. Это неожиданное открытие добавило Грэндину чувство неловкости. Он смотрел на женщину, надеясь, что ошибался и она вовсе не безумна. Но ее глаза по-прежнему не отрывались от Джека, и в них горела непонятная надежда.

Мужчинами оказались доктор Брэдбери и Карл Симонс — физик, помогавший Питу с электроникой.

После знакомства наступил неловкий момент всеобщего молчания. Потом Дэльза сказала:

— Это я виновата, что они вернулись, Пит. Но я была настолько уверена… я думала, что мир может избежать катастрофы…

Пит легким движением руки заставил ее замолчать.

— Теперь все в порядке, любимая. Они уже все поняли. Вы ведь все поняли, не так ли? — обратился он к Грэндину и Марсии. — Вы испытали шок, когда попали в тот мертвый город. Возможно, вы сумеете почувствовать тот шок, который

моя жена, как и все мы, испытала, пережив эти ужасные события и оказавшись в этой ужасной обстановке.

Грэндин рассеянно кивнул. Он думал совсем не о том. Его мысли прыгнули к выводам из рассказа Пита и появлению этих людей как доказательства его правдивости.

Перед лицом надвигающейся гибели у Человечества появилась цель, достойная всей энергии, которую оно до сих пор так бесцельно тратило на науку. Все, что оно делало до этого времени, способствовало уничтожению людей. Но теперь настала необходимость изменить курс, если Человечество вообще хочет выжить.

Подобными мыслями они обменялись, когда собрались вечером в жилых помещениях, устроенных Питом в задней части гаража.

Доктор Брэдбери одобрительно кивнул.

— Всем, кто пережил катастрофу, осталось не более полутора лет жизни. У Пита доза облучения меньше, чем у любого из нас. И все, на что он может надеяться, — это передать свою мечту в руки, которые в состоянии продолжить его работу. Именно поэтому он так упорно искал кого-то, кто сумеет понять ее и завершить.

— Я ужасно сожалею, — сказала Марсия, — что

мы неправильно поняли вас и убежали. Но мы испытали страшный шок и еще не были готовы принять чью-либо дружескую помощь, особенно после того, как тот человек попытался украсть наше горючее. Но что вы имеете в виду, Дэльза, когда с таким упорством продолжаете говорить о Джеке?

На мгновение в глазах Дэльзы отразился ужас. Она поглядела на Пита, но тот, казалось, вообще ничего не слышал.

— Ничего определенного, — поспешно ответила она. — Только уверенность, что Джек — именно тот, кого Пит надеялся найти. Вы должны простить мое поведение, поскольку я тоже была в шоке.

Внезапно Пит заговорил, словно очнулся от глубокого транса. Глаза его смотрели куда-то вдаль.

— Страх, — начал он, — только страх сможет справиться с человеческой жадностью. Мы еще не очень далеко продвинулись по эволюционной лестнице. Не так далеко, как думали. Но человек не настолько плох, что не заслуживает шанса доказать, что достоин выжить. Только страх сможет предотвратить самоубийство всего Человечества. Пусть все мужчины и женщины увидят катастрофу и ужас, который видели мы.

Пусть эти видения горят в голове каждого судьи и губернатора во всех странах мира. Пусть эти мысли преследуют каждого министра. Только тогда люди и правительства начнут работать на достижение мира на всей Земле. И в этом — единственная наша надежда.

Джеку, который слушал разговор о судьбах Человечества, казалось, что с утра прошли целые годы. Он чувствовал себя изменившимся за два последние дня, совсем другим.

Но это оказалось больше, чем мог вынести его рассудок. Он предполагал, что в его жизни будет множество открытий и изобретений, сделанных собственными руками, но он никогда не думал ни о какой общей цели. А вот теперь эта цель появилась, предопределенная и неминуемая, потому что теперь он знал: от него самого зависит, сколько он будет жить.

Когда разговоры стихли, он вышел в темноту под звездами пустыни и стал глядеть на них. Он не знал, сколько времени простоял так, когда услышал позади звуки шагов.

Он обернулся, узнав шаркающую походку Пита. Его первым импульсом был страх, потому что внешность этого человека ночью, при свете звезд и спрятавшейся за облаками луны была действи-

тельно страшной.

— Джек?.. — нерешительно обратился Пит.

— Да?

— Ты посидишь со мной, прямо здесь, на земле?

Не дожидаясь ответа, Пит сел, почти упал, прислонившись спиной к стене мастерской. Джек устроился возле него.

— «Затруднительное положение? Пит может все исправить». Помнишь эти плакаты на шоссе?

— Да, — кивнул Джек. — Мы видели их от самого Уикенбурга. Интересно, кем был тот Пит?

— Я тоже часто думал об этом. Видишь ли, когда я был мальчиком, примерно твоего возраста, я ехал по этому шоссе со своими родителями. Мы ехали куда-то на каникулы, но все, что я могу вспомнить, — это дорожные плакаты «Затруднительное положение? Пит может все исправить». Это — единственное, что у меня осталось от мира до того, как упали бомбы. Только это, и мои научные знания и технические навыки. После катастрофы я не помнил, кто я, не помнил даже своего имени. Не помнил ни друзей, ничего, только этот дурацкий плакат «Затруднительное положение? Пит может все исправить» и те дале-

кие дни, когда я мальчиком ехал по этому шоссе. В моей памяти не осталось даже родительских лиц.

Я вернулся в этот заброшенный гараж. Я думал, что это поможет обрести воспоминания — и найти кого-нибудь, когда я знал прежде. А теперь расскажи мне о себе, Джек. О том, что ты сделал, о том, что ты хочешь сделать.

— Да ничего особенного со мной не происходило, — Джек пожал плечами. — До сих пор я не знал, чего хочу. Я пошел в школу в Мередите. Это возле Элкинза, но, думаю, вы не слышали о нем. У нас там была конюшня, и у меня появился свой конь. Его звали Лысый. Мы подружились, хотя поначалу он был немного диковат…

Голос Пита прервал его:

— И он выбросил тебя из седла…

— Да. Сперва, когда мы купили его, папа попросил меня не ездить верхом, пока конь не привыкнет ко мне. Но я был так нетерпелив, что однажды все же сел на него. Он выбросил меня из седла, и моя нога запуталась в стремени. Он протащил меня довольно долго, пока я не освободил ногу, но по пути попалась колючая проволока, которая поранила мне грудь.

— Да, — внезапно отчаянно прошептал Пит,

глядя вверх на звезды. — Ты добрался до дому и рассказал, что ударился о сарай, потому что боялся, что у тебя отнимут лошадь.

— Верно… Но как вы узнали? — Джек повернулся и со страхом взглянул на Пита.

— Я вспомнил все это. Лысого, старый сарай и скрипучие ступеньки на крыльцо дома… Взгляни!

Пит распахнул рубашку. В этот момент луна вышла из-за облака и осветила зубчатый, мертвенно бледный шрам на его груди. Джек уставился на него, задыхаясь от ужаса. Он узнал этот шрам в форме рыболовного крючка посреди груди.

— Ты был один в своей комнате и всю ночь молился, чтобы Лысого не забрали…

— Не надо! — выкрикнул Джек.

— Не бойся, — тихо прошептал Пит. — Теперь ты понимаешь, почему я вернулся на эту дорогу, почему я должен был найти тебя. Ты должен понять меня. Никто больше не сможет продолжить мою работу, кроме тебя. Даже твой отец. Месяца через два-три я стану совершенно бесполезен. А через год я умру. А ты пока учись… Отец поможет тебе… изучи всю науку и технику, какой только сумеешь заполнить свою голову. Научись работать руками. Страх… Заполони всю

Землю страхом перед теми злом, которое может сотворить сам человек. Возможно, я не нашел выхода. Возможно, выхода вообще нет. Но ты все же попытайся, приложи все усилия, чтобы все исправить. Я свою попытку сделал.

Луна милосердно скрылась за облаком, погрузив в темноту Джека, который отчаянно сопротивлялся тому грузу ответственности, который столь внезапно навалился на него.

Но наступил момент, когда он смирился и произнес:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Послышались шаги, и они увидели в темноте силуэт Грэндина.

— Давай не будем им говорить, хорошо? — шепнул Пит. — Так будет легче на… твоим отцу с матерью, если они не узнают… — Он мельком взглянул на свое отталкивающее тело.

Джек с трудом проглотил растущий в горле комок и протянул руку.

— Да, так будет лучше. Мы не скажем им.

Пит медленно, с трудом встал. Грэндин подошел к ним.

— А мы уже думали, куда ты подевался, Джек? Что вы тут делаете?

— Мы с Питом разговаривали. Но мы уже за-

кончили.

Когда они отходили от сарая, Джек оглянулся на огромные буквы: «ПИТ». И другие, помельче, но непомерно хвастливые: «Затруднительное положение? Пит может все исправить».

— Знаешь, — внезапно сказал Джек, и голос его стал твердым и уверенным, когда он пошел, приноравливаясь к шагу отца, — Знаешь, так или иначе, я думаю, что, возможно, Пит сможет все исправить.

Astounding Science Fiction, 1947, № 2

ДЖОН Д. МАКДОНАЛД
Обруч для рыжей красотки

Обвинитель был худым и скучным джентльменом по имени Эмери Хитер. Внимание, которое газеты уделили обычному убийству, привело к тому, что судебный зал из золотистого дуба был битком набит гражданами с разинутыми от удивления ртами.

Ответчик Билл Мэлони был сонным и скучающим. Он понимал, что ему не будет никакого снисхождения. Только не от двенадцати справедливых присяжных, которые, под влиянием тихого, вкрадчивого красноречия Эмери Хитера, уже стали глядеть на Мэлони, как если бы он был злодеем из злодеев.

Август был очень жаркий, у верхнего пояса пыльных окон, окаймлявших зал, гудели мухи. Из открытых фрамуг неслись звуки бодрствующего города, заставлявшие Эмери Хитера время от времени повышать голос.

Но хотя Биллу Мэлони все надоело, он беспокоился и волновался. Главным образом он волновался по поводу своего адвоката Джастина

Маркса.

Маркс был достаточно опытным, но не в делах по убийствам. Однако он являлся лучшим другом Билла Мэлони, и тот не мог отказаться от его услуг. Джастин Маркс был приличным молодым человеком с пышными усами и мечтал стать Верховным Судьей. Но в любом случае он знал, что дело Мэлони мало чем поможет ему.

Особенно когда за дело взялся талантливый Эмери Хитер, требующий смертной казни.

Судья был отечным стариком с явными признаками сотен галлонов бренди, потребляемых в течение многих лет; оставалось просто удивляться, что глаза и мозги у него все еще работали.

Билл Мэлони был мускулистым молодым человеком с круглым лицом, круглым подбородком и внешностью сонного скептика. Его волосы спадали на лоб, глаза были ясными, темно-синими.

Он подавил зевок, помня, что Джастин Маркс велел ему производить приятное впечатление на присяжных. Тогда он выбрал среди них толстую леди в переднем ряду и торжественно подмигнул ей. Она, громко сопя, вздернула подбородок.

И здесь у него не было никаких шансов, так что можно слушать дальше Эмери Хитера.

— ...и обвинение намеревается доказать, что

вечером десятого июля Уильям Говард Мэлони действительно напал на своего соседа Джеймса Финча и действительно убил Джеймса Финча, пробив ему голову. Мы намереваемся доказать, что между этими мужчинами произошла серьезная ссора, которая продолжалась в течение достаточно долгого времени. Далее мы намереваемся доказать, что причиной этой ссоры явилась развратная жизнь, которую вел ответчик…

Эмери Хитер гудел и гудел. В зале было слишком жарко. Билл Мэлони сутулился на своем стуле и зевал. Он подскочил, когда Джастин Маркс зашипел на него, потом сообразил, что не стоит зевать, и картинно улыбнулся присяжным. Некоторые из них поспешно отвели глаза.

Встал маленький толстый доктор Куби. Его привели к присяге, и Эмери Хитер вежливо и почтительно стал задавать вопросы, устанавливающие имя Куби, профессию и появление на сцене «убийства» спустя приблизительно пятьдесят минут после того, как оно произошло.

— А теперь, доктор Куби, пожалуйста, опишите собственными словами то, что вы обнаружили.

Куби поерзал на стуле, подтянул брюки на круглых коленях и сказал:

— Зачем все эти формальности? Я был у живой

изгороди между двумя домами, на участке Джима Финча. Там кругом были брызги крови. Часть из них на изгороди. Кажется, на барбарисе. На земле я увидел сгустки мозговой ткани размером примерно с монетку в десять центов. Там же нашли кусочек скальпа дюйма в два величиной. Это были волосы Джима, как подтвердили в лаборатории. Также были найдены осколки черепных костей. Мелкие. — Он спокойно улыбнулся. — Нетрудно догадаться, что старый Джим мертв. Без всяких сомнений. Кровь была его, волосы — тоже его.

Три присяжных заседателя нервно сглотнули, а четвертая стала энергично обмахиваться журналом.

Куби ответил еще на несколько вопросов, затем Джастин Маркс принялся за перекрестный допрос.

— Как вы думаете, чем был убит Джим Финч?

Многие в зале затаили дыхание, предположив, что защита будет строиться на том, что раз не найден труп, значит, не было никакого убийства.

Куби дотронулся толстым пальцем до уголка губ.

— Не могу сказать точно.

— Можно ли это сделать ударом дубинки или

другого подобного оружия?

— О Господи, нет! Голова человека-довольно прочная штука. Нужно долго бить его о твердую стену или дубасить бейсбольной битой, и все равно не будет нанесено столько вреда. Джим же был найден под открытым небом.

— Доктор Куби, представьте себе плоскогубцы длиной десять футов и соответствующей толщины. Если схватить ими голову мистера Финча и расколоть, как орех щипцами, то это может нанести подобный ущерб?

Куби почесал нос, потрогал ухо, нахмурился и сказал:

— Ну, если сделать это внезапно, то я полагаю, что могло бы. Но куда же тогда девалось тело Джима?

— Это все, спасибо, — сказал Джастин Маркс.

Эмери Хитер стал вызывать других свидетелей. Одним из них была Анита Хемпфлет.

— Вы живете через дорогу от ответчика? — спросил Эмери.

Мисс Анита была пятидесятилетней, ширококостной и обладала эмоциональностью вяленой говядины, которую предлагают брать с собой в Канаде для путешествий на каноэ. Ее голос напоминал скрежет ногтей по стиральной доске.

— Да, верно. Я прожила там тридцать пять лет. Мистер Мэлони, сидящий вон там, приехал два года назад, и должна вам сказать, что я…

— Вы можете видеть дом мистера Мэлони из своих окон?

— Конечно!

— Тогда расскажите суду, когда вы впервые увидели рыжеволосую женщину?

Она облизнула губы.

— Ну… эту женщину я увидела в первый раз… в мае. Верно, это было славное утро. Было, пока я не увидела ее. Что-то около десяти часов, я бы сказала. Она была на переднем дворе Мэлони, вся такая наглая. На ней было что-то блестящее, серебристое… Назвать это платьем нельзя: слишком короткое. Оно не прикрывало и половины того, что должно быть прикрыто у леди. Даже наполовину! Она была…

— Что она делала?

— Ну, она вышла из дома, остановилась и принялась озираться, как будто была удивлена тем, где находится. У меня хорошее зрение. Я видела ее лицо. Она все смотрела вокруг, затем ссутулилась и медленно пошла к воротам. Мистер Мэлони выбежал из дому, и я услышала, как он что-то кричит ей. Она остановилась. Тогда он принялся

жестами показывать, чтобы она вернулась в дом, так, словно она была глухая или что-то в этом роде. Затем она послушалась и вернулась в дом. Я подумала, что, наверное, она оглохла из-за того ужасного происшествия, что случилось из-за военных в городе за три дня до этого.

— И вы не видели ее больше?

— О, я видела ее много раз. Но после этого она всегда одевалась так, как и должна быть одета девушка. Насколько я смогла выяснить, мистер Мэлони купил ей в городе одежду. Соседи не должны вести себя так, как он. Это неправильно. Вот и мистер Финч думал так же. Он, знаете ли, занимался недвижимостью…

— Вы когда-нибудь видели, мисс Хемпфлет, как ссорились мистер Мэлони и покойный?

— Они начали ссориться через несколько дней после того, как появилась эта женщина. Орали друг на друга через ограду. Мистер Финч всегда боялся грабителей. У него на дверях были хорошие замки. Я пару раз видела, как мистер Мэлони загонял его в дом и стучал в окна. Но Джим не отвечал.

Джастин подверг ее перекрестному допросу.

— Мисс Хемпфлет, вы сказали, что ответчик сам покупал одежду для этой женщины. Не знаете ли

вы, он покупал ей что-нибудь еще?

Анита Хемпфлет захихикала.

— Да! Я полагаю, она была слабоумной. Я порасспрашивала вокруг и обнаружила, что он купил классную доску, как в школе, разноцветные мелки и детские книжки.

— Вы предприняли какие-нибудь попытки узнать, откуда появилась эта женщина, которая оставалась с мистером Мэлони?

— Конечно, я сделала это! Я знаю наверняка, что она не приехала на поезде, иначе ее бы увидел Дэйв Уоттл. Если бы она прибыла автобусом, то об этом бы знала Мертл Джиско. И Джонни Фарнесс не привез ее из аэропорта. Я думаю, что женщина, которая стала открыто жить с таким человеком, как Мэлони, могла приехать в город автостопом. Она не могла приехать никак иначе.

— Это все, спасибо, — поблагодарил Джастин Маркс.

Мэлони вздохнул. Он не мог понять, почему Джастин выглядел таким взволнованным. Все шло прекрасно. Все шло согласно плану. Он видел злые взгляды, которые бросали на него присяжные, но не волновался из-за них. Ведь как только

они узнают то, что произошло на самом деле, то все они будут на его стороне. Но Джастин Маркс все больше потел.

Он вернулся к столу и прошептал Биллу:

— А как насчет временного помешательства?

— Ладно, если тебе это нравится.

— Нет, я имею в виду официальное заявление!

Мэлони уставился на него.

— Джасти, дружище, да ты рехнулся? Все, что нам нужно сделать — это рассказать правду!

Джастин Маркс поправил усики костяшками пальцев и издал блеющий звук, за который удостоился злого взгляда судьи.

Эмери Хитер вел дело очень умно. Фактически присяжные уже приговорили Билла Мэлони к электрическому стулу, так что начали кидать на него печальные взгляды, полные жалости.

Эмери Хитеру потребовалось два дня, чтобы закончить дело. Когда все было сделано, дело получилось бесспорным, блестящим. Было объяснено каждое несоответствие, разрешено каждое сомнение. Повод, Возможность. Все.

Утро третьего дня должно было стать решающим. Защита должна была представить свою версию. Никто не знал, какую именно, кроме, разумеется, Билла Мэлони, Джастина Маркса и

таинственной рыженькой, которая называла себя Рейяпачаландакина. Билл называл ее просто Кина. Она так и не появилась в суде.

Джастин Маркс поднялся и обратился к замершему суду:

— Ваша честь, вместо того чтобы разъяснить суду версию защиты, я бы хотел сперва вызвать Уильяма Мэлони и позволить ему самому рассказать свою историю.

Суд загудел. Вызов Мэлони на допрос дал бы возможность Эмери Хитеру подвергнуть его перекрестному допросу, и обвинитель разорвал бы Мэлони на крошечные кусочки. Аудитория аж облизывалась в предвкушении этого.

— Ваше имя?

— Уильям Мэлони, Брайдон-Роуд, двенадцать.

— Ваше занятие?

— Физик. Экспериментатор, если хотите.

— Откуда вы получаете доходы?

— У меня запатентовано несколько изобретений. Я получаю по ним проценты.

— Пожалуйста, расскажите суду все, что вы знаете о преступлении, в котором обвиняетесь. Начните с начала, пожалуйста.

Билл Мэлони откашлялся, отбросил со лба волосы и бодро улыбнулся присяжным. Некоторые

машинально улыбнулись в ответ, но, осознав ситуацию, тут же стерли улыбки с губ. Не очень-то принято улыбаться убийце.

— Все началось в тот день, — сказал он, — когда седьмого мая военные упустили свою ракету. В подвале у меня оборудована мастерская. Я провожу там большую часть времени. У ракеты, как вы знаете, была атомная боеголовка. Я думаю, из-за этого дела потеряли свои погоны штук пятнадцать генералов. Ракета взорвалась в холмах в сорока милях от города. Толчок разбил часть моей аппаратуры и раскидал материалы. Меня сбило с ног.

Я вскочил и обернулся, проклиная весь белый свет. И там, где всегда стояло мусорное ведро, оказалась комната. Ведущая в комнату арка была широкой, и я хорошо видел, что находилось внутри. Я сказал себе, что, должно быть, меня хорошо шарахнуло, раз я вижу такое. И в течение минуты я задавался вопросом, уж не галлюцинации ли у меня вследствие взрыва?

В комнате, которую я видел, не было никакой мебели — по крайней мере, мебели в нашем понимании. Там стояли большие кубы из тусклого серебристого металла и другие кубы, поменьше. И еще, я не мог понять, откуда исходит свет.

Будучи всегда любопытным, я, озираясь, прошел под аркой. Единственной вещью, которую я нашел в этой комнате, была какая-то штуковина, лежащая на самом большом кубе. Самое интересное, что она почти ничего не весила.

Представьте себе обруч для ребенка, сделанный из серебристой проволоки, внутри которой находилась самая черная чернота, какую я когда-либо видел. Она была как-то натянута на обруч, как кожа на барабан.

И когда я вертел его в руках, то почувствовал сильную вибрацию и не успел глазом моргнуть, как комната вдруг исчезла, а я наткнулся на мусорное ведро. Но в руках у меня оставался этот проклятый обруч. Обруч с натянутой на него чернотой.

Я принес его к столу, где было получше освещено, взял в одну руку и осторожно ткнул пальцем в этот странный черный материал. Мой палец прошел прямо через него, а я ничего не почувствовал. Не убирая пальца, я заглянул с другой стороны.

И так получилось, что я тут же дал название этой штуковине. Я сказал: «Балдежная штука!». И с тех пор так и стал называть ее — «Балдежная». Дело в том, что мой палец не вылез из черноты с другой стороны. Я сунул туда целую руку до

самого локтя, но с другой стороны не появилось ничего. Испугавшись, я мгновенно вытащил ее. Рука была в порядке. И мне показалось, что там, где она побывала, было гораздо теплее.

Ну, можете себе представить, что для меня значило завладеть такой штуковиной? Я забыл про сон и еду. Я должен был узнать, что это такое и как оно действует. Я не видел своей руки по другую сторону обруча. Я поставил его перед лицом и попытался сквозь черноту коснуться своего носа, но ничего не получилось. Я так глубоко засунул туда руку, что мог бы обхватить всю голову…

— Я протестую! — прервал его Эмери Хитер. — Все это не имеет никакого отношения к факту…

— Мой клиент, — тут же ожил Джастин, — описывает происшествия, приведшие к предполагаемому убийству.

— Протест отклонен, — объявил судья.

— Спасибо, — поклонился Мэлони и продолжил: — Я решил, что моя рука где-то же должна быть, когда я совал ее в Балдежную. Но явно не в нашем измерении. Возможно, даже не в нашем времени. Но где-то она быть должна. И я решил узнать, что находится по другую сторону черноты. Для этого я мог использовать осязание. И это меня заинтриговало.

Я сунул руку в обруч и пошел вперед, держа его перед собой. Я прошел пять шагов, прежде чем моя рука обо что-то ударилась. На ощупь это казалось гладкой стеной. Но в моем подвале не было такой стены.

В науке должны существовать какие-нибудь меры предосторожности, но тогда я не думал об этом. У меня были догадки, что по другую сторону черноты могло оказаться и нечто недружелюбное, но это меня не останавливало. Я перевернул обруч и сунул через него руку с другой стороны. Там не оказалось никакой стены. Зато я испытал страшную боль. Я выдернул руку и увидел, что она вся в лопнувших капиллярах. Я положил обруч и некоторое время скакал по подвалу от боли. Затем я определил, что у меня тяжелый случай обморожения. Лопнувшие капилляры показали, что рука побывала в вакууме. А обморожение второй степени означало температуру около абсолютного нуля. Казалось вероятным, что я высунул руку в открытый космос. Я был доволен, что это рука, а не голова.

Я поставил обруч на скамейку и стал пихать в него самые разные вещи, а через некоторое время вытаскивать. Потом я сделал массу записей о воздействии абсолютного нуля на различные

материалы.

Но к тому времени я донельзя устал, так что отправился спать. На следующий день я выпил кофе, а затем соорудил небольшой перископ. Засунул его в обруч — и ничего не увидел. Я перевернул обруч, проверил термометром, зажатым в руке, — достаточно тепло. Но перископ и с этой стороны ничего не показывал. Я задумался, не происходит ли что-нибудь со световыми лучами, когда они проходят через черноту. Впоследствии оказалось, что я был прав.

Приблизительно к полудню я узнал еще одну штуку. Каждый раз, когда я переворачивал обруч, то проникал в другую, отличную от предыдущей окружающую среду. Я проверял это термометром. Один раз термометр лопнул, и я обжег кончики пальцев. Я только порадовался, что этого не случилось в первый раз, тогда бы я обжег всю кисть.

Я заносил в журнал каждый поворот «Балдежной» и то, что, предположительно, было с той стороны. Я сделал специальный зажим и стал заталкивать в Балдежную оборудованные им каминные щипцы.

Однажды я ткнул во что-то, что показалось мне мягким и живым. И тут же щипцы были схвачены с той стороны и выдернуты у меня из руки.

Когда они исчезли в обруче, я содрогнулся. Если бы вместо щипцов была рука, меня бы уже здесь не было. И у меня родилась догадка: что бы ни схватило щипцы, оно радо съесть меня.

Я сделал крючок и попробовал работать с ним, но ничего не получалось. Тогда я прикрепил к веревке свинцовое грузило, смазал его солидолом, и дело пошло. Я опускал грузило в лежавший горизонтально обруч и вытравливал веревку, пока она не провисала. В первый раз на конце грузила налип прекрасный желтый песок. И мне пришлось вытравить тридцать восемь футов веревки, прежде чем я добрался до него. При попытке номер двести восемь я вытащил некий объект. Он лежит у Джастина в сумке. Джасти, покажи его людям.

Джастин выглядел раздраженным таким неофициальным тоном, но открыл сумку и вытащил оттуда предмет. Он передал предмет судье, который осмотрел его с большим интересом. Затем предмет передали присяжным. Наконец, его положили на стол с уликами.

— Как вы видите, такая вещь не могла быть создана нашей цивилизацией, — сказал Мэлони.

— Протестую! — завопил обвинитель. — Возможно, ответчик сам изготовил ее.

— Извольте помолчать, — указал ему судья.

— Спасибо. Как вы можете видеть — это большой кристалл. А в кристалле — золотой скорпион, приблизительно раз в пять крупнее настоящего. Уголок отпилен, это его отпилил Джим Финч. Как вы заметили, он отпилил его так, чтобы получить кусочек ноги скорпиона. И Джим рассказал мне, что нога из чистого золота. Весь скорпион из чистого золота. Я думаю, в некоей другой цивилизации это служило украшением.

Вот мы и подошли к Джиму Финчу. Как вы знаете, Джим лет пять назад ушел из ювелирного бизнеса. Джим был довольно ловким коммерсантом, и вложил все свои сбережения так, что ему фактически принадлежал кусочек всего, что было в городе. И он находился рядом при всех моих следующих попытках. Чек на приличную сумму заставил его держать рот на замке. Мы не были тем, что принято называть друзьями. Я иногда болтал с ним обо всяких пустяках, но он не стремился обзаводиться друзьями.

Так или иначе, когда я достал из обруча эту штуку, то подумал о Джиме Финче. Я хотел узнать, мог ли такую вещь изготовить ювелир. Джим оказался дома, и когда увидел кристалл, его глаза загорелись. Он сказал, что не видел ничего по-

добного и не знает, кто на Земле способен создать такое. Я ответил, что, возможно, это сделано вовсе не на Земле. Это разыграло его любопытство, и он не отстал, пока я не рассказал ему всю историю. Сперва он не поверил, и тут я совершил глупость. Привел его в свой подвальчик и показал все. Я поставил обруч на две коробки — так, чтобы он лежал параллельно полу, затем опустил в него свой груз. Примерно через три минуты я что-то поймал и стал вытаскивать. Показавшись из обруча, это «что-то» начало извиваться…

Мэлони глубоко вздохнул.

— Я уже немного научился осторожности, поэтому вытягивал веревку медленно. Из обруча появилась только верхняя часть. Она походила на маленького медведя… скорее, на медведя, из которого сделали коврик. Она была плоской, как пиявка, а вместо передних лап по краю тянулся миллион присосок. И она так громко кричала на такой высокой ноте, что мне стало больно ушам, и я выронил ее обратно.

Когда я оглянулся, старина Джим прислонился к стене подвала и что-то бормотал. Затем он опустился на четвереньки и ощупал пол под Балдежной. И при этом все время что-то бормотал. Довольно скоро он немного пришел в себя и

спросил, как возможно, чтобы пиявка-медведь и золотая вещица были в одном месте. Я объяснил ему, как переключаю обруч — просто переворачиваю. Некоторое время мы занимались им, затем достали гроздь камней.

Джим осмотрел их, и глаза у него стали вылезать из орбит. Он весь задрожал и сказал мне, что один из камней — неотшлифованный рубин. Надо было видеть, как старый Джим стал при этом пускать слюнки. Он говорил так быстро, что я едва мог его понять. Но, наконец, я уловил суть. Он хотел, чтобы мы вместе открыли бизнес и построили некую большую машину, способную вытаскивать из обруча много чего. Он бормотал о килограммах рубинов, тоннах золота.

Я сказал, что мне это не интересно. Он совсем обезумел и стал буквально прыгать по подвалу. Я сообщил, что намереваюсь еще некоторое время повозиться с обручем, а затем передам его в какой-нибудь научный фонд. Пусть мальчики поумнее меня разбираются с ним.

Он чуть не убил меня. Он вопил, что у нас будут замки, автомобили, яхты и миллионы долларов каждому. Я ответил, что деньги и так поступают мне быстрее, чем я успеваю тратить, и что хочу лишь возиться в своем подвальчике с тем, что

мне интересно.

Я рассказал ему, что все, в итоге, произошло из-за атомного взрыва, так что конечный продукт должен принадлежать науке. И еще я очень вежливо посоветовал ему катиться ко всем чертям домой и перестать докучать мне.

Он так и поступил, но безо всякого желания. Ну, к утру десятого июля я устал до предела и был взвинчен от бессонницы. Я сделал двадцать попыток подряд, но ничего не получил, и стал уже думать, что исчерпал новые миры по другую сторону обруча.

Как проклятый дурак, я выдернул его из зажима и запустил через весь подвал. Сперва он полетел высоко, затем, вращаясь, стал снижаться…

И тут в моем подвале появилась эта рыжая красотка. Она была одета во что-то блестящее и серебристое. У Джастина это есть в сумке. Пожалуйста, покажи людям. Как вы видите, оно сделано из каких-то металлических петелек, но не холодных, каким должен быть металл. И оно может выдержать довольно высокую температуру.

Одежда из странного металла пошла по рукам. Все поочередно ощупали ее, восклицая. Это было интереснее, чем в кино. Мэлони понял по лицу

Эмери Хитера, что ему очень хотелось сказать, будто это тоже сделано в подвале Мэлони. Он подмигнул, и Эмери Хитер залился краской.

— Так вот, она стояла прямо посреди упавшего на пол обруча. Лицо у нее было ошеломленным. Я спросил, откуда она появилась здесь. Она бессмысленно взглянула на меня и разразилась потоком непонятных слов. Она словно боялась чего-то и очень симпатично расстраивалась.

Все, что мне нужно было сделать, — это поднять обруч вверх, до самой ее головы. Это вернуло бы ее в родной мир. Но она вышла из обруча, а я, как последний дурак, подобрал его и стал нервно вертеть в руках, таким образом, потеряв ее мир.

Было это удачей или нет, когда я бросил обруч и выловил именно ее? Это смотря как посмотреть. Меня поразила ее косметика. Никакой помады. Но на конце каждой реснички — маленькие темнокрасные бусинки, а по эмали каждого зуба нарисованы изумруднозеленые треугольнички. Прическа ее была не хуже тех, что встречаются нам ежедневно.

Затем она увидела у меня в руках обруч и онемела, а потом подбежала ко мне с дрожащими губами и мольбой в глазах и попыталась залезть в него. Я покачал головой, сунул в зажим стальной

прут и стал медленно пихать его в обруч, надев при этом асбестовые рукавицы. Почти сразу прут за пределами черноты стал краснеть буквально на глазах. Я вытащил его с раскаленным добела концом и показал ей. Она сразу же все поняла, и испуг исказил ее лицо.

Затем она побежала наверх, наверное, подумав, что все это розыгрыш. Я услышал стук, с каким она ударилась о дверь, должно быть, ожидая, что та откроется перед ней. Когда я добрался до нее, она уже выяснила, как дверь открывается, выбежала из дома и побежала к воротам.

Должно быть, тогда любопытная Анита и увидела ее. Я закричал, и она обернулась с залитым слезами лицом. Я подошел, стал говорить ей что-то успокаивающее, и она позволила мне увести себя в дом. Я никогда не видел более красивой девушки. Я имею в виду… Кожа у нее была полупрозрачная, глаза — огромные. И волосы — рыжие, такого оттенка, какого я никогда прежде не видел.

Пойти ей было совершенно некуда, она целиком зависела от меня. Конечно, я не испытывал желания оповещать о ней всех. Я приготовил ей постель в пустующей комнате. И мне пришлось ей все показывать: как пользоваться кранами,

как включать и выключать свет.

Первые три дня она ничего не делала, только плакала. Я приносил ей еду, которую она не ела. Ее внешность была в беспорядке, и она выглядела больной. У меня не было никаких идей, как можно найти ее мир. Вообще никаких. Конечно, я мог бы при помощи обруча отправить ее в любой из миров наугад, но это не казалось мне правильным.

На четвертый день, когда я вышел из подвала, то увидел ее сидящей на стуле и рассматривающей журнал «Бее». Казалось, она очень заинтересовалась изображениями женщин. Потом она поглядела на меня и улыбнулась. В тот же день я пошел в город и вернулся с кучей одежды для нее. Мне пришлось показывать ей, как работают застежки-молнии или как застегивать кнопки.

Мэлони улыбнулся, словно это было забавным.

— После того как она переоделась, она снова улыбнулась, а вечером немного поела. Я стал показывать на различные вещи и называть их.

Должен вам сказать, стоило ей раз услышать название — и она уже не забывала его. И произносила правильно. Так что с существительными было легко. Хуже было с другими словами. Лишь около десяти вечера я смог, наконец, узнать ее

имя. Оно звучало так: Рейяпачаландакина. Но, казалось, ей понравилось, когда я стал называть ее Кина. А первым предложением, которое она произнесла, прозвучало: «Где Кина?»

Это был трудный вопрос? А где это — здесь и сейчас? Где вообще находится наш мир? На какой стороне измерений? В каком конце пространства? В какой петле потока времени? Проще всего было сказать: «В мире». Но только, оказывается, это наш мир. А как я теперь знал, существует и много других.

Писать для нее оказалось труднее, чем говорить. Она показала мне свою письменность. Взяла листок бумаги, положила на мягкий коврик, поднесла карандаш вертикально к нему. А потом заработала карандашом, как отбойным молотком, начав с верхнего правого угла и спускаясь вниз по странице. Потом она перечитала и сделала исправление, добавив лишнюю дырочку. И тут я заметил, что это очень походит на строчки нот, только изображенных дырочками.

Курс начальной школы она прошла почти мгновенно. Я поехал покупать ей учебники по арифметике, а когда вернулся, она вдруг сказала: «Билли, приходил человек, унес вещь». Она называла меня «Билли». «Кина спряталась».

Ну, единственной пропавшей вещью оказался обруч, с которым у Кины все же был шанс вернуться к своему народу. Я тут же подумал о Джиме Финче, пошел к нему и стал барабанить в дверь. Он открыл дверь, но не снял цепочку, так что мы могли переговариваться лишь через узкую щель. Я попросил его вернуть то, что он украл. Он ответил, что если я заявлю на него в полицию, то ничего не добьюсь, потому что тогда мне придется рассказать, откуда у меня эта штука. Я видел торжество, светящееся у него в глазах, и понял, что ничего не могу с ним поделать.

Английский язык Кины стремительно улучшался, и вскоре она уже могла читать учебники по физике и химии. И тут она стала выглядеть озадаченной. Она пояснила, что мы напоминаем ее народ несколько тысячелетий назад. Что мы примитивны. Она рассказала мне кое-что о своем мире. Там нет никаких городов.

Здания расположены далеко друг от друга. Нет никакой работы. Всем назначают определенные культурные занятия в зависимости от способностей. Она, например, была дизайнером. Чтобы научиться этому, ей нужно было знать состав всех материалов, использующихся в ее мире.

В то время как она говорила, я делал заметки.

Когда я выпутаюсь из этой передряги, то хочу произвести революцию в производстве пластмасс. Она казалась достаточно умной, чтобы понять, как она появилась в моем подвале. Я рассказывал ей об этом постепенно, с подготовкой.

Когда я закончил, она долго сидела молча. Затем сказала, что самые талантливые люди ее мира давно нашли способы наблюдения за потусторонними мирами, находящимися за пределами их собственного. Они заимствовали оттуда наиболее передовые достижения и таким образом избегали ошибок в управлении родным миром. Было невозможно, сказала она, чтобы ее исчезновение прошло незамеченным. Она сказала, что после ее исчезновения, все великие люди наверняка сконцентрировались на том месте, где она стояла, беседуя с друзьями. Она сказала, что, конечно же, будут найдены способы определить ее местонахождение и забрать ее отсюда.

Я спросил ее, было бы легче, если бы у нас был обруч, но она ответила, что в этом нет необходимости, и что, если бы таковая была, то она просто пошла бы к Джиму Финчу, посмотрела ему в глаза, и он сам отдал бы ей обруч. Она сказала, что владеет такими приемами.

Я удивился, а она сладко улыбнулась и добави-

ла, что я уже испытал это, когда она помешала мне отправить ее через обруч. Она сказала, что все в ее мире умеют это. И сказала также, что большинство взрослых знает, как создавать воображаемые иллюзии, которые подвластны физическим воздействиям. Чтобы доказать это, она уставилась на пустой стол. И через несколько секунд на нем из туманного небытия медленно появился небольшой черный ящичек.

Она сказала, что я могу его осмотреть. Я поднял ящичек, у него оказалась крышка. Когда я ее открыл, моим глазам предстала живая картина. Она стояла у входа в белый замок, возвышавшийся, казалось, до облаков.

Но внезапно все исчезло. Она сказала, что видение исчезло, когда она перестала думать о нем. Я спросил, почему она не может вообразить дверь в собственный мир, а затем пройти через нее. Она сказала, что может придумать только те вещи, которые имеют конкретные физические свойства, как, например, глина, из которой гончар сделает вазу.

Таким образом, я на время оставил Джима Финча в покое. Разумеется, мне было жалко обруч и хотелось его вернуть. Обруч был лучшей игрушкой, которая у меня когда-либо была. А потом я

увидел его, когда заглянул в окно гаража Джима, на котором он забыл закрыть жалюзи. Кто-то закрепил ему обруч на стенде, и там был еще черпак, похожий на ковш парового экскаватора, с зазубренными краями — достаточно большой, чтобы пройти в обруч. Когда я увидел его, Джим не работал, а киркой и лопатой взламывал бетон в углу гаража. Он был бледен, как смерть. А затем я увидел человеческую руку, лежавшую в крови на полу. Ковш был не только с зубьями по краям, но и мог захлопываться. Не требовалось большого воображения, чтобы понять, что сделал Джим.

Кто-то в потустороннем мире невинно прогуливался или занимался своими делами, и тут, откуда ни возьмись, появляется жуткая штуковина и мгновенно отхватывает ему руку. Сперва я подумал было пойти в полицию, но тут же понял, насколько легко будет Джиму Финчу устроить мне отдельную палату, обитую войлоком, в некоем интересном заведении, в то время как он будет на свободе, по-прежнему калеча и убивая людей в других мирах.

Обвинитель тревожно взглянул на присяжных. Они самозабвенно слушали обвиняемого.

— Я рассказал об этом Кине, — продолжал Мэлони, — но она лишь улыбнулась. Она сказала

в ответ, что Джим лезет в различные миры, и многие из них весьма развиты. И постепенно я понял, что старый Джим похож на маленького мальчика, который просовывается сквозь прутья клетки, чтобы пощекотать тигра. Я даже стал слегка волноваться о старине Джиме. Вы же все слышали о нескольких десятках килограммов драгоценных камней, найденных у него дома. Именно это заставляло его щекотать тигров. Но ту руку полицейские не нашли. Я думаю, после того как Джим вырыл в гараже яму, здравый смысл все же преодолел панику, и он понял, что все, что ему нужно делать, — это выбросить руку обратно через обруч. Это же самая лучшая мусорка, о которой я слышал.

Ну, май перешел в июнь, а потом и июнь прошел. Кина становилась все более уверенной в своем близком спасении. А чем больше я узнавал о ее мире, тем больше убеждался в этом сам. Через несколько тысяч лет мы станем такими же умными, как ее народ. Я надеюсь, что станем. Не будет ни войн, ни болезней.

Но чем дольше Кина оставалась со мной, тем с большим огорчением я думал о ее отъезде. Но она так этого хотела. Я думаю, что и сам захотел бы. Если бы кто-нибудь закинул меня в тысячный

год до нашей эры, я бы тоже жаждал вернуться домой как можно быстрее.

Десятого июля мне позвонил Джим Финч. Голос у него был дрожащий, как у дряхлой старушонки.

— Мэлони, — сказал он, — я хочу отдать вам эту штуку. Немедленно.

Ну, нужно было знать Джима Финча, чтобы понимать, что он не отдал бы никому и прошлогоднего снега, если бы ему не заплатили вперед. И я предположил, что он-таки допрыгался, как и намекала Кина.

Так что я только посмеялся над ним. Возможно, смеялся я лишь потому, что тоже немного побаивался. А что, если его выходки достанут людей какого-то мира настолько, что они пошлют через обруч прямо ему на колени атомную бомбу? Так что в итоге я посоветовал ему просто сжечь этот обруч и забыть о нем.

Я никогда не слышал, чтобы Джим так ругался. Он сказал, что обруч не горит, что его нельзя сломать или каким-либо способом разрушить. В конце он заявил, что просто пойдет и перебросит обруч через ограду на мой участок.

Когда я добрался до парадной двери, он уже выбегал из своего дома. В руках он держал обруч,

собираясь исполнить свою угрозу.

Когда он подбегал к ограде, я увидел, как над его головой появился туманный круг футов десяти в диаметре. Из круга высунулись громадные темно-синие плоскогубцы с челюстями размером со стол судьи и ухватили Джима за голову. Когда плоскогубцы сжались, я услышал хлюпающий треск, когда лопнула голова старого Джима.

Он уронил обруч и обмяк, зажатый плоскогубцами, которые быстро потащили его наверх, в туманный круг. Меньше чем через секунду он исчез прямо на моих глазах. Туманный круг спланировал вниз на траву и тоже исчез. И сразу же за этим исчез мой обруч.

Знаете, как я себе все это представляю? Вы на пикнике, собираетесь с друзьями пообедать и отдохнуть, но тут какой-то надоедливый жучок кусает вас за руку. Вы сжимаете его большим и указательным пальцами и выбрасываете подальше. Старый Джим был примерно так же нужен тем челюстям из вороненой стали, как красный муравей вам или мне.

Пока я старался прийти в себя после ужасного зрелища, подбежал Тимми, увидел кровь и поспешно убежал. Затем приехала полиция. Это все, что я хотел рассказать. Кина все еще здесь,

и завтра Джастин приведет ее в суд в качестве свидетельницы.

Билл Мэлони зевнул и улыбнулся присяжным.

Эмери Хитер встал, сунул большие пальцы за пояс и медленно, вкрадчиво пошел к Биллу.

В течение долгих десяти секунд он глядел в улыбающееся лицо Билла. Тот стал переминаться с ноги на ногу и вообще чувствовал себя неловко.

— Простофили! — тихим, горьким тоном произнес Эмери Хитер. — Золотые скорпионы из соприкасающихся миров! Синие челюсти громадных плоскогубцев! — Он вздохнул еще более тяжко и указал на присяжных. — Они же умные люди, Мэлони! У меня нет вопросов!

Судье пришлось долго стучать молоточком, чтобы успокоить суд. Как только зал стих, он объявил перерыв до десяти утра следующего дня.

Когда на следующее утро Билла Мэлони привезли из камеры в суд, присяжные заседатели понимающе переглянулись. Было очевидно, что молодой человек провел плохую ночь. Его глаза опухли, он прихрамывал, а когда сел, то спрятал лицо в руках. Плечи явственно дрожали.

Джастин Маркс выглядел так же плохо или даже хуже.

Билл настолько погряз в унылой апатии, что

плохо понимал, где находится, и это его не интересовало.

Джастин Маркс встал и произнес:

— Ваша честь, мы просим об отсрочке на двадцать четыре часа.

— По какой причине?

— Ваша честь, сегодня утром я намеревался вызвать в качестве свидетеля женщину, известную под именем Кина. Она проживала в номере отеля «Холлифилд». Вчера в одиннадцать часов вечера она ушла в свой номер после того, как я переговорил с ней в холле, и больше ее никто не видел. Номер оказался пуст. Все вещи там, но ее самой нет. Ваша честь, мне нужно время, чтобы определить ее местонахождение.

Судья выглядел чрезвычайно разочарованным. Он скривил губы.

— Адвокат, а вы уверены, что такая женщина вообще существует? — сладким тоном спросил он.

Джастин Маркс побледнел, а Эмери Хитер захихикал.

— Разумеется, Ваша честь! Не далее как вчера вечером…

— За ней прибыли ее люди и вернули в ее мир, — вяло пробормотал Билл Мэлони, ни на

кого не глядя.

Присяжные беспокойно зашевелились. Они ожидали увидеть рыжеволосую красотку. Без ее свидетельства история, преподнесенная Мэлони, казалась еще более абсурдной, чем вчера, когда он рассказывал ее. Конечно, было бы позором казнить такого приятного молодого человека на электрическом стуле, но ведь нельзя же позволять людям убивать на лугу соседей, а затем выдумывать такие истории…

— Что это? — внезапно спросил судья.

Это началось с такого низкого гула, что он скорее был просто вибрацией, чем звуком. И эта вибрация, казалось, исходила из самых недр земли и все увеличивалась в тональности и интенсивности, так что судью, который пытался что-то сказать, уже невозможно было услышать. Он чуть не разбил о стол свой молоточек, но и это прошло незамеченным.

Вибрация, наполнявшая суд, все усиливалась и усиливалась, пока окна не разлетелись вдребезги, но и звон разбитого стекла невозможно было услышать. А у человека, носившего очки, осталась на носу лишь пустая оправа.

Звуки достигли пределов человеческого уха и стали неслышными, а всех присутствующих

в зале суда внезапно поразила ослепляющая головная боль.

И все прекратилось так же внезапно, как смолкает ночной крик.

В стене зала неожиданно появилась расплывчатая арка, и через нее была видна волнистая линия холмов. Холмов, каких и в помине не было возле города.

Она быстро вышла из арки, которая тут же исчезла. Она не была высокой, но производила такое впечатление. Глаза ее были цвета где-то между хересом и медом, а на конце каждой реснички качалась крошечная темно-красная бусинка. Ее теплые полные губы были раскрыты, и все увидели крошечные зеленые треугольнички, нарисованные на эмали белых зубов. Единственный предмет одежды был не из ткани, а из металла, напоминающего серебро, хотя на самом деле это было золото. Он держался на ней без всяких видимых причин, следуя за изгибами ее прекрасного тела.

Она окинула взглядом зал суда. Глаза Мэлони вспыхнули теплым синим светом.

— Кина! — задыхаясь, воскликнул он.

Она подбежала к нему и заключила в объятия, обвив руками шею и уткнувшись лицом в

его плечо. Он что-то забормотал ей. Присяжные напрягли слух, но не смогли расслышать, что именно.

Эмери Хитер пришел в себя первым, чувствуя, что дело ускользает из его рук.

— Это гипноз! — взревел он.

Судье потребовалось целую минуту стучать молоточком, чтобы заставить зрителей замолчать.

— Еще одна такая выходка, и я очищу зал суда, — заявил он.

Мэлони пришел в себя. Кина сидела у него на коленях, и все услышали, как она спросила: «Что они хотят сделать тебе?»

Мэлони счастливо улыбнулся.

— Они хотят казнить меня, милая. Они считают, что это я убил Джима Финча.

Она повернулась и метнула испепеляющий взгляд на присяжных и судью.

— Глупцы! — прошипела девушка.

Пока ее приводили к присяге, произошла небольшая заминка. Джастин Маркс, к которому с ее появлением вернулась прежняя уверенность, с удивлением обнаружил, что Билл Мэлони все время говорил правду. И он мастерски провел допрос Кины. Она во всех подробностях подтвердила историю Мэлони. Мэлони не мог оторвать

от нее глаз. У нее был странный акцент, голос специфически сипловатый, а речь, как бы замедленная.

Наконец, Джастин Маркс гордо расправил усы, поклонился Эмери Хитеру и спросил:

— Вы хотите подвергнуть ее перекрестному допросу?

Обвинитель кивнул, встал и медленно прошел вперед, не спуская с Кины настороженного взгляда.

— Юная леди, — начал он, — я вас поздравляю, у вас удивительные способности. Где вы проходили обучение? Конечно же, вы играли на сцене.

— На сцене?

— О, прекратите! Все это было очень интересно, но теперь мы должны отвлечься от придуманного мира и перейти к фактам. Как ваше настоящее имя?

— Рейяпачаландакина.

Обвинитель громко вздохнул.

— Я вижу, вы настроены поддерживать глупые выдумки. Я уверен, что ваше появление, конечно же, было как-то подстроено ответчиком. — Он повернулся к присяжным и улыбнулся хитренькой улыбкой заговорщика. — Мисс Такая-то, вся защита построена на идее, что вы прибыли из

некоего другого мира, или из другого временного цикла, или из чего-то подобного. Но мне кажется, вам придется предъявить нам какие-нибудь доказательства того, что вы действительно выходите из некоего другого мира. — Его голос сочился сарказмом. — Пожалуйста, совершите что-нибудь такое, чего мы, простые смертные, никак не способны сделать.

Кина нахмурилась, оперлась подбородком на кулак.

— Не знаю точно, на что вы способны, — произнесла она через несколько секунд. — Многие примитивные народы получали знания интуитивно. Действительно ли я права, предполагая, что те люди за барьерчиком… что именно они решают, следует ли убить моего Билли?

— Вы правы.

Она повернулась и долго глядела на присяжных, ее глаза переходили от лица к лицу. Присяжные почувствовали себя неловко.

— Все это очень странно, — сказала, наконец, Кина. — Вон та женщина во втором ряду, вторая слева. Странно, что она находится там. Не так давно она дала яд — некий растительный яд — своему мужу. Он долго болел и потом умер. Это не против ваших глупых законов?

Женщина, о которой шла речь, позеленела, схватилась руками за горло, закатила глаза и соскользнула со стула на пол. Никто даже не шелохнулся, чтобы помочь ей. Все уставились на Кину.

Какая-тот женщина в зале суда вдруг резко заявила:

— Я так и знала, что было нечто странное в смерти Дэйва! Я так и знала! Немедленно арестуйте миссис Уотсон!

Глаза Кины обратились к говорившей, и та внезапно села.

— Человека, которого вы называете Дэйвом, жена убила его из-за вас. Я могу прочитать это по вашим глазам.

Эмери Хитер захихикал.

— Неплохое представление, но все это чистое жульничество. Я скорее предположу, что вы приготовились к этому спектаклю, и мой противник проинформировал вас о том, что нужно делать.

Глаза Кины вспыхнули.

— Вы — самый отвратительный человек, — отрезала она.

Она пристально уставилась на Эмери Хитера. Тот стал потеть, потом внезапно закричал и запрыгал на месте. Из его карманов повалил дым.

Обжигая пальцы до волдырей, он выбросил из кармана складной ножик и мелочь. Раскаленные докрасна монеты запрыгали по полу, и воздух заполнил запах обуглившегося дерева.

Дым повалил от его зажима для галстука. Эмери сорвал галстук с шеи и принялся сосать обожженные пальцы. Потом последовала застежка ремня. К этому времени серебряные монетки уже расплавились на деревянном полу. И была еще одна вещь, от которой ему пришлось избавиться, — обувь. Ее набойки тоже были металлическими и стали жечь кожу.

Наконец, задыхаясь и стеная, он стоял, окруженный вишневокрасными потеками металла на полу.

Кина улыбнулась.

— Ах, на вас не осталось металла, — мягко сказала она. — Не хотите ли вы получить дальнейшие доказательства?

Эмери Хитер нервно сглотнул. Он посмотрел на судью, сидевшего с открытым от удивления ртом. Потом на присяжных.

— Обвинение вопросов не имеет, — прохрипел он.

Судье удалось сдержать язык за зубами.

— Дело прекращено, — объявил он. — Юная

леди, я предлагаю вам вернуться туда, откуда вы прибыли.

Она вежливо улыбнулась ему.

— О, нет, я не могу вернуться. Я уже возвращалась и обнаружила, что мой мир очень скучен. Там стали смеяться над моей новой одеждой. Я им сказала, что хочу к Билли. Сперва мне ответили, что его перенесут в наш мир, но я подумала, что Билли не будет там счастлив. Поэтому я вернулась к нему.

Мэлони встал, зевнул и потянулся. Потом улыбнулся присяжным. Двое мужчин помогали женщине сесть на стул. Она все еще была зеленоватого оттенка.

Мэлони подмигнул Кине:

— Поехали домой, милая.

Они спустились в проход и вышли из дубовых дверей. Никто не издал ни звука, не сделал ни малейшего движения, чтобы остановить их.

Анита Хемпфлет, которую весьма беспокоил тот факт, что человек, которого называли ее мужем и который исчез тридцать один год назад, все это время пролежал закопанным на ее огороде, широко улыбнулась, буквально просияла и сказала своим громким, резким голосом:

— Отлично! Эта девушка будет прекрасной со-

седкой! И если вы не возражаете, я сейчас пойду и научу ее варить земляничное варенье.

Startling Stories, 1948, № 11

ЧАРЛЬЗ ДАЙ
Убийца во времени

Глаза Мокселя блестели в мрачном свете пещеры. Он с надеждой стоял перед туманным, переливающимся шаром, поддерживаемым невидимыми энергетическими полями над машиной в форме краба.

Какое-то время стояла тишина. Затем машина продолжила свою речь, и ее мысли громом раскатились по мозгу Мокселя:

— Повторяю, я не могу предсказать результаты всех изменений будущего. Единственная цель, с которой меня создали, состоит в том, чтобы воспроизвести вопрошающему будущее в миниатюре, чтобы он поступал далее, как пожелает. Наденьте шлем и сосредоточьтесь на том, какую часть вашего будущего вы хотите увидеть. Время вязальщик, став прозрачным, покажет вам ее. А я устроена так, что не могу сказать больше.

Когда машина закончила, на конце похожего на змею маслянистого кабеля, чуть ли не в руки Мокселю, вылетел большой металлический шлем. Он осторожно надел его и тут же почув-

ствовал себя похожим на подушечку для иголок, когда сотни крошечных игл впились ему в голову. Боль помутила его сознание. Уже поднимая руки, чтобы сорвать с себя шлем, он краем глаза увидел непрозрачный шар, который начал пульсировать, наливаясь красным жаром. Туманный покров медленно исчезал. Иголки перестали колоть, его мозг стал прозрачным и ясным, как… как время-вязальщик.

— Как я умру? — произнес Моксель вслух.

И тут же шар развалился на миллионы переливающихся осколков. Безумно вращаясь вокруг него, они на мгновение создавали различные образы вроде самолета или напоминали ему старые мысли: «Если бы я получше знал эту шлюху, то скорее бы умер, чем остался с ней жить». Но к предсказанию смерти все это имело мало отношения, поэтому машина тут же отбрасывала все ненужное.

По прошествии какого-то времени — Мокселю показалось, что прошел не один миллион лет — кусочки и осколки стали сливаться, образуя связную картину. Кривой горизонт и неровная равнина, по которой брела фигурка в космическом скафандре размером не более трех дюймов. Моксель улыбнулся, потому что сразу же узнал

ее. Как он и подозревал, это был Торн! Этого гротескного горбуна в сделанном на заказ специально для него скафандре можно было узнать где угодно. Когда-то там, в будущем, Торн собирается убить его. Ну, так он не станет дожидаться, когда это произойдет!

Моксель быстро погрузил палец в прозрачный шар и медленно нажал им на спину Торна. Дергая головой в попытках увидеть, что происходит, Торн упал лицом вниз. Моксель рассмеялся, глядя, как корчится под его большим пальцем горбун. Затем надавил посильнее, пока тело не перестало дергаться. Убирая руку, Моксель все еще смеялся. Он надеялся, что Торн оставался в сознании, чтобы испытать всю боль в переломанных костях и ребрах.

Удовлетворенно вздохнув, Моксель снял шлем и смотрел, как времявязалка снова окутывается туманной дымкой. С тихим шипением металлический шлем и кабель задвинулись обратно в машину. Закрепив шлем космического скафандра, Моксель вышел через двойные двери из этого странного, наполненного кислородом помещения в остальную часть полупогребенного города.

Моксель торжествующе шагал по длинному, слабо освещенному коридору к крошечному

пятнышку света, отмечающему вход в руины. Странное освещение и перспектива порождали в нем чувство, будто он идет к дальнему концу подзорной трубы, и ему показалось, что идти предстоит гораздо дольше, чем это было на самом деле. Только эхо шагов придавало ему уверенности.

Теперь, убрав Торна с дороги, он станет самым богатым и, значит, самым могущественным человеком в Галактике. Правда, Моксель не был уверен, когда именно он решил, что Торн пытается покончить с ним. Они были вместе дольше двух лет, большую часть из них вдвоем на разведчике «Арис». Он знал Торна так же хорошо, как прыщики на собственном носу. Ни он сам, ни Торн никогда не были небрежными, так что число несчастных случаев в этом полете должно быть не больше, чем во всех остальных. Но со времени посадки на четвертую планету бело-голубой двойной звезды Амы произошло слишком уж много несчастных случаев. И, возможно, не все они были случайными, особенно принимая во внимание то, что они нашли в развалинах одного из древних городов неподалеку от места посадки пару дюжин самородков палладия. Обычно они не основывали на планетах базу, но именно с

этой планеты их должен был подобрать и увезти на Землю звездолет «Вселенная». А «Вселенной» лететь до них оставался лишь месяц, и она уже была видна в астроскопе.

Когда это произошло, Торн со смехом сказал:

— Ну, Моксель, скоро мы вернемся к зеленым холмам Земли с кое-каким состоянием в карманах. Вот была бы шутка, если бы с кем-нибудь из нас что-либо произошло. Ведь продав две дюжины самородков — если мы за оставшееся время не отыщем больше, — только один мог бы жить сотню лет, как король.

На следующее утро Моксель пошел в лабораторию, где оставил на ночь скафандр, надел его и отправился наружу. А когда уже вышел, раздался резкий свист, у Мокселя потемнело в глазах, и он стал задыхаться. Он едва успел нажать кнопку воздушного шлюза и ввалиться внутрь, прежде чем потерял сознание. Позже, осмотрев скафандр, он нашел под левой подмышкой отверстие. А в лаборатории, под скамейкой, на которой всю ночь провалялся его скафандр, отыскался пустой пузырек из-под хлористоводородной кислоты, К счастью, у них были запасные скафандры.

Торн с дружелюбной улыбочкой обвинил его в небрежности. Действительно, Моксель проявил

небрежность, не проверив скафандр. Но вот кислота?.. Пока он спал, Торн прекрасно мог вылить на скафандр кислоту. Уже отмечалось, что Моксель несколько последних выходов не проводил проверку скафандра. Так что, если бы все закончилось его гибелью, это признали бы несчастным случаем. Завершая инцидент, Торн повторил предыдущее замечание: «Вот было бы забавно, если бы с одним из нас что-нибудь случилось».

Этим утром они разделились. Моксель полетел на разведчике в одну сторону крошечной планетки. Торн на спасательной шлюпке направился в другую. Вот если бы они нашли палладий, то не было бы никаких причин для вражды.

Но даже теперь Мокселю было трудно предположить, что Торн действительно намеревается его убить. Он улыбнулся при этой мысли, потому что Торн сам рано или поздно умрет.

Все оказалось для Мокселя фантастически простым. Он нашел в руинах герметичное помещение, а в нем — телепатический времявязальщик, и в ответ на его вопрос появился Торн. Конечно, Моксель не ждал, что увидит момент своей смерти, его больше интересовало, почему он должен умереть. Его подозрения относительно Торна оказались совершенно верными. В ту минуту в

недалеком будущем, когда Торн попытается его убить, большой палец Мокселя возникнет из небес и раздавит негодяя, как насекомое!

Пока Моксель добирался от руин до разведчика, он отошел от шока. Но ему все же казалось, что из развалин полупогребенного города доносится сардонический смешок.

Не обращая на это внимания, Моксель снял скафандр и бросил его в шкафчик вместе с другими. Теперь, когда о Торне нет нужды беспокоиться, он может расслабиться в ожидании звездолета. Когда они прилетят, он покажет времявязалку и объяснит, что произошло с Торном и почему.

А потом, когда Торн будет действительно устранен, он может снова начать заботиться о своей безопасности. Вот, правда, зачем? Нужно всего лишь пойти еще раз к времявязалке и узнать, как ему предстоит умереть на этот раз?

Почувствовав от этих мыслей какую-то легкость, Торн сел в кресло управления и включил двигатели. Когда гул двигателя прорезал тишину, он осмотрел окружающую местность. Чтобы поднять разведчик из развалин с помощью трех из шести килевых дюз, требовалось основательно попотеть. Использовать их для посадки было легко, но для старта они практически бесполезны.

Так что Торн прав, он становится небрежным. Единственным правильным решением было направить разведчик на самый далекий объект, преграждающий путь, совершить разбег и круто взмыть в небо, прежде чем машина ударится в конце разбега о груду щебня.

Он так и сделал. Выбрал направление, стал разбегаться, но в конце не успел взмыть так круто, как было необходимо, потому что еще одна из действующих дюз оторвалась с резким хлопком, и машина носом врезалась в препятствие.

Мокселя привело в чувство пронзительное шипение выходящего воздуха. Разведчик лежал на боку. Мокселя вырвало из ремней безопасности кресла и бросило на левый угол пульта управления. С трудом приходя в себя, он понял, что нужно покинуть судно, прежде чем он замерзнет или взорвется вместе с ним. К счастью, шкафчик со скафандрами был всего лишь в нескольких футах от него. Он с трудом дополз до шкафчика, разгребая обломки, выдернул из него скафандр и стал надевать. Скафандр показался ему большим, неуклюжим, но Мокселю все же удалось с ним справиться. Надев шлем, он стал пробираться к воздушному шлюзу.

Выбравшись наружу, он тут же побежал и не

останавливался до тех пор, пока взрыв судна не сбил его с ног.

Отдышавшись после падения, Моксель поднялся и стал смеяться так истерично, что даже задал себе вопрос, уж не сошел ли он с ума. Каким же он был дураком, волнуясь, что не успеет покинуть разбитое судно! Если бы он должен был умереть во время взрыва, то времявязалка и показала бы это. И вообще, ему не о чем волноваться, пока Торн не останется лишь воспоминанием.

Когда к нему вернулось самообладание, Моксель понял, что сотрясение от взрыва должен зарегистрировать сейсмограф в шлюпке Торна. А это означало, что Торн может появиться в любой момент, увидеть, что произошло, и покончить с Мокселем, если он выживет. А отыскать его Торн всегда мог при помощи портативного радара.

И, конечно же, глядя вверх, Моксель увидел пламя от дюз космической шлюпки. Она приземлялась за холмом, отделявшим его от места катастрофы.

«Все так и происходит», — с горечью подумал Моксель. Окружающий ландшафт показался ему знакомым. Внезапно что-то щелкнуло в голове, и он понял, что именно этот ландшафт показала ему времявязалка. Как раз в этот момент Торн

должен идти к нему. В любое время появится большой палец и раздавит Торна, прежде чем он успеет убить Мокселя.

Моксель пошел к вершине холма. Может, оттуда он увидит, как палец появляется и давит Торна…

Внезапно громадная тень упала на равнину, закрывая звезды. И что-то гигантское стало с отвратительной медлительностью давить на спину Мокселя, пока он не упал, ударившись грудью и шлемом о камни.

Извиваясь от боли, Моксель понял, что время-вязалка обманула его! Торн и не собирался его убивать.

Но что же произошло?

Несмотря на острую боль в спине и груди, Мокселю все же удалось повернуть голову, и

он увидел, почему он с таким трудом надевал скафандр.

Надвигающаяся смерть медленно затемняла сознание, но он все же успел понять, что время-вязалка не обманула его — она отлично показала, как его давит его же собственный большой палец и как он корчится под ним в горбатом скафандре Торна, который он надел по ошибке во время катастрофы.

Future, 1951, № 5

MARCH 1953

HUGO GERNSBACK, *Editor*

Science-Fiction PLUS

preview of the future

Science-Fiction Stories by

Eando Binder
Hugo Gernsback
Philip José Farmer
John Scott Campbell
Dr. Donald H. Menzel
and others

35¢

Cosmotronic Flyer

ГАРРИ УОЛТОН
Ужас в чужих измерениях

Если бы это письмо было послано Эйнштейну, Исследовательскому отделу «Дженерал Электрик» или даже Комиссии по ядерной энергии, оно, вероятнее всего, приземлилось бы в корзинке для мусора. Но редактор журнала должен работать с корреспонденцией читателей с уважением и даже с осторожностью, когда, как в этом случае, в письме предупреждали, что к нему прилагается пакет.

Гораций Прелл прочитал письмо дважды, маленько повздыхал и повернулся, чтобы бросить его в корзинку с надписью «Ответы», но задержал руку.

— Мы получили пакет от Эммануэля Смита? — спросил он секретаршу.

Мисс Доббс быстро перелистала дневную почту.

— Нет, — ответила она.

Прелл положил письмо в подшивку «Хранение». Опыт научил его, что никакой пакет, на котором мог быть обратный адрес, не придет.

Кроме того, автор этого письма имел весьма порывистый характер. В раздражающе краткой манере он написал:

г. Горацию Преллу, редактору
Ежемесячные научные ведомости,
Нью-Йорк.

Дорогой сэр!

Столкнувшись с описанием бутылки Клейна, демонстрирующей некоторые аспекты топологии, я сделал несколько штук для собственного развлечения. Я заметил, что, как и любой тонкий стеклянный сосуд, они тихонько звенят при ударе. И я обнаружил, что, когда две бутылки звенят одновременно в одной тональности, небольшие предметы, помещенные между ними, расплываются и, кажется, исчезают. Когда же бутылки затихают, предметы появляются снова.

Я посылаю вам эти бутылки, чтобы вы могли проделать опыт самостоятельно. Может быть, звуки особой гармоники, проходящие через фантастическое четвертое измерение, аннулируют свет? Каково Ваше мнение?

Эммануэль Смит, Чикаго, Иллинойс.

Ни в письме, ни на конверте не было обратного адреса.

— Чудак, — пробормотал про себя Прелл как человек, имевший дело со многими поколениями таких чудаков и знавший их досконально. Приходил, например, хорошо одетый мужчина, который утверждал, что предсказывает будущее, читая газеты через отверстие в чайной ложке…

Прелл забыл о письме, пока правил синим карандашом статью о газотурбинном локомотиве. Затем отвечал читателю, который утверждал, что имеет электрическую мышку, способную найти выход из любого лабиринта. Это заняло время до пяти вечера. А еще через час Прелл пришел домой.

— Гораций, тебе тут пакет, — крикнула из кухни его жена Кора.

Простая коробка из-под обуви, на которой было

имя Эммануэля Смита. Ио опять никакого обратного адреса. Однако домашний адрес Прелла был правильным. Поскольку он никогда не печатался в «Ежемесячных научных ведомостях», Прелл удивился, как Смит разузнал его. Он также подумал, почему пакет был послан сюда, а не в офис. Прелл поспешно открыл коробку, поскольку любопытство — профессиональная черта редакторов.

Был ли Эммануэль Смит психом или нет, но содержимое он упаковал хорошо. В коробке был картонный пакет, а в нем — два небольших, обмотанных ватой, странных сосуда из зеленого стекла. Они были около пяти дюймов в длину. Их причудливая форма казалась почти красивой.

— Гораций, ужин готов. Иди есть, пока суп не остыл.

Он торопливо закутал бутылки ватой. Кора уже была за столом. Как обычно, они ели в тишине. Прелл ел нехотя, потому что был занят мыслями. Он признался себе, что бутылки заинтриговали его, потому что были геометрическим tour de force.

— Гораций, — нарушила молчания Кора, накладывая ему в тарелку мясо. — Несколько последних ночей я вижу сверхъестественные

сны. Я не видела таких снов с тех пор, как была маленькой девочкой. Не знаю, почему я начала видеть их теперь.

— Странно, — удивился он. — Какие сны?

— Я нахожусь в каком-то другом мире. Там все странно. Воздух плотный. А предметы легче, чем должны быть. Фактически предметы представляют собой пустые пятна. Это вроде фотографического негатива. Мир наоборот. Предметы — пустые дыры в твердом пространстве. И они вращаются, как водовороты. Но как дыры могут вращаться?

— Мне кажется, с точки зрения математики в этом что-то есть, — задумчиво произнес Прелл. — Но ты не могла придумать это сама. Наверное, ты где-то читала подобное. Это звучит как сложная научная идея.

— Может, и читала, — с сомнением ответила Кора. — Не помню.

Все казалось очень реальным. Мне снилось, что я бодрствую. И еще мне снилось, что кто-то заставляет меня видеть эти сны и рассказывает об этом странном мире. Сон во сне!

— Ты должна встретиться с доктором Мендозой, — сказал Прелл.

— Он даст тебе успокоительное, чтобы спать

спокойно.

Она уставилась в тарелки.

— Все это не нужно. На самом деле этот сон очаровал меня. Он похож на роман. Странное существо во сне объяснило, что, когда я сплю, между нами возможен телепатический контакт. Во сне ведь действует подсознание, не так ли? Ему — этому существу — мы очень интересны. Оно наблюдает за нами и нашим миром через меня. Глупо ведь, верно?

Глядя, как она уставилась в тарелки, Прелл подумал; «А что, если все это вовсе не глупо»? Кора словно почувствовала его мысли, и ее следующие слова были сугубо прозаичными:

— Мэдж ждет еще одного ребенка. Это у них будет уже третий.

Прелл уклончиво покивал. Он знал, что жена про себя обвиняет в бездетности его, и не был так уж уверен, что она не права. Он стал есть молча, машинально.

— Ты мог бы что-нибудь и сказать, — заметила, наконец, Кора.

— А что, ты хочешь, чтобы я поздравил тебя? — раздраженно ответил он.

Он тут же пожалел об этих словах, но сделанного уже не исправить.

Кора на мгновение напряглась. Затем высокомерно опустила глаза, подобно цивилизованной женщине, попавшей на скотобойню.

— Извини, Кора. Ты знаешь, я не хотел…

— Нет, ничего, Гораций. Я пытаюсь быть общительной, но ты превращаешь нашу каждодневную жизнь в кошмар. И зачем только я вышла замуж за тебя!

Конец ужина был скомкан. Потом Кора удалилась к себе в спальню, а он — в кабинет.

Там было удобное кресло и уютное освещение. С тех пор как Кора перестала приходить сюда, на столе возле лампы накопилась груда книг. Прелл нашел нужную: «Один, два, три… бесконечность» Джорджа Гамова.

Страница 62, бутылка Клейна. Трехмерный сосуд только с одной стороной — как внутри, так и снаружи. Геометрическая причуда, намекающая по аналогии на более странные вещи в других измерениях и других мирах.

Кора, с волосами, накрученными на бигуди и в синем халате, позвала его из вестибюля.

— У задней двери весь день валяется еще один пакет. Я не желаю, чтобы тебе присылали работу на дом. Для этого есть офис!

Он пробормотал слова благодарности, но она

уже поднялась в спальню. Задумавшись, он выбирал вату из обувной коробки. Его пальцы слегка дрожали.

Кроме бутылок, там оказались еще два крошечных деревянных молоточка и два провода на стойке. Горлышко каждой бутылки было обмотано узкой лентой. Очевидно, нужно было подвесить бутылки за ленты. Он установил стойки и подвесил бутылки. Потом ударил по одной бутылке молоточком. Ничего необычного не произошло, раздался просто звон стекла. Он ударил по другой бутылке — то же самое. Тогда он ударил молоточками сразу по обеим.

Объединенный звук стал громче и, казалось, приобрел какой-то новый тон. Это немедленно заинтересовало Прелла. Здесь проявлялся какой-то странный акустический эффект, кроме абсурдного заявления Смита, что звук аннулирует световые лучи. Что-то новенькое за пределами слышимости?

Когда-то Прелл пытался заниматься изучением звуков. С того времени у него остались магнитофон, электронный усилитель и небольшой аудио-осциллограф. Положив бутылки и молоточки в коробку, Прелл спустился в подвал.

Здесь было его царство — большой рабочий

стол, заваленный различным хламом и инструментами вплоть до бунзеновой горелки. Прелл расчистил участок стола для бутылок со стойками, потом раскопал осциллограф.

Когда Прелл бывал возбужден, в ушах у него громко стучало. Так было и на этот раз. Всегда сомневающийся в утверждениях и недоказанных фактах, когда он занимался редакторской правкой рукописей, на этот раз он был весь охвачен нетерпением, как мальчик с новым химическим набором. Он включил осциллограф и стал нетерпеливо ждать. Осциллограф медленно нагревался.

Когда зазвенела одна бутылка, на экране осциллографа появилась волнистая линия. Прелл мог бы вычислить частоту звука, но был слишком возбужден. Кровь стучала в ушах, когда он взял два молоточка. Ударил. На экране появились две волнистые линии. Колебания не совпадали. Затаив дыхание, он снова ударил по бутылочкам.

На мгновение на экране появились волнистые линии. Но когда он услышал глубокий объединенный звук, линии на осциллографе вытянулись ровной строкой!

Когда звук затих, он ударил по одной бутылке. В ответ запрыгала зеленая волнистая линии.

Ударил по двум, и через мгновение осциллограф перестал реагировать. Что-то странное было в этих бутылках. Почему осциллограф не реагирует, когда звуки совпадают по фазе? Он же их слышит. Если бы не размолвка за ужином, он попросил бы Кору подтвердить то, что он слышал собственными ушами, но знал, что теперь она откажется. Но он же слышит этот звук!

Возможно, микрофон не может уловить диапазон этого специфического звука. Должно же быть простое объяснение. Нельзя же придавать слишком большое значение заявлению Эммануэля Смита.

Он поставил между бутылками маленький флакончик с клеем и тщательно ударил молоточками. Линии на экране осциллографа сомкнулись и вытянулись. Стеклянный звон превратился в низкий далекий звук.

И флакончик с клеем исчез.

Стук в ухе Прелла замер, казалось, на целую вечность, затем запульсировал вновь — громко, торжествующе. А когда все замерло, флакончик с клеем появился снова.

Думая об этом моменте, как самом важном в его жизни, Гораций Прелл целую минуту стоял с молоточками в дрожащих руках.

Он снова ударил по бутылкам. И флакончик снова исчез, на этот раз на более длительный срок.

Прелл положил молоточки на стол. Внезапно он почувствовал слабость и опустился на ящик, чтобы подумать.

Затем он вспомнил о пакете у задней двери и помчался за ним. На этот раз ящик не походил на обычную почтовую посылку, и Прелл подумал, уж не принес ли его Эммануэль Смит, чье имя было написано в верхнем углу, сам лично. Прелл поднял ящик — весьма тяжелый — и понес в подвал.

Там он оторвал приколоченную крышку. Внутри лежал конверт. Воспротивившись желанию сперва распаковать весь ящик, Прелл вскрыл конверт.

Дорогой Прелл!

К этому моменту вы уже знаете, что я не зря трачу Ваше время.

Эффект, который вы наблюдали, побудил меня сделать две большие бутылки Клейна, на сей раз из бронзы. Я настроил их так, чтобы они звучали на несколько октав ниже. Вообразите мое разочарова-

ние, когда ничего не произошло!

Позже я понял, что важную роль играет расстояние между бутылками. Установите их на расстоянии ровно в четыре фута друг от друга. Встаньте между ними, возьмите молотки, которые я прилагаю к бутылкам, и враз ударьте ими по бутылкам как можно сильнее.

Не буду говорить Вам заранее, что Вы увидите. Только предупреждаю, что тон их звучания покажется странным. Не рискуйте экспериментировать, без дела ударяя по бутылкам.

Эммануэль Смит.

Коре показалось, что ее разбудил крик Прелла, или, может, это было во сне. Кора проснулась окончательно, когда крик повторился.

Это было не во сне, не в ее ярком, запоминающемся сне. Кора включила лампу и накинула на плечи халат. Выйдя из спальни, она спустилась к лестнице, ведущей в подвал. Там горел свет, но сверху Кора не видела, что там происходит.

— Гораций, ты все еще там? — спросила она.

— Да-да, конечно! — ответил Прелл. — Что ты

делаешь здесь так поздно?

— Я снова видела сон… о тебе.

Не получив никакого ответа, но желая рассказать сон, Кора приняла молчание за знак согласия.

— Это был один из тех снов, что заставляет меня видеть чуждое существо. И сегодня я узнала, зачем. Это ученый из иного мира. Сначала он изучал наш мир и нас (посредством телепатии, конечно), а потом научился пересылать в наш мир разные вещи. Настоящие вещи, сделанные из нашей материи, в которую он преобразовывал свою пустоту. Помнишь, я рассказывала тебе о его мире? Ты слушаешь меня, Гораций?

— Ты не могла бы говорить погромче, — медленно ответил он.

— Ну вот, он хотел получить образцы нашей материи. Видишь ли. Он мог… мог создать здесь передатчик, но кто-то должен работать на нем. Тогда он узнал, чем ты интересуешься, и сумел написать тебе письмо — должно быть, он научился этому через меня. В прошлом месяце ты болел, и я помогала тебе писать письма. Затем он послал передатчик — очень простой по устройству. Этот передатчик испускал особые звуковые колебания и с их помощью мог пересылать в тот мир только

живую материю. Он сожалел, потому что ничего не имел против тебя, но вынужден был заставить тебя перейти в их мир. Ты бы ничего не заподозрил, потому что передатчик представлял из себя две бутылки…

— Две бутылки? — натянутым голосом переспросил Прелл.

— Да. Две странной формы бутылки из стекла… Нет-нет, из бронзы. И они послали бы тебя из нашего пространства в промежуточное, где он мог бы добраться до тебя… Мой милый, — сказала внезапно Кора обычным голосом, — я здесь отвлекаю тебя всякой ерундой. Я иду спать. Да и тебе пора…

— Погоди, Кора! — поспешно крикнул снизу Прелл. — Я проделал странный эксперимент и, кажется, угодил в неприятное положение. Будь добра, принеси мне фонарь.

Кора почувствовала, как по ее телу пробежала дрожь.

— Фонарь? — спросила она. — Но у тебя же горит свет.

Она стала спускаться по лестнице, с трудом делая каждый шаг, и подумала о том, что единственный фонарь лежит в гараже, в автомобиле.

— Слава Богу, ты пришла, Кора, — раздался

голос Прелла. — Все вокруг черно, как смоль, но наконец-то я вижу фонарь.

Кора почувствовала, что ее горло как будто стягивает узлом.

Она посмотрела на свои руки, будто действительно могла увидеть в них фонарь, но там ничего не было.

— Поспеши, Кора. Ты так далеко, что мне кажется, я гляжу на тебя в другой конец телескопа.

Голос его, хотя и явственно слышимый, был невероятно далеким.

Кора заставила себя сделать последний шаг и увидела весь подвал, ярко освещенный двумя лампочками.

С потолочной балки на расстоянии четырех футов друг от друга свисали две бронзовые бутылки ужасно знакомого серовато-коричневого цвета. Коре показалось, что кровь остановилась у нее в жилах. Ее охватил страшный холод.

— Слава Богу, ты добралась, — раздался голос Прелла. — Темнота действует мне на нервы… Кора, что на тебе надето? Ты выглядишь так странно…

Его голос доносился из пустоты.

— Но ты не Кора! — закричал голос Горация Прелла. — Ты вообще не человек… Кто ты? Кора, ты слышишь меня? Воздух становится плотным, я не могу двинуться…. Чего тебе надо, кем бы ты ни был? Крюк… и нож! Не-ет!.. — закричал он в ужасе из неимоверно далекого расстояния чужого пространства.

Две бронзовые бутылки мерцали в прозаическом свете ламп. На полу что-то блеснуло. Кора опустила взгляд — это были наручные часы Прелла.

Кора закричала. Но к тому времени уже некому было ее услышать.

Science-Fiction plus, 1953, № 6

АЭНДО БИНДЕР
Цилиндр времени

— И вы откопали капсулу времени плугом? — спросил Стоддард.

Фермер кивнул. Он сунул за щеку новую порцию жевательного табака, изумленный фурором, который вызвала его случайная находка.

— Я нашел это на моем восточном поле, — сказал он. — Я как раз расчистил новое место. Прежде там росли деревья и кусты. И мой плуг напоролся на что-то под землей. Сначала я думал, что это скала. Когда его выкопал, то обратился к вам. Как вы его назвали?

— Капсула времени, — повторил Стоддард, пытаясь совладать с лихорадочным волнением. — Взгляните сюда. Чем это еще может быть? Длинный, из какого-то материала, похожего на бронзу, цилиндр двадцати пяти футов в длину, тщательно запечатанный. Очень похож на капсулы, которые мы время от времени закапываем для потомков. Археологический институт послал меня проверить ваше сообщение. Джексон будет мне помогать. Сначала мы думали — только не

обижайтесь, — что это просто выдумка.

В голосе его коллеги тоже слышалось волнение.

— Какая находка! Посмотрите, как она обросла окаменевшей почвой! Она пролежала в земле рекордно долгое время!

Она лежала перед ними — тайна, упакованная в желтовато-коричневый металл. Фермер сам вытащил ее из земли трактором. Какая странная, неизвестная цивилизация прошлого зарыла знак о себе, обреченный быть найденным в 1953-м году?

— Газеты сойдут с ума, когда получат такие новости, — стал пророчить Стоддард. — Это же материал для заголовков! — Он уставился на телефон. — Нельзя тратить зря время. Я позвоню профессору Битти в институт, чтобы он прислал сюда грузовик. Только в институте мы вскроем его. Как вы думаете, Джексон, каким периодом он может датироваться? Тысяча лет назад? Десять тысяч? Кто знает…

Все это время у его коллеги было смутное ощущение, что ответ будет более поразительным, чем они мечтают.

Через несколько часов на улицах городка завопили сирены. Нетерпеливая толпа собралась

по пути следования грузовика, сопровождаемого полицейским эскортом на мотоциклах, который вез цилиндр в Институт археологии.

Газеты уже назвали ее в громадных заголовках «Капсулой, посланной на заре цивилизации». Дикторы на радио были ни более сдержанными, ни более точными, говоря о «Древнем захоронении, сделанном миллион лет назад». Рядом крутились телевизионные группы, транслируя перевозку капсулы, пока она не была доставлена на институтский склад. Ничто так не будоражило воображение публики, как открытие чего-нибудь древнего, могущего пролить свет на историю прошлого Земли.

Это походило на открытие могилы Тутанхамона, только в гораздо большем масштабе. Наконец, полиция оттеснила толпу любопытных от ворот склада, закрывшихся за капсулой времени.

Профессор Битти уставился на капсулу с потрясенным удивлением, как будто она не имела никакого права на существование.

— Мы бросим все дела, — заявил он, — даже сортировку глиняных сосудов майя. Завтра соберемся здесь всей командой и…

Лицо Стоддарда стало унылым.

— Зачем ждать до завтра? Профессор, а как же

мы? Почему мы не можем исследовать ее прямо сейчас? Зачем тратить впустую целый день?

Битти захихикал.

— Эта штука лежала в земле Бог знает сколько столетий. Миллионы дней. Разве еще один день имеет значение? Ладно, вы, два нетерпеливых бобра, разрешаю вам соскоблить с цилиндра всю почву.

И он уехал, улыбаясь их юному энтузиазму. Когда-то давно он был таким же, когда раскопал свой первый наконечник неолитической стрелы.

Оставленные в покое, Стоддард и Джексон принялись за работу. Очистить цилиндр оказалось удивительно просто. Часто требуются дни и недели, чтобы извлечь древние реликвии из окаменевшей грязи. А бронзовый, тщательно отполированный цилиндр начал сверкать уже через шесть часов.

— Странно. Любой материал, пролежавший действительно долго в земле, должен подвергнуться значительной коррозии. А на цилиндре нет ни царапинки. Что, если это подделка?

— Не смей говорить такое, Джексон! — взвизгнул Стоддард, как будто его ударили по лицу.

Но сомнения не оставили его коллегу.

— Могу поклясться, что эта штука пролежала в земле совсем недолго. Возможно, кто-то зарыл ее несколько лет назад для розыгрыша. Людям нравится делать такое. Помнишь Кардиффского Гиганта?

Стоддарда снова охватило волнение.

— Опять вечный скептицизм, — упрекнул он коллегу. — А что, если создатели цилиндра хорошо разбирались в металлургии? Что, если они создали сплав, стойкий к разрушительному действию времени? А? Это объяснило бы все.

— Конечно, конечно. Все хорошо и прекрасно… Для так называемого ученого, Стоддард, ты слишком наивен.

— Могу я ответить на комплимент? — медоточивым голосом сказал Стоддард. — А у тебя слишком твердая голова, Джексон, ты можешь занять почетное место в школе твердоголовых.

Так они и продолжали работать, оттачивая друг на друге сарказм и остроумие. Случайный свидетель мог бы решить, что они — непримиримые враги. Но проницательный человек понял бы, что они верные друзья. Их язвительные оскорбления на самом деле являлись словами уважения и восхищения друг другом, только высказанные с обратным знаком. Если бы они высказали вслух

похвалу друг друга, это означало бы, что их отношения под угрозой.

— Есть кое-что странное в этой штуке. Какая цивилизация в прошлом могла создать такой цилиндр? Уж конечно, не египтяне с их неуклюжими каменными пирамидами. И не шумеры с посудой из сырой глины, которую они даже не научились обжигать. И не более поздние народы вроде греков или римлян. Этот металлический контейнер не хуже тех, что мы могли бы создать с помощью современных технологий. И какие же древние цивилизации были способны на это?

— А разве мы не это пытаемся узнать? — Тон Стоддарда был одновременно ироничным и озадаченным. — Какие неизвестные мастера сумели сварганить эту штуку? А что ты скажешь, Джексон… ну, если мы попробуем его вскрыть?

— Профессор Битти не давал нам на это разрешения, — последовал нерешительный ответ.

— Он бы наверняка вышел из себя, если бы мы сделали это, — согласился Стоддард. — Он может порвать на кусочки любого, когда разгневается. Он вызвал бы нас к себе на ковер и несколько часов изрыгал ругательства. Мы были бы круглыми идиотами, если бы попытались вскрыть…

— Да ладно. Давай откроем его.

Они усмехнулись друг другу, как заговорщики.

— Гм… Если сумеем, — поправил его Стоддард, проводя рукой по гладкому боку цилиндра. — Как же он открывается? У него нет винтовой крышки, какая была у капсулы времени, которую закопали на нью-йоркской Всемирной Выставке в 1939-м году. Нет ни люков, ни отверстий. Совершенно гладкая поверхность. Его что же, нужно открывать при помощи динамита? Или резать ацетиленовой горелкой?

Они принялись осматривать его дюйм за дюймом, но на улице быстро темнело.

— Я включу свет, и мы тщательно осмотрим его. Должны быть какие-нибудь щелочки. Ведь как-то предполагалось попасть внутрь.

Палец застыл на кнопке выключателя света от возгласа Стоддарда:

— Стой! Гляди, Джексон! Мне кажется, мы не нуждаемся в свете. Она светится в темноте!

Так оно и было.

В то время как за окнами сгущались сумерки, на складе становилось все темнее, и капсула времени начала светиться. Она светилась все ярче и ярче, пока как не запылала мягким розовым светом по всей своей длине, четко обрисовывая свой контур.

— Сверхъестественно! — выдохнул Стоддард, пораженный зрелищем. — Они как-то вмонтировали в капсулу независимые источники света. Наверное, для того, чтобы ее было легче найти, хотя бы ночью, если хоть маленькая ее часть высунется на поверхность земли. Но на каких принципах работают источники света, Джексон? Капсула на всем протяжении однородна. Может быть, радиация?

Воспользовались счетчиком Гейгера — стандартным прибором для археологов, которые измеряют возраст находок по радиоактивным изотопам.

— Счетчик молчит. Никакой радиации.

Стоддард расстроился еще больше.

— Тут нет ни люминесцентных красок, ни фосфоресцирующего покрытия. Джексон, возможно, металл отражает космические лучи, преломляя их в видимый диапазон. Они как пронизывали Землю миллиарды лет назад, так и будут еще миллиарды. Это единственный надежный способ сделать капсулу времени светящейся хоть до конца времен.

— Космические лучи? — получил он презрительный ответ. — Это относится к категории научного колдовства. Как ты придумываешь та-

кие сказки, Стоддард? Она может светиться из-за того, что пролежала в земле. Гнилые пни светятся, например. Или торф… Если ты спросишь меня, может ли все это быть большим обманом, я скажу, что не знаю.

— Это уж слишком, Джексон, — пробормотал Стоддард. — Ты не поверишь, что дважды два — четыре, даже если увидишь это собственными глазами. Если бы мы сумели открыть цилиндр, то нашли бы ответ. Я уже дважды тщательно осмотрел его. Похоже, что оболочка везде цельная…

Он замолчал. Они замерли.

Из цилиндра донесся какой-то звук. Тихий, шелестящий звук. И они увидели невероятное. В гладком боку капсулы появились три отверстия, из которых выскочили металлические прутья.

— Твердый металл размягчился и освободил рычаги, — заикаясь, проговорил Стоддард.

— Рычаги?

— А что же еще. Видишь, на каждом — цифра. Первый отмечен римской цифрой I, второй — II, третий — III. Нужно использовать рычаги в этом порядке. И слабоумная обезьяна могла бы догадаться.

— Ты уверен? — усмехнулся Джексон. — Хорошо, действуй сам.

Стоддард нажал первый рычаг. Внутри капсулы раздалось гудение. Он помедлил, потом нажал рычаг номер II. Гул изменился, стал громче. А после нажатия рычага III раздался свист…

И перед ними открылась дверь капсулы времени.

Это была большая, круглая створка, которая отделилась от казавшегося сплошным металла и откинулась в сторону. Изнутри вырвалась струя затхлого воздуха или какого-то газа, словно он был там под давлением.

— Без сомнения, гелий. Инертный газ, в котором можно хранить вечно что угодно. В наших капсулах времени тоже использовался гелий.

Стоддард заглянул в капсулу. Внутренности ее тоже были ярко освещены и заполнены какими-то предметами.

— Джексон, ты все еще думаешь, что это обман? — спросил Стоддард. — Что какой-то шутник натолкал туда всякого барахла, сварганенного на скорую руку?

— А почему бы и нет? Это более логично, чтобы ожидать найти там послание от неизвестной цивилизации Антарктиды или какой-нибудь другой. В любом случае, одного из нас ждет большой удар.

Глаза Стоддарда просто пылали.

— Джексон, — нетерпеливо сказал он, — эго для нас такая возможность! Мы с тобой — два самых молодых сотрудника института. Да что там говорить — простые ученики. Новички! Новички! А что, если мы раскроем эту удивительную тайну сегодня же вечером? Прежде чем нас оттеснят Битти, Гендерсон, Ровкин и другие столпы науки? Нам выпал такой шанс! Но это означает, что нам предстоит трудиться всю ночь, распаковывая капсулу. Ты азартен, Джексон?

— Это самый глупый вопрос с Сотворения мира, — ответил Джексон. — Кто бы мог бросить такую захватывающую тайну? Конечно, я с тобой. Могу представить себе лица наших ученых мужей, когда завтра мы расскажем им, откуда прибыл цилиндр времени. То есть, если удача нам улыбнется. А теперь возьмемся за дело.

В мертвой тишине Стоддард доставал из цилиндра предметы и подавал их Джексону. Они расчистили площадку на полу склада, и Джексон аккуратно складывал на ней предметы четкими рядами.

Молодые археологи спешили, задыхались, потели. Но задыхались они больше от возбуждения, чем от усталости. Их охватило острое чувство

настоящей причастности к тайнам, словно они раскрывали могилу фараона или обнаружили окаменелые остатки неизвестного вида предков человека. Или рылись в обломках летающей тарелки.

Среди сокровищ были книги с металлическими страницами, написанные на неизвестном языке. Фотографии с яркими трехмерными изображениями. Одежда из искусственного материала, которую невозможно порвать, но которая была легче пуха.

Все было невероятным.

— Это принадлежит цивилизации более развитой, чем наша, — злорадно сказал Стоддард. — Ну как, Джексон? Ты все еще думаешь, что это подделки, сделанные кем-то смеха ради?

— Почему бы и нет? — раздалось упрямо в ответ, но в голосе слышались сомнения. — Я просто хочу доказать обратное.

— Посмотри на это! — закричал Стоддард, размахивая фотографиями. — Это же картинки других планет! На одной видны каналы, подобные марсианским. У них были космические корабли и межпланетные путешествия. Когда ты был последний раз на Марсе, а, Джексон?

— В Голливуде можно снять еще и не то. Мне

это ничего не доказывает.

С торжествующим воплем Стоддард достал из капсулы что-то, что казалось маленькой моделью космического корабля. Он прикоснулся к маленькой кнопочке на его боку. Кораблик зашипел и выскочил у него из рук.

Он понесся вверх, прямо к стропилам склада. Затем, словно ощутив крышу, о которую мог удариться, сменил направление и стал кружить у них над головами. Потом снизил скорость и, наконец, совсем остановился.

Остановился в воздухе!

— Чтоб я был неандертальцем! — выдохнул Стоддард. — Ты знаешь, что это такое, Джексон? Не что иное, как антигравитационный двигатель. Смотри, он просто висит в воздухе!

— Антигравитационный…

Но Стоддард не был великодушным.

— Но это ерунда, Джексон. Согласно твоей теории, некий псих потратил миллионы долларов, чтобы изобрести антигравитационный двигатель, затем положил его в капсулу времени, чтобы тайком посмеяться над нами.

— Ты победил, Стоддард, поднимаю руки. Я признаю, что моя теория обмана рухнула. А какая у тебя теория? У кого были такие чудеса науки? У

древних египтян? Или у друидских племен? Или у древних монгол? У какой мертвой цивилизации, о которой мы хоть что-либо слышали?

— Ни у одной, о которой мы когда-либо слышали, — согласился Стоддард. — Если бы только мы могли… Черт побери! — воскликнул он, доставая из капсулы времени очередной предмет. — А вот это явно кинопроектор.

Это действительно походило на компактный кинопроектор без электрического шнура.

— Ну и как мы включим его? Как подсоединим питание?

Стоддард секунду подумал, затем притворился, что ругает себя.

— Какая же я задница! Все остальное работало автономно, и это должно так же. Вероятно, у него есть встроенный аккумулятор. Я нажимаю кнопку…

Тихонько загудев, машинка заработала, разворачивая у них перед глазами картины во всем их великолепии.

— Разве у нас можно создать что-либо подобное, — хмыкнул Стоддард. — Ему даже не нужен экран. Он создает изображения прямо в воздухе.

Они тихонько смотрели. Это была Волшебная Страна. Тысяча и одна ночь, Алиса в Стране Чу-

дес. Магия!

Они увидели фантастические места и сцены: рвущиеся в небо города, опутанные паутиной воздушных переходов, стратосферные лайнеры и рабочие роботы, и космолеты, несущиеся среди звезд.

— Стоддард, — раздалось в наступившей тишине, — это все сон! Это не может быть реальностью!

Стоддард залился смехом, но затем его лицо стало серьезным.

— Я чувствую себя так же. Все это настолько невероятно…

И тут раздался голос.

В воздухе «экрана» появился мужчина со странной мантией на плечах и в легкомысленной шляпе с крылышками. Говорил он бойко и очень быстро. Без сомнения, это был комментатор, рассказывающий о своей удивительной цивилизации. Они слушали довольно долго.

— Ну, и какой это язык? Да не тяни же ты, идиот! Это древнегреческий? Финикийский? Сирийский? Ну, какой?

На лице Стоддарда было написано ошеломление, более сильное, чем прежде, поскольку он напрягался, пытаясь понять бойко излагающий

что-то голос.

— Нет. Это всего лишь «мусор», Джексон.

— Как, даже для тебя? Но ты же эксперт по мертвым языкам! Ты ведь можешь распознать даже разговорный санскрит, прадедушку всех языков, не так ли?

— Да, — не без тщеславия признал Стоддард. — Я бы понял, если бы на санскрите говорил шепелявый неандерталец с ирландским акцентом. Я могу понять отдельные слова, независимо от того, какой это мертвый язык. Это корневые слова. Но этого языка я не понимаю, Джексон. Ни слова. Ни единого слога, Джексон!

— Тогда это становится совершенно фантастическим…

— Можешь повторять это сколько угодно! — взорвался Стоддард.

— Джексон, садись! На это есть только один ответ. Последний Ледниковый период был приблизительно двадцать пять тысяч лет до нашей эры, не так ли? Если бы до него существовала какая-нибудь цивилизация, она была бы стерта из памяти Человечества. Поэтому я утверждаю, что голос, который мы сейчас слышали, был записан более двухсот пятидесяти столетий назад!

— Невозможно! Цивилизация на Земле так дав-

но? Это еще более дикая выдумка, чем Атлантида, Му и всякая такая недоказанная чушь.

Стоддард развел руками.

— Это единственно возможный ответ, Джексон. Подумай только, мы наткнулись на настоящую сенсацию. Такую, что сорвет крышу у археологов и представителей всех связанных с ними наук в нашем старом, спокойном 1953-м году. Чем еще это может быть, если не цивилизацией Доледникового периода?

— Невозможно. Невозможно.

— Это единственное дурацкое слово, какое ты знаешь? — начал глумиться Стоддард. — Почему до Ледникового периода не может быть такой цивилизации?

— Невозможно. Давай подумаем, Стоддард. Это не просто не соответствует теориям. Мы нашли окаменевшие кости неандертальца, гейдельбергского и пилтдаунского человека, и других древних рас, живших еще пятьсот тысяч лет назад. Невозможно представить себе цивилизацию, которая возникла, как гром среди ясного неба, посреди того дикого Каменного века. Это все равно что утверждать, что в Средневековье была использована атомная бомба.

— Ну, хорошо, — тут же сымпровизировал Стод-

дард. — Значит, это было еще ДО пятисот тысяч лет до нашей эры.

— Невозможно, — прозвучал ответ. — Что еще смешного ты можешь придумать? Мы нашли кости динозавров, которые сохранились в течение сотен миллионов лет. Почему же не осталось никаких следов от той гипотетической цивилизации, квадратная ты голова?

Стоддард упустил возможность для оживленного и восхитительного обмена оскорблениями, так как уже был в отчаянии.

— Значит, это цивилизация, которая уничтожила себя в атомной войне, так что не осталось никаких следов, — сказал он.

— И опять-таки невозможно. Даже если они превратили все свои города атомными бомбами в развалины, то кто убрал потом эти развалины? Невозможно…

Стоддард почувствовал, что Джексон действует ему на нервы.

— Если ты еще раз скажешь это слово…

— Тогда — невообразимо. Ты безупречный идиот, Стоддард. Если археологи будущего когда-нибудь раскопают твой скелет, то интересно было бы узнать, какое объяснение они дадут твоему дубовому черепу? Говорю раз и

навсегда, невозможно-невообразимо-непредставимо-немыслимо — придумай любой другой синоним, чтобы любая цивилизация прошлого исчезла с Земли без следа. Особенно РАЗВИТАЯ цивилизация.

Стоддард с ненавистью посмотрел на насмешливо сияющий бронзовый цилиндр.

— Хотел бы я, чтобы эту штуку никогда не находили, — прорычал он. — Интересно, в психушке хороший уход? Какой вообще может быть ответ у этой загадки?

Ответом было молчание. Ничто не могло прервать глубокие размышления его коллеги.

— И что хуже всего, — вздохнул Стоддард, — что здесь была наша слава! Мы хотели поразить Битти — и весь мир — своей блестящей разгадкой эпохи, откуда прибыла капсула времени!.. Да брось ты этот проектор, Джексон!

— Погоди… Вот эта кнопка… Я думаю, она возвращает фильм к началу. А вот эта…

Таинственный голос снова заполнил воздух, но стал более низким, растягивая слова.

Стоддард, вытянувшись в струнку, с ошеломленным выражением лица прислушивался к нему.

— Постой-ка, Джексон, мне кажется, теперь

я кое-что могу понять. Помимо пуска пленки с начала, что еще ты…

Ответе тоже прозвучал взволнованно.

— Надо было только замедлить проекцию другой кнопкой. Изображение теперь идет в замедленном темпе, а голос… Да, теперь мы можем разобрать отдельные слова.

Они терпеливо слушали довольно долгое время. Затем Стоддард покачал головой.

— Ну и что все это значит? — умоляюще спросил он. — У тебя есть какие-то идеи?

— Это странная история, Стоддард. Самая странная, когда-либо случившаяся с Сотворения Мира. Используй же свое воображение. Вспомни сияющие картины великолепной цивилизации, которые нам показали, — цивилизации, что послала эту капсулу. И подумай о том, что они дошли до конца ПУТИ. Из отдельных разобранных слов комментатора можно понять, что он говорил о какой-то болезни. Ужасной болезни, стершей с лица планеты всю расу до последнего человека… — Пауза, затем печальное продолжение. — Даже их великолепная наука не смогла остановить болезнь. Они вымирали. Осталась безжизненная планета, с которой исчезли все растения и животные. Безжизненный мир. Ужас-

но трагично… ужасно… Но они не могли уйти бесследно. Они хотели, чтобы кто-нибудь узнал о них. Об их месте в истории Земли. Не было смысла хоронить капсулу на безжизненной планете для будущих поколений, потому что никакого БУДУЩЕГО у них уже не было. Теперь ты понимаешь, Стоддард?

— Да, — вздохнул Стоддард. — Конечно, теперь я понял. Они из другого мира.

Он замолчал, словно пораженный собственными словами, затем взволнованно продолжал:

— Они не видели смысла закапывать капсулу в собственном мире, потому что у него нет будущего. Так что они послали ее через пространство и закопали здесь, на Земле. Поэтому и нет никаких следов их цивилизации — они не отсюда! И еще. Джексон, обрати внимание на голову комментатора. У него большой череп. Процентов на двадцать пять больше нашего. Ясно, что они не homo sapiens, а люди из другого мира. Теперь это совершенно очевидно.

— Совершенно очевидная чушь, — последовал усталый ответ.

— Почему же мы тогда понимаем их язык, хотя бы отдельные слова? Эти люди с большими черепами… Мы закапываем капсулы, чтобы их

отыскали наши потомки в далеком будущем. Но они, с гораздо более развитой наукой, послали их в прошлое. Эта капсула времени — посылка от наших далеких потомков, посылка из будущего, отделенного от нас миллионом лет.

Стоддард задохнулся от волнения.

В голове его молнией пронеслись мысли: «Это буквально капсула времени. Человеческая раса закончила свой путь через миллион лет… Конец… И здесь мы видели запись последнего человека Земли.

Затем он опомнился и стиснул Джексон в объятиях.

— Джексон, ты гений! Мы все-таки потрясем мир! Но как ты поняла, что это английский язык, только искаженный и произносимый в ускоренном темпе?

— Мой милый, — сказала Эллен Джексон, — а ты никогда не слышал о женской интуиции?

Science-Fiction plus March, 1953 Vol. I, № 3

Зарубежная фантастика

Издательство «М.И.Ф.»